

Алексей Тимофеев,
Ярослав Вишняков,
Горан Милорадович

Битва двуглавых орлов

БИТВА двуглавых орлов

Очерки по истории русско-сербских отношений
в годы Первой мировой войны

МОСКВА 2016

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

*БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ*

*Император и Самодержец Всероссийский,
Царь Польский, Великий князь финляндский
и прочая, и прочая, и прочая*

Объявляем всем верным НАШИМ подданным:

Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для Державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные, в силу создавшихся условий, принять необходимые меры предосторожности, МЫ повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием НАШИХ подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений, союзная Австрии Германия, вопреки НАШИМ надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению НАШЕМУ, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную НАМ страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди Великих Держав. МЫ непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные НАШИ подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение ЦАРЯ с ЕГО народом, и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокою верою в правоту НАШЕГО дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, МЫ молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска НАШИ Божие благословение.

*Дан в Санкт-Петербурге, в двадцатый день июля, в лето от
Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое,
Царствования же НАШЕГО в двадцатое.
На подлинном Собственно ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА*

*рукою подписано:
НИКОЛАЙ*

Алексей Тимофеев
Ярослав Вишняков
Горан Милорадович

Битва двуглавых орлов

**Очерки по истории русско-сербских отношений
в годы Первой мировой войны**

Москва
2016

УДК 94(100) "1914/19"

ББК 63.3(2)524

Б 66

Рецензенты:

М. Ю. Мягков, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД РФ.

Д. М. Вологихин, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения Исторического факультета МГУ им М. В. Ломоносова.

Б 66

Битва двуглавых орлов. Очерки по истории русско-сербских отношений в годы Первой мировой войны / А. Ю. Тимофеев, Я. В. Вишняков, Г. Милорадович; М.: РИСИ, 2016. 454 с.

ISBN 978-5-7893-0253-8

Россия была втянута в Первую мировую войну, принесшую ей горечь поражения и революционную смуту, так как вступилась за дружественную, православную, славянскую Сербию, ставшую жертвой германской агрессии. Однако в массовом сознании этот повод был полностью вытеснен грандиозными сражениями на Восточном и Западном фронтах Великой войны. Что же происходило в Сербии в годы Первой мировой войны? Как с этими событиями была связана Россия? Каковы были интересы Российской империи на Балканах?

Сборник адресован научным работникам, преподавателям и студентам, специализирующимся по истории Первой мировой войны и русско-сербским отношениям.

УДК 94(100) "1914/19"

ББК 63.3(2)524

На первой и последней страницах обложки фотографии: "Николай II и смотр Сербского добровольческого корпуса в России, 1916 г.", "Русские мины из состава Черноморского флота с сербскими офицерами в с. Винча под Белградом, 1915 г." (АС)

ISBN 978-5-7893-0253-8

© Тимофеев А.Ю., Вишняков Я.В., Милорадович Г., 2016
© РИСИ, 2016

Содержание

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ	2
I. Россия на Балканах в годы Первой мировой войны	9
II. Военное лихолетье Сербии: от Балканских войн к Первой мировой	46
III. Сербский добровольческий корпус в России: 1916 – 1917 гг.	87
IV. Сербское добровольческое движение в России и сербская армия: 1916–1918 гг.	124
V. (Военно) партизанские действия в Сербии и России во время Первой мировой войны: 1914–1918 гг.	151
VI. Зафронтовая деятельность сербских отрядов в пользу русской армии на Румынском фронте: 1916 г.	178
VII. Сербы, хорваты и словенцы — австро-венгерские подданные — в русском плену в годы Первой мировой войны и их репатриация: 1918–1922 гг.	189
VIII. Литература и источники о русско-сербском военном сотрудничестве в годы Первой мировой войны	225
IX. Могилы и памятники русских солдат Первой мировой войны в Сербии	245
Приложения	253
I. Русские отряды в Сербии в годы Первой мировой войны	255
1. Отчёт старшего лейтенанта Волховицкого о действиях отряда с момента ухода из Севастополя до эвакуации Белграда, август – ноябрь 1914 г.	255
2. Краткий обзор деятельности и жизни инженерного отряда особого назначения в Сербии, 1914–1915 гг.	261
3. Служебная записка и.д. генерал-квартирмейстера генерал- майора М. Н. Леонтьева — начальнику отдела военных сообщений главного управления Генерального штаба об организации военной контрабанды, 9 апреля 1915 г.	281
4. Краткий обзор деятельности Экспедиции особого назначе- ния, начиная с первого похода 1 октября 1914 г. по 20 апреля 1915 г.	282

5. Рапорт В. А. Григоренко о действиях русского морского отряда Экспедиции особого назначения в Белграде, сентябрь 1915 г.	292
6. Донесение капитана 2-го ранга Б. П. Ильина о действиях морских отрядов Экспедиции особого назначения с момента начала бомбардировки г. Белграда, сентябрь–ноябрь 1915 г.	297
7. Объяснительная записка капитана 2-го ранга Леванды о деятельности в Сербии инженерного отряда Экспедиции особого назначения, сентябрь–ноябрь 1915 г.	303
8. Рапорт подполковника Новикова — генерал-квартирмейстеру Генерального штаба об организации военной контрабанды, 18 января 1916 г.	308
9. Рапорт подполковника Новикова — генерал-квартирмейстеру Генерального штаба об организации военной контрабанды, 21 января 1916 г.	314
10. Письмо доктора С. К. Софотерова по поводу деятельности русских медицинских служб в Сербии во время Балканских войн и Первой мировой войны, 26 декабря 1925 г.	324
II. Сербский добровольческий корпус в России во время Первой мировой войны	332
1. Донесение полковника П. А. Базарова о формировании воинских частей из сербских военнопленных, 3 февраля 1916 г.	332
2. Приказ командира сводного корпуса генерала Живковича по Сербскому добровольческому корпусу, 21 сентября 1916 г.	334
3. Рапорт начальника Одесского военного округа генерала от инфантерии М. И. Эбелова главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генералу от кавалерии А. А. Брусилову, 25 октября 1916 г.	336
4. Секретная записка Сербской королевской миссии о перспективах послевоенного развития Сербии, 15 декабря 1916 г.	338
5. Секретная записка Сербской королевской миссии о необходимости привлечь югославян для пополнения сербской армии, 18 декабря 1916 г.	346
6. Письмо Л. Тумы и К. Геруца на имя министра иностранных дел Б. В. Штюмера о столкновениях в корпусе, 31 октября 1916 г.	347

7. Письмо министра иностранных дел Б. В. Штюмера начальнику штаба Ставки Верховного главнокомандующего генералу от инфантерии М. В. Алексеву о столкновениях в корпусе, 3 ноября 1916 г.	350
8. Рапорт генерал-лейтенанта С. Д. Чистякова главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генералу от кавалерии А. А. Брусилову, 9 января 1917 г.	351
9. Обзор командующего добровольцами генерала М. Живковича обстоятельств формирования Сербского добровольческого корпуса в России, 1 декабря 1916 г.	385
10. Рапорт № 120 командира II Сербской добровольческой дивизии полковника Дмитриевич командиру Сербского добровольческого корпуса М. Живковичу о враждебной агитации в дивизии, ноябрь 1916 г.	393
11. Справка о данных расследования, произведенного генерал-лейтенантом Чистяковым по вопросу о принудительном наборе военнопленных югославын в сербские формирования, 2 февраля 1917 г.	394
12. Донесение вр. и. д. начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала В. И. Гурко начальнику штаба Ставки Верховного главнокомандующего генералу от инфантерии М. В. Алексеву о вреде насильственной вербовки в корпус, 4 февраля 1917 г.	400
13. Донесение командира Сербского добровольческого корпуса в России генерала М. Живковича начальнику штаба Одесского военного округа о формировании корпуса, 7 декабря 1916 г.	402
14. Рапорт начальника Одесского военного округа генерала от инфантерии М. И. Эбелова вр. и. д. начальника штаба Верховного главнокомандующего о формировании корпуса, 12 декабря 1916 г.	409
15. Рапорт № 1264 начальника Одесского военного округа генерала от инфантерии М. И. Эбелова генерал-квартирмейстеру при Верховном главнокомандующем о формировании корпуса, 14 февраля 1917 г.	411
16. Меморандум командира Добровольческого корпуса генерала М. Живковича об инциденте с группой офицеров хорватов и словенцев, возникшем в Сербском добровольческом корпусе, 23 апреля 1917 г.	413

17. Телеграмма начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта А. С. Лукомского — полковнику Б. Лонткиевичу, представителю сербской армии при штабе Верховного главнокомандующего, 13 июня 1917 г.	430
18. Статья Л. Тумы из журнала "Југославија", направленная против меморандума генерала М. Живковича, 3 июля 1917 г.	431
19. Обращение представителя сербской армии при штабе Верховного главнокомандующего полковника Б. Лонткиевича — начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту А. С. Лукомскому, 14 июля 1917 г.	435
20. Дежурный генерал при Верховном главнокомандующем генерал-майор Г. И. Кортацци — командующему войсками Киевского военного округа, 22 августа 1917 г.	437
Список сокращений	440
Список источников и литературы.....	441

– Les hommes ont oublié cette vérité, dit le renard.
Mais tu ne dois pas l'oublier. Tu deviens responsable
pour toujours de ce que tu as apprivoisé. Tu es
responsable de ta rose...
– Je suis responsable de ma rose... répéta le petit prince,
afin de se souvenir.

A. de Saint-Exupéry. Le Petit Prince (1943)¹.

Русское присутствие в Сербии накануне Первой мировой войны

В 1908 г. после сорока лет оккупации Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину (БиГ), многонациональную турецкую провинцию, самым многочисленным народом которой были православные сербы (42,76 %). Этот шаг вызвал негодование сербов не только в БиГ, но и в соседнем независимом Королевстве Сербия. Во время оккупации Австро-Венгрией сербское население БиГ подвергалось разнообразному давлению — от попыток искусственного создания "боснийского" этноса до консервации феодальных повинностей сербских крестьян, работавших на мусульманских бегах. Аннексия похоронила все надежды сербского населения на обретение свободы и независимости мирным путём. Фитиль порохового погреба Европы был подожжён.

Стоит напомнить, что Россия, согласно договоренностям в Рейхштадте (1876) и Пеште (1877), согласилась с тем, что Австрия оккупирует Боснию и Герцеговину. Накануне аннексии, 3 (16) сентября 1908 г., в крепости Бухлау глава МИД Российской империи

¹ – Люди забыли эту истину, — сказал Лис. — Но ты не должен ее забывать. Мы всегда будем в ответе за тех, кого приручили. И ты отвечаешь за свою розу...

– Я отвечаю за свою розу... — повторил Маленький принц, чтобы хорошенько это запомнить.

A. de Сент-Экзюпери. Маленький принц (1943).

А. П. Извольский провел переговоры по этому вопросу со своим австрийским коллегой А. фон Эренталем. Высокопоставленный российский чиновник попался на удочку австрийских обещаний (позднее не выполненных) поддержать российские претензии по вопросу о проливах в обмен на нейтралитет России при провозглашении аннексии БиГ. Надежда на осуществление извечной мечты о контроле над проливами¹ подвигла Извольского заключить те договорённости, на которые у него даже не было полномочий. Соглашение, оставшееся официально не ратифицированным, нанесло огромный ущерб российским интересам. Ошибка, названная "дипломатической Цусимой", стоила карьеры министру и другим дипломатам, её совершившим.

Ход событий уже нельзя было повернуть вспять². Германия осуществляла прямое давление на Россию, сообщив в ультимативной форме, что отказ Сербии признать аннексию повлечёт нападение на неё со стороны Австро-Венгрии. В случае вовлечения в конфликт третьих сил Берлин не смог бы оставаться безучастным наблюдателем. Констатировав неготовность России к войне (в защиту Сербии), царское правительство сделало всё возможное, чтобы не предоставить Вене повод для агрессии, грозившей перерасти в более масштабный конфликт. По настоянию Петербурга и других европейских столиц, Белград 3 марта 1909 г. вынужден был признать аннексию Боснии³. Произошедшее не только позволило на некоторое время отложить начало европейской войны, но и продемонстрировало стремление России к поддержанию мира даже ценой собственных внешнеполитических интересов. С другой стороны, стала очевидной и высокая степень лояльности и доверия к российской дипломатии со стороны сербских властей, действия которых диссонировали в этом отношении с недовольством народных масс. По-другому и быть не могло, ведь во главе государства стоял Никола Пашич — патриарх сербской политики,

¹ См.: *Княпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994.

² См.: *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог первой мировой войны. Ленинград, 1964; *Вишняков Я. В.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. и славянский вопрос // Вестник МГИМО–Университета. 2011. № 1. С. 103–111.

³ См.: *Астафьев И.И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. М., 1972; *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.

"который относился к России с особой теплотой... и глубокой внутренней симпатией". С ней он делил добро и зло, с ней был и на слове, и на деле, что в России помнили и ценили¹.

Усилия российской дипломатии по укреплению союза православных балканских государств (Сербии, Греции, Болгарии и Черногории) — барьера против австро-германской экспансии на полуострове — не остались напрасными, что продемонстрировала Первая Балканская война. Однако её результаты во многом оказались девальвированными вследствие вмешательства Вены, Берлина и Лондона.

Вторая Балканская война повлекла за собой ряд последствий, катастрофических для геополитических интересов России на Балканах: создание албанского государства, отрезавшего Сербию от моря; изъятие населённого албанцами и сербами г. Скадар из зоны влияния Сербии; эскалацию сербо-болгарского конфликта вокруг спорных районов Македонии. У Болгарии, в которой правила германская династия, от участия в Балканских войнах остались только горечь поражения, жажда реванша и непреодолимое чувство враждебности к Сербии. Из-за этого во время мировой войны, которая вскоре последовала, Сербия и Россия оказались отрезанными от сил союзников в Греции. При всей поддержке, которую Петербург оказывал христианам на Балканах, его не могло оставлять равнодушным чрезмерно ретивое стремление Болгарии приблизиться к Константинополю. Для государства, 37 % экспорта которого проходило через проливы Босфор и Дарданеллы, их статус имел важнейшее значение². Ещё до начала Первой мировой войны российский посол в Константинополе М. Н. Гирс писал министру иностранных дел, что "только высадка впечатляющего военного отряда, способного занять Константинополь и воспрепятствовать тому, чтобы это сделали болгары, может позволить нам выполнить нашу историческую задачу — завладеть проливами"³.

¹ См.: *Шемякин А. Л.* Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений / До и после Версаля: политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 46–48.

² См.: Константинополь и проливы по секретным документам бывшего министерства иностранных дел. М., 1925; *Дранов Б. А.* Черноморские проливы. Международно-правовой режим. М., 1948.

³ *Лунева Ю. В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907–1914). М., 2010. С. 160.

И впоследствии эта идея не выходила из головы дипломатов и военных Российской империи¹.

И, наконец, ещё одна деталь, необходимая для понимания военно-стратегических интересов России на Балканах накануне Первой мировой войны. Речь идёт об известном ослаблении её влияния на традиционного союзника — Черногорию, значительную часть бюджета которой (прежде всего, военные расходы) составляли поступавшие из Петербурга дотации. Складывалась парадоксальная ситуация, когда король Никола I Петрович и, в ещё большей степени, его наследники, невзирая на все династические связи династии Петровичей и Романовых, начали демонстрировать растущее пренебрежение к России. Это отмечали и военные, и гражданские представители Российской империи в Цетинье. Наиболее яркий пример приводит временный поверенный в делах Ю. А. Соловьёв. По его воспоминаниям, когда 15 (28) мая 1905 г. в черногорскую столицу поступило известие о поражении русского флота в Цусимском сражении, престолонаследник Данило публично выражал восхищение храбростью и талантом адмирала Того. Данило, временно подменявший отца на престоле, вопреки настроениям общественности² запретил служить заупокойную службу по павшим морякам и вместо этого организовал празднование в связи с открытием итальянской табачной фабрики в Подгорице³. При этом он не забывал регулярно получать из России средства не только на содержание армии и образовательных учреждений Черногории, но и для себя лично. Получаемая им "русская стипендия" составляла 10 тыс. руб. в год (8,3 кг золотых монет!). Попытка Ю. А. Соловьёва помешать проведению увеселительных мероприятий, выглядевших непристойно в день общероссийского траура, вызвала истерический приступ у пребывавшего в то время в Вене престарелого черногорского короля Николы, потребовавшего от Петербурга отозвать дипломата. Немало подобных выпадов в адрес России описано в объёмном двухтомном труде российского военного агента в Цетинье Н. Потапова, который за годы, проведённые

¹ См.: *Айрапетов О. Р.* На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 158–261.

² См.: *Батрићевић Ђ.* Црногорци у руско-јапанском рату. Цетинье, 1996.

³ См.: *Соловьёв Ю.А.* Воспоминания дипломата 1893–1922. М., 1959. С. 161.

в Черногории, глубоко изучил особенности её квази-государственности и пришёл к следующему выводу: "Единственный выход для Черногории из того бедственного положения, в котором она находится, это присоединение после войны к Сербии". Неудивительно, что российский военный атташе констатировал: "Король Никола и его наследник демонстрируют особую озабоченность в связи с информацией о намерении России осуществить политическое объединение Черногории с Сербией... намерение, полезное для сербства, но неприятное для черногорской династии"¹. Уже 27 ноября (10 декабря) 1914 г. русский посланник в Черногории А. А. Гирс отмечал: "Не говоря о сербах королевства, для боснийцев, герцеговинцев, далматинцев и всех остальных сербов вхождение Черногории в состав Сербии вопрос окончательно и бесповоротно решённый"². Неслучайно, что поведение черногорской династии Петровичей во время Первой мировой войны ни в коей мере не соответствовало героизму народа Черногории.

Вышеописанные события привели к тому, что, безотносительно симпатий русского общества и государственного аппарата ко всем славянским православным народам, именно Сербия накануне Первой мировой войны стала самым близким и верным союзником Российской империи на Балканах. Объяснялось это не одними симпатиями или политическими предпочтениями тогдашних сербских властей, "привязавших свой челн к большому русскому кораблю". Стремление сербского народа, разделённого границами Оттоманской и Габсбургской империй³, к национальному воссоединению в одном государстве соответствовало геополитическим интересам Российской империи, желавшей положить конец германской экспансии на юго-востоке в целом, и на Балканах

¹ *Потанов Н.М.* Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма. 1902 – 1915 гг. I–II. Москва-Подгорица, 2003. С. 713–715.

² Международные отношения в эпоху империализма // Документы из архивов царского и Временного правительств. (МОЭИ) Сер. III. 1914–1917. VI, 2. Москва–Ленинград, 1935. С. 206. О непростой и противоречивой ситуации, имевшей место, см.: *Ракочевич Н.* Црна Гора у Првом свјетском рату: 1914–1918. Титоград, 1969; *Распопович Р.* Црна Гора и Русија: огледи и есеји. Београд-Подгорица, 2005; *Живојиновић Д.* Невољни ратници: велике силе и Солунски фронт: 1914–1918. Београд, 2010.

³ *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије: 1914–1918. Београд, 1992.

в частности. Ещё одной целью было окончательно лишить Турцию её европейских владений, что позволило бы России получить контроль над проливами¹. В этих условиях продолжали развиваться многовековые церковные и культурные связи двух государств, активизировалось военное, культурное и научное сотрудничество. Зарождалось взаимодействие в области экономики.

М. Йованович в своём обобщающем труде, посвящённом истории сербско-российских отношений, подчёркивает, что начало XX в. стало "временем нового сближения, интенсивного сотрудничества и российского покровительства Сербии". В марте 1910 г. король Пётр I Карагеоргиевич свой первый официальный визит нанёс именно в Россию, а в августе 1911 г. дочь короля сербская княгиня Елена вышла замуж за великого князя Иоанна Константиновича; так Карагеоргиевичи породнились с Романовыми. Этот короткий отрезок интенсивного сотрудничества был переполнен событиями. Во многом это было вызвано тем, что интенсифицировался обмен информацией, в результате чего происходившее в Сербии и России вызывало живой отклик и в сербском, и в русском обществе.

Наиболее важный комплекс проблем связан с периодом, непосредственно предшествовавшим началу Первой мировой войны. Из всего круговорота событий, наложивших отпечаток на российско-сербские отношения, выделяется безоглядная поддержка, которую в ключевые недели Июльского кризиса Россия и лично император Николай II оказали Сербии, подвергшейся мощному дипломатическому и политическому давлению со стороны Австро-Венгрии. Отвечая на послание регента Александра Карагеоргиевича, царь недвусмысленно дал понять: "Пока остаётся малейшая надежда избежать кровопролития, на это будут направлены все мои усилия. Но если, вопреки нашему искреннейшему желанию, нам не удастся добиться этого, пускай Ваше Высочество будет уверено, что Россия ни в коем случае не оставит Сербию". Искренность и последовательность Николая II подтверждается тем, что после объявления 28 июля 1914 г. Австро-Венгрией войны Сербии Россия провозгласила всеобщую мобилизацию. Германия использовала это как повод для начала военных действий. О напряжённой атмосфере тех кризисных июльских дней говорит и тот факт, что российский посланник

¹ См.: *Айранетов О.Р.* На Восточном направлении... С. 158–261.

в Белграде Николай Генрихович Гартвиг умер от сердечного приступа, случившегося с ним после визита в австро-венгерское посольство¹.

Интересы России, вступившие в противоречие с австрийскими и более широкими германскими интересами в Сербии, лежали вне области экономики². Это видно на примере наиболее масштабной российской инвестиции, результатом которой стало строительство делового центра "Страховое общество Россия". Красноречивые воспоминания об урбанистическом значении здания оставил Василий Штрандман, описавший первый день своей службы в Белграде под руководством Н. Гартвига: "Встал я довольно рано, чтобы без спешки прогуляться до миссии. По пути, на площади Теразие я впервые увидел большое здание, в котором располагался отель "Москва". В 1906 г. его построило "Страховое общество Россия", и в нём размещалась и канцелярия представительства этого общества в Сербии. Выдающееся по своим размерам это здание отличалось от соседних домов, по большей части одноэтажных. На панораме Белграда, на месте впадения Савы в Дунай, выделялись колокольня Соборной церкви — символ веры, королевский дворец с тремя куполами — символ королевской власти и отель "Москва" — символ веры в Россию! В то время в сербской столице проживало около 70 тыс. жителей"³.

Это самое большое частное здание в довоенной Сербии (нынешний отель "Москва") построили на русские средства и с использованием новейших немецких технологий⁴ российские архитекто-

¹ См.: *Јовановић М.* Срби и Руси, 12–21 век: историја односа. Београд, 2012. С. 92–94. См. подробнее: *Поповић Н.Б.* Србија и царска Русија. Београд, 2007.

² Особый характер российско-сербских отношений того времени и сегодня провоцирует произвести ревизию причин Первой мировой войны в современной историографии. Об этом см. подробнее: *Bjelajac M.* Novi (stari) zapleti oko uzroka prvog svetskog rata pred obeležavanje 100. Godišnjice // Tokovi istorije. № 1. Beograd, 2013. S. 15–62.

³ *Штрандман В.* Балканске успомене. I. 1–2. Београд, 2009. С. 75. См. также: Трубецки Г. Н. Рат на Балкану 1914–1917. и руска дипломатија. Београд, 1994.

⁴ Друштвено-политичке и културне везе 1878–1917. Москва–Србија, Београд–Русија: документа и материјали. III. Београд, 2012. С. 160–161; *Лопушина М., Лопушина Д.* Хотел Москва — првих 100 година. Београд, 2008. С. 13; УР 4009, 4010, 4011. Музеј града Београда.

ры немецкого происхождения¹ Павел Бергштрессер и Владислав Карпович–Оттон. Едва ли подобное вложение могло сравниться с традиционным австрийским экономическим влиянием в Сербии, даже с учётом того, что австрийское влияние уменьшилось в результате Таможенной войны 1906–1911 гг.² Это вполне естественно, ведь западные Балканы с конца XVII в. и по настоящее время относятся, в целом, к зоне экономического влияния германских держав. Однако, безотносительно неоспоримой цивилизаторской (чтобы не сказать, "культуртрегерской") коннотации экономических интересов Германии и Австрии на Балканах, эти интересы нельзя было отделить от политики *Drang nach Osten*³. Это влекло за собой определённые воинственные проявления, вызванные превосходством более мощного в хозяйственном отношении общества, воплощающего демографически успешную модель, как это было в случае с немцами и австрийцами до середины XX в. Озабоченная собственными стратегическими соображениями Россия во внешней политике Сербии и её культурной жизни весьма часто играла роль полезного для сербов противовеса австро-германской мощи⁴.

Появление в Белграде в начале весны 1904 г. "Страхового общества Россия", строительство здания которого закончилось в 1908 г., во многом состоялось благодаря Светозару Вукадиновичу — бывшему директору Сербского пароходного общества. И это не было случайностью. В статье, посвящённой открытию здания "Россия" (будущего отеля "Москва")⁵, корреспондент "Политики" с полным на то основанием увязал данную инвестицию с той ролью, которую известный русофил С. Вукадинович играл в Сербском пароходном обществе, конкурировавшем с Австрийским пароходством.

¹ См.: *Гаврилов С.* Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. 1710–1918. М., 2011.

² См.: *Борђевић Д.* Царински рат Аустро-Угарске и Србије: 1906–1911. Београд, 1962.

³ См.: *Писарев Ю.А.* Германо-австрийские планы на Балканах в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1973. № 2; *Волков В. К.* "Дранг нах остен" и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871–1918. М., 1977. С. 62–83, 172–190.

⁴ См.: *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы ...

⁵ Палата Росија — Како је постала палата Росија — Како изгледа? — Шта кошта? // Политика. 1908. 9 јануар.

В конце XIX в. — начале XX в. Россия проявляла всё более заметный интерес к участию в судоходстве по Дунаю. Тем не менее, в российской историографии недостаточно отражена связь между стратегическими интересами на Балканах и деятельностью судоходных компаний того времени¹. И это не случайно. Тема, имевшая отношение к одному из ключевых направлений политики Российской империи, оставалась табуированной для советской науки (1917–1991). А после распада СССР Россия утратила выход к Дунаю, в результате чего кругозор её историографии естественным образом сузился.

Следует пояснить эволюцию интересов Российской империи на Дунае. Русские войска несколько раз выходили на берег этой водной артерии в районе Измаила, Килии и Рени. Окончательно Россия получила статус придунайской державы после Бухарестского мирного договора 1812 г., установившего российско-турецкую границу по р. Прут. Когда Порта уступила России устье Дуная, оно стало открытым для свободного плавания гражданских судов всех стран. Активизация торговых отношений подтолкнула развитие двух речных портов — Измаила и Рени, которые Россия вынуждена была временно оставить после поражения в Крымской войне. Вернуть их удалось только после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Уже в 1881 г. вступило в силу "Положение о срочном товаро-пассажирском пароходном сообщении между городами Одессой и Измаилом с заходом в Килию и Рени". В соответствии с документом тогдашний государственный советник (генерал штатской службы) князь Юрий Гагарин (1846–1905) принял на себя обязательство "содержания посредством принадлежащего ему парохода "Ольга" правильного товаро-пассажирского сообщения...". Рейсы совершались раз в две недели. В 1883 г. появилось первое российское пароходное общество "Князь Гагарин и Ко", наладившее регулярное коммерческое сообщение между крупнейшим черноморским портом России Одессой и придунайскими городами Сербии, Болгарии и Румынии. Однако проект, имевший очевидную стратегическую коннотацию, перерос возможности частной компании Ю. Гагарина, которая в 1886 г. трансформировалась в акци-

¹ См.: Баскин Ю.Я., Рыжиков А.И. Дунайское судоходство и его правовой режим в XX в. Измаил, 1958; Паламарчук С.В. Забытая земля: историческая область Бессарабия. Одесса, 2008.

онерное общество "Черноморско-дунайское пароходство". Об его успешном развитии говорит тот факт, что к 1902 г. оно располагало 12 пароходами водоизмещением в 2087 тонн. Для сравнения, Австрия организовала пароходство на Дунае в далеком 1830 г., а в 1880-х гг. (то есть в годы появления на Дунае первого русского парохода "Ольга") компания "Donaudampfschiffahrtsgesellschaft" имела в своём распоряжении более 200 пароходов и около 1000 грузовых барж¹.

Небольшое частное пароходство не могло выдержать конкуренции с таким гигантом, поэтому российское правительство выкупило акции "Черноморско-дунайского пароходства" и 10 марта 1903 г. основало "Российское дунайское пароходство". Как и уже существовавший "Доброфлот"², оно представляло собой коммерческую торговую флотилию, которая находилась в собственности государства и способствовала достижению его долгосрочных стратегических целей. Правление компании находилось в Санкт-Петербурге, а представительства — в Измаиле и крупных торговых центрах Российской империи (Москве, Лодзи, Варшаве); за границей — в Марселе и Гамбурге. Российское пароходство поддерживало сообщение между Одессой (Россия), Свиштовом (Болгария) и Кладово (Сербия), а также осуществляло прибрежное судоходство вплоть до Батума. Вслед за пароходством в Сербию пришли и российские инвестиции. В конце 1890-х гг. русские миноритарные акционеры появились в Сербском судоходном обществе, которое с начала XX в. координировало свою деятельность с Черноморско-дунайским пароходством³. Очередным сербско-русским коммерческим начинанием стратегического назначения стало вызвавшее раздражение австрийцев и англичан⁴ строительство желез-

¹ Donau-Schiffahrts-Museum Regensburg Sonderband: 175 Jahre Erste Donau-Dampfschiffahrts-Gesellschaft 1829–2004. Regensburg, 2004.

² См.: Трифионов Ю.Н. Волков А. Н. Добровольный флот России / Морская коллекция // Моделист-конструктор. 2007. № 6 (96); Дукельский В. Добровольный Народный Флот (исторический экскурс) // Московский журнал. 2006. №8.

³ АС. МИД. ПО. ФV. 249–250; АС. МИД. ПО. ФV. 262–263; АС. МНП. П. ФХХIV. №13/97.

⁴ См.: Antić Ć. Crisis and Armament: Economic Relations between Great Britain and Serbia // Balcanica. 2006. XXXVI. С. 159–160; Politische Übersicht, 17. Februar // Laibacher Zeitung. 1912. 19 februar; Штрандман В. Балканске успомене... С. 78, 111.

ной дороги в юго-восточной Сербии, а также порта Прахово (инженер И. П. Табурно¹).

Военное лихолетье 1910-х гг. выявило новое внеэкономическое значение коммерческих связей сербского и русского пароходств, а также использования сербских портов в интересах товарооборота между Россией и Европой. По этой линии происходила переборка оружия и военных материалов в Сербию², а представительство Русского Дунайского пароходства в Одессе напрямую осуществляло доставку и оплату сербских военных заказов. Не менее важным было использование судов компании для перевозки "военной контрабанды" — доставляемых в 1914–1915 гг. из Франции по железной дороге в порт Прахово из порта Салоники (в нейтральной Греции) стратегических грузов, необходимых для военной промышленности России. Корабли пароходства использовались для доставки военных грузов в Сербию и Румынию, а его представительства автоматически инкорпорировались в российскую разведывательную сеть на Дунае. Аналогичную военно-стратегическую задачу выполняли и конкуренты из "Donaudampfschiffahrtsgesellschaft". На Первую мировую войну пришёлся пик российско-австрийского соперничества на Дунае, фактический контроль над которым, несмотря на международный статус речной артерии, в конце концов, достался третьей стороне³.

Анализ политики Российской империи на Балканах накануне Первой мировой войны позволяет определить её приоритеты в регионе. К таковым относился доступ к коммуникациям, связывавшим рынки России и Центральной Европы, а именно к проливам и Дунаю. В качестве естественного противника выступала

¹ Иероним Павлович Табурно (1862–1913) — русский инженер, предприниматель, журналист, издатель газет. Осуществил проектирование ряда железных дорог в России (Сибирской, Северодонецкой и Руднично-Лозовской).

² АС. МИД, Пс. П. ФІ. р17/1912; АС. МИД, Пс. П-ПО. ФІ. р49/1912; АС. МИД, Пс. П. ФІ. р7/1913; АС. МИД, К-О. ФІ. р2/1914; АС. МИД, Пс. П-По. ФІ. р99/1915.

³ При поддержке Великобритании Румыния оккупировала российскую провинцию Бессарабия, что положило конец российскому судоходству по Дунаю. Одновременно произошёл "добровольный" переход акций австрийского пароходства в собственность английского акционерного общества "Danube navigation company", основанного в 1921 г. До 1924 г. английский капитал завоевал прочные позиции во всех остальных придунайских государствах: Чехословакии, Югославии, Болгарии и Румынии.

Австро-Венгрия и её союзники — Германия и Турция. Россия пыталась поддерживать близкие отношения с прочими балканскими государствами, с которыми её связывала православная традиция. Однако преодолеть влияние Англии на Грецию и Австро-Венгрии на Болгарию не представлялось возможным. Сомнения вызывала и внешнеполитическая ориентация черногорской династии, что побуждало Петербург, не отказывая в помощи народу и армии Черногории, взять курс на объединение Сербии и Черногории.

Со своей стороны, Вена и Рим воспринимали возможное объединение Сербии и Черногории как угрозу собственной безопасности¹. В этих условиях главным союзником Петербурга на Балканах становился Белград. Их отношения поступательно развивались, с тех пор как к власти пришёл пользовавшийся симпатиями в России Никола Пашич. Основой сближения стала общность российских и сербских стратегических целей². В этих условиях для Сербии значение России как "защитницы от своевольной Турции и агрессивной Австро-Венгрии было неоспоримым"³.

В январе 1914 г. состоялся судьбоносный визит в Петербург сербского престолонаследника Александра и премьера Н. Пашича. В ходе переговоров российское правительство, в ответ на просьбу сербской стороны, обещало выделить Сербии 120 тыс. винтовок, 250 тыс. шинелей, 60 полевых и горных орудий, а также иные военные материалы⁴. По оценке посланника М. Спалайковича, оказанный делегации прием превзошёл все ожидания. В плане оборонительных мер, который генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов (начальник военной разведки) представил царю и С. Д. Сазонову (глава российского МИД в 1910–1916 гг.), роль Сербии оценивалась как значительная. Переговоры о срочных военных поставках продолжались в мае. Данные приготовления носили последовательный оборонительный характер, так как и для России, и для Сербии попытка развязать войну летом 1914 г. стала бы авантюрой. Оба

¹ См.: Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы... С. 239.

² См.: Поповић Н.Б. Србија и царска Русија... С. 74.

³ См.: Штрандман В. Балканске успомене... стр. 77.

⁴ Практика отличалась от излишне оптимистических заявлений. Россия выделила лишь часть от обещанного. А сербская армия даже и не пыталась наладить координацию с командованием союзников в Париже или Петербурге. См.: Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012. С. 398.

государства недавно пережили тяжёлые военные потрясения, а их вооружённые силы активно реформировались¹.

Начало войны и причины поражения России на Балканах

Сараевское покушение 28 июня 1914 г. и его последствия обусловили активизацию и без того весьма интенсивного российско-сербского военного сотрудничества. 28 июля 1914 г. поверенный в делах России в Белграде В. Н. Штрэндман поспешил передать "сообщение, что от Сазонова поступило указание оповестить его о благоприятном решении вопроса о выделении винтовок и боеприпасов Сербии. Он в ответ попросил меня смиреннейшим образом выразить глубочайшую признательность сербского правительства императору Николаю II за оказанную милость. В телеграмме министру я мог добавить, что за приём поставки назначен ответственным сербский военный атташе в Петрограде полковник Лонткиевич"².

Когда 28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, принц-регент Александр обратился к народу с манифестом. 30 июля 1914 г. в Нише престолонаследник выступил с тронной речью перед сербскими депутатами на торжественной церемонии открытия Скупщины. Перечислив обстоятельства, приведшие к трагической развязке, то есть к войне, Александр перешёл к отношению великих держав к разразившемуся конфликту. Говоря о России, он "прежде всего, описал те чувства, которыми она руководствовалась, а также упомянул милостивое сообщение императора Николая II о том, что Россия ни в коем случае не оставит Сербию в беде. При каждом упоминании имени Его Императорского Величества и России зал, в котором проходило заседание, взрывался громогласным "Живео!". Выражения симпатии Франции и Англии также были упомянуты и были с воодушевлением встречены депутатами"³.

В тот же день состоялся разговор В. Штрэндмана с Н. Пашичем, который был озабочен "отсутствием средств в государственной казне" и "скудостью сербского арсенала вооружений. Как и военный министр Душан Стефанович до него, он еще раз решительно попросил меня поусердней ходатайствовать относительно отпра-

¹ См.: *Виноградов В.Н., Карасев А.В., Соколовская О.В.* За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С.13.

² *Штрэндман В.* Балканске успомене... С. 282.

³ Там же. С. 329.

ки предназначенного Сербии воинского снаряжения, которое перевозилось бы по Дунаю до Прахово партиями, обозначенными, как частный груз. Сопровождение осуществляли бы сербские офицеры, возвращающиеся из России после объявления мобилизации. Всю вышеизложенную информацию и просьбы я передал своему министру иностранных дел. Как стало известно позднее, на моей телеграмме о денежной помощи Сербии царь 31 июля в Петергофе начертал "Надо помочь". А накануне, в тот самый день, когда поступила моя телеграмма о воинском снаряжении, военный министр предпринял в Петербурге все необходимые меры — определил военные склады для отгрузки, распорядился выделить поезда для их перевозки". Однако российское Министерство иностранных дел, стремясь предпринять все меры к "решению австро-сербского конфликта мирным путём", настаивало на задержке отправки грузов вплоть до прояснения международной ситуации¹.

1 августа Н. Пашич и В. Штрэндман, ещё не знавшие о вступлении России в войну, встретились, чтобы вновь обсудить в присутствии министра полковника Д. Стефановича проблему российской военной помощи. Сербские вооружённые силы выразили готовность не только обороняться, но даже, "с учётом твердой позиции России в отношении Австрии, переходить в наступление. Поэтому можно было предположить, что австро-венгерская армия на сербском фронте вынуждена будет ограничиться применением одной лишь оборонительной тактики. Для выполнения данного намерения Верховному командованию требовалось необходимое снаряжение, поэтому оно обратилось с просьбой предоставить в её распоряжение плавсредства Дунайского пароходства и некоторое количество понтонов... На телеграмме по этому вопросу Его Императорское Величество 4 августа в Петергофе написал "Надо помочь"².

Наступили страшные годы Мировой войны, в которой Российская империя оставалась верным союзником Сербии, пока не пала, сражённая многочисленными внутренними общественными недугами, или, по словам О. Айрапетова, из-за ненасытности "генералов-либералов-предпринимателей"³. Двусторонним отно-

¹ Штрэндман В. Балканске успомене... С. 333–334.

² Там же. С. 346.

³ См.: Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предубетници: рад за фронт и за револуцију: (1907–1917). Београд, 2005.

шениям этого времени посвящено несколько монографий разных авторов (Корсун, Попович, Писарев, Данилов), каждой из которых присущи некоторые ограничения, обусловленные характером источниковой базы и временем написания. Военно-дипломатическую историю этих отношений стоит искать в Архиве Сербии (Дипломатическое представительство в Петербурге), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и сербском Военном архиве, а также в хранилищах документов третьих стран.

По прошествии первых нескольких месяцев Великой войны определился ряд ключевых вопросов в контексте интересов Российской империи на Балканах. После нападения частей под турецким флагом на русское побережье Чёрного моря была легализована основная стратегическая цель, которая сводилась к водружению православного креста на Св. Софию¹, т.е. к установлению русского контроля на Босфоре и Дарданеллах². Это была традиционная для Российской империи геополитическая задача, такая же, как контроль над Гибралтаром для Англии или удержание Панамы в своей зоне влияния для США. Русские тактические интересы на Балканах были связаны с новорождёнными славянскими государствами, в которых влияние России было неравномерным. Государства сербского народа на западе Балканского полуострова (Сербия и Чёрногория), несмотря на свой формально нейтральный статус до войны, после её начала оказались практически в статусе союзника России. Русские артиллеристы, инженеры-путейцы

¹ Согласно воспоминаниям участников событий, планы российских войск по овладению Проливами были настолько детальными и казались настолько осуществимыми, что было принято даже такое детализирующее решение, как назначение великого князя Константина Константиновича ответственным за установку креста на соборе Св. Софии. Директор Российского археологического института в Константинополе Ф.И. Успенский должен был принять участие в высадке, чтобы он, "зная по своей службе в Константинополе, где у турок, в каких библиотеках, при каких мечетях имелись книгохранилища, тотчас же сумел расставить караулы при них, дабы не пропали ценнейшие материалы". НБС. Ф.699. К.1. С.11. См.: *Смирнов С.Н.* Воспоминания о Великом князе Константине Константиновиче. Доклад, читанный в Корпусе его имени в Белой Церкви, 3 Ноября 1940.

² Подробнее об интересах Российской империи накануне Первой мировой войны см.: *Россия на Сербском фронте Первой мировой войны. Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914–1918 гг.* / Сост. Тимофеев А.Ю., Кремич Д. М., 2014.

и моряки были размещены на Балканах с осени 1914 г. для помощи сербской армии и защиты уязвимых точек средиземноморского транзита. В Черногории ситуация была сложнее, поскольку Черногорская династия и часть высокопоставленных чиновников в Цетинье, привыкшие к иждивенческому отношению к России, после нескольких месяцев войны усомнились в выгоды своей русофилии и союзнического долга перед Белградом. В то же время большинство населения Черногории были сторонниками единства сербского народа и считали Россию лучшим и единственным защитником этого единства¹. В восточной части Балканского полуострова ситуация в Болгарии вызывала у России намного больше беспокойства. Несмотря на русофильскую риторику некоторых популистских партий и движений, а также на устойчивые русофильские настроения в рядах болгарского простонародья, в местной политике доминировали прогерманские круги, концентрировавшиеся вокруг фигуры болгарского монарха — Фердинанда Кобурга. Болгарские комиты в 1914 и 1915 гг. активно атаковали сербские пограничные посты и железнодорожные линии, "неизвестные лица" обстреливали с территории Болгарии русские пароходы на Дунае,² официально нейтральные болгарские портовые власти на Дунае были настроены враждебно к русскому транзиту и дружески к австро-венгерскому и немецкому. При этом официальная политика Российской империи по болгарскому вопросу была направлена на избежание "внутриправославных" конфликтов (подобных событиям Второй балканской войны). Утопавшая в благодушии и славянофильском тумане российская дипломатия, лелеявшая идеи *status quo* и джентльменских договоров, неизмеримо отставала от реалий XX века. Российская империя, столь многое сделавшая для создания независимых государств православных славян на Балканах, слишком мало заботилась об отеческом руководстве их внешней и внутренней политикой в направлении, благоприятном для общих интересов православного мира. Это хроническое заблуждение проявилось и в годы Первой мировой войны, когда Российская империя не решилась оказать военную помощь

¹ См.: Соловьёв Ю. А. Воспоминания дипломата 1893–1922. М., 1959. С. 161; Потапов Н. М. Русский военный агент в Черногории... С. 713–715.

² При этом австрийские попытки самостоятельно организовать диверсии против российских кораблей не получали поддержки болгарских властей. См.: Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 128.

болгарскому народу в освобождении от элиты, враждебной интересам как России, так и Болгарии¹.

По мнению выдающегося русского военного теоретика и участника Первой мировой войны генерала А. А. Свечина, русский натиск в Карпатах дезорганизовал австро-венгерскую армию, оказавшуюся не способной сконцентрировать усилия для успешного наступления на Балканах осенью 1914 г.² Вместе с тем преждевременное наступление русских в Восточной Пруссии, хотя и закончившееся поражением, не только сорвало план Шлиффена по уничтожению французской армии, но и помешало немцам прийти на помощь Австро-Венгрии на южном (Балканском) фронте. Тем не менее, побуждение сербской армии к переходу через Саву (в сентябре 1914 г.) или к вступлению в Боснию Свечин называет ошибкой русского Генштаба, не учитывавшего упадка сил сербов после Балканских войн. Кроме того, сербские вооружённые силы, при всех их положительных чертах и боевом духе, слишком походили на ополчение или даже милицию. После стабилизации Западного фронта в 1915 г. Германии удалось объединить свои силы с австрийцами и весной–летом 1915 г. вытеснить русских из Польши и Галиции, вследствие чего в сентябре–октябре сербы оказались лицом к лицу с удвоенными силами Германии и Австро-Венгрии, располагавшими мощной артиллерией. Роковую роль сыграл и подлый удар в спину, который Сербии нанесла Болгария, обрубившая её коммуникации с союзниками. Сербия пала. Болгарская агрессия выявила ошибочность оценок российских дипломатов, пытавшихся предотвратить подобный ход событий путём дипломатического давления и апелляций к чувству благодарности болгар за Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.³

Мягкость России, не сумевшей найти способов принудить Болгарию к сохранению нейтралитета, очевидным образом контрастировала с решительным поведением Англии и Франции

¹ Деятельность этих кругов болгарской элиты привела к колоссальным потерям болгарского государства в Добрудже, Фракии и Македонии в 1913 и 1918 гг.

² См.: Свечин А. А. Общий обзор сухопутных операций // Великая забытая война. М., 2009.

³ См.: Шкундин Г. Д. Болгарская дилемма в дипломатической стратегии Антанты (октябрь 1915 года) / Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998; Ајрапетов О.Р. Русија између Србије и Бугарске у Првом светском рату / Годишњак за друштвену историју. 2003. X. № 1–3.

по отношению к Греции, которая, к неудовольствию союзников, с началом Первой мировой войны провозгласила нейтралитет. Страна раскололась на два лагеря. Сторонником Антанты был премьер-министр Э. Венизелос. Он опирался на подписанный в 1913 г. Сербией и Грецией договор о взаимопомощи в случае нападения. Но монарх Греции Константин I являлся противником вступления в войну и, будучи активным германофилом, заявлял, что сербско-греческий договор недействителен. Это и привело к событиям т. н. Εθνικός Διχασμός — народного раскола в Греции — сражения "добра против нейтралитета"¹. В октябре 1915 г., при согласии Венизелоса, англо-французские войска получили плацдарм для наступления на Турцию, а в порту Салоники высадилась 150-тысячная армия Антанты. В отличие от России, колебавшейся по поводу Болгарии, Англия и Франция не страдали излишним гуманизмом и после свержения правительства Венизелоса в Афинах (декабрь 1915 г.) сформировали во второй половине 1916 г. в Салониках лояльное Временное правительство. В ноябре 1916 г. дошло и до прямого столкновения греческих резервистов и французской морской пехоты. Союзники захватили греческие военные суда и в течение 106 дней держали морскую блокаду материковой части Пелопоннеса, моря голодом его население. В июне 1917 г. союзники и вовсе приняли решение обстрелять колыбель демократии и цитадель античного искусства Афины из корабельных орудий в случае, если король не отречётся от престола. После абдикации и падения кабинета в Афинах было установлено лояльное союзникам правительство Венизелоса, а в июле Греция вступила в войну против центральных сил². Таким образом, уже с 1915 г. Салоники были формально оккупированы Британией, что в конце концов сформировало крайне негативное отношение местных жителей к Антанте, подрывавшей своей политикой коммерческие и личные интересы местного торгового сословия. Представители России фиксировали агрессивное и недружелюбное отношение местного населения к прибывавшим союзным чиновникам и военным, что, впрочем, мало заботило бри-

¹ *Leontaritis G.A.* Greece and the First World War: From Neutrality to Intervention, 1917–1918. New York, 1990; *Leon G.B.* Greece and the Great Powers 1914–17. Thessalonique, 1974.

² *Dutton D.* The Deposition of King Constantine of Greece, June 1917: An Episode in Anglo-French Diplomacy // Canadian Journal of History. 1977. 12(4).

танцев и французов, не обращавших внимания на такие досадные мелочи. "Атмосфера — явно к России недоброжелательная. Вокруг перевозки через Балканы частных грузов шла всё время ожесточенная полемика, ничем не стеснявшаяся. Проследование англичанами контрабанды на греческих судах и резкие меры, к ним применявшееся, вызывали озлобление местной... прессы. Необходимо было заручиться хотя отчасти её расположением, чтобы она не касалась вовсе провоза нашей военной контрабанды, хотя и шедшей под видом законного сербского груза, но нередко обнаруживавшей свой характер, благодаря неловкостям, прикосновенных к делу пароходных агентов и многих других посторонних лиц. Редактору одного местного органа выдавалась поэтому субсидия по 500 франков в месяц, и цель была вполне удачно достигнута: ни разу никаких разоблачений не было, даже когда дело доходило до самых неприличных обвинений личного состава нашего Генерального Консульства"¹.

Осень 1915 г. стала трагической для русской императорской дипломатии на Балканах. Болгария 6 сентября 1915 г. подписала Конвенцию с Германией о войне против Сербии, 6 октября объявила войну России, а 14 — Сербии, на которую напала на следующий день. Вот как передает бывший секретарь нашей миссии в Софии Ю. В. Саблер внешнеполитическую историю дипломатического разрыва Болгарии с её спасительницей: "Возвращаясь после вручения ноты Радославову в миссию, я видел страшно самодовольных немцев. Тяжело было смотреть на развёртывающуюся мобилизацию. Эти массы болгар, которые должны воевать против нас и наших доблестных друзей-сербов, должны стать под своими знаменами рядом с немцами. С момента вручения ультиматума никто из нас не показывался на улице. Наши друзья, ярые русофилы, попрятались, как мыши. Заходил только Данев и, набравшись смелости, болтал что-то, — не то выражал соболезнование, не то сочувствие. На следующий день, в 2 часа 40 минут, начальник протокола Мильчев прибыл в миссию, передал запечатанный пакет с ответом на ультиматум и потребовал, чтобы я расписался на пакете и поставил час и минуту. Это было за два часа до истечения данного нами срока. Мы были готовы к катастрофе, — ответ не явился для нас неожиданным. Однако всех нас охватило чувство глубочай-

¹ РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3056. Л. 171–189.

шей скорби и острой боли. Читая присланный ответ, написанный на болгарском языке, мы переживали ужасное состояние. Со здания миссии были немедленно сняты щит с Императорским гербом и русский флаг, а взамен их тотчас же был водружён голландский флаг, и в нашу миссию перебрался представитель Голландии, принявший на себя защиту интересов русских подданных. Затем мы стали готовиться к отъезду. День 23-го сентября прошел совершенно спокойно. Население столицы было совершенно равнодушно к происходящему разрыву. Фердинанд Кобургский, как сообщает корреспондент "Petit Parisien", в день разрыва два раза проехал мимо здания русской миссии, чтобы посмотреть на голландский флаг, заменивший русский"¹. Эту ошибку русской дипломатии не смогли исправить и русские офицеры-генштабисты, отказавшиеся от военного решения болгарской проблемы. Выполнение технически сложной задачи² не представлялось возможным без необходимой военной и политической подготовки³.

В то время как сербские солдаты из Шумадии и Черногории стойко сражались против превосходящих сил австрийских, венгерских и немецких армий, Черногорская династия постепенно дезавуировала наследие митрополитов древнего Цетинья в поль-

¹ Искры. Иллюстрированный художественно-литературный журнал. 1915. №40. Воскресенье, 11 октября.

² См.: *Каширин В.Б.* Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года // Новая и новейшая история. №6. М., 2004.

³ Примером успешного решения таковой служит триумфальное вступление советских войск в Болгарию и Сербию во время Второй мировой войны. Наиболее категорично об этом написал В. Каширин, справедливо заметивший: "События осени 1915 г. показали, что стратегия России в черноморско-балканском регионе в годы Первой мировой войны несла в себе семена неизбежного поражения. Запоздалое осознание руководством Российской империи подлинных масштабов угрозы со стороны кобургской Болгарии, вялость и беспомощность русской дипломатии, отсутствие заблаговременно разработанных планов вооружённого вмешательства в события на Балканах, традиционная недооценка армейским руководством проблемы десантных операций на Чёрном море, недостаточность наличных военных и морских сил, — всё это предопределило катастрофические неудачи России на жизненно важном южном направлении в ходе войны 1914–1918 гг. В конечном счёте, провал русской балканской стратегии в те годы стал одним из проявлений общей военной и политической слабости Российской империи". См. *Каширин В.Б.* Несостоявшаяся экспедиция... С. 203.

зу узкодинастических интересов. Данило Негош, старший сын Черногорского короля Николы, послал доверенному лицу в Софии телеграмму, которая была доведена до сведения австрийского военного атташе: "Можете ли вы выяснить, какие планы имеют в виду центральные державы в отношении будущего Сербии и Черногории? Аннексия Австро-Венгрией Черногории всегда будет служить причиной к беспокойству. Напротив, Вена могла бы быть уверенной в большой выгоде Дунайской монархии, если при посредстве её была бы создана более сильная Черногория, которая в отношении монархии осталась бы обязанной и в нужный момент могла бы служить противовесом в отношении возможного чрезмерного усиления Болгарии... Черногория должна получить часть Сербии, Спиццу, Будуа, а также северную Албанию. За это Черногория могла бы препятствовать отступлению сербов через Черногорию в Албанию и предотвратить высадку частей Антанты в Черногории и на вышеизложенных основах вступить в договорные отношения с Монархиями"¹. Показательна и откровенность престолонаследника Данилы в состоявшемся 31 августа 1915 г. разговоре с германским посланником в Афинах: "Его королевское высочество престолонаследник... умолял Его Величество Короля Греции походатайствовать в Берлине и Вене, чтобы с Черногорией при заключении мира обошлись помягче. Его Высочество постоянно подчёркивал, что Черногорская королевская семья оказалась вовлечённой в войну против своей воли. Особо нелицеприятные выражения были произнесены в адрес России и её политики"².

Военные, военно-медицинские и военно-логистические направления деятельности России на Балканах в годы Первой мировой войны

Что же, всё-таки, удалось сделать России в годы войны в военном плане на территории Балкан³, в географическом смысле этого

¹ Ронге М. Разведка и контрразведка... С. 132.

² Митровић А. Сучељње са средњоевропским империјализмом // Историја српског народа. Т. VI. Кн. 2. Београд, 1983. С. 90. См. подробнее: Митровић А. Продор на Балкан. Србија у плановима Аустро-Угарске и Немачке 1908–1918. Београд, 1981.

³ См.: Корсун Н. Г. Балканский фронт мировой войны 1914–1918 гг. М., 1939;

слова (т. е. южнее Дуная)? Действия русских моряков и артиллеристов (наряду с поддержкой, оказанной английской и французской военными миссиями¹) имели особое значение для сербов, для которых столкновение с австро-венгерской флотилией оказалось особенно непростым. Во-первых, в силу неспособности оказать адекватное сопротивление, а во-вторых, по той причине, что в довоенное время они не оценили опасность этого вида вооружений, развитие которого подтолкнула Гражданская война в США². Как вспоминал один из участников обороны Белграда, "ещё не последовало объявления Австро-Венгрией войны Сербии, как вражеские мониторы принялись обстреливать незащищённый Белград, убивая женщин и детей. Уже в тот момент стало ясно, как заблуждались военные и гражданские круги, полагавшие, что Дунайская флотилия неэффективна в военном отношении и может только парады устраивать, и не стоит на неё обращать внимание. Стали сетовать, что Сербии было запрещено иметь флот на приграничных реках. Ежедневная пресса, вероятно по недомыслию, высмеивала мониторы Дунайской флотилии и отвлекала внимание властей предержащих от этого мощного оружия, оказавшегося под боком у Белграда. Война застала нас не готовыми к тому, чтобы воспрепятствовать свободному барражированию мониторов вдоль нашего берега, откуда они сеяли ужас и смерть. Сербские пули отлетали от бронированной защиты мониторов"³.

Емец В.А. Позиция России и ее союзников по вопросу о помощи Сербии осенью 1915 г. // Исторические записки. №75, М., 1965.; *Нарочницкий А. Л.* Великие державы и Сербия в 1914 г. // Новая и новейшая история. №4. М., 1976.; *Писарев Ю. А.* Военное сотрудничество России с Сербией и Черногорией в 1915 г. // Исторические записки. №106. М., 1981; *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны: Россия и Сербия в 1914 – 1915 гг. М., 1990; *Токић Н., Радовановић Р.* Борбе на Сави и Дунаву 1914 – 1915. // Весник војног музеја. №36. Београд, август 2009.; *Каширин В.* Дунайская одиссея лейтенанта Григоренко. // Родина. 2010. №11; *Јовановић М.* Ленинским курсом: Как русские защищали Белград от австрийских мониторов на Дунае (1914 – 1915) // Родина. 2010. № 11.

¹ См.: *Мирчић М.* Странци у одбрани Београда // Агонија Београда у светском рату. Београд, 1931. С. 533 – 541.

² См.: *Андрић А.* Дејство речних флотила на Дунаву, Сави, Тамишу и Тиси // Ратник. № XLI. Београд, 1925.

³ Радојевић М. Патролбот Це под Београдом 1915 год / Агонија Београда у Светском рату... С. 176.

Передовая часть русского морского отряда под командованием лейтенанта В. Григоренко, вооружённая торпедами и минами, прибыла в Сербию и начала расставлять мины в районе Остружницы уже 25 августа 1914 г. Торпедой удалось взорвать дамбу у впадения Босута в Саву, в результате чего заблокированными оказались два австрийских монитора. Позднее командование взял на себя старший лейтенант Волковицкий. В начале сентября отряд приступил к расстановке мин в районе городов Шабац, Дреновац и Митровица. В конце сентября продолжилось минирование и, кроме того, используя торпеды, удалось снизить активность австрийских мониторов в районе Белграда. Ночью с 9 на 10 октября 1914 г. поблизости от острова Оршадска Ада на русской mine подорвался австрийский флагманский монитор "Темеш". В ходе начавшейся 17 ноября эвакуации Белграда русские минёры и их сербские товарищи по оружию из русского отряда минёров оставили позиции вместе с арьергардом сербской армии, уничтожая за собой мосты на Дунае, в Топчидере и Рипане, а также один туннель в Реснике. После этого и вплоть до возвращения сербских войск в Белград минёры отряда Волковицкого, присоединившись к отряду капитана Семёнова, занимались постановкой минных преград в районе Прахово и Джердапа, дабы помешать проходу австрийских кораблей в нижнее течение Дуная, где они могли бы перерезать коммуникации между Россией и Сербией. В течение 1915 г. отряд минёров продолжил расставлять мины, что позволило вывести из строя ещё несколько судов противника. Вплоть до окончательного падения Сербии осенью 1915 г. австрийской военной флотилии не удавалось прорваться в нижнее течение Дуная, что позволило беспрепятственно осуществлять судоходство между портом Прахово в Сербии и Рени в России. При поддержке противозооной батареи отряд капитана Семенова успешно сражался и с аэропланами неприятеля, пытавшимися дезорганизовать работу портов, через которые поддерживалась связь с Россией. И всё-таки использование русскими минёрами торпед нельзя назвать успешным¹. Несмотря на то, что пассивные минные заграждения нанесли австро-венгерскому флоту определённый урон, они не могли предотвратить форсирование

¹ См.: Вулф О.Р. Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914 – 1918. Санкт-Петербург, 2004. С. 132. Это репринтное издание доменной работы.

Савы и Дуная австро-венгерскими и германскими войсками при активной поддержке австрийских кораблей. Помешать им смогла бы только крупнокалиберная артиллерия, которой не хватало и на главных фронтах Первой мировой войны. Неудивительно, что ни Россия, ни Франция, ни Англия не торопились усилить свои белградские батареи этими орудиями.

Тем не менее, батареи союзников сыграли важную роль в обороне Белграда в 1915 г. Русская артиллерия была представлена двумя 152-мм орудиями, перевезёнными из Очаковской крепости и расположенными вблизи церкви Ружица (там, где сейчас находится мемориальный знак), а также двумя 75-мм пушками, установленными в нижней крепости. В обороне города участвовали русские моторные катера, на которых развевался сербский флаг, и отряды минёров. Нижеприведенные документы и другие имеющие отношение к теме источники позволяют сделать вывод, что русские минёры и артиллеристы, несмотря на малочисленность, сумели оказать австро-венгерским войскам достойное сопротивление. Нельзя установить потери противника в живой силе и малых плавсредствах. Однако имеется достаточно данных об аэропланах и мониторах. Венгерские суда "Самош" (Szamos, 1892), "Темеш" (Temes, 1904) и "Бодрог" (Bodrog, 1904) выстрелами своих орудий по Белграду, произведёнными 29–30 июля 1914 г., подали сигнал к началу Первой мировой войны. Два из этих трёх мониторов попали в прицел русского оружия.

Австрийский командующий Дунайской флотилией так описывает в своих мемуарах потопление "Темеша": "23 октября у острова Грабовоц монитор "Темеш" под флагманским флагом, выполнявший задачу уничтожения понтонного оборудования противника, около 2 часов 45 минут налетел на мину. Взрыв сорвал с основания правую башню, а огонь охватил часть подпалубных помещений. Экипаж, находившийся в левой и правой башнях, а также под палубой, сразу погиб. Бронированную палубу вывернуло так, что дверь капитанского мостика едва ли не оказалась заблокированной. Попытка удержать судно на плаву не удалась из-за активного оружейного огня с сербской стороны. Потери экипажа составили 31 человек убитыми. Уцелело 3 офицера и 48 матросов, которых эвакуировал патрульный корабль "В". После оккупации Сербии в 1916 г. монитор подняли, отремонтировали и снова ввели в строй.

После завершения войны в 1918–1920 гг. судно числилось в составе флота Королевства СХС под именем "Дрина" (Drina). Югославия, в соответствии с межгосударственными соглашениями, передала монитор Румынии, переименовавшей его в "Адреал" (Adreal). В 1944–1950 гг. корабль, получивший новое имя "Бердянск", принадлежал СССР, который затем вернул его румынам, списавшим судно в 1955 г.

В конце 1914 г. пароход "Самош" получил повреждения и после ремонта в г. Брчко вернулся в зимнюю базу в г. Славонски Брод. В Венгрии корабль использовался в гражданских целях с 1920 г. по 1962 г., а в 1980-е гг. был продан в Югославию на металлолом. 3 ноября 1914 г. незначительные повреждения получил пароход "Андор", занимавшейся разминированием того района, где затонул "Темеш". Кроме него австрийская Дунайская флотилия потеряла еще три судна. 30 марта 1915 г. неподалеку от Винчи на русскую мину налетел "Белград", который под покровом ночи должен был доставить предназначенное туркам воинское снаряжение до болгарского берега Дуная. Окончательно добила пароход сербская полевая артиллерия. 15 мая русская батарея, расположенная на крепости Калемегдан, поразила патрульный катер "С", на котором взорвался бак с горючим. Трое моряков погибли, четверо получили ранения. И наконец, 22 сентября 1917 г. в 14 км от Браилова в результате столкновения с русской миной затонул флагманский монитор "Ипп" (Ipp). Погиб находившийся на судне начальник штаба Дунайской флотилии. Успешными можно назвать и действия русских зенитчиков под командованием капитана М. С. Миклашевского. Батарея, вооруженная 76-мм пушками, располагалась в районе с. Велика Каменица и защищала порт Кладово и штаб Краинского отряда, находившийся в с. Петрово Село. 4 августа артиллеристам удалось сбить аэроплан, упавший на берег р. Црна неподалеку от её впадения в Дунай. Сентябрь отмечен двумя успехами: 4 числа был сбит ещё один аэроплан, упавший на румынский берег, а 8 сентября — третий, в 10 км от г. Турну-Северин¹.

¹ См.: *Csonkaréti K., Benczúr L. Haditengerészek és folyamőrök a Dunán 1870–1945. Zrínyi, 1991; Вулф О. Р. Австро-венгерская Дунайская флотилия... С. 12, 13, 19, 21, 24, 25, 81; Ђокић Н., Раговановић Р. Борбе на Сави и Дунаву 1914–1915... С. 154–168.*

Инженерный отряд под командованием полковника инженерных войск Доброва налаживал и поддерживал переправы через реки в тылу сербских войск, а также отвечал за дееспособность понтонного парка, предназначенного для форсирования Савы и Дуная. Осенью 1914 г. сербская армия испытывала огромную потребность в обученных понтонёрах. Красноречивое свидетельство представляют собой воспоминания командующего Тимокской дивизии о начале боевых действий во время переправы через Саву в сентябре 1914 г., подтверждённые командующим переправой и официальными сербскими документами. Решающую роль сыграло стечение обстоятельств: место для перехода командующий определял на глаз — по карте и без предварительного обследования берега, дна и скорости течения; "мост не удавалось вовремя возвести, так как материал для него оказался совершенно негодным, понтоны настолько ссохлись, что не смогли набухнуть в воде, а некоторые напрочь сгнили. Для наведения моста, прежде всего, не хватало профессиональных понтонёров, вместо которых привлекали обозников и инженеров". Поэтому мост, пока шла переправа, построили до середины реки и только после этого поняли, что для завершения не хватит стройматериалов. В результате работа шла очень медленно. После окончания перехода, когда потребовалось срочно отступить, оказалось, что мост дал трещину. Отремонтировали его только после нескольких несчастных случаев¹. В такой ситуации трудно было переоценить роль Инженерного отряда под командованием полковника Доброва, прибывшего в Сербию с группой понтонёров и понтонным парком в начале ноября 1914 г. Показательно, что председатель сербского правительства и, одновременно, министр иностранных дел Н. Пашич попросил посланника в Петрограде М. Спалайковича ходатайствовать о командировании в апреле–мае 1915 г.² второй группы военных инженеров. Как свидетельствуют документы данного сборника, такая группа прибыла в Сербию. Однако ввиду отступления русских войск из Галиции не осуществились планы сербского наступления в Паннонской равнине, из-за чего роль русских инженеров свелась к наведению и поддержанию в рабочем состоянии мостов в районе

¹ Погибија код Чеврнтије. Поновно суђење ђенералу г.Влад.Кондићу, бившем команданту тимочке дивизије // Политика. № 4993. 18. марта 1922.

² АС. МИД, Пс. П-По. Ф.І. Р.37/1915.

г. Чуприя, использовавшихся при отступлении сербской армии в октябре 1915 г.

Наряду с инженерной, следует упомянуть ещё один вид русской гуманитарной помощи Сербии, который относительно неплохо изучен. Речь идёт о прибытии русских врачей, выделении лекарств и организации санитарного контроля¹. Оказание медицинской помощи связано с именем доктора Сергея Софотерова, письмо которого опубликовал в 1992 г. М. Йованович². Решение о командировании доктора Софотерова, прибывшего в Сербию осенью 1914 г., приняли российские МИД и Красный крест. В конце того же года был сформирован специальный Комитет помощи сербам и черногорцам при русской миссии в Сербии, в который вошли епископ Нишский Досифей, посланник князь Трубецкой с супругой, секретарь миссии В. Штрандман, подполковник Новиков и Софотеров. Многочисленность персонала иностранных миссий (500 человек в 4-х миссиях: французской, американской, английской и русской) позволила разделить территорию Сербии на 14 секторов. В русском секторе, охватывавшем временную столицу — Ниш, действовал русский хирургический отряд С. Софотерова, оперировавший в сербских госпиталях. Кроме того, в секторе функционировали московская Хирургическая больница, располагавшаяся в здании гимназии; Инфекционная больница, разместившаяся в районе железнодорожного вокзала; Александринская инфекционная больница; четыре кухни, готовившие горячую еду для беженцев, и сиротский приют. В распоряжении российского бюро в Нише по оказанию гуманитарной и медицинской помощи имелось 50 железнодорожных вагонов с медицинским снаряжением, одеждой, продовольствием и прочими необходимыми вещами, привезёнными из России.

¹ См.: *Негоч А.С.* Руска санитарска помоћ Србији у њеним ослободилачким и одбрамбеним ратовима XIX и раног XX века (1804. до 1917. године). Лекција, прочитана у Академији медицинских наука Српског лекарског друштва 21 априла 2008; *Ševcova G.I.* Ruska dobrotvorna pomoć Srbiji u ratovima 1912–1917. Beograd, 2010. О русской помощи сербской военной санитарной службе см.: Српски војни санитар у Балканским ратовима. Прир. *Поповић Б., Тодоровић В.* Београд, 2012; *Негоч А.* Балкански ратови 1912–1913.: рад српског војног санитета. Београд, 2012.

² См.: *Станојевић В.* Историја српског војног санитета. Наше ратно санитарско искуство. Прир. *Јовановић М., Першић М.* Београд, 1992. С. 874–882.

Нельзя не упомянуть ещё один важный аспект российской помощи — доставку военных грузов, осуществлявшуюся конвоями пароходов в рамках Экспедиции особого назначения под командованием М. Весёлкина. Содержимое десятков переправленных его усилиями вагонов было самым разнообразным: винтовки и лошади, пушки и взрывчатка, продовольствие и санитарные материалы. Всё это прибывало по железной дороге в русский порт Рени в нижнем течении Дуная, откуда доставлялось в Прахово, где перегружалось в поезда, разъезжавшие по всей Сербии. Российские поставки имели большое значение с первых дней войны. Балканские войны истощили резервы сербской армии, солдатам которой в августе и сентябре приходилось идти в бой с незнакомыми им русскими винтовками Мосина¹. В своих воспоминаниях посланник князь Трубецкой² отметил роль 120 тыс. русских винтовок, ошибочно названных им "берданками", а также боеприпасов, поступивших в последний момент и позволивших отразить австрийское нападение в 1914 г. Изучение сербских и российских архивов позволяет сделать вывод, что сербам были переданы новейшие российские 3-линейные винтовки системы Мосина³ калибра 7,62 мм, а не устаревшие системы Бердана (4,2-линейные) калибра 10,67 мм.

Два первых конвоя Экспедиции прибыли в Сербию 21 октября и 24 ноября 1914 г. Из самого необходимого было доставлено 32 814 винтовочных боекомплектов и большое количество боеприпасов для артиллерии: 24 тыс. снарядов калибра 75-мм, 4 тыс. — 80-мм, 6 тыс. — 120-мм, 1 тыс. — 152-мм и т. д.⁴ По просьбам Н. Пашича и военных властей (передаваемых через российского военного агента полковника Артамонова), подобные поставки продолжались вплоть до осени 1915 г., когда сербская армия вместе с русскими инженерными, санитарными и минёрными отрядами вынуждена была начать отступление из Сербии.

¹ Погибија код Червентије...

² Трубецки Г. Н. Рат на Балкану 1914–1917... С. 64 – 67.

³ Архив Сербии. МИД, Пс. П - ПО. ФІ. Р.99/1915.

⁴ Каширин В.Б. Неотвращенная катастрофа союзника: Борьба на Балканском фронте в 1914 – 1915 гг. в суждениях русского военного агента при сербской Верховной Команде // Русский сборник. Выпуск III. 2006. С. 201.

При этом, если из России в Сербию экспедиция везла воинские грузы, то не менее важным был и обратный путь¹. Речь идёт о деятельности "Особой организации по провозу военных грузов через Балканский полуостров", которую во внутренних отчётах неофициально называли "военная контрабанда" — обеспечение транзита грузов от стран Антанты воюющей России через порт Салоники в нейтральной Греции.

Организация "Военной контрабанды" курировала вагоны от разгрузки в Салониках до погрузки в Прахово, где они переходили в ведение Экспедиции особого назначения. Деятельность военного транзита и самой Экспедиции находилась под неусыпным надзором генерал-квартирмейстерства Генерального штаба, т. е. русской военной разведки, которая активно следила за событиями на Балканах накануне и в годы Первой мировой войны². Начинаясь маршрут транзита в Салониках, в Греции. В Салониках была организована временная структура, во главе которой был поставлен бывший генеральный консул в Константинополе, действительный статский советник Алексей Федорович Шебунин (1867–1937).³ Его помощником назначили бывшего секретаря того же консульства и вице-консула в Кавале Николая Ивановича Дубягского (?–1942)⁴. Сам Шебунин находился в постоянной телеграфной связи с российскими военными агентами (атташе) во Франции, Англии и Италии. Перевозку грузов по Сербии контролировал подполков-

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3056. Л. 19, 104–120, 171–172, 182, 188, 189.

² *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.

³ Шебунин Алексей Федорович (1867–1937). Учился на факультете восточных языков С.-Петербургского университета, затем поступил в учебный отдел Восточных языков при 1-м департаменте Министерства иностранных дел. Ученик основателя школы русской арабистики В.Р. Розена (1849–1908). Секретарь генерального консульства в Каире (Египет), генеральный консул в Константинополе (Турция). После миссии в Салониках (Греция) служил в российских посольствах в Риме и в Париже. В эмиграции во Франции, жил в Париже. Начальник канцелярии бывшего министра иностранных дел С.Д. Сазонова, затем М.Н. Гирса. Член Объединения бывших служащих Министерства иностранных дел России. Похоронен в Ницце на русском кладбище Кокад.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3056. Л. 19–19об.

ник Л. М. Новиков¹, а в Рени их приёмку и дальнейшее распределение по адресатам в России выполняла особая комиссия под руководством военного инженера полковника Эдуарда Брониславовича Кригер-Войновского (1864–1933), ведущего русского инженера-железнодорожника того времени, ставшего впоследствии последним министром путей сообщения Российской империи². Организация "военной контрабанды" началась в феврале 1915 г. с прибытия подполковника Новикова из порта Рени, штабного города Русской особой экспедиции на Дунае, в сербский дунайский порт Прахово. Последний был совершенно не оборудован для массовой переброски грузов, но существенным достоинством его было то, что железнодорожное полотно подходило к самому берегу реки и шло вдоль неё на 300 саженой так, что вода доходила до самых рельс.

Выгрузка шла через временные мостки на козлах, которые шли к баржам, поставленным у берега для швартовки пароходов. Тут же шёл и транзит грузов для Румынии (8 вагонов в день). Ящики с патронами, мешки с мукой, патроны из разбитой при разгрузке тары сваливали в грязь прямо возле рельс. После начала транзитного потока в Россию имеющиеся недостатки стали более очевидными, и поэтому к маю 1915 г. в Прахово была устроена постоянная отдельная пристань для русских грузов, соединённая с баржами крепкими стационарными мостками, вдоль путей были выстроены 10 пакгаузов для грузов, а также казарма и кухня для военнопленных, работавших на разгрузке. Непосредственно процессом разгрузки и погрузки ведал русский офицер, также присланный из Рени. От Прахово до Заечара действовала старая, но всё же со стандартной шириной колеи линия, с маломощными паровозами. Для усиления деятельности этой линии из России прислали 2 паровоза и 30 вагонов. Станция Заечар была также соединена узкоколейной линией

¹ Новиков Леонид Митрофанович (? – 1919) — из провинциальных мелкопоместных воронежских дворян, инженер-путеец, до Первой мировой войны служил комендантом станции Воронеж Козлово-Владикавказского района передвижений. После возвращения из Салоник вернулся на ту же должность в звании полковника. После революции не пожелал покинуть родину и скрывался в монастыре. Был расстрелян ЧК в годы красного террора и тайно закопан в саду губернской ЧК вместе с 6 священнослужителями и 8 монахами. Его убийц из ЧК публично повесил А.Г. Шкуро после взятия города в сентябре 1919 г.

² *Кригер-Войновский Э. Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. М., 1999.

с Парчином, при этом в Хачаре перегрузка шла из состава в состав напрямую, так как там узкоколейка подходила вплотную к линии с широкой колеей. В мае 1915 г. для улучшения ветки закупили и перебросили на эту линию 14 паровозов и 45 товарных вагонов из США. Сам путь, кроме того что был узкоколейным, ещё и проходил по крайне сложной местности с поворотами и подъёмами, что требовало снижения скорости и делало следование весьма затруднительным. Обилие туннелей делало особенно рискованным проход платформ, гружённых самолётами и автомобилями. В Парачине прямая перегрузка платформ была невозможна, и там для облегчения перегрузки были поставлены краны. Из Парачина вагоны могли следовать напрямую крупной транзитной межнациональной дорогой по маршруту Парачин — Ниш — Гевгелия — Салоники. Для ускорения транзита грузов началась постройка новой железной дороги. Линия Заечар — Княжевац длиной 45 км была пущена в ход ещё 28 января 1915 г., и теперь речь шла о пуске линии Ниш — Княжевац длиной в 67 км. Эту дорогу планировалось ввести в эксплуатацию 1 ноября 1915 г., с расчётной мощностью в 100 вагонов в день со скоростью около 90 км в час, что дало бы возможность без перегрузки гнать вагоны из Салоник. После положительной оценки проекта подполковником Новиковым Россия способствовала получению сербским правительством кредита в 7,5 млн франков, по ходатайствованию сербского правительства¹. Кроме выделенных Россией денег, сербское правительство использовало и труд 14 тыс. австрийских военнопленных, круглосуточно работавших на постройке туннелей и мостов, самым крупным из которых был туннель через гору Громада в 1,5 км длиной. Вследствие падения Сербии осенью 1915 г., эта ветка вступила в строй лишь 15 августа 1922 г. (она действует и по сей день в рамках Тимокской железной дороги).

Большую помощь в организации сербской части маршрута оказывали посланник Г. Н. Трубецкой, военный атташе полковник В. А. Артамонов и агент Российского Дунайского пароходного общества в Прахово.

Материалы для транзита прибывали в крупный греческий порт Салоники, который, как упомянуто выше, был официально нейтральным. Поэтому всеми делами получения грузов с пароходов,

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3056. Л. 104–109.

выгрузкой их и погрузкой в вагоны ведало общество "Сербская задруга". Все вагоны, используемые в перевозке, шли под сербскими маркировками — греки, как нейтральная сторона, своих вагонов не давали. "Сербская Задруга всё время работы Организации являлась её заместительницей в глазах греческих властей, для которых все наши грузы шли, как сербские. Это учреждение рассчитывалось по всем счетам железной дороги до Гевгели и по расходам в порту. По особому распоряжению сербского правительства она взимала в свою пользу всего 20 франков комиссии за один вагон груза, тогда как другие платили по 60 франков и больше. По предъявленному счёту, Задруге, согласно прилагаемому дубликату росписки, было уплачено 123.239,60 франков"¹. Эта даёт возможность оценить при мерное число вагонов.

Сербскими железными дорогами от Ниша и к югу ведало управление дорог в Нише, в котором бóльшую часть времени находился и подполковник Новиков, опиравшийся на сербских военных делегатов в Нише, в пограничной Гевгелии и в Салониках. Роль Новикова сводилась не только к контролю за транспортом русских грузов, но и к общей оптимизации перевозок. В результате удалось вдвое улучшить провозоспособность сербских железных дорог на южном направлении, не увеличивая подвижной состав. Среди мер, предпринятых подполковником Новиковым, были и кадровые перестановки, одобренные сербским военным командованием, рекомендации о смене сербских делегатов в Салониках, а также комендантов станций в Прахово и Парачине. С другой стороны, максимальную отдачу и работоспособность в работе с русским транзитом для нужд "военной контрабанды" проявил военный делегат на ст. Ниш капитан Неделькович. Российский личный состав, занятый в "военной контрабанде", был минимальным — на станциях в Парачине и Заечаре действовали по одному сотруднику российского консульства из Константинополя, несколько низших чинов из состава Особой Экспедиции, а при подполковнике Новикове находился ещё и штатный переводчик из служащих посольства в Белграде. Работу ускоряли и технические средства связи — имевшиеся на всех станциях телеграфные аппараты, а также одобренный верховным командованием Сербии личный телефон, размещённый на квартире у Новикова. Кроме основной цели —

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп.1 Д. 3056. Л. 171–189.

российского военного транзита, органы "военной контрабанды" в Сербии занимались и вопросами разгрузки грузов для Сербии и Черногории, т. к. их разгрузку и вывоз по железной дороге было необходимо координировать с прибытием и погрузкой грузов для России, прибывавших в Прахово, а потом и на соседние вспомогательные базы — в Радевце и Кусяке. Стоит при этом отметить, что "военная контрабанда" занималась не только переброской грузов, закупленных для России в странах Антанты, но и доставкой тех отдельных лиц из Российской (в том числе и бежавших из плена бывших военнопленных) и союзных армий, которых требовалось срочно переправить в Россию.

Деятельность "военной контрабанды" в Сербии закончилась спустя восемь месяцев, после того, как в сентябре 1915 г. прервалось сообщение по Дунаю в связи с изменением политики Болгарии.

Подполковник Новиков по окончании своей миссии не пожелал выехать из Сербии, несмотря на указание об этом Шебунина, предоставившего русскому инженеру заслуженный отпуск. Новиков предоставил себя в распоряжение посланника Трубецкого и военного агента генерал-майора Артамонова, ибо "за 8 месяцев своего пребывания в Сербии, столько хорошего видел от всех сербов, с которыми приходилось сталкиваться по службе, что уезжать в такие дни было тяжело и неприятно". Новиков занимался эвакуацией госпиталей, вывез около 30 вагонов имущества, организовывал эвакуацию персонала и раненых. Он был одним из двух последних чинов русской дипломатической миссии, которые остались в Нише после эвакуации оттуда посольств и правительства. В дальнейшем он занимался эвакуацией госпиталей и моряков из Кралево, под командованием капитанов Ильина и Леванда (14 октября). Там пришлось оставить медицинское имущество госпиталей, с собой взяли лишь провиант. Уничтожение оставляемых припасов, вооружения и оборудования было запрещено по приказу сербского верховного командования. Уже 19 октября Новиков вместе с посланником прибыл на автомобиле в Косовскую Митровицу, а 20 октября туда прибыли и моряки, шедшие пешком. Там, по распоряжению посланника Трубецкого, Новиков занимался устройством перехода моряков по маршруту Призрен — Дебар — Охрид — Битоля — Салоники, успев вывести их в последний момент до падения Битоля¹. В январе 1916 г. подполковник Новиков вернулся в Россию, где был назна-

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1 Д. 3056. Л. 110–120.

чен военным комендантом крупного железнодорожного узла на юге России — станции Воронеж.

Каковы же были реальные результаты транспортировки грузов, прошедших через "военную контрабанду" путём Салоники — Прахово — Рени? Следует признать, что было вывезено сравнительно мало грузов, что, конечно, объясняется коротким сроком действия этого маршрута¹. При этом очень важно отметить, что даже среди этого небольшого количества грузов были доставлены пусть и не столь тяжёлые, но крайне существенные и дефицитные для России аппараты, а также сырьё, производство которых в России не было налажено вовсе или налажено в недостаточном объёме.

Список грузов, перевезённых по маршруту Салоники — Прахово — Рени с февраля по октябрь 1915 г.

Род груза	Число партий	Число мест	Число тонн
Орудия	2	30	74,30
Порох и другие взрывчатые вещества	12	10269	812,06
Снаряды, взрыватели и т. п.	10	25394	2272,55
Аэропланы и гидроаэропланы	10	223	412,76
Моторы и принадлежности авиации	27	1223	228,02
Машинные части	11	591	266,19
Автомобили, шасси, принадлежности и запасные части к ним	15	277	425,15
Велосипеды и запасные части	2	535	91,74
Радиотелеграф и радиотелефон	6	74	12,44
Прожекторы	8	140	85,61
Бинокли, оптика, перископы	11	59	11,69
Шёлк для артиллерии	3	4	0,16
Каски для пехоты	1	1	0,02
Термометры, медикаменты, целлулоид	6	8	1,27
Сера, мешки, ореховое дерево, шелковые и шерстяные очёски	11	4466	743,50
Электрический кабель, ртуть, алюминий и проволока	4	5361	366,97
Барографы	1	1	0,05

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп.1 Д. 3056. Л. 171–189.

Трансформаторы	1	33	15,92
Итого	141	48689	5820,30

Однако сербско-русское военное сотрудничество на этом не закончилось. В январе 1916 г. в Салониках заработал русский военный госпиталь, принявший первых сербских больных и раненых. А в апреле 1916 г. последовало распоряжение о формировании 2-й отдельной пехотной бригады, которая в июне 1916 г. отправилась из Москвы в Архангельск и дальше по морю до Солуни, где к ней присоединилась 4-я отдельная пехотная бригада¹. Генерал-майор А. Н. Леонтьев (специалист по Балканам, работавший до начала войны по Румынии, Болгарии и Турции) был переведён с должности генерал-квартирмейстера Генерального штаба (т. е. главы военной разведки) на должность командующего 4-й особой пехотной бригадой — русского экспедиционного корпуса на Салоникском фронте. Вместе с французами и сербами солдаты этой бригады участвовали в боях за возвращение в сербскую Македонию вплоть до 1918 г. Всего в 1916 г. на фронте в Салониках оказалось 2-пехотные бригады, общим числом около 18 тыс. человек. Из них в ходе боевых действий убыло около 65 офицеров и 4149 солдат убитыми и ранеными, большое число жизней русских воинов унесли и тяжёлые условия, в которых оказались солдаты после подписания большевиками сепаратного Брестского мира². Всего "их потери убитыми, ранеными и выбывшими из строя по болезни составили 10 тыс. человек"³.

С осени 1916 г. в России стали крепнуть силы, которые затем привели её к Февральскому перевороту 1917 г., подтолкнувшего страну к губительной катастрофе октября. Представители этого на-

¹ См.: *Валентинов Н.А.* Русские войска во Франции и Македонии (По документам Ставки Верховного главнокомандующего) // Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. Вып. IV. М., 1920; *Валентинов Н.А.* Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. Ч. 1. М., 1920; *Данилов Ю.Н.* Русские отряды на французском и македонском фронтах (1916–1918 гг.). Париж, 1933; *Писарев Ю.А.* Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. // Исторические записки. Т. 79. М., 1966; *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав, 1916 г. М., 1993.

² Русские войска в Македонии // Часовой. 1970. № 527.

³ Сегодня столица почтит память павших русских воинов // Политика. 24 май 1935 г. № 9701.

правления политической и экономической элиты России вначале тайно, а с февраля 1917 г. и явно вели дело к тому, чтобы Россия фактически отказалась от своих внешнеполитических интересов, превратившись в послушного исполнителя воли Англии и Франции. Отказ от планов на присоединение проливов, проекты независимости Польши и Финляндии — всё это обесценивало титанические усилия всего русского народа во время Великой войны. Звеньями той же цепи стал и пересмотр планов, касавшихся будущего западных Балкан. Вместо первоначальных планов расширения границ Сербии за счёт сербских районов Австро-Венгрии (Воеводины, Боснии и Герцеговины, частей Славонии и Далмации с выходом к морю) речь пошла о слиянии в рамках одного государства хорватов и сербов с полной ликвидацией Австро-Венгерской империи. Россия стала всё больше ориентироваться на создание единого югославянского государства, что на тот момент было выгодно для Франции и Англии¹. Последние видели в этом наднациональном "големе" путь к ослаблению политических амбиций немцев и итальянцев в регионе и в то же время средство нейтрализовать русское влияние в самой Сербии. Однако сопротивляться этим планам ведомая "творцами февраля" Россия уже не могла...

Россия утратила свои позиции на Балканском полуострове (в географическом смысле, т. е. "за Дунаем") в 1915 г. из-за просчётов своей политики в Болгарии, которая объявила войну Сербии и России, прервав единую линию снабжения между ними. Сербские государства на Балканах были заняты центральными державами. Военный транзит, потенциально важный для России (Салоники — Прахово — Рени), был прерван. Его так и не удалось поднять на уровень, который получил для России, например, транзит через Архангельск и Мурманск, внёсший заметный вклад в её военные усилия (особенно в 1942–1943 гг.) Таким образом, тактические ошибки в балканской политике привели среди других факторов к перегрузке российской военной промышленности и экономики в годы Мировой войны, что косвенно способствовало и потяре-

¹ Интересно отметить, что даже на новом витке истории, при сравнительно устойчивых взаимоотношениях между СССР и Югославией в 60–80-е гг. XX в., исследователи современных исторических тенденций оценивали "югосферический вектор", как чуждый интересам сербского и русского народов. Подробнее см.: *Бондарев Н.В.* Югосфера: новый вектор евроинтеграции или политическая фикция? // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 1 (10).

ниям 1917 г. Стратегическая задача Российской империи в Проливах после отступления с Балкан в 1915 г. также отступила на задний план. Фактически само участие России в Первой мировой войне с тех пор стало всё менее мотивированным. Были утрачены (или стали мало выполнимыми) исходные задачи вступления России в войну ("спасение Сербии" как мотивационная задача, и захват Проливов — как реальная стратегическая). Всё это также было следствием сбоя в российской балканской политике в 1914–1915 гг. Внимание России к вопросу о проливах и о материковой Греции как альтернативы использования проливов возобновилось в гипотетической форме в 1944–1946 гг. в планировании операций по захвату территории от Стамбула до Салоник (в случае столкновения с союзниками)¹.

В заключение нельзя не упомянуть и тот факт, что спустя сто лет после Первой мировой войны, в совершенно других условиях Россия, в очередной раз столкнувшись с возможным закрытием проливов для военного транзита, рассматривала путь через материковую Грецию (для нужд группировки в Сирии в обход Турции)².

¹ См.: Тимофеев А.Ю. Планы обороны и "активных действий" Красной армии на Балканах (1944–1945 гг.) // Балканы в европейских политических проектах XIX – XXI вв. М., 2014.

² См.: Катасонов В.Ю. Предложение Греции пускать российские корабли в обход Турции не понравится НАТО, 21.02.16 URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/predlozhenie-gretsii-puskat-rossiyskie-korabli-v-obkhod-turtsii-ne-ponravitsya-nato/> (дата обращения: 07. 04. 2016).

Я. В. Вишняков

В российской и зарубежной историографии существуют серьёзные научные исследования, анализирующие, в контексте общих предпосылок возникновения Первой мировой войны, внутри- и внешнеполитические причины превращения балканского региона в "пороховой погреб Европы"¹. Тем не менее в европейском общественно-политическом дискурсе вновь актуализировался вопрос о "виновниках" мирового пожара 1914–1918 гг. И в очередной раз он подвергся пересмотру в угоду мировой политической конъюнктуре.

За попыткой ревизии предпосылок Первой мировой войны стоит желание представить сараевское убийство как чуть ли не единственную причину начала этой мировой бойни. При этом прямая ответственность за его подготовку возлагается на "террористическую политику" сербского правительства и стоявшую за ней царскую Россию, якобы преследовавшую имперские "агрессивно-экспансионистские" цели.

Современные западные исследователи, сопоставляя характер, причины, а также итоги Первой и Второй мировых войн, которые рассматриваются ими как единая целостная трагедия, вызванная претензиями на мировое господство и попытками поделить мир группой агрессивных государств, торжественно провозглашают

¹ См., напр.: *Готлиб В.В.* тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М., 1960; *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог Первой мировой войны. Л., 1964; *Поповић Н.* Србија и царска Русија. Београд, 1994; *Первая мировая война. Пролог XX века.* М.: Наука, 1998; За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002; В "пороховом погребе Европы" 1878–1914. М., 2003; *Ясу О.* распад Габсбургской монархии. М., 2011. *Seton-Watson R.* Europe in the melting-pot. London, 1919; *Fisher, Fritz.* Germany's War Aims in the First World War. New York, 1967; *Jelavich, Barbara.* A Century of Russian Foreign Policy 1814–1914. Philadelphia: Lippincott, 1964; *Jelavich, Barbara.* The Habsburg Empire in European Affairs, 1814–1918. Chicago: McNally, 1969. *Jelavich, Barbara.* History of the Balkans. Cambridge, 1983.

Сербию, а вместе с ней и Россию прямыми виновниками гибели миллионов людей в 1914–1918 гг. А сталинский режим, который они приравняют к германскому фашизму, косвенно становится виновником ещё более многочисленных жертв Второй мировой войны. В рассуждениях на эту тему, помимо очевидной глобальной, прослеживается и локальная, региональная подоплёка: провести исторические параллели между событиями 14 (28) июня 1914 г. и относительно недавними трагическими последствиями распада Югославии в 1991–1995 гг., а также Косовским кризисом конца 90-х гг. XX в. Тем самым в глазах европейского общественного мнения ещё раз оправдываются и военное вмешательство в данный конфликт стран НАТО, как единственно верный способ "обуздать" Белград, и бомбардировки Югославии 1999 г., и даже деятельность Гаагского трибунала, по сути превратившегося в судилище над Сербией и сербами. Сам же Г. Принцип из борца за свободу превращается в экстремиста и фанатика, идейного вдохновителя современных международных террористических организаций¹. Особенно стараются преуспеть в этом мусульманские политики не только из Косово, но также из Боснии, заинтересованные в пересмотре Дейтонских соглашений 1995 г. и фактическом растворении Республики Сербской в государстве Босния и Герцеговина.

В этой связи нам бы хотелось прояснить некоторые сложные вопросы внутривосточного положения Сербии как в канун Первой мировой войны, так и в период её участия в боевых действиях 1914–1915 гг.

29 мая 1903 г. в Белграде произошёл кровавый переворот. Офицерами белградского гарнизона была убита правящая королевская чета — Александр и Драга Обреновичи, а на престол возведён Пётр Карагеоргиевич, участник боснийского восстания 1876 г., внук Георгия Чёрного, знаменитого вождя Первого сербского восстания 1804–1813 гг. События той весенней ночи ознаменовали собой не просто смену династии — они стали логическим разрешением глубокого системного кризиса всех политических

¹ См., например, дискуссии и комментарии сербских историков по данному вопросу: <http://www.blic.rs/Vesti/Drustvo/387215/Istoricari-Gavrilo-Princip-nije-bio-terorista> (дата обращения: 06.04.2016).

и государственных структур молодого сербского королевства. Именно поэтому избрание на сербский престол нового монарха многими либерально настроенными современниками оценивалось как важный шаг в превращении Сербии в правовое конституционное и подлинно европейское государство.

Вместе с тем убийство королевской четы не принесло в страну долгожданного политического успокоения, а сам переворот 1903 г. являл собой яркий пример верхушечного потрясения, которое не затронуло основ существующих в стране политической и социально-экономической систем. Российский военный агент в Сербии И. Н. Сысоев, характеризуя настроения белградского общества непосредственно после событий 29 мая 1903 г., отмечал, что офицеров-заговорщиков приветствовали как спасителей отечества, "городские общества устраивали им банкеты, на которых их чествовали как героев дня". Таким образом, замечал он, "политическая роль, принятая на себя армией, была как бы санкционирована всей страной"¹. Однако он же замечал: "...медовый месяц короля Петра скоро прошёл; после торжеств и веселия, которыми сопровождалось возвращение Его Величества в отечество, начались полные тревог будни"².

Российский военный представитель был совершенно прав. Десятилетие, предшествовавшее выстрелу в Сараево, было наполнено внутренними и внешними кризисами, основным содержанием которых было активное вмешательство армии в политику, тем более что многие участники событий 29 мая 1903 г. получили выгодные должности в военном и государственном аппарате Сербского королевства. Не только продолжилась, но и усилилась характерная для Сербии эпохи Обреновичей "министерская чехарда". С 1903 по 1914 г. в Сербии сменилось 18 кабинетов министров, т. е. в среднем каждый из них работал всего по 7,3 месяца. Только за первые три года после указанного переворота в стране сменилось шесть правительств, которые работали в среднем всего по 165 дней³. Тот же Сысоев замечал по этому поводу: "Сербия —

¹ РГВИА. Ф. 400, оп 4. Д.313, л.60 — 61.

² Там же. Л. 83 (об).

³ См.: *Стојановић Д.* Србија и демократија. Београд, 2003. С. 37.

классическая страна министерских кризисов, но так тяжело давно в ней не было"¹. Отметим, что такая частая смена кабинетов министров ярко иллюстрирует главную черту и противоречие государственного развития страны в 1903–1914 гг.: взаимовлияние и типологическое наложение друг на друга трёх основных векторов политического развития страны: трон — парламент — армия.

В 1911 г. часть офицерского корпуса сформировала собственную, неподконтрольную правительству организацию, более известную как "Объединение или смерть" ("Чёрная рука"). И для формирования подобных "внеконституционных" структур имелись объективные предпосылки. Как отмечал сербский историк В. Дедиер, к началу XX в. экономическая неразвитость страны, которая не имела ни сильной буржуазии, ни среднего, ни рабочего классов, привела к тому, что имеющиеся бюрократия и армия "взяли на себя ту функцию, которая в европейских государствах определялась экономическим развитием. В этом смысле сербский милитаризм возник в первую очередь как фактор организации процесса национального освобождения сербского народа от гнёта Османской и Габсбургской монархий"². Именно поэтому использование властными структурами страны идеи милитаризации общества, внедрение в сознание народа враждебного образа "другого" стали одними из главных способов внутренней консолидации страны, когда установки на войну, отодвигая ценности мирной жизни на второй план, создавали в Сербии особый базовый консенсус. "Воинственное настроение сербов не составляет коренного характера сербского народа, но воспитывается в нём и по необходимости поддерживается внешними обстоятельствами: неоконченностью политической роли, неустановленностью её территориальных и политических отношений. И такое состояние, очевидно, мешает развитию страны в смысле гражданственности. Рядом с воинственным героизмом вы не встречаете нигде мужества гражданского", — отмечал видный историк-славист П.А. Ровинский, делаясь впечатлениями от поездки в Сербию в 1867 г.³ Значительно

¹ РГВИА. Ф. 2000, д. 817, л. 41 (об).

² *Dedijer V. Sarajevo 1914*. Кнж. II. Београд, 1978. С. 78.

³ Русские о Сербии и сербах. СПб, 2006. С. 109. Сам П.А. Ровинский (1831–1916) являлся крупнейшим историком-славистом и филологом своего времени. С 1879 г. он практически постоянно проживал в Черногории, сна-

позже, в 1912 г., перед самым началом первой Балканской войны, российский дипломат В. Н. Штрандман отмечал, что сербы, находясь в постоянном ожидании нападения неприятеля, не хотят даже украшать свою столицу, поскольку абсолютно уверены в том, что дома всё равно будут разрушены врагом, а "будущее зависит от мудрости наших политиков и храбрости нашей небольшой армии, в которой всего десять пехотных и одна кавалерийская дивизии"¹. Этот вековое воздействие психологического фактора неизбежности войны, в начале XX в. наложившееся на обострение международной обстановки в Европе, получило в Сербии особое преломление. Усилились ожидания, тесно связанные с "мессианским" пониманием панславистской концепции "Балканы для балканских народов" и возрождением идеи объединения разрозненного между двумя империями "сербского племени" в единое государство. Причём, само сербское государство должно были стать своеобразным югославянским "Пьемонтом"².

Возросло политическое значение младшего офицерского корпуса, для которого служба связывалась не только с переходом на более высокую социальную ступень, но и с борьбой за осуществление национального мифа. По замечанию генерала сербской армии Н. Аранжеловича (1876–1963), младшие офицеры хотели, чтобы Шумадия — "этот свет сербского "Пьемонта" и всех южных славян, засветил правильным светом свободы <...> мечтали о пре-

чала как частное лицо, а затем как драгоман русской миссии. Одним из самых значительных его трудов стала книга "Черногория в её прошлом и настоящем", которая и сегодня является самым всеобъемлющим произведением по истории этой страны. — *Прим. авт.*

¹ *Штрандман В.Н.* Балканске успомене. Књ I. Део 1-2. Београд, 2009. С. 124.

² В конце 1844 г. министр внутренних дел Сербии И. Гарашанин разработал программу "Начертание", провозглашая создание на базе княжества большого южнославянского государства с расширением его территории за счёт Боснии и Герцеговины, Черногории, северной Албании и получением выхода к Адриатическому морю. О программе "Начертание" см. подробнее: *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србије XIX в. Београд, 1958; *Лушич Р.* Књига о Начертанију. Београд, 1993; *Никифоров К.В.* Сербия в середине XIX века. Начало деятельности по объединению земель. М., 1995; *Белов М.В.* Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о "Начертании" И. Гарашанина 1844 г.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 205–211.

красном будущем Сербии и Сербства, создавали фундамент для строительства не Великой Сербии, а Великой Югославии"¹. Они болезненно воспринимали любое отклонение от этих идеалов, которые допускали их командиры, включая самого короля. Младший и средний командный состав сербской армии стал олицетворением чаяний нового поколения сербской интеллигенции начала XX в., которое, по словам сербского историка С. Чирковича, "из истории национальной и социальной борьбы сделало вывод о преимуществах насилия как метода достижения поставленных целей. Активные действия, в том числе самопожертвование, для представителей молодой генерации выглядели предпочтительнее, чем одни лишь слова и политическое мудрствование"². Не случайно известный журналист Д. Рид, автор знаменитой книги "Десять дней, которые потрясли мир", в своих заметках о Первой мировой войне привёл разговор с одним старым сербским офицером, который ему "сказал в каком-то экстазе: "Мы учили, что эта мечта о Великой Сербии несомненно осуществится — но в будущем, через много лет, через много лет. А вот она осуществилась в наше время. За это стоит умереть!""³

В 1908 г. разразился знаменитый аннексионный кризис, который рассматривался сербами как национальное унижение, а идея освободительной войны витала в воздухе. Патриотический подъём охватил все слои сербского общества. Буквально сразу же после объявления Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцеговины, в начале октября 1908 г., на основе общества "Словенский юг"⁴ в Белграде была основана организация "Народная оборона", целью которой была организация четнического (партизанского; от сербск. "чета" — отряд) движения в Боснии и Герцеговине. Это

¹ АС, НА-52. Л. 4.

² Чиркович С. История сербов М., 2009. С. 313.

³ Рид Д. Вдоль фронта. М.; Л., 1928. С. 66–67.

⁴ Организация "Словенский юг", была основана в Белграде в начале мая 1903 г. формально как студенческое культурно-просветительское общество, цель которого содействовать объединению всех южнославянских народностей. Основатели этой организации находились в тесной связи с членами белградской масонской ложи "Препород" ("Возрождение"). После майского переворота 1903 г. общество значительно укрепило свои позиции, активизировав свою деятельность в Албании, Македонии, Боснии и Герцеговине.

общество насчитывало до 5000 человек, делилось на 223 филиала и имело значительное число сторонников за рубежом. Поскольку сербское правительство, по соглашению с Веной и в связи с признанием факта аннексии, было обязано не только прекратить действие четническому движению, но и пресекать его, "Народная оборона" формально трансформировалось в культурно-просветительское общество.

Таким образом, Боснийский кризис, от которого едва не вспыхнул мировой пожар, положил начало новому этапу в развитии "восточного вопроса", которое привело к событиям в Сараево 14 (28) июня 1914 г. Причём, именно после аннексии Боснии и Герцеговины сербским политикам стало окончательно ясно, что осуществить замыслы по объединению всех сербов в едином государстве можно теперь лишь силой оружия. Это значило продолжать борьбу с Османской империей за освобождение последних её владений в Европе, а также вступить в конфликт не только с ещё одним достаточно сильным славянским государством — Болгарией, но и с самой Австро-Венгрией, владеющей значительной частью Балканского полуострова. Не случайно в марте 1911 г. на одном из заседаний Скупщины сербский премьер Н. Пашич произнёс: "Малые государства могут, конечно, сожалеть о том, что одним из условий поддержания мира великие державы считают боевую мощь; но раз это так, то и малые государства должны следовать этому основному принципу; они должны готовиться к войне, если желают обеспечить мир"¹. Слова сербского премьера довольно быстро стали воплощаться в жизнь. Российский посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг доносил в октябре 1911 г.: "Сербское правительство неустанно работает над усовершенствованием и укомплектованием своей армии, что с точки зрения наших политических интересов имеет немаловажное значение. Новый проект государственной росписи на 1912 г. предвидит увеличение бюджета военного министерства до 29,5 млн фр., т. е. на 2,5 млн более прошлогоднего ассигнования"².

Отметим, что наглядные примеры в соседних государствах демонстрировали то, какую большую роль могут сыграть военные

¹ РГВИА, Ф. 2000. Д. 3035. Л. 467.

² Международные отношения эпохи империализма (далее — МОЭИ), т. XVIII (ч. II), серия II. 1900–1913. М.; Л., 1931. С. 211.

в осуществлении глобальных государственных задач. Достаточно было взглянуть на Османскую империю, где, по словам русского посла Зиновьева, "армия считается и действительно служит опорой верховной власти"¹. В 1908 г. в Османской империи произошла младотурецкая революция, возглавленная молодыми офицерами — членами партии "Единение и прогресс", — которые провозгласили своей целью решение национального вопроса, построение правового государства, проведение экономических и военных реформ. Турецкий переворот не только во многом явился катализатором событий Боснийского кризиса, но и послужил показательным примером для военных элит молодых балканских государств. По аналогичному сценарию развивались события и в соседней Греции, где под влиянием турецкой военно-политической организации "Единение и прогресс", и в связи с движением за объединение о. Крит с греческим королевством, была создана "Военная лига" во главе с полковником Н. Зорбасом, исповедавшая "панэллинистические" взгляды.

В Сербии же инициативу решения ключевых национальных задач взяла на себя военно-политическая организация "Объединение или смерть" ("Чёрная рука"), большинство членов которой составили офицеры — участники переворота 29 мая 1903 г., а подлинным, харизматичным вождём стал полковник Д. Димитриевич (Апис). Решение об организации общества "Объединение или смерть" было принято 3 марта 1911 г. на квартире майора Велимира Вемича, а его идейным вдохновителем стал Богдан Раденкович — сотрудник сербского МИД, позднее, в 1914–1916 гг., служивший секретарем сербской миссии в Афинах и являвшийся одним из главных организаторов четнического движения в Македонии и Старой Сербии². В состав новой организации входил также В. Туцович (1875–1947), который занимался вербовкой в её ряды молодых офицеров сербской армии. Среди членов новой организации отметим Чедомира Поповича, в 1914 г. руководившего пограничной службой Сербии (его брат Душан был одним из лидеров Социал-демократической партии Сербии),

¹ АВПРИ, Ф. "Политархив", д. 502. Л. 3.

² Сам же Богдан Раденкович планировал в 1911 г. занять пост рашко-призренского митрополита. См.: АС. Ф. Солунски процес. 1917. I. Fascikla II. Одбрана за Б. Раденковића.

а также полковника Милана Гр. Миловановича, майора Милана Васича, являвшего одновременно секретарём общества "Народная оборона". Исследователь В. Дедиер указывает, что в планы создания организации "Объединение или смерть" был посвящён и престолонаследник Александр, которого Апис убедил пожертвовать 20 тыс. динар на издание "Пьемонта" — печатного органа нового общества¹.

Председателем общества был выбран начальник белградской жандармерии Илия Радивоевич², а сам Велимир Вемич стал секретарём организации³. С конца 1913 г. эту должность занимал полковник Р. Лазич. В состав Верховной управы новой организации входили также полковник Илия Йованович, майоры Войа Танкосич и Милан Васич, а также Милан Гр. Милованович — полковник Генерального штаба и помощник начальника штаба сербской армии⁴. Среди членов "Чёрной руки" нельзя не отметить герцеговинца Мустафу Голубича и одного из участников сараевского убийства, служащего сербских железных дорог Милана Цигановича. В Далмации интересы организации представлял журналист Оскар Таргалья — редактор газет "Покрет" и "Застава", печатавшихся в Сплите, а также "Нови лист", выходившей в Риеке (Фиуме). Впоследствии, став одним из главных авторов загребского журнала "Новая Европа", выходившего в межвоенной Югославии, он напечатал там цикл патетических статей о "Чёрной руке".

Таким образом, формирование этой организации тесно увязано с общей смысловой особенностью состояния сербского социума начала XX в. Это проявилось уже в ходе начавшихся балканских войн 1912–1913 гг. По общему мнению, нельзя было упустить шанс нанести ещё один удар по агонизирующей Османской империи. Как заметил российский историк В. Н. Виноградов, "всё было

¹ См.: *Dedijer V. Sarajevo*, 1914. knj. II. С. 96.

² Радивоевич был убит в ходе Балканских войн в 1913 г. и его место председателя занял Д. Димитриевич-Апис, ставший подлинным лидером этого общества.

³ См.: *Пејчић П. Четнички покрет у Краљевини Србији 1903–1908*. С. 106–107.

⁴ Милан Васич был убит в ходе Балканских войн, 1913 г. Майор Воислав Танкосич был тяжело ранен в боях под Пожаревацем в 1915 г. и вскоре умер. М. Гр. Милованович был осуждён по приговору Салоникского процесса 1917 г.

вновь: не подданные собирались восставать против тиранического правления, а независимые христианские государства готовились освобождать ещё находившиеся под турецким господством славянские и греческие земли с намерением присоединить их к себе"¹. Трудно в этой связи не согласиться с мнением популярного в начале XX в. российского беллетриста Е. Н. Чирикова, побывавшего на фронте Первой Балканской войны и чётко подметившего: "Вообще эту войну приличнее называть войной мести, чем идеализировать её поэтическими эпитетами "борьбы за освобождение братьев"². Восприятие начавшейся войны сербским обществом было принципиально иным, чему немало способствовала, в том числе и милитаризация повседневности, свойственная не только государственному, но и в целом общественному развитию страны во второй половине XIX — начале XX вв. Это же состояние и смысловая особенность ярко проявились в ходе Первой мировой войны, способствуя победам сербского оружия в 1914 г. Тот же Д. Рид, подчёркивал, что "каждый солдат из крестьян знает, за что он сражается. Ещё когда он был маленьким ребенком, мать приветствовала его: "Здравствуй, маленький мститель за Косово"³.

¹ *Виноградов В.Н.* Двуглавый российский орел на Балканах 1683 — 1914. М., 2010. С. 445.

² *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 142.

³ *Рид Д.* Указ. соч. С. 66. Данные слова позволяют несколько иначе взглянуть на причины кризиса в России в феврале 1917 г. Генерал и военный историк Ю.Н. Данилов отмечал, что в 1914 г. в России, после объявления мобилизации, несмотря на внешнюю бурную поддержку Николая II и патриотический подъём, крестьянин, составлявший, так же как и в Сербии, основу армии, "шёл на призыв потому, что привык вообще исполнять всё то, что от него требовала власть; он терпеливо и пассивно нёс свой крест, пока не подошли великие испытания <...>. Даже коренное русское население было лишено сознания единства. "Мы — вятские, тульские или пермские, до нас немец не дойдет", — такими словами часто и надо сказать довольно правильно характеризовали у нас несознательное отношение крестьянства об общей опасности государства" (*Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 112). То же в своих воспоминаниях пишет князь С.Е. Трубецкой: "Всем было тяжело, никому не хотелось идти. Индивидуального сознания печальной необходимости войны почти ни у кого не было ("мы калуцкие, нам море не нужна"). И вот все безропотно бросали всё и шли... Что же их побуждало к этому? Патриотизм? Только в исключительных случаях. Масса шла потому, что

В общей сложности в Первую Балканскую войну Сербия выставила 9 пехотных и одну кавалерийскую дивизию, а общая численность армии составила более 160 тыс. человек. Причём, как отмечал в своих донесениях российский консул в Призрене Н. А. Емельянов, "дисциплина сербских войск стоит выше похвал и в этом надо отдать справедливость сербским офицерам, неослабно следящим за своими солдатами и не оставляющим безнаказанными малейшие пустяки. Я сам случайно был свидетелем, как один командир полка избил палкой на улице своего солдата за то, что последний, выпив в одной лавчонке кофе, хотел уйти, не заплатив за него 10 пара (2 копейки)"¹.

Мы не будем в данной главе подвергать подробному анализу события, относящиеся к предпосылкам этих войн, равно как и военные операции армий балканских государств как против Османской империи во время одной, так и против вчерашних союзников во время другой. Ключевой причиной Второй Балканской войны явились болгаро-сербские разногласия из-за вновь приобретённых македонских земель. Укажем лишь, что 30 июля 1913 г. в Бухаресте открылись мирные переговоры, завершившиеся подписанием 10 августа 1913 г. соответствующих соглашений. Сербия получила не только спорную, но и большую часть болгарской части Македонии, Греция — южную Македонию, Салоники, часть Западной Фракии. Румыния получила Добруджу. 29 сентября между Болгарией и Турцией был подписан Константинопольский мир, согласно статьям которого, Турции возвращались Восточная Фракия и Адрианополь. Болгарии удалось сохранить за собой лишь Западную Фракию, дававшую ей выход в Эгейское море. Таким образом, Болгария, которая, по словам её премьер-министра Гешова,

она чувствовала принуждение идти. А какова была реальная, физическая сила, стоящая за этим принуждением? Два, три урядника на огромную волюсть! Если бы люди на мгновение вышли из-под действия массового гипноза власти и чувства необходимости ей повиноваться, власть эта ничего не могла бы с ними поделать, и вся сложная постройка государственного здания рассыпалась бы в прах" (Князя Трубецкие. Россия воспрянет. М., 1996. С. 159). Неудачи на русско-германском фронте в 1915—1916 гг. только усиливали эти настроения, что делало кризис российской монархии неизбежным.

¹ АВПРИ. Ф. 166 — миссия в Белграде, оп. 508/1. Д. 141. Л. 3 (об).

"была ограблена, погублена, унижена, обесславлена"¹, потеряла не только большую часть своих недавних завоеваний, но и некоторые свои исконные территории, что окончательно толкнуло её в объятия германской политики. Эти новые внешнеполитические приоритеты Болгарии, а также Османской империи, как известно, отразились на расстановке сил в начавшейся вскоре Первой мировой войне.

Общим итогом Балканских войн стало включение в состав Сербии части территории Ново-Пазарского санджака, создание общей границы между Сербией и Черногорией. В состав Сербии вошла также Вардарская Македония. Территория сербского королевства значительно расширилась, почти в два раза — до 4,5 млн человек, увеличилось и население страны.

Казалось бы, мечта о новом "Пьемонте" близка к осуществлению. Однако "маленькие победоносные войны" окрылили не только сербских политиков. Поскольку следующим шагом могло стать присоединение к Сербии славянских земель, находившихся под властью Австро-Венгрии, вопрос о том, какая политическая сила сыграет решающую роль в этом процессе, а вместе с тем и в общей политике страны, приобрёл новую остроту. У сербской военной элиты появилась реальная возможность возглавить этот процесс. Вопрос об интеграции несербского населения новоприобретённых земель в состав сербского королевства усугублял разногласия между правящей Радикальной партией и офицерским корпусом страны. Между ними неотвратимо назревал конфликт.

В декабре 1912 г. король Пётр ввел "уредбу" (статут) об "установлении в Новой Сербии областей судебных и полицейских", состоящий из 88 статей. Причём, это было сделано за полгода до подписания официальных лондонских соглашений и, соответственно, включения этих территорий в состав Сербии, что даже вызвало протест австро-венгерского посла в Лондоне графа Менсдорфа. На основании этого документа в новых сербских областях вводилось военное управление во главе с Верховной командой (т. е. штабом главнокомандующего), дислоцированной в Скопье. Кроме того, этим документом были объявлены недействительными сделки по продаже и покупке земель и недвижимого имущества,

¹ *Гешов И.Е.* Балканский союз: воспоминания и документы. Пг., 1915. С. 80.

совершённые во время войны. При этом статут совершенно не изменил размер и вид государственных налогов с местного населения, оставив их теми же, что и при турецком правлении. "Все приходы Новой Сербии являются гарантией долга, приходящегося на новоосвобожденные земли", — говорилось в статуте¹.

Заметим, что военные сербские власти показали слабую компетентность в решении конкретных административных задач, что вызывало вполне оправданное возмущение местного населения и ещё больше ухудшило и без того натянутые сербо-болгарские отношения. "К сожалению, вместо того, чтобы отправить в оккупированные области своих наилучших чиновников, Сербия, за недостатком людей послала лишь избранных наспех, среди коих есть даже ранее удалённые со службы. Поэтому, по общему мнению, чиновники здесь отличаются продажностью и фаворитизмом, Причём иные из них считают нужным оказывать сербам предпочтение перед болгарами", — доносил в марте 1913 г. российский консул в Скопье Тухолка². В свою очередь российский консул в Битоли Н. В. Кохманский в своих донесениях ноября 1913 г. приводил вопиющие случаи беззакония сербских военных властей. Он связывал это, среди прочего, с отсутствием такта битольского окружного начальника Новаковича и его "полным непониманием своего назначения, так и необходимости считаться с психологией населения в той местности, где сербские симпатии так ещё молоды и непрочны". Поведение этого должностного лица вызвало даже официальные протесты консулов иностранных государств, поскольку по его приказанию были сорваны флаги иностранных держав, находящиеся на фасадах зданий, "под чьим покровительством состоит само учреждение". По его приказу полицейский комиссар вместе с жандармами сняли с фасада Оттоманского бан-

¹ РГВИА. Ф. 2000, д. 2988, л. 40 (об). В январе 1913 г. сербские военные власти Битоли ввели повышенные пошлины на ввозимые из Салоник товары, что вызвало в городе рост цен и дефицит товаров первой необходимости. По словам российского консула в Битоли Н.В. Кохманского, "сербское правительство в этом случае не только не заботится об интересах населения, но смотрит на этих новых своих подданных как бы на неприятеля, облагая их контрибуцией с единственной целью пополнения казны, не дав ещё со своей стороны плательщикам экономических выгод или улучшения вообще условий жизни даже в самом городе Битоли". См.: АВПРИ. Ф. 166 — миссия в Белграде, оп. 508/1. Д. 141. Л.46.

² АВПРИ. Ф. 166 — миссия в Белграде, оп. 508/1. Д. 141. Л. 81 (об).

ка французский и английский флаги и сбросили их с лестницы "с нелестными для консулов вообще выражениями". Другие учреждения поспешили сами снять флаги, "дабы избежать подобного оскорбления". Инцидент удалось замять лишь после прямого вмешательства Н. Пашича.

Во время визита королевича Александра в Битоли, Новакович выразил неудовольствие тем, что дети румынских школ будут участвовать в торжественной встрече сербского престолонаследника, "так как они, по его представлению, в сущности не существуют". Когда инспектор школ выразил протест, Новакович "пренебрежительно ответил, что, пожалуй, пусть станут где-нибудь в стороне, около битольских евреев". Оскорбленный румынский консул, которому, кстати, Новакович не нанёс официального визита как представителю иностранного государства, отменил участие своих школ в церемонии и сообщил в МИД "о недружественном к Румынии настроении начальника битольского края"¹. Уже в сентябре 1913 г. депутат-социалист Т. Кацлерович в ходе дебатов в Скупщине заявил, что на освобожденные земли вместо всевластия верховного командования должна быть распространена гражданская власть и действие парламентской системы².

Сложный конфессиональный и этнический состав населения новоприобретённых территорий недостаточно принимался в расчёт новыми властями, стремившимися немедленно объявить всех без разбора сербами. "Одновременно с разных сторон приходят сюда жалобы от болгарского сельского населения, что сербские чиновники при составлении списков усердствуют всех помечать сербами и окончания имён всех производить на "ч", — замечал российский консул в Битоли Н. В. Кохманский³. Аналогичные сведения присылались российскими консулами в Призрене и Скопье⁴.

¹ АВПРИ. Ф. 166 — миссия в Белграде, оп. 508/1. Д. 141. Л. 138–140 (об).

² См.: *Искенедеров П.А.* Сербо-албанское разграничение и общественно-политическая ситуация в Сербии 1913–1914 гг. // *Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.)* СПб., 2009. С. 178.

³ АВПРИ. Ф. 166 — миссия в Белграде, оп. 508/1. Д. 141. Л. 59.

⁴ По данным русского консула в Призрене Емельянова к 1913 г. в призренском округе проживало 227425 жителей, из них около 35 тыс. православных сербов, 190 тыс. мусульман, а остальные католики. Непосредственно в городе из 22308 жителей было 13414 турок, 1328 арнаутов, 5127 сербов,

Такое положение дел усугублялось и произволом, чинимым в отношении местного населения Старой Сербии и Македонии сербскими иррегулярными формированиями — четниками, угрожавшими, по словам Кохманского, "населению крутыми мерами, если болгары в известный срок не объявят себя сербами"¹. В свою очередь российский консул в Скопье Тухолка отмечал: "Сербские четники помещались здесь сзади нашего вице-консульства в доме, носившем название "Народна одбрана", и приводили туда болгар для избиений и истязаний. По словам болгар, в этом доме было избито человек полтора, но в виду угроз четников и враждебного отношения властей никто из них не стал жаловаться". Российский дипломат указал на эти вопиющие факты генералу Ж. Мишичу, который заявил, что "глубоко возмущён помянутыми мною фактами и что он также признает необходимость роспуска этих четников. Ныне сербы назначили майора Божина Симича для формирования правильной жандармерии".² Аналогичная ситуация складывалась и в Призрене, где, по словам российского консула Емельянова, "у четников имелся заранее составленный список всех арнаутов, безнаказанно за время турецкого владычества грабивших, убивавших и бесчестивших сербов"³.

1104 цыган, 270 греков, 1 болгарин, 1057 католиков-албанцев, 13 католиков-сербов. См.: АВПРИ. Ф. 166 — миссия в Белграде, оп. 508/1. Д. 141. Л. 131–131 (об). Исходя из данных цифр, становятся понятны и истоки современной Косовской драмы.

¹ АВПРИ. Ф. 166 — миссия в Белграде, оп. 508/1. Д. 141. Л. 59 (об).

² АВПРИ. Ф. 166 — миссия в Белграде, оп. 508/1. Д. 141. Л. 110–111.

³ Там же. Л. 9. В сентябре 1913 г. албанские четы численностью более 10000 человек под руководством Исы Болетинца и других вождей албанского сопротивления совершили нападение на недавно присоединенные к Сербии земли западной Македонии. Началась новая, теперь уже необъявленная война на Балканах. В этом вторжении активное участие приняли и болгарские четнические отряды. Это вторжение не без труда было отбито силами сербской армии, а албанское население подверглось жестоким репрессиям со стороны сербских военных властей. См. *Трић В.* Мемоари. Ч. II. Београд, 1996. С. 32–40.; П.А. Искендеров приводит ужасающие факты расправ, чинимых как албанцами, так и сербами. См.: *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос. СПб.: Алетей, 2013. С.132–158, цитируя в этой связи "Официальный доклад великим державам" — документ опубликованный в газете "Корриере делле Пулье", в котором были обобщены материалы о резне сербами албанского населения в Люме и Дебаре .

В конце 1913 г. Радикальная партия разработала дискриминационное "Положение об общественной безопасности", фактически дискредитировавшее всю систему сербской власти на освобожденных полиэтничных территориях, что только усилило проблему межнациональных и межэтнических отношений. Согласно его статьям, "не признающие государственной власти, скрывающиеся от неё, только за это проявление возмущения наказываются до 5 лет каторжных работ. Свидетельством наличия такого уголовного дела является решение полицейских властей, объявленное в общине, откуда родом мятежник (бунтовщик, непокорный). Подобного мятежника имеют право убить все находящиеся на государственной службе, а также и военные лица, если он не сдаётся им по первому требованию. Если в какой-либо общине произойдёт несколько случаев непризнания государственной власти (мятежа) и мятежники в 10-дневный срок не вернуться по требованию полицейских властей по домам, то полицейские власти имеют право расселить их семью, куда будет признано удобным. Точно так же могут быть расселены обитатели тех домов, в коих укрывалось оружие или вооружённые люди или преступники вообще; кроме того, виновные подвергаются еще и наказанию, согласно настоящего положения. Решение о расселении выносит начальник округа, в котором находится селение. Решение выполняется немедленно и безапелляционно. Кто, зная совершителя какого-либо преступления, не пожелает об этом донести, наказуется каторжными работами до 5 лет"¹.

Правящая Радикальная партии предприняла также попытку создать послушную новому режиму армию. Не случайно Н. Пашич откровенно сказал корреспонденту С.-Петербургского телеграфного агентства В. П. Сватковскому, что "наша первая задача, к которой мы приступим немедленно, это реорганизовать и увеличить армию до полумиллиона", причём строевых частей — "400 тысяч штыков, 100 тысяч артиллерии, кавалерии и технических войск". Сербский премьер планировал также пропорциональное увеличение численности офицерского состава². Устранение политического влияния в армии офицеров-"черноруковцев" стало первоочередной задачей правительства Пашича. В этой же связи

¹ РГВИА. Ф. 2000, д. 3166, л. 10–11 (об).

² АВПРИ. Ф. 340, оп. 793, д. 6, л. 135.

российский военный агент в Белграде В. А. Артамонов особо подчёркивал: "С окончанием первой войны отношения радикалов и военных вообще стали натянутыми как из-за вопроса о способе управления новыми краями, так и по поводу сербо-болгарских отношений. Опасаясь возобновления "милановщины", личного режима, пользовавшегося армией против радикалов, последние стараются держать военных в руках. Некоторые полагают даже, что разлад в офицерском корпусе считается радикалами до известной степени благоприятным явлением с партийной точки зрения"¹.

Формальным поводом к началу нового противостояния явилось издание сербским правительством указа о новом порядке отправления церковной службы по поводу сербских побед в Балканских войнах. Отныне почетные места у алтаря должны были занимать не офицеры, а сербские чиновники. Указ о "старшинстве гражданских властей в Новой Сербии над военными" был введён по инициативе министра внутренних дел Стояна Протича. Он устанавливал первенство гражданских чинов над военными при всех тожественных церемониях. При этом, как доносил в июне 1914 г. российский военный агент в Сербии В. А. Артамонов, "условия жизни в Новой Сербии схожи с условиями самых заброшенных углов Дальнего Востока: правительство не находит желающих служить там, несмотря на 10 % прибавки содержания. При необходимости внезапно удвоить весь административный персонал в государстве пришлось взять на службу многих заведомо негодных чиновников. Их плохое поведение, вымогательства и пр. дискредитировали сербское управление и, естественно, офицерский корпус, поставленный распоряжениями министра внутренних дел в подчинённое положение, на второе место, в крае, который они только что завоевали и который, в сущности, находится на "военном положении". В небольшом городке какой-нибудь срезский мальчик, т. е. полицейский начальник, молодой человек, часто едва лишь покинувший школьную скамью, оказывается во всех случаях, при всех церемониях старше полкового командира, полковника"².

Непосредственным поводом к изданию соответствующего указа послужил открытый конфликт в Битоли между одним

¹ РГВИА. Ф. 2000, д. 3168, л. 11 – 11(об) .

² МОЭИ. V. С. 455 – 456.

из руководителей "Чёрной руки" начальником дивизии генералом Дамианом Поповичем и начальником местного округа, который вылился в очередной министерский кризис. Д. Попович демонстративно подал в отставку. К весне 1914 г. напряжение достигло высшей точки: была распущена скупщина, а сербский премьер Никола Пашич демонстративно ушел с поста главы правительства. Впрочем, в мае 1914 г. король возвратил его на этот пост.

Российский военный агент отмечал в донесении от 4 (17) июня 1914 г.: "Война объединила всех; мелкие дразги, различия во мнениях и способе создания Великой Сербии — всё было забыто. Но уже после первых успехов начали происходить мелкие недоразумения и неприятности между радикалами и военными. Последние, реабилитированные войною, подняли высоко голову. Члены правительства, депутаты скупщины, приехавшие посмотреть Скопье и рассчитывавшие на удобства при железнодорожном переезде, были весьма нелюбезно встречены начальником военных сообщений полковником К. Смиляничем, которому вагоны и поезда были чрезвычайно нужны для военных перевозок. Вскоре засим какой-то господин, родственник министра финансов г. Пачу, пожелал устраивать в Скопье какие-то гешефты, перевозить свои товары и требовал незаконных послаблений. Помощник начальника полевого штаба генерал Живоин Мишич без церемонии отделал этого господина, а в частном разговоре отозвался оскорбительно и о самом министре. К тому же генерал Мишич не скрыл своего мнения о необходимости для Новой Сербии военного управления в течение известного периода лет, чтобы честным и справедливым управлением привлечь население на сторону Сербии. Это не совпало с планами радикалов"¹.

"Спор о приоритете" совпал с очередным министерским кризисом в начале июня 1914 г. Как отмечал Н.Г. Гартвиг, "после Балканских войн оппозиционные партии надеялись, что ввиду создавшихся новых условий в стране они, в конце концов, будут призваны к участию в делах государственного управления, но ошиблись в своих расчётах, ибо Пашич и его единомышленники не считали своевременным приступить к внутренним преобразованиям до окончательного завершения стоящих на очереди важных вопросов внешней политики. Это обстоятельство вызвало особое

1 МОЭИ. V. С. 455.

раздражение в среде наиболее жаждущих власти младорадикалов (самосталцев), успевших сплотить вокруг себя остальных членов оппозиции"¹. Н. Пашич в очередной раз демонстративно подал в отставку. Однако "младорадикалы", которые, по словам Гартвига, "смело выразили готовность составить кабинет из своей среды", представили королю Петру такую политическую программу, которая, как заметил российский посланник, "оказалась ниже всякой критики"². Н. Пашич со старым кабинетом вновь был призван во власть, добившись от короля согласия на роспуск скупщины и проведения новых выборов³. Но намеренно затягивая её роспуск, сербский премьер сумел провести через неё законопроект о сверхсметных ассигнованиях на сербскую армию, и лишь после этого, 11 июня (ст. стиль), был объявлен указ о роспуске скупщины, о назначении на 1 августа новых выборов и о "созыве обновленной палаты в чрезвычайную сессию на 10 сентября"⁴.

Не случайно, что именно вожди "младорадикалов" — Л. Давидович, М. Драшкович⁵ и примкнувший к ним либерал В. Велькович встали на защиту обиженного офицерского корпуса,

¹ АВПРИ. Ф. "Политархив", д. 532, л. 239–240.

² Там же. Л. 240 (об).

³ Младорадикалы откололись от Радикальной партии в 1901 г. Для борьбы с "младорадикалами" Пашич попытался заручиться поддержкой ещё одной влиятельной партии "напредняков" (от сербск. "напред" — "вперёд"), вступив при посредничестве Н.Г. Гартвига в переговоры с одним из видных деятелей этой партии Павлом Маринковичем. Переговоры, однако, зашли в тупик, поскольку "напредняки" потребовали создания коалиционного правительства "с тем, чтобы выборы в скупщину производились под контролем коалиционного из обеих партий министерства". Неудача переговоров лишь обострила внутренний кризис, поскольку эта партия также открыто присоединилась к оппозиции. См.: АВПРИ. Ф. "Политархив", д. 532, л. 262. (Н.Г. Гартвиг — С.Д. Сазонову 18.06.1914).

⁴ Там же. Л. 261 (об).

⁵ Российский посланник в Сербии Г.Н. Трубецкой называл Драшковича "самым выдающимся членом кабинета". По словам русского дипломата, "он был ещё молодой, чрезвычайно привлекательный искренностью и горящий силою своего патриотизма человек. Вместе с тем он обладал редким в Сербии качеством деловитости; на слова его можно было надеяться больше, чем на слова других. А это много значило в Сербии, где славянская халатность давала себя чувствовать". См.: *Трубецкой Гр. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 90.

вступив в прямой контакт с Димитриевичем-Аписом, с помощью которого рассчитывали сформировать новое правительство.

В стране возникла реальная угроза ещё одного военного переворота. Д. Димитриевич (Апис) через помощника командира Шумадийской дивизии полковника Плазину переправил в Македонию письмо своему родственнику подполковнику Душану Глишичу, в котором содержался прямой призыв к военному путчу. Причём Апис настаивал на походе войск из Скопье в сербскую столицу¹. После смены власти в Македонии продолжения событий следовало ожидать уже в самом Белграде. Однако вопреки воле Аписа его инструкции исполнены не были, поскольку офицеры восприняли этот план как авантюру, граничащую с безрассудством. "Прошу вас отказаться от того пути, на который вы задумали встать, поскольку вас на том пути никто не будет сопровождать. Мы должны довести сие до вашего сведения, чтобы вы не допустили какую-то непоправимую ошибку, которая станет фатальной для страны и для вас", — написал в ответном письме подполковник Глишич². После этого, как отмечал А. Антич, Апис в борьбе с радикалами установил ещё более прочные связи с сербской оппозицией³. В. А. Артамонов по этому поводу писал в донесении от 4 (17) июня 1914 г.: "Особенно деятельное заступничество за унижаемый офицерский корпус проявили "молодые радикалы", вошедшие, по видимому, в соглашение с воеводой Путником и "Чёрной рукой" об отмене "уредбы о приоритете" в случае перехода власти к оппозиции. Было очевидно, что даже и король недоволен отношением радикалов к офицерскому корпусу. Однако так как оппозиционные партии не смогли столкнуться по вопросу об общей программе, о коалиционном кабинете и совместном производстве выборов в новую Скупщину, то, в конце концов, король оставил у власти

¹ Об этом в своих воспоминаниях указывает участник переворота 1903 г., близкий к организации "Чёрная рука" А. Антич. См.: *Антич А.* Белешке. Зајечар, 2010. С.264. См. также: *Маккензи Д.* Апис. Гениальный конспиратор. М., 2005. С. 166–167. На салоницком процессе этот факт являлся одним из важных аргументов доказательства вины Аписа, что зафиксировано в протоколах суда. См.: Архив Србије (далее АС) Солунски процес.1917. Fascikla I: Пресуда пук. М. Лазаревића, fascikla III: Претрес пуковника Плазнина.

² *Маккензи Д.* Апис. С. 169. См. также: АС. Солунски процес. 1917. I. Fascikla II. Завршна реч Милована Гр. Миловановића.

³ *Антич А.* Указ. соч. С. 264.

кабинет Пашича, сделавшего известные уступки, а именно: “уредба о приоритете” будет изменена в том смысле, что гражданские власти будут занимать первое место лишь при церемониях, имеющих политический характер, а во всех остальных случаях старшинство представителей гражданских и военных властей будет определяться по их чинам и получаемому содержанию”¹.

В свою очередь, Н. Пашичу удалось привлечь на свою сторону главу российской дипломатической миссии Н. Г. Гартвига, поскольку, по словам известного российского историка Ю. А. Писарева, “русская дипломатия вынашивала в это время идею восстановления Балканского союза, и ей казались опасными авантюрные планы организации “Чёрная рука””². Сам же Гартвиг в оправдание собственных действий отмечал, что общество “Чёрная рука”, которое “пользуется всяким подходящим случаем, чтобы сеять раздор и неудовольствие среди военных”, “никогда не встречало ни малейшего сочувствия со стороны армии, благоразумно воздерживающейся от вмешательства в дела внутренней политики”³.

На сторону Пашича, под влиянием российского посланника, окончательно склонился престолонаследник Александр. Как заметил сам российский посланник в Белграде, “питая глубокое уважение и доверие к Пашичу, престолонаследник, одно время увлекшийся наравне с воинствующей партией успехами сербского оружия, готов был осудить премьера за нерешительность действий; но вскоре, под влиянием дальнейших событий, он осознал свою ошибку и ныне является самым ярким сторонником осторожной и благоразумной политики первого государственного мужа Сербии”⁴.

В этой ситуации король Пётр, балансировавший между армией и правительством, принял решение уйти из большой политики. Уже 11 (24) июня 1914 г., т. е. за четыре дня до сараевского покушения, был обнародован королевский указ о возложении монарших

¹ МОЭИ. V. С. 458.

² Писарев Ю.А. За кулисами суда в Салониках над организацией “Объединение или смерть” (1917) // Новая и новейшая история. 1979. № 1. С. 111; *Его же*. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М.: Наука, 1990. С. 30.

³ МОЭИ Серия III, т. III. М.; Л., 1933. С. 330.

⁴ МОЭИ Серия III. Т. IV. 1914–1917 гг. С. 63.

прерогатив на престолонаследника Александра, ставшего принцем-регентом при своём престарелом отце. Желание "Чёрной руки" формально было выполнено. Однако это была "пиррова победа" Аписа. Н. Пашич, в свою очередь, 16 июня 1914 г. окончательно сформировал новый, "послушный" кабинет министров, нанеся по членам "Чёрной руки" скрытый удар.

На фоне "спора о приоритете" разгорелся ещё один скандал, связанный с ревизией расходуемых средств "Офицерской задруги" — организации, основанной в 1899 г. и объединявшей всех офицеров сербской армии. Её председателем был Д. Попович — "родоначальник" конфликта о приоритете. По словам Артамонова, "его выступление как бы в защиту умышленно принижаемого радикалами офицерского корпуса создало ему популярность и, как следствие — способствовало единогласному избранию его в председатели офицерской "Задруги"¹.

В то же время вопрос учёта расходуемых "Офицерской задругой" средств стал ещё одним поводом для столкновения офицерских кругов страны с лидерами радикалов². В. А. Артамонов в мае 1914 г. указывал, что причины трений офицеров с радикалами связаны, "во-первых, с указом о старшинстве в Новой Сербии гражданской власти над военными властями, а во-вторых, с ревизией отчётности "Офицерской задруги", прекратившей с января 1911 г. выплаты процентов по займу в 4 млн франков в петербургский международный коммерческий банк. К апрелю 1914 г. задолженность по просроченным векселям составила

¹ МОЭИ. V. С. 456.

² Российский заём был предоставлен "Офицерской задруге" осенью 1910 г., причём именно Гартвиг приложил немало усилий, чтобы через тогдашнего российского министра финансов Коковцева убедить руководство Санкт-Петербургского международного банка выделить необходимую сумму. Он писал, что данный вопрос носит важную политическую составляющую: "Сербские офицеры получают сравнительно весьма скромное содержание и, при ежегодно увеличивающейся дороговизне здешней жизни вынуждены прибегать к займам, услуги им охотно оказывают местные банкиры, почти сплошь австрийские евреи, вымогающие с них еврейские проценты. Постепенно большинство офицеров сербской армии оказалось в цепких руках евреев". Александр Карагеоргиевич даже наградил представителей этого банка сербскими орденами, а своевременное погашение займа гарантировал также и военный министр страны. См.: РГВИА. Ф. 2000, оп. 1, д. 3035, л. 52, 268.

2143023,40 франков, а по векселям, срок платежа которых ещё не подошёл, 1625000 франков¹. В связи с этим "Офицерская задруга" обратилась к правлению банка с предложением оплатить "немедленно все причитающееся... в настоящее время проценты. Что же касается [погашения] капитального долга, то таковое имеет быть произведено в течение 8 лет 96 равными долями"². При этом российский военный агент подчёркивал, что "известные суммы расходовались на "патриотические великосербские цели, на поддержание великосербского журнала Пьемонт"³. Высказал он и предположение о причастности к этим делам не только известного сербского генерала Р. Путника ("многое, очевидно, делалось с молчаливого согласия или попустения воеводы Путника"), но и самого наследника Александра. "Как мне весьма доверительно сообщил посланник, осведомленный Н. Пашичем, перед ревизией "Задруги" вексель генерала Путника на 9000 франков, полученных им из "Задруги", был погашен королевичем Александром из личных средств"³.

А вот что говорится в донесении А. А. Гирса Г. Н. Трубецкому от 6 (23) июля 1914 г.: "Возникший между Пашичем и офицерством конфликт на почве проверки деятельности "офицерской задруги" — явление частичного порядка в общей планомерной борьбе с правительством известных кругов армии, получившее остроту благодаря тому обстоятельству, что центральной фигурой его явился в тот момент Дамиан Попович, командующий войсками под Скутари и в некоторых других пунктах Албании. Попович — один из самых видных участников низвержения и убийства короля Александра. После того как правительство решилось, наконец, от него освободиться и уволило его в отставку (под предлогом непринятия надлежащих мер для отражения албанского набега), офицерство, в виде протеста, поспешило избрать его в совет своей "Задруги". Конфликт был вслед за тем перенесен в скупщину, но возникший при этом министерский кризис разыгрывался не по поводу отставки Поповича, а на почве столкновения между граж-

¹ МОЭИ. Серия III, (1914–1917). М.; Л., 1931. С. 131

² Там же. С. 131.

³ РГВИА. Ф. 2000, д. 3168, л. 18–18(об). Заметим, что 28 октября 1913 г. Д. Димитриевич-Апис положил на счёт офицерской задруги существенную сумму в 2703 динара и 95 пара. См.: АС. Слопуски процес. 1917. I. Fascicla II. Разна преписка за време процеса.

данскими и военными властями в Новой Сербии, где последние, как известно, потребовали признания за ними преимущественных перед первыми прав управления. Кризис разрешился, впрочем, довольно быстро; выйдя временно в отставку, Пашич снова стал во главе правительства, и дело о Дамиане Поповиче пока заглохло, но надолго ли, сказать нельзя. Весь этот эпизод имел, однако, только один вполне определившийся результат, а именно усиление недовольства офицерства королем Петром"¹.

В свою очередь, В. А. Артамонов оценивал эти события следующим образом: "Оппозиция воспользовалась случаем для нападок на правительство и вступилась за оскорбленный офицерский корпус, обвиняя правительство в дурном управлении новыми краями, в стремлении унижить офицерский корпус и т. д. Правительство в лице министра внутренних дел старалось обвинить некоторую часть офицерского корпуса (пресловутую "Чёрную руку") в стремлении к преторианству, а "Задругу" в плохом бесконтрольном управлении, неисполнении своих обязательств по отношению к С.-Петербургскому банку и расходовании управляющим "Задругой" чиновником Ч. Йовановичем средств "Задруги" на посторонние цели (например, издание газеты "Пьемонт", органа военной партии, и т. п.). Вероятно, эти вопросы (о старейшинстве властей, об упорядочении дел в "Офицерской задруге") могли бы быть решены и приведены к благоприятному результату без шума и без создания недовольства в известной части офицерского корпуса. Нетактичность, резкость, грубость некоторых членов правительства (С. Протича², В. Янковича) сплотила против правительства офицерский корпус и заставила в лице его делегатов на выборах управления "Офицерской задруги" выступить демонстративно против правительства. Остаётся сожалеть об этом, так как такого рода столкновения подрывают престиж и правительства и офицерского корпуса за границей, а вместе с тем в бесплодных прениях тратится время на заседаниях скупщины, тогда как спешные заказы вооружения ожидают, когда дойдёт до них очередь"³.

¹ МОЭИ. Серия III, 1914–1917. М.; Л., 1931. С. 146–147.

² Известный деятель сербского четнического движения В. Трбич, который как он сам пишет, был противник вмешательства армии в политику, утверждал, что министр Стоян Протич был побит капитаном Аце Благоевичем. См. *Трбић В.* Мемоари. Ч. II. Београд, 1996. С. 42.

³ РГВИА. Ф. 2000, д. 3168, л. 15–15(об). См. также: МОЭИ. V. С. 450–451.

Сами по себе эти события доказывают факт непричастности официальных сербских властей к выстрелу в Сараево, тем более что Сербия в военном отношении была не готова ещё к одной войне, о чем Апис, занимая ответственный пост в Генеральном штабе, не мог не знать. В 1913 г., вскоре после окончания Второй Балканской войны он сам сказал известному в будущем югославскому политику С. Прибичевичу: "Нам нужно ещё несколько лет мира, а затем придём к вам"¹. 6 (19) июля 1914 г., беседа с российским дипломатом В. Н. Штрандманом, королевич Александр "доверительно поведал", что сербская армия "располагает ныне, после двух Балканских войн, лишь ничтожным количеством исправных винтовок, каковое обстоятельство является большим соблазном для врагов королевства"².

На этом основании Ю. А. Писарев пришёл к выводу не только "о незаинтересованности сербского правительства в военном конфликте с Австро-Венгрией, но и о неучастии руководства "Чёрной руки" в сараевском заговоре"³. Он допускал только косвенную связь "Чёрной руки" с событиями в Сараево, указывая, что член общества майор В. Танкосич, занимавшийся подготовкой добровольцев для засылки в Боснию, обучал террористов владению оружием. "По его инициативе и с согласия Димитриевича-Аписа им были даны револьверы и бомбы. Не исключено, что при попустительстве членов союза — офицеров пограничной заставы в Лознице — Г. Принцип и его товарищи перешли государственную границу — из Сербии в Боснию. Как свидетельствует Димитриевич, позже он пытался приостановить эти действия, но не добился успеха. Посланный им в Боснию Д. Шарац запоздал и не смог предотвратить террористический акт"⁴. Ю. А. Писарев ссылался на дневник Ч. Поповича, входившего в центральную управу "Чёрной руки", в котором последний излагает содержание своей беседы с Аписом летом 1915 г. Попович отмечает, что Апис, узнав от Танкосича, что несколько оmlадинцев хотят отправиться в Боснию и убить

¹ *Pribićević S. Diktatura kralja Aleksandra. Zagreb, 1990. С. 240.*

² АВПРИ. Ф. "Политархив", оп. 482, д. 4213, л. 28.

³ *Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М.: Наука, 1990.С. 36–37.*

⁴ *Писарев Ю.А. За кулисами суда в Салониках над организацией "Объединение или смерть" (1917) // Новая и новейшая история. 1979. №1. С. 114.*

престолонаследника, сказал: "Да пусти их!", — не предполагая, во-первых, что покушение удастся, и, во-вторых, что это может стать поводом для войны¹. В этой же связи Ю. А. Писарев критикует труды известных сербских исследователей С. Станоевича и уже упоминавшегося нами Л. Йовановича², обвиняя их в тенденциозности и подтасовке фактов. В частности, он высказал обоснованное предположение, что Л. Йованович, "бывший ближайший соратник сербского премьера, один из организаторов Салоникского процесса, поссорившись с Н. Пашичем, сводил с ним личные счёты"³. В этом же смысле известный современный сербский историк Д. Батакович указывает, что организация сараевского покушения была делом рук исключительно младобоснийцев. Ни Апис, ни другие руководители "Чёрной руки", пишет исследователь, не были ни идейными вождями, ни тем более руководителями "Молодой Боснии", а сами участники движения просто могли использовать возможности сербской офицерской организации для реализации своих планов⁴.

В подобном ключе рассуждает и автор историко-публицистического сочинения "Преторианские тенденции в Сербии. Апис и "Чёрная рука"" Радован Драшкович⁵, входивший в молодости в кружок, сформировавшийся вокруг редакции газеты "Пьемонт". Добровольцем он участвовал в Балканской войне 1912 г., входил в четнический отряд В. Танкосича, а затем служил в 17-м пехот-

¹ Там же. С. 115.

² *Станоевић С.* Убијство аустројског престолонаследника Фердинанда. Прилози о питању о почетку светског рата. Београд, 1923. С. 46. Станоевић утверждал, правда, без ссылок на какие-либо источники, что 15 июня (н. ст.) 1914 г. Апис созвал совещание руководителей организации "Чёрная рука" и сообщил им, что он и Танкосич послали в Боснию специальных людей для убийства Франца-Фердинанда. Однако большинство членов совещания высказалось против осуществления этого намерения, и Апис вынужден был отменить свой приказ, но "либо было уже поздно, либо атентаторы в Сараево не стали его слушаться"; см. также: *Јовановић Л.* После Видовдана 1914. Крв словенства. Споменице десетт.ишњице светског рата 1914–1924. Београд, 1924.

³ *Писарев Ю.А.* За кулисами суда в Салониках над организацией "Объединение или смерть" (1917) // Новая и новейшая история. 1979. №1. С. 116.

⁴ *Батаковић Д.* Нова историја српског народа. Београд, 2000. С. 245.

⁵ *Драшковић Р.* Преторијанске тежње у Србији : Апис и "Црна рука". Београд, 2006.

ном полку и воевал на фронтах Первой мировой войны. Он пишет, что решение Аписа послать Г. Принципа и его друзей в Сараево, было напрямую увязано с конфликтом организации "Чёрная рука" и радикального кабинета. Д. Дмитриевич, утверждает автор, не верил в успех покушения малоподготовленных молодых людей на престолонаследника, как он думал, хорошо охраняемого. Но сама эта попытка должна была вызвать ответную реакцию австрийских властей, создать в этой связи неблагоприятный для сербского премьера внутриполитический прецедент и привести к смене кабинета Н. Пашича, чем полковник не преминул бы воспользоваться¹.

В свою очередь, известный сербский историк А. Митрович, оценивая события лета 1914 г. и подчёркивая непричастность официальных сербских властей к событиям в Сараево, тем не менее указывает на роль в них Аписа в связи с попыткой руководства "Чёрной руки" весной 1914 г. фактически взять власть в стране в свои руки. Именно в самый канун Первой мировой войны, пишет историк, в Сербии все отчётливее проявлялись признаки двоевластия, которые не могли не отражаться на политике страны по отношению к Австро-Венгрии². По мнению историка, возможное участие Аписа в подготовке покушения сводилось к помощи в переброске будущих убийц через границу и передаче им оружия. А. Митрович подчёркивает, что сам Апис действовал лишь как заговорщик, а не как руководитель разведывательного отдела сербского генерального штаба. О подготовке покушения не были осведомлены ни другие члены организации "Чёрная рука", ни организация "Народная оборона", ни тем более правительство и высший офицерский корпус страны. "Недисциплинированный и в то же время патриот, полковник-заговорщик лишь на свой страх и риск пользовался положением руководителя разведывательного отдела", — утверждает исследователь. Он подчёркивает, что Апис не стоял во главе сараевского заговора, а сами участники покушения могли лишь использовать его влияние для осуществления своих замыслов³.

Из конфликта с военными победителями вышли сербское правительство и Радикальная партия. Позиции "Чёрной руки" зна-

¹ Там же. С. 193.

² Митровић А. Србија у првом светском рату. Београд, 2004. С. 32–36.

³ Там же. С. 36

чительно пошатнулись, что привело к ослаблению её влияния на политику страны. Канун войны сербское государство встретило в состоянии очередного политического кризиса. Выходом из него в сложившейся ситуации могло быть только уничтожение одной из сторон конфликта. "Спор о приоритете" положил начало этому противостоянию. Подвёл под ним черту Салоникский процесс, закончившийся исполнением 13 (26) июня 1917 г. смертного приговора в отношении трёх членов этого общества: его руководителей — полковника Д. Димитриевича-Аписа и майора Л. Вуловича, а также его активного участника боснийца Раде Малобабича¹.

Заметим также, что непосредственно после покушения в Сараево общественные и политические круги Европы не верили в скорое начало войны, а тем более не предполагали, что она растянется на долгие четыре года и будет стоить миллионы жизней. Убийство престолонаследника казалось не более чем очередным событием в череде кризисов начала XX в. Например, марокканские кризисы 1905 и 1911 гг., аннексионный кризис 1908–1909 гг. сами по себе могли привести к европейской войне, но все они были разрешены дипломатическим путём. Тем более что выстрелы на Балканах звучали и ранее. В 1910 г. Богдан Жераич произвел пять неудачных выстрелов в генерал-губернатора Боснии и Герцеговины генерала М. Варешанина, покончив с собой на месте преступления. По слухам, генерал на сараевском мосту пренебрежительно отшвырнул ногой окровавленный труп Жераича. На его могиле побывал Г. Принцип, который установил там деревянный крест и посадил цветы. Покушения совершались на министра финансов Австро-Венгрии графа Л. Билинского, на королевских комиссаров в Хорватии С. Цувая и И. Склецера².

Тем не менее, спустя месяц после убийства Франца Фердинанда и его супруги, 23 июля в 6 часов вечера австро-вен-

¹ Поводом к аресту членов "Чёрной руки" стало покушение на престолонаследника Александра, совершённое в начале сентября 1916 г. на Салоникском фронте у деревни Острово во время его инспекционной поездки по линии фронта. При этом ни сам Александр, ни его окружение не пострадали. В организации этого покушения были обвинены руководители организации "Чёрная рука", которые были преданы суду военного трибунала.

² См. подробнее: *Horvat J. Pobuna omladine 1911–1914. Zagreb, 2006. С. 127–139.*

герское правительство предъявило Сербии известный ультиматум из 10 пунктов, принять который, по словам английского министра Э. Грея, означало только одно: сербское государство "не могло бы больше считаться самостоятельным"¹.

В ультиматуме, который, как отмечал Ю. А. Писарев, "оказался необычным по своей наглости и цинизму документом"², содержалось, в частности, требование "допустить сотрудничество в Сербии австро-венгерских органов в деле подавления революционного движения, направленного против территориальной целостности монархии". Для ответа отводилось 48 часов. Сербия была готова принять все условия, поскольку настроение правящих кругов Белграда было близко к панике. Принц-регент Александр после посещения русской дипломатической миссии отправил срочную телеграмму российскому императору, в которой, в частности, писал: "Среди условий находятся и такие, которые потребуют перемены в нашем законодательстве, и для сего нам необходимо время. Срок назначен слишком краткий. Австро-венгерская армия сосредотачивается около нашей границы и может нас атаковать по истечении срока. Мы не можем защищаться. Посему молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее. Ваше Величество дало нам столько доказательств своего драгоценного благоволения, и мы твёрдо надеемся, что этот призыв найдет отклик в его славянском и благородном сердце. Я являюсь выразителем чувств сербского народа, который в эти трудные времена молит Ваше Величество принять участие в судьбах Сербии". Николай II начертил на тексте телеграммы: "Очень скромная и достойная телеграмма. Что ему ответить?"³

Сербское правительство, понимая невозможность ведения войны, приняло все пункты ультиматума, кроме одного, заявив, что "не отдаёт себе ясного отчёта в смысле и значении просьбы императорского и королевского правительства о том, чтобы Сербия обязалась допустить на своей территории сотрудничество органов императорского и королевского правительства, но заявляет, что оно допустит сотрудничество, соответствующее нормам меж-

¹ Мировые войны XX век, кн. 1. М., 2002. С. 52–54.

² Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 67.

³ МОЭИ, серия III, т. I. М., 1935. С. 444.

дународного права и уголовного судопроизводства, равно как добрососедским отношениям между обоими государствами"¹. Тем не менее, повод для войны был найден. Венское "Corespondenz-Bureau" опубликовало по поводу сербского ответа следующее сообщение: "Эта нота имеет целью вызвать ложное впечатление, будто сербское правительство готово в широкой мере удовлетворить поставленные монархией требования. Главным же образом нота проникнута духом неискренности, ясно указывающей, что сербское правительство серьёзно не намеревается положить конец своей преступной терпимости, проявляющейся им до сего времени по отношению к направленным против монархии козням. Как в отношении общих основ нашего выступления, так и в отношении частных предъявленных монархией требований сербская ответная нота содержит столь широкие оговорки и ограничения, что и действительно сделанные сербским правительством уступки лишаются всякого значения"².

Австро-венгерская армия начала наступление на Сербию 2 августа 1914 г., форсировав реки Саву и Дрину. Массированной бомбардировке был подвергнут Белград. Сербская армия, верховным главнокомандующим которой стал принц-регент Александр Карагеоргиевич, а начальником штаба воевода Радомир Путник, оказала ожесточённое сопротивление. Уже в августе 1914 г. она одержала победу в районе Церского хребта, изгнав неприятеля с собственной территории. Австрийским войскам сходу не удалось занять и сербскую столицу, державшуюся до ноября 1914 г. Тем не менее, в начале осени 1914 г. положение сербских войск стало критическим. Австро-венгерские войска нанесли новый мощный удар и захватили Белград. Потери сербской армии были значительны. Российский военный агент В. А. Артамонов доносил, что к середине сентября 1914 г. "число раненых сербов достигло сорока тысяч человек. Из них пятнадцать тысяч относятся к бою у Цера и Ядра, а двадцать пять к настоящим боям. Полагаю, что общее число сербских потерь доходит до пятидесяти пяти тысяч. Офицеров убыло свыше шестисот человек"³. Кроме того, в сербской армии

¹ Мировые войны XX века, кн. 1. С. 57.

² Цит по: *Фёдоров Н., Емельянов Н.* Австро-сербская война. Ее причины и возможные последствия. СПб., 1914. С. 37.

³ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1870, л. 241.

ощущалась острая нехватка снарядов. В. А. Артамонов отмечал, что в её полевой артиллерии осталось примерно 120 снарядов на орудие и что сербские артиллеристы отвечают теперь 1 выстрелом на 20 австрийских. "Некоторые батареи были сняты с позиций за отсутствием снарядов". Моральный дух войск начал падать. Тот же Артамонов с тревогой телеграфировал: "Наступило полное нервное истощение, равнодушие и нежелание больше драться; сильная позиция покидается без боя. Частые случаи паники. Люди ищут любого случая сдаться. Батальон 8-го полка второго призыва ночью сдался взводу австрийцев. Развилось сильное дезертирство. Пятый сверхштатный полк разбежался по домам. Заключение: первая сербская армия как боевая единица не существует"¹.

Однако, вопреки опасениям русского военного агента, в октябре-ноябре 1914 г. сербским войскам не только удалось сдержать вражеское наступление, но и подготовить мощный ответный удар. Как отмечалось в оперативных сводках русской Ставки, "благодаря своевременно принятым мерам порядок в первой армии стал водворяться, причём выяснилось, что многие нижние чины покинули свои части для спасения своих семейств, оставшихся в очищавшихся войсками областях"². Большую роль в этом сыграло поведение престарелого сербского монарха Петра Карагеоргиевича, который лично отправился в окопы и, по словам российского посланника Г. Н. Трубецкого, показал "своим примером, что он предпочитает смерть народному позору". Сербский король говорил: "Я стар и никуда не годен. Что удивительного в том, что я предпочёл бы умереть, чем видеть позор моей родины. Я поехал в окопы и только это и сказал солдатам. Я им говорил: "Пуускай, кто хочет, уходит по домам, а я останусь здесь и умру за Сербию. Ах, если бы видели наших солдат! Какие это необыкновенные люди. Они плакали, целовали моё пальто. Все остались и сражались, как львы"³.

¹ Там же, л. 522–527, 545.

² Там же, л. 510.

³ Мужественный поступок Петра Карагеоргиевича отметили и в России: Николай II наградил сербского монарха орденом Андрея Первозванного с мечами, престолонаследнику Александру был вручён орден св. Георгия 3-й степени, а его брат Георгий пожалован орденом св. Георгия 4-й степени. См.: *Трубецкой Гр.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 77.

Новое наступление сербской армии началось 3 декабря 1914 г. В ходе 12-дневных боев на р. Колубаре и р. Дрине она разгромила австро-венгерские войска, а 15 декабря освободила Белград. На сербской территории не осталось ни одного австро-венгерского солдата; было захвачено более 50 тыс. пленных, 126 орудий, 70 пулемётов и немало прочих трофеев. Сербские войска также понесли значительные потери. Русский посланник Г. Н. Трубецкой отмечал, что при общей численности армии в 120 тыс. чел. резервы страны ничтожны и ограничиваются 40 тыс. новобранцев "срока службы 1915 г. и 15 000 уроженцев Новой Сербии"¹. Почти на 10 месяцев на фронте установилось относительное затишье.

Однако военные операции на сербо-австрийском фронте в 1914–1915 гг. никак не согласовывались с союзниками. Несмотря на настоятельные просьбы российского командования, сербская армия так и не перешла в наступление, начало которого первоначально планировалось на 10 (23) июня 1915 г.² Причём, как заметил В. А. Артамонов, "сербское наступление откладывалось намеренно; отчасти по политическим соображениям, до выяснения намерения Болгарии и Румынии, отчасти по военным, ввиду наших неудач". По словам российского военного агента, Н. Пашич "неоднократно высказывал, что наступление сербов будет своевременным и безопасным, когда русская армия с Карпат спустится в венгерскую долину"³. Русский генерал Ю. Н. Данилов отмечал: "Здесь — с сожалением, конечно — уместно будет вновь отметить, что сербская армия, усиленная Черногорскими контингентами, составляла третий вполне самостоятельный фронт держав Согласия. Если между Россией и Францией, несмотря на отсутствие общего плана

¹ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 532, л. 456 (об)–457.

² 16 (29) июня 1915 г. Ставка Верховного главнокомандования направила Александру Карагеоргиевичу следующую телеграмму: "Имея в виду возобновившееся в более решительной форме наступление итальянской армии, а также полученные сведения об уходе с сербского на итальянский фронт 16-го и части 15-го австро-венгерских корпусов, равно как о возвращении на наш фронт части германских войск, отправленных к сербской границе, представлялось бы, с общей точки зрения весьма желательным, чтобы и сербская армия в возможно скором времени осуществила наступление, начало которого первоначально было намечено на 10 июня". См. РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1870, л. 630.

³ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1870, л. 629.

войны, всё же существовал некоторый предварительный стовор по вопросу о первоначальных военных действиях, то по отношению к Сербии не было сделано и этого минимального шага к установлению единства действий"¹. Ю. А. Писарев справедливо объясняет неучастие сербских вооружённых сил в совместных с союзниками военных действиях политическими причинами. Правительство, по его мнению, хотело сохранить армию, которая могла бы сыграть "решающую роль на заключительном этапе войны, когда практически бы встал вопрос о присоединении к Сербскому королевству югославянских территорий Австро-Венгрии"². Причём в июне 1915 г. Сербия ввела свои войска в Албанию, захватив её столицу Тирану и важный стратегический пункт г. Эльбасан. Правда, под давлением России, Англии и Франции войска вскоре пришлось вывести.

Сербия успешно противостояла австро-венгерской армии, даже несмотря на вспыхнувшую в декабре 1914 г. среди солдат и быстро перекинувшуюся на гражданское население эпидемию тифа, от которой умерло, по разным оценкам, от 150 до 200 тыс. чел. Это составляло примерно около 40 % от общих военных потерь Сербии, которые можно оценивать до 700 тыс. чел.³

Но осенью 1915 г. страну постигла военная катастрофа. В результате совместного германо-австрийского наступления под общим командованием фельдмаршала А. фон Макензена, начатого в сентябре 1915 г., сербская армия была разгромлена, а территория страны оккупирована. И причины этой катастрофы кроются не только в подавляющем численном превосходстве сил Четверного союза. Речь опять шла о "новоприсоединённых" территориях, ставших поводом для конфликта между офицерским корпусом и гражданскими властями буквально накануне начала войны.

Неразрешённые национальный, территориальный и конфессиональный вопросы осложняли не только внутривосточную ситуацию в королевстве, но и обостряли и без того непростые политические отношения с Болгарией, вынужденной по итогам

¹ Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 158.

² Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны. С. 160–161.

³ См.: Йованович М. "Умереть за Родину". Первая мировая война, или столкновение "обычного человека с тотальной войной" / Последняя война императорской России. М., 2002. С. 149.

Второй Балканской войны на время расстаться с мечтами о присоединении Македонии. Не случайно после начала в 1914 г. военных действий в новоприсоединённых к Сербии областях сербская верховная команда вынуждена была дислоцировать до 40 тыс. солдат, которым была поручена охрана стратегически важной железной дороги до Салоник. "В новоприсоединённых областях, в частях, прилегающих к Болгарии, не всё обстоит благополучно. Четничество и банды множатся, вызывая со стороны местных властей репрессивные меры, которые, быть может, применяются без достаточной осмотрительности, но с вполне естественным желанием внести успокоение в стране в то время, когда Сербии приходится напрягать все свои силы в тяжёлой борьбе против Австро-Венгрии", — отмечал В. Н. Штрандман¹.

Данную ситуацию пыталась использовать в своих интересах Австро-Венгрия. О методах, к которым она прибегала, прямо и откровенно рассказал в своих мемуарах М. Ронге, один из руководителей австро-венгерских спецслужб: "...организация восстания македонцев в Ново-Сербии, агитация против войны рекрутов в области, диверсионные акты и т. п. Ввиду ожидавшегося вскоре закрытия границы с Сербией и Черногорией надлежало наладить против этих государств разведывательную службу через нейтральные страны. Проведение этих мероприятий из Софии было сравнительно лёгким делом, так как Болгария сама очень интересовалась развёртывавшимися событиями. Хорошую службу сослужили нам в этом отношении македонские четники, на которых одновременно была возложена задача организации разрушений на линиях железных дорог, ведущих от Салоник в Сербию. Против этой важной для сербов коммуникации, по которой доставлялись из Франции вооружения, были также направлены албанские и турецкие отряды из Албании. Из попытки включить в действие Македонский комитет в Болгарии для угрозы с тыла сербским войскам у Дрины ничего не вышло, ибо он располагал не более чем 300 вооружённых людей"². Слова Ронге перекликаются с многочисленными рапортами В. Н. Штрандмана, отмечавшего усиление деятельности австро-венгерской разведки в Албании. Так, например, в своём донесении от 3 (13) июля 1914 г. он отмечал, что

¹ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 532, л. 348.

² Ронге М. Война и индустрия шпионства. М., 2000. С. 69.

австрийцы вошли в контакты с лидерами албанского национального движения, в частности с Исой Болетинацем (Болетини), которому были выданы определённые денежные суммы "в целях побуждения их напасть на Сербию"¹. Кроме того, российский поверенный в делах в донесениях лета–осени 1914 г. отмечал резкое усиление террористической деятельности болгарских банд в Македонии, особо подчёркивая факт участия официальных кругов Софии в их финансировании и снабжении оружием.

В непростой ситуации, сложившейся на сербо-австрийском фронте осенью 1914 г., среди новобранцев из Македонии участились случаи дезертирства. Как отмечал российский дипломат, "некоторые из перехваченных беглецов признавались сербским властям, что болгарская миссия в Нише через своих агентов поощряет неповиновения, выдавая денежное пособие"². Всё это усиливало взаимное недоверие двух правительств, создав предпосылки для провала сербо-болгарских переговоров и вступления Болгарии в войну на стороне Австро-Венгрии и Германии.

Чтобы снизить накал антисербских настроений, в конце декабря 1914 г. Александр Карагеоргиевич обнародовал специальный манифест, декларирующий дарование уроженцам Новой Сербии политических прав "наравне с населением прочих частей королевства". Болгарская печать усмотрела в "этом акте сербского регента повод лишний раз заявить о неделимости сербской территории и нежелании сербских правителей идти навстречу справедливым требованиям Болгарии"³.

Обострению сербо-болгарских отношений способствовали политические игры держав Антанты с одной, и австро-германского блока с другой стороны, стремившихся втянуть Болгарию

¹ АВПРИ, ф. "Канцелярия", д. 305, л. 41. В августе 1914 г. русский военный агент в Болгарии Г.Д. Романовский подчёркивал, что "в македонских кругах в последние дни наблюдается большое оживление. Главарям четников приказано быть наготове и ждать приказа перехода через сербскую границу для одновременных действий с албанцами Исы Болетинаца. В десятой албанской дивизии призваны под знамёна запасные под предлогом обучения. В гвардейском и первом конном полку отдан секретный приказ точить сабли. Офицеры запасаются картами Сербии". См. РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1870, л. 33–33об.

² АВПРИ, ф. "Канцелярия", д. 305, л. 85–254.

³ АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 532, л. 468–468об.

в войну на своей стороне. В апреле 1915 г. в союзе с Антантой в войну вступила Италия, что породило в Сербии слухи о чрезмерных притязаниях римского кабинета на славянские области. "Раздражение против итальянцев выливалось в самой резкой и часто неприличной форме. Только благодаря такту осторожного [итальянского посланника в Сербии] барона Свитти мелочные уколы и неприятности, которые ему делались на каждом шагу, не были раздуты им до размера инцидентов, способных испортить международные отношения", — вспоминал Г. Н. Трубецкой¹. Дипломатическое давление со стороны Антанты оказывалось и на Румынию, которой в случае вступления в войну обещали передать не только всю Трансильванию, но также Буковину и весь Банат. В результате могло оказаться, что её будущая граница с Сербией прошла бы по Дунаю, и это также болезненно воспринималось политическим руководством Сербии.

Российские правящие круги при этом полагали, что будущее обладание Черноморскими проливами сможет компенсировать все уступки в пользу Италии и Румынии. Непосредственно после начала военных действий в 1914 г. российские дипломаты В. Н. Штрандман и Г. Н. Трубецкой провели переговоры с Пашичем и болгарским посланником С. Чапрашниковым о возможности воссоздания Балканского союза и присоединении Болгарии к Антанте. Эта идея приобрела особую актуальность после вступления в войну Османской империи в октябре 1914 г. Российское правительство отдавало себе отчёт в том, что привлечь Болгарию на сторону Антанты или же обеспечить её благожелательный нейтралитет можно было только обещанием передачи ей Македонии в границах, намеченных союзным договором 1912 г. Сербии было предъявлено требование пойти на территориальные уступки в пользу Болгарии, которые, как вспоминал Г. Н. Трубецкой, "потребуется обстоятельствами, дабы достигнуть немедленного выступления Болгарии на нашей стороне. За это Сербии обещалось *в весьма общих выражениях* (курсив мой. — Я. В.) приобретение, при заключении мира, обширных территорий с выходом к Адриатическому морю"².

¹ Трубецкой Гр.Н. Указ. соч. С. 136.

² Там же. С. 138.

Английский кабинет после неудачи Дарданельской экспедиции был особенно заинтересован в вовлечении Болгарии в войну. Британский министр иностранных дел Э. Грей решился даже на экстраординарный шаг — на Балканы для уговоров потенциальных союзников и для давления на Сербию с официальной миссией был послан авторитетный журналист газеты "Times" В. Чироль. Однако его миссия в Софии и Бухаресте успеха не имела, а Н. Пашич наотрез отверг его предложения. Это поставило В. Чироля, а вместе с ним и весь английский кабинет в неловкое положение. Как писал Г. Н. Трубецкой, "он был настолько умён и порядочен, что признавался мне в том, что иначе представлял себе дело и что не знает, что в конце концов выйдет из всей этой каши, которую он, однако, сам если и не заварил, то помог заварить"¹.

Ю. Н. Данилов отмечал в этой связи: "Дело обстояло так, что всякое правительство, которое пошло бы ту минуту на сколько-нибудь значительные территориальные уступки в пользу Болгарии, не могло бы даже удержаться у власти. В наиболее трудном положении оказывалась, конечно, Сербия как государство, на защиту которого стали державы Согласия и которому непосредственно угрожало нападение Болгарии с тыла. Но и его правительству, во главе которого стоял г. Пашич, по-видимому, можно было только навязать намеченные уступки в пользу Болгарии"². В разговоре с русским посланником Пашич прямо заявил, что "лучше с честью погибнуть, чем идти на самоубийство"³. В дальнейших беседах с ним Пашич резко заметил: "Сербией распоряжаются и делят как африканскую колонию". "Какое право имеете вы ставить подобные упреки России после всего, что она сделала?" — возразил Трубецкой. "Я верю, что требовать от нас невозможного она не может", — ответил Н. Пашич. Российский дипломат пригрозил, сказав, "что если они всего будут добиваться, то рискуют ничего не получить и что Сербии предстоит сделать выбор между Македонией и объединением юго-западного славянства". Сербский премьер ответил: "Мы выберем Македонию"⁴. Бескомпромиссная позиция премьера не только соответствовала общему настроению сербско-

¹ Трубецкой Гр.Н. Указ. соч. С. 139.

² Данилов Ю.Н. Указ. соч. С. 73.

³ Трубецкой Гр. Н. Указ. соч. С. 146.

⁴ Там же. С. 146–147.

го общества после окончания Балканских войн, но и вполне отвечала будущим стратегическим планам Пашича по созданию объединённого славянского государства. Очевидно, он не хотел оказаться в положении изоляции, как это случилось во время кризиса 1908–1909 гг.

Единодушие союзников по данному вопросу, несмотря на вручение 23 июля 1915 г. сербскому премьеру от имени держав соответствующей ноты, не наблюдалось. Как писал С. П. Мельгунов, "ген. Алексеев с военной точки зрения считал необходимым "исчерпать все средства для привлечения Болгарии на нашу сторону". Мысли Алексеева вызвали "несочувственное" отношение у французов. [...] Мы знаем о мотивах, сформулированных русским министерством ин[остранных] д[ел] и сообщенных в записке Базили, которая передана Алексею: соглашение с Фердинандом умалит русский престиж среди балканских народов и будет принято как доказательство слабости. Выдвигался в записке Базили и другой мотив: надо стремиться предотвратить образование на Балканах "слишком сильных государств", стремящихся к гегемонии, — в особенности это касается Болгарии, лежащей вблизи проливов"¹. С полным равнодушием в Петербурге восприняли предложение Г. Н. Трубецкого занять вместе с союзниками линию Вардара, чтобы обезопасить сообщения от Салоник до Дуная и, как единственный способ избежать войны, не дать войти в соприкосновение сербским и болгарским войскам.

Вместе с тем одной из главных причин неудач переговоров можно считать неопределённость обещанных Сербии территориальных компенсаций: эти территории ещё нужно было отвоевать, а в будущем, возможно, предстояло столкнуться и с сопротивлением Италии. В ноте сербского правительства от 19 августа 1915 г. было дано лишь принципиальное согласие на линию 1912 г. и выдвинут в качестве обязательных условий ряд конкретных требований, основное содержание которых сводилось к следующему:

1. Немедленное вступление Болгарии в войну.
2. Державы должны передать Сербии Хорватию с г. Фиуме (Риека).

¹ Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 355.

3. К Сербии должна быть присоединена западная часть Баната.
4. Скопье должно быть ограждено стратегической границей, которая будет определена в будущем.
5. Сербия оставляла за собой Прилеп.
6. Общая граница с Грецией должна начинаться с высоты Перистерера и Суха-Планины и продолжаться на запад до пункта, который также будет определён.
7. Передача Македонии может осуществиться только после того, как Сербия войдёт во владение новыми территориями и будут урегулированы вопросы, касающиеся прав сербского населения в Македонии¹.

Переговоры зашли в тупик, и вступление Болгарии в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии стало неотвратимым. 6 сентября 1915 г. были подписаны документы о присоединении Болгарии к коалиции центральных держав. Но Н. Пашич, как отмечал впоследствии известный югославский политик С. Прибичевич, продолжал убеждать сербскую и европейскую общественность в том, что о новом австро-германском наступлении не может быть и речи². Впоследствии военные круги королевства, в том числе члены "Чёрной руки", возлагали на сербского премьера персональную ответственность за военную катастрофу. Они обвиняли Пашича в том, что он, подчинившись требованиям держав, помешал им напасть на Болгарию, пока она ещё не была готова к войне. Именно ему, как заметил Г. Н. Трубецкой "ставили в вину все неудачи в переговорах с державами и Грецией"³. Уже на Корфу, в апреле 1916 г. полковник Д. Попович, также участник "Чёрной руки", имея в виду политическое руководство страны, в одном из писем жене выразился более чем категорично: "Эти негодяи мне омерзительны, но я ничего не могу поделать. Всех их надо повесить"⁴. Эти слова во многом объясняют истинные причины проведения Салоникского процесса.

¹ См.: Поповић Н. Односи Србије и Русије у првом светском рату. Београд, 1977. С. 174–175; Трубецкой Гр.Н. Указ. соч. С. 149–150.

² Pribičević S. Diktatura kralja Aleksandra. Zagreb, 1990. С. 234.

³ Трубецкой Гр.Н. Указ. соч. С. 175.

⁴ АСАНУ. Оставштина Живановића. 14434/130.

5–7 сентября 1915 г. австро-венгерская и германская армии под командованием Макензена после массированной артиллерийской подготовки начали новое наступление на Сербию. Спустя 10 дней в войну вступила Болгария. По оценкам военных историков в наступлении принимало участие до 450 тыс. австро-германских войск, 150 тыс. болгар и до 100 тыс. турок¹. В ночь с 8 на 9 октября был оставлен Белград. Положение Сербии стало критическим. 16 октября Александр, а на следующий день Пашич официально обратились к Англии и Франции с просьбой прислать войска для обороны Ниша и железной дороги Битоль — Салоники. Только 31 октября между Англией и Францией было достигнуто соглашение об увеличении экспедиционного корпуса генерала Мориса Саррайля до 150 тыс. чел. Но было уже слишком поздно. Болгарские войска еще 19 октября перерезали салоницкую железную дорогу, лишив сербскую армию возможности соединиться с союзниками. Англо-французские части, с опозданием переправленные из Галлиполи в Салоники на помощь сербам, были отброшены болгарскими войсками.

5 (18) октября 1915 г. Россия объявила Болгарии войну, но также не смогла организовать высадку своих войск на её черноморском побережье в помощь Сербии². Российский флот ограничился бомбардировкой Варны 27 октября 1915 г. 29 октября на экстренном заседании правительства в г. Крушевац Н. Пашич и принц-регент Александр приняли решение об отступлении остатков сербской армии через Черногорию и Албанию к Адриатическому морю для дальнейшей её эвакуации на греческий остров Корфу.

В конце ноября 1915 г. сербское руководство собралось в Скутари, где было заменено высшее командование сербской армии. Воевода Путник передал полномочия своему помощнику полковнику Ж. Павловичу. Там же состоялся знаменитый парад сербской армии. Потрясённый этим зрелищем французский журналист А. Барби назвал его "дефиле живых трупов". С острова Корфу сербская армия, отвергнув капитуляцию, была переправлена на Салоницкий фронт. Началась новая страница в истории борь-

¹ См.: *Айрапетов О.Р.* Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914 – 1918). // Новая и новейшая история, 2003, № 5. С. 200.

² О причинах провала этой операции см. подробнее: *Каширин В.Б.* Несостоявшаяся экспедиция русских вооружённых сил на Балканы осенью 1915 г. // Новая и новейшая история, 2004, № 6. С. 175–203.

бы сербского королевства, связанная не только с освобождением страны от иностранных интервентов, но и с формированием нового государства — королевства СХС (сербов, хорватов и словенцев; с 1929 г. — Югославия).

Известный лидер российской социал-демократии Л. Д. Троцкий в декабре 1914 г., в качестве корреспондента газеты "Киевская мысль", беседовал в одном из французских военных госпиталей с сербом-добровольцем, который "сильно лихорадил" от ранения в грудь и говорил "о гибели Сербии и всего молодого поколения боснийской интеллигенции". Этот серб с горечью резюмировал: "Мы все погибли, всё наше поколение. Я хотел учить боснийских детей грамоте и объединять их в кооперативы, а меня вот прострелила немецкая пуля под Суассоном, и я погибаю за дело, которое я считаю чужим делом. И Сербия погибнет: Австрия поглотит её... А как невыносимо мне думать, что мы вызвали эту мировую войну!"¹ Собеседник Л. Д. Троцкого, испытывая горечь разочарования в идее великосербской пропаганды, оказался прозорлив. Несмотря на разгром австрийцев на сербском фронте в конце 1914 года, спустя почти год, 5–7 октября 1915 г. австрийская и германская армии под командованием Макензена после массивной артиллерийской подготовки начали новое наступление на Сербию. Не признавшая капитуляции сербская армия совершила беспримерный переход через Черногорию и Албанию к побережью Адриатического моря. С острова Корфу сильно поредевшие сербские войска были переправлены на Салоникский фронт².

¹ Троцкий Л. Д. Европа в войне. Сочинения. т. IX. М.; -Л. 1927. С. 16–17.

² В связи с переходом сербской армии в Албанию, стоившей ей огромных человеческих жертв, Николай II 8 декабря 1915 г. отправил престолонаследнику Александру следующую телеграмму: "С чувством глубокой тревоги я следил за переходом геройской сербской армии в Албанию и Черногорию. Выражаю Вашему королевскому высочеству моё искреннее восхищение перед искусством, с которым под вашим водительством, она одолела все трудности пути, отражая нападения численно превосходящих её врагов. Согласно моим указаниям министр иностранных дел неоднократно призывал союзников принять меры к обеспечению морских сообщений по Адриатическому морю. Но настояния эти будут возобновлены, и я надеюсь, что доблестным войскам Вашего королевского высочества будет предоставлена возможность покинуть Сан Джованиди Медиа. Я твёрдо верю, что они скоро отправятся от перенесённых тягостей

К началу февраля 1916 г., по сведениям российского генерального штаба, на Корфу было перевезено 88 тыс. чел., находилось в пути еще 8 тыс. чел., было также переправлено 12 горных пушек и все пулемёты. К этому времени в Дураццо оставалось 7 тыс. чел., а районе Валоны ещё около 30 тыс. чел.¹

Началась новая страница борьбы сербского королевства, когда на первый план стала выдвигаться не только задача освобождения страны от иностранных интервентов и воссоздания её территориальной целостности, но и реанимация извечного югославянского вопроса, причём, исходя из новых реалий, сербское правительство, "открыто и недвусмысленно поставило его перед правительствами союзных держав, — причём самым непосредственным образом и на высшем уровне"². Ещё в декабре 1914 г. Народной Скупщиной Сербии была принята Нишская декларация, ставившая, помимо успешного завершения "великого вооружённого противостояния", задачу освобождения и объединения югославянских народов — сербов, хорватов и словенцев. Именно поэтому глава сербского правительства Никола Пашич ревниво относился к попыткам Югославянского комитета³ играть независимую и самостоятельную роль в этом процессе.

С другой стороны, события на театре военных действий, даже после крушения царской России, казалось бы, благоприятствовали разрешению этого вопроса. 20 июля 1917 г. на острове Корфу между представителями сербского правительства и Югославянского комитета была подписана достаточно компромиссная декларация о создании государства сербов, хорватов и словенцев. Казалось,

и лишений и вновь примут участие в борьбе с общим врагом. Победа над ним и возрождение великой Сербии послужит вам и братскому сербскому народу утешением за всё пережитое". См. РГВИА. Ф.2003, оп., 1, д. 1870, л, 582–583.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2003, оп. 1., д. 1167, л. 1.

² Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С.199.

³ Югославянский комитет, состоящий из политиков-эмигрантов из Хорватии, Словении, Далмации, Боснии и Герцеговины возник в 1915 г. и имел свою штаб-квартиру в Лондоне. В него вошли: И. Мештрович, Ф. Супило, Ф. Поточняк, и др. Председателем комитета стал политик из Далмации А. Трумбич. Исходя из идеи единения сербов, хорватов и словенцев, члены комитета выступали за поражение в войне Австро-Венгрии и за образование единого югославянского государства.

что многолетняя мечта сербов стать югославянским "Пьемонтом" наконец-то осуществилась. Однако именно в это время, как заметил историк А. Л. Шемякин, "заглушаемая "трескотней" официальной риторикой и взаимных заверений в "братстве и единстве", неслышно тикала та самая мина хорватско-сербских противоречий, которая после более чем семидесятилетних попыток её разрядить, рванула на наших глазах"¹, поскольку в едином государстве югославы так и не смогли стать единым народом.

И в этом смысле, при обсуждении вопроса создания на обломках старой империи новой страны, уже тогда было очевидно столкновение двух национальных концептов будущего видения формы югославянского государства: либо расширение границ Сербии за счёт присоединения к её территории населённых сербами частей Воеводины, Боснии, Славонии, части Далмации, либо "югосферическое" слияние в рамках общего государства Сербии и Хорватии, что могло произойти лишь в случае полного уничтожения Австро-Венгерской монархии. Замечательный хорватский писатель Мирослав Крлежа иронично заметил по этому поводу: "Тезис сербов гласит: я принадлежу к сербскому народу! Сыр — это сербский сыр, лук — сербский лук. Сербское героическое прошлое, сербский язык, сербская династия, сербский табак, сербская свинина, сербская литература, сербская победа, сербская вера, сербский Бог, "Српски книжевни гласник". Хорватский антитезис заключается в следующем: я принадлежу к хорватскому народу! Первая хорватская сберегательная касса, первая хорватская прачечная, общество хорватских писателей, первый лозунг "Хорватия — хорватам", Первое хорватское объединение, первый союз хорватских трактирщиков, пожарных, мелких торговцев и продавцов содовой воды. Это антитезис. Тезис и антитезис дают синтез"².

Заметим также, что об опасности формирования югославской модели будущего государства ещё в 1915 г. сербов предупреждал русский посол в Париже А. П. Извольский, который в беседах с Й. Жуйовичем (Президентом Сербской Королевской академии и неофициальным сербским представителем во Франции) советовал

¹ Югославия в XX веке. С. 198.

² Крлежа М. Поездка в Россию. 1925: путевые очерки. М., 2005. С. 75.

не идти по лёгкому пути объединения с хорватами и словенцами, а попытаться, после окончания войны, как можно шире раздвинуть границы сербского королевства¹. Однако уже к началу 1917 г. курс на создание именно югославской конструкции будущего государства стал проявляться всё более отчётливо, причём не только среди балканских, но и российских политиков. Данная система в свою очередь вполне отвечала интересам Англии и Франции, стремившихся, в том числе и таким образом, нейтрализовать политические амбиции в регионе своих конкурентов — Германии и Италии².

Можно констатировать, что курс на создание на Балканском полуострове искусственной наднациональной конструкции, связанный в том числе с попытками строительства нового "югославского" народа, обратился в трагедию двух Югославий XX в. Причём впервые тикающая сербо-хорватская бомба показательно взорвалась ещё в конце 1916 г., в момент, казалось бы, острой необходимости консолидации усилий двух народов для вооружённой борьбы с общим неприятелем за создание "общего" государства. И случилось это в Одессе в сербском добровольческом корпусе, ставшим, как оказалось, первым показательным примером югославского "колосса на глиняных ногах". На эти события, как на пример микромира, иллюстрирующий гибельность попыток создания "синтетического югославянства", нам и хотелось бы обратить внимание.

Участие сербских и югославянских добровольцев в боях стран Антанты и их союзников против Австро-Венгрии и Германии получило достаточно обширное освещение в трудах отечественных и зарубежных, прежде всего сербских, историков, а кроме того, в научный оборот вовлечён значительный корпус документов, освещающих вопрос участия сербов и югославян в целом в боевых

¹ См.: *Джурич Дж.* Первая мировая война с точки зрения типичного сербского интеллигента (по дневнику Президента Сербской Королевской Академии) / Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 84.

² См. подробнее: *Тимофеев А.Ю.* Интересы России на Балканах и Первая мировая война; *Вишняков Я.В.* *Тимофеев А.Ю.* *Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сб. док. М., 2014. С. 45–46.

действиях на фронтах Первой мировой войны¹. Добровольческое движение являлось одной из характерных черт практического воплощения идеи югославизма. Добровольческие отряды югославян, прежде всего сербов, стали формироваться и в России. Первыми добровольцами стали сербы, обращавшиеся с просьбой принять их в ряды сражавшейся сербской армии в сербское посольство в Петербурге и сербские консульства в Москве и Одессе. Данная инициатива была поддержана российскими правительственными и военными кругами, а приток добровольцев существенно расширился за счёт пленных и дезертиров из австро-венгерской армии. К 1 января 1915 г. в России насчитывалось 250 тыс. австрийских пленных, а уже к осени 1917 г. их число достигло 2 млн чел. Среди них находилось более 300 тыс. югославян — сербов, хорватов, словенцев².

Значительное их число оказалось сосредоточено в районе Одессы, где и развернулось активное формирование добровольческих частей. Высший командный состав нового воинского подразделения составили сербские офицеры, специально прибывшие с острова Корфу. В отборе офицеров, которые должны были отправиться в Россию, принял участие и военный агент В. А. Артамонов, который выражал свой протест против назначения на командные должности наиболее одиозных участников переворота 1903 г. и членов сербской военно-политической организации "Чёрная

¹ См.: Югословенскидобровољачки корпус у Русији. Београд, 1954; *Груловић Н.* Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962. Югословенски добровољци 1914–1918. Зборник докумената. Београд, 1980.; Югословенскидобровољци у Русији 1914–1918. Београд, 1977. *Поповић Н.* Србија и Русија 1914–1918. Београд, 1977; Участие югославянских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1976. *Зеленин В.В.* Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России 1917–1921. М.: Мысль 1977. *Петровић И.* Српски добровољци 1912–1918. Бројке и судбина. Нови Сад, 2001; Лобачева Ю.В. Сербия, Югославянский комитет и сербо-хорвато-словенская эмиграция в Америке в 1914–1916 гг. // Славяноведение 2007, № 4. С. 12–28. Она же. Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. М.-СПб., 2014. *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сб. док. М., 2014.

² См.: *Зеленин В.В.* Под красным знаменем Октября. С. 8–9.

рука". В своём дневнике от 2 февраля 1916 г. он фиксировал: "Был в военном министерстве по поводу назначения офицеров для отправки в Россию (12 тыс. австрийских сербов-пленных); протестовал против назначения Вемича¹. И вообще выбор не русских воспитанников; упомянул о случае, когда русская миссия отказалась выдать паспорт офицеру из свиты королевича Георгия"². Однако вопреки мнению российского военного агента, ряд офицеров — членов этой организации всё же отправился в Россию, приняв активное участие в формировании добровольческого сербского корпуса³. Среди них следует отметить Д. Семиза, А. Срба, В. Гойковича, М. Голубича, Д. Симича, что само по себе является темой отдельного исследования⁴.

Первоначально вербовка добровольцев имела целью пополнить ряды сербской армии, и уже в начале 1915 г. первые их группы стали прибывать в Сербию по Дунаю на пароходах Сербского пароходства и Экспедиции особого назначения, руководил которой М. М. Весёлкин. Однако с конца 1915 г. — после разгрома Сербии и оккупации ее территории войсками Центральных

¹ Майор Велимир Вемич был одним из участников убийства королевской четы Обреновичей 29 мая 1903 г. Был одним из главных создателей общества "Объединение или смерть" (Чёрная рука). В.А. Артамонов писал о Вемиче: "Майор Вемич принадлежал к числу "заговорщиков", причём если он не принял активного участия в убийстве короля Александра и королевы Драги [здесь российский военный агент явно заблуждается], то, по мнению одних, отличился, а по мнению порядочных и беспартийных людей, запятнал себя надругательством над трупом королевы Драги. Удержавшись, несмотря на это, в армии, г. Вемич пользуется покровительством остальных заговорщиков. См.: МОЭИ, серия III, т. V. Ленинград, 1934. С. 440.

² РГВИА. Ф.1635. Д.1, оп.4. Л. 14.

³ О сербском добровольческом корпусе см. подробнее: *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сб. док. М., 2014.

⁴ О деятельности офицерской организации "Объединение или смерть" (Чёрная рука) см. подробнее: *Писарев Ю.А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М.: Наука, 1990. *Мекензи Д.* Апис. Београд, 1996. *Казимировић В.* Црна Рука. Личности и догађаји у Србији од преврата 1903 г. до Солунског процеса 1917 године. Крагујевац, 1997. *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., МГИМО. 2012.

держав — начался новый этап комплектования добровольческих сербских дивизий. Теперь русское командование ставило перед собой задачу сформировать полновесное воинское формирование для возможного использования его на русском фронте и последующей переброски на Салоникский фронт. Вскоре данная инициатива стала приобретать практические очертания, а группа размещённых в Одессе добровольцев была трансформирована в Сербский добровольческий отряд. Кроме того активизировалась и вербовка добровольцев в лагерях военнопленных. К началу осени 1916 г. комплектование сербского добровольческого корпуса было в основном завершено, а его части были расквартированы в районе Одессы и Александровска (ныне Запорожье). Как отмечалось в краткой записке по истории формирования корпуса, составленной в декабре 1916 г. его командиром М. Живковичем, "ещё в 1915 году из военнопленных австрийских солдат сербской национальности, собирались добровольцы в России и отправлялись через Рени по Дунаю в Сербию на подкрепление сербской армии, обороняющей в этом году свои границы на берегах рек: Дуная, Савы и Дрины. Инициатива в этом деле была в руках сербского посланника и сербского военного агента¹ (представителя) в Ставке. Большинство добровольцев было собрано в Сибири в г. Тюмени. Когда, в сентябре 1915 года и Болгария выступила против Сербии, отправление добровольцев из России в Сербию по Дунаю прекратилось — стало невозможным. Тяжёлая обстановка, в которой находилась Сербия с начала совместного нападения с трёх сторон австрийской, германской и болгарской армий, побудила идею из собираемых добровольцев в России формировать добровольческий отряд и отправить его на Салоникский фронт на подкрепление союзных войск, которые там собирались для поддержки и возможного спасения Сербии, чья трёхсоттысячная армия находилась в отступлении"².

В феврале 1916 г. намечено было сформировать одну дивизию 4-хполкового состава, по 3 батальона в каждом полку. При этом,

¹ Им был полковник Бронислав Лонтеквич. См. подробнее: *Ганин А.В.* Фотоархив сербской военной миссии в Советской России // *Старый цейхгауз.* 2012. № 5. С. 92 – 95.

² *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сб. док. М., 2014. С. 188.

как доносил представитель сербской армии при штабе Верховного главнокомандующего полковник Лонткевич, "зачислено на формирование сербских полков около 17 тыс. нижних чинов и до 70 офицеров. Для замещения командных должностей выписаны офицеры из Сербии"¹. Во главе дивизии был поставлен полковник Стеван Хаджич, а начальником штаба стал подполковник Воин Максимович². Сербский исследователь Г. Милорадович отмечает, что 15 апреля 1916 г. сербскую добровольческую дивизию пополнил 9751 серб, 14 словенцев, 8 русских, 84 хорвата, 25 чехов и 22 военнослужащих других национальностей³. Всего в течение 1916–1917 гг., по данным сербских историков, через корпус прошло около 70 тыс. добровольцев, движимых, как они замечают, стремлением к национальному освобождению, при том что из-за плохой организации и различных проволочек при его создании многие изъявившие желание вступить в его ряды были отсеяны⁴.

Тогда же, летом 1916 г., вследствие ходатайства полковника С. Хаджича, было принято решение о формировании Второй сербской добровольческой дивизии. Оба подразделения, в свою очередь, было решено свести в единый сербский корпус под командованием генерала М. Живковича, поставленного на эту должность 29 июля 1916 г. К началу осени комплектование корпуса было в основном завершено, а его части расквартированы в районе Одессы и Александровска (ныне Запорожье). Однако боеспособность корпуса русским командованием ставилась под сомнение, причём не только по чисто военным характеристикам. Ещё в апреле 1916 г. штаб Юго-Западного фронта показательно подчёркивал, что "сербскую же дивизию, формируемую из военнопленных, принимать в расчёт пока нельзя, так как она может быть вполне пригодной к бою не по окончании её формирования и обучения, а по выяснении надёжности личного состава, как офицерского, так

¹ РГВИА. Ф. 2003. оп.1. д. 1167. Л. 20 – 20 (об).

² См.: *Петровић И.* Српскидобровольци 1912–1918. Бројке и судбина. Нови Сад, 2001. С.27.

³ *Милорадович Г.* Карантин идей. Лагерь для изоляции "подозрительных лиц" в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М., 2010. С. 129.

⁴ *Милорадович Г.* Указ. Соч. С. 128. *Поповић Н.* Србија и Русија 1914–1918. С. 293.

и нижних чинов, на что потребуется известное время".¹ Но в условиях войны времени на выяснение "надёжности личного состава" не оказалось, а в первоначальные планы использования частей корпуса пришлось внести существенные коррективы. Формируемым сербским частям пришлось принять своё боевое крещение, причём в составе отдельного 47-го корпуса русской армии (под командованием А. М. Зайончковского), который специально был сформирован для ведения боевых действий в Добрудже, в помощь Румынии, вступившей в августе 1916 г. в войну на стороне Антанты. Уже 22 июня 1916 г. сербский военный агент Лонткевич сообщал сербскому военному министерству на Корфу, что предполагается участие сербских войск в боях против Болгарии, но это будет зависеть от результата политических и военных переговоров России и румынского правительства².

Отметим, что обстоятельствам подготовки Добруджинской операции посвящена обширная и весьма информативная статья В. Б. Каширина „Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году“. В современной отечественной историографии эта работа стала фактически первой, раскрывающей нюансы подготовки и проведения данной операции. Автор при этом справедливо отмечает, что история участия России в боях в Добрудже заслуживает написания отдельного монографического исследования³.

После успешного брусиловского прорыва летом 1916 г. на Юго-Западном фронте, а также из-за обещанных территорий — Трансильвании (Эрдели), Баната и части Буковины, в августе 1916 г. на стороне Антанты в войну вступила Румыния. Уже в первой половине июля 1916 г. начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев направил в штаб Юго-Западного фронта следующую телеграмму: "По видимому можно надеяться, что Румыния присоединится к нашему союзу и в конце этого

¹ РГВИА. Ф. 2067, оп. 1, д. 3059. Л. 342.

² Архив Србије (АС) ф. МИД Краљевине Србије. Политичкоодељење 1916. Rol. 506. Fascikla XIV. Л. 644.

³ Каширин В.Б. Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году / StudiaBalkanica (К юбилею Р.П. Гришиной). Сб. статей. М.: Институт Славяноведения РАН, 2010, 400 с. С. 139–179.

месяца или в начале августа объявит войну Австрии и Болгарии. Оставив до ста тысяч в Добрудже, румыны до 250 тысяч направят в Трансильванию, причём разграничительной линией с нами будет Дорна-Ватра, Быстрица, долина Симош, Жибо, Дебречин. Нам придётся направить в Добруджу кроме сербской дивизии, одну пехотную и одну кавалерийскую или казачью. Подвоз Гвардии 3-го корпуса позволяет выделить эти силы от Юго-Западного фронта. Прошу разработать соображения, подготовить в Бессарабии укомплектования для дивизий, дабы при первом признаке решения Румынии ввести войска наши в Добруджу. Вступление Румынии сильно изменит обстановку и некоторое ослабление фронта вполне окупится"¹.

В связи с этими указаниями, в контексте грядущих изменений военно-политической обстановки, началось формирование нового отдельного 47-го корпуса. Предполагалось, что в его состав, помимо сербской пехотной дивизии войдут 4-я Финляндская стрелковая дивизия и Уссурийская конная дивизия. Первоначально командиром корпуса планировалось назначить генерал-лейтенанта Булатова, а начальником штаба генерал-майора Нагаева. Однако в итоге командование им было возложено на командира 30-го армейского корпуса, генерала от инфантерии А. М. Зайончковского (1862–1926), который впоследствии стал известен не столько как военный деятель, а как военный историк, профессор академии РККА, автор фундаментальных трудов по истории Крымской и Первой мировой войн. Ставка при этом исходила из того, что "от командира этого корпуса потребуются особый такт, как в отношении представителей румынской армии, так равно и к сербской дивизии, в отношении которой вышеуказанное требование необходимо сочетать с должной настойчивостью в проведении своих требований, приняв во внимание и характер её формирования из военнопленных. Вместе с тем от командира формируемого корпуса требуется знание иностранных языков"². Начальником штаба был избран генерал-майор Н. П. Половцев, заслуживший, как профессионал, весьма нелестные характеристики от своих коллег по Генеральному штабу. Лишь позднее, уже в самый разгар боёв, он был заменён Н. А. Монкевицем, опытным генштабистом, бывшим

¹ РГВИА. Ф. 2067. оп. 1, д. 3059. Л. 1.

² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1, д. 3059. Л. 7.

до начала Первой мировой войны главой российской военной разведки¹. 19 июля (по ст. стилю) 1916 г. начальник штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта В. Н. Клембовский уведомлял Зайончковского, что "в состав особого корпуса назначены следующие пехотные дивизии: 61-я (генерал-лейтенант Симанский), 64-я (генерал-лейтенант Жданко), и сербская (полковник Хаджич), 3-я кавалерийская дивизия (генерал-лейтенант Леонтович)"². Первоначальное сосредоточение было назначено: Сербской дивизии — в районе Рени-Болград, остальным частям корпуса — в районе Бендеры-Тирасполь. Отправка сербской дивизии под Добруджу была закончена к концу июля, к этому времени в Одессе осталось 2,5 роты и помощник начальника штаба дивизии полковник Кушакович — "для наблюдения за формированием сербского запасного батальона и для дальнейшего формирования новых сербских полков"³.

14 августа 1916 г., в день объявления Румынией войны Австро-Венгрии, по быстро наведённым через Дунай понтонным переправам, части 47-го корпуса вступили на румынскую территорию⁴. Первоначально Зайончковский, исходя из политических соображений, не планировал ввод в сражение сербской дивизии. В переписке со штабом Юго-Западного фронта он замечал (рапорт от 28 июля 1916 г.): "Вопрос о сербской дивизии меня особенно беспокоит и вот о нём, по видимому, не мешало бы доложить генералу Алексееву. Посылка русского корпуса в Добруджу безусловно имеет своим главным назначением не увеличение физиче-

¹ См. *Каширин В.Б.* Указ. соч. С. 154–155.

² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1, д. 3059. Л. 116.

³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1, д. 3059. Л. 66.

⁴ Переправа была осуществлена на высоком организационном уровне. Генерал Шошин, отвечавший за наводку понтонных мостов через Дунай, докладывал А.М. Зайончковскому, что 3-я кавалерийская дивизия перешла на румынский берег "в безупречном порядке, под непрерывные крики "Ура" рабочих на русском берегу и такими же криками встречали полки жители на румынском берегу, женщины бросали цветы. Начальник дивизии, пропустив первый полк, перешёл на румынский берег для приветствия румынского населения и принял поднесённую хлеб-соль, после чего вернулся снова к голове моста. Румынские гости удивлялись отличному личному и конскому составу дивизии, которые действительно были превосходны. Даже обозы и транспорты оказались в отличном состоянии" (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. д. 3058. Л. 69 (об)).

ской силы румын, а нечто иное — политическое. Действительно, появление русского корпуса на границе Болгарии будет большой козырь в руках русофильской болгарской партии и, разумеется, у многих болгар винтовки начнут дрожать при виде русских войск. Но присутствие под русскими знамёнами и здесь же рядом сербов будет громаднейшим козырем в руках русофобской партии болгар и при виде злейших своих врагов винтовки болгарские, задрожавшие перед русскими, со злобой будут сжиматься против сербов. А политическое значение особого корпуса сведётся к нулю. Моё глубокое убеждение, что сербов надо отправить на Кавказ. Я же решил их держать в резерве, пока поведение болгар не определится. Выпущу их только тогда, когда ясно выяснится, что по Болгарии мне придется идти огнём и мечом, а братушки не будут иметь поползновения сдаваться массами своим освободителям"¹. Причём эксперты самых различных ведомств были против посылки в Добруджу "интернациональных" сил, которые, по их мнению, делали надежду на возможность политического соглашения с Болгарией весьма призрачной, однако эти предупреждения не были услышаны Алексеевым, считавшим невозможным посылку за Дунай лишней русской дивизии².

К тому же, несмотря на образцово проведённую переправу корпуса, сразу же дала о себе знать слабая подготовка войск, недостатки их снабжения и комплектования. А. М. Зайончковский телеграфировал в Ставку 21 августа 1916 г.: "Я не имею возможности управлять группою русско-румынско-сербских войск, не имея ни одного автомобиля. Доношу, что у меня имеется масса вопросов, которые я должен доложить вам, минуя Бухарест, что не имею возможности сделать без прямого провода, о чём прошу десятки раз"³. Новые союзники в военном отношении также оказались малосостоятельны. По поводу действий румынской армии А. М. Зайончковский докладывал 23 августа 1916 г.: "Судя по виденным мною образцам, в армии замечается неумение вести войну: полное отсутствие связи, которой не придают значения и не умеют наладить, неумение поставить цели, согласовать действия соседей и руководить войсками. Настойчиво и не без успеха

¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1, д. 3059. Л. 151 (об)–152.

² См.: *Каширин В.Б.* Указ.соч. С. 176–177.

³ РГВИА. Ф. 2067. оп. 1, д. 3058. Л. 168.

боремся с этими недостатками"¹. 29 августа 1916 г. Алексеев послал следующую телеграмму в штаб Юго-Западного фронта: "Румыны настаивают в отправке в Добруджу наших подкреплений возможно больше и возможно скорее. Союзники советуют послать туда армию 150 тысяч. Комкор 47-го более скромнен в своих пожеланиях. Отвечу, что каждый солдат, отправленный в Добруджу уменьшает шансы нашего успеха на важнейшем жизненном и опаснейшем направлении для нас и противника. Только победою в настоящее время в Галиции мы обеспечим общий успех, между тем из армий севернее Полесья выслано почти всё, что можно было выслать без риска устойчивости нашего собственного положения. Комкору 47-го отправляется 115 дивизия. Настаиваю на усилении румынских войск. Делом его искусства будет вести борьбу предоставленными ему средствами. От нас невозможно пока выделить ничего более до выяснения целей Гинденбурга"².

30 августа 1916 г. Зайончковский, которому, по согласованию с румынским правительством и королём, было дано указание принять общее командование над румынскими войсками в Добрудже, резюмировал: "Уже в настоящее время считаю болгар сильнее себя даже численностью, не говоря о качестве дивизий"³. Остро ощущался и недостаток кавалерии. Румыны, в ходе начавшихся боёв, не проявили ни мужества, ни стойкости, в частях 9-й и 19-й румынских дивизий участились случаи дезертирства и массового бегства солдат при столкновении с болгарскими войсками⁴. В этой ситуации Зайончковскому пришлось изменить свой первоначальный план и ввести сербскую дивизию в бой, где она показала, в отличие от румын, пример мужества и героизма. В боях за Добруджу первая сербская дивизия потеряла более 80 % личного состава и была отведена в Измаил на перекомплектование. Николай II и сербский монарх Пётр Карагеоргиевич передали через генера-

¹ Там же. Л. 116.

² Там же. Л. 181.

³ Там же. Л. 184.

⁴ Штаб Одесского военного округа небезосновательно увязывал такое поведение румынских солдат с "результатом тайной пропаганды болгар, работавших в этом направлении задолго до начала настоящей кампании", подчёркивая наличие в Добрудже тайной болгарской организации. См. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1., Д. 3058. Л. 289–290 (об).

ла Зайончковского особую благодарность и восхищение подвигом сербской дивизии¹. Всего, в период с 25 августа по 16 октября 1916 г., сербы потеряли убитыми и ранеными 231 офицера и 8996 нижних чинов². Остатки Первой сербской дивизии были отведены в тыл на переформирование и расквартированы в районе Одесса — Вознесенск — Березовка.

Однако мужество сербских солдат не смогло изменить положения дел. 9 (22) октября 1916 г. пала Констанца. Русские войска были вынуждены отступить на север, после чего Зайончковский был заменён генералом Сахаровым. 22 ноября (6 декабря) пал Бухарест. Румынская армия перестала существовать как организованная сила. К концу декабря 1916 г. её остатки были отведены за р. Серет, за спины 500 тыс. русских солдат. Но и противник был измотан. К январю 1917 г. линия фронта стабилизировалась по линии запрутской Молдовы, растянувшись более чем на 430 верст. По словам В. Б. Каширина, "итог этот был закономерно плачевным, поскольку являлся плодом целого ряда военных и политических ошибок, которые сплетались вместе и взаимно усиливали свои последствия"³.

Это поражение отрицательно сказалось на ситуации и на Салоникском фронте, осложнив коммуникацию между союзными державами в условиях, когда, по донесениям российского военного агента Левковича 16 декабря 1916 г., "все признаки указывают на намерение немцев, сосредоточив большие силы, обрушиться немедленно на слабую завесу, именуемую армией генерала Сарайля, покончить с ней, или запереть в Салониках и иметь всю болгарскую армию и часть турецкой для других фронтов"⁴.

Озабоченность судьбой солдат сербского корпуса высказало Русско-сербское общество, направившее в Ставку телеграмму, в которой, в частности говорилось: "Каково же, спрашивается, будущее сербской расы? Если союзникам удастся восстановить временно покорённую и попранную врагом Сербию, то кто же будет защитниками этой Сербии? Кто же? Если принять во внимание, что в самой Сербии остались лишь дряхлые старики и малые дети,

¹ Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. С.72–73.

² Там же. С. 111.

³ Каширин В.Б. Указ.соч. С. 179.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1., Д, 1167. Л. 27–27 (об).

что сербские пленные тысячами умирают в австрийских, венгерских и германских концентрационных лагерях, а остальное пригодное к ношению оружия мужское население истекает кровью и гибнет в непрерывных боях!

Русско-Сербское общество, не считая себя компетентным в решении вопросов военно-стратегического характера, и не позволяя себе в какой бы то ни было степени вмешиваться в подобного рода вопросы и преподавать кому бы то ни было непрошенные указания, не может, однако, не испытывать серьёзного беспокойства перед теми ужасными перспективами, которые столь трагическое положение вещей открывает перед сербским народом, обречённым, таким образом, на почти полное уничтожение, если война ещё затянется на продолжительное время"¹.

Все эти события имели ключевое значение для дальнейшей судьбы сербского корпуса, которому требовалось срочное переформирование и пополнение рядов. Кроме того, неудачи боёв в Добрудже не только оказали огромное отрицательное психологическое воздействие на его личный состав, но и обострили давние межнациональные противоречия, прежде всего между сербами и хорватами, что, в свою очередь, позволяет поставить общий вопрос о целесообразности, а главное эффективности использования "интернациональных" воинских формирований, составленных из солдат и офицеров, ещё недавно воевавших на стороне противника.

Именно попытки призыва туда новых добровольцев, прежде всего из Хорватии, осенью 1916 г. вылились в серьёзные беспорядки во Второй сербской дивизии, в основе которых лежала национальная неприязнь, что может явиться истинной иллюстрацией отношений между, казалось бы, близкими славянскими народами. Причём незадолго до произошедших событий, в конце сентября 1916 г. Михаил Живкович издал приказ, в котором, в частности, говорилось: "Сны наших славных предков ныне осуществляются. Сербию, Хорватию, Славонию, Боснию и Герцеговину, Далмацию и прочие страны славянского юга, давным-давно заселил один и тот же славянский народ. <...> Сербия своей героической борьбой показала свему миру, что она не желает жить одна, без совместной жизни со своими сёстрами, без совместной жизни с милой

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1., Д. 1167. Л. 33–34.

Хорватией и Славонией, дивной Словенией, с гордыми Боснией и Герцеговиной, со скалистой Далмацией, со славным Сремом, с цветистым Банатом и с родной Бачкой"¹.

Заметим, что первые трудности с вербовкой новых добровольцев стали ощущаться уже в августе 1916 г. К 31 августа, когда первая сербская дивизия уже вела активные боевые действия под Добруджей, "в запасном батальоне, и для пополнения возможных потерь 1-й дивизии, и для формирования V-го и VI-го полков имелось всего 2706 человек, ещё не вполне испытанных, хотя и приведённых наспех к присяге сербскому королю"². Две тысячи человек из их числа в начале сентября были отправлены под Добруджу для пополнения рядов Первой сербской дивизии.

С тем, чтобы исправить положение и привлечь как можно больше пленных из "милрой Хорватии" и "дивной Словении" к "общей" борьбе, командование корпуса прибегло к насилию. "В Одессе все военнопленные югославыне сосредотачивались в казармах, отведённых для сербских формирований, разбивались на партии и с ними велись собеседования относительно поступления в сербские дивизии. Не желавших поступать добровольцами тотчас отделяли в особое помещение под караул, а затем отправляли одесскому воинскому начальнику для возвращения в плен, но не всегда немедленно. С колеблющимися велись собеседования в течение более или менее продолжительного срока, а затем наиболее упорные из них отправлялись в плен, а остальные в полки"³.

Вопрос об изблениях при агитации был поднят поручиком 3-го полка 1-й сербской дивизии словенцем Гаспаром Пекле, который поделился этими сведениями с редактором газеты "Югославия" Г. Тумой. На основании полученных от него сведений, 31 октября 1916 г. Л. Тума, вместе с хорватским публицистом, основателем

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 24 (об). См. также: Югословенски добровольци у Русији 1914–1918. С. 85. В связи с приказом Живковича, показательна телеграмма представителя русской армии в военном совете союзных армий генерала Ф.Ф. Палицына из Парижа о настроениях югославянской эмиграции во Франции, отправленная 9 декабря 1916 г.: "Формирование черногорского легиона безнадежно. Черногорцев, желающих поступить в легион, нет, а поступление югославын по политическим соображениям не допускается" (Там же. Л. 26).

² РГВИА. Ф. 2003. Д. 330. Л. 14 (об).

³ РГВИА. Ф. 2003. Д. 1167. Л. 68 (об)–69.

общества "Юрий Крижанич" К. Геруцем, также находившимся в России, направили соответствующее письмо тогдашнему министру иностранных дел России Штюрмеру, в котором не только указывались случаи избиения добровольцев сербскими офицерами, но и подчёркивалось стремление югославян служить не в чисто сербском, а именно в "югославском" батальоне¹.

Отметим, что на действия общества "Юрий Крижанич", а также хорватских и словенских националистов, группировавшихся вокруг его руководителей К. Геруца и Тумы, в связи попытками дискредитации корпуса, особое внимание обратил сербский историк Н. Попович. Он указывает, что "русско-хорватское общество "Крижанич" направило командиру корпуса меморандум о беспорядках в сербском добровольческом отряде и с критикой командования корпуса с политической и национальной точки зрения"². Поскольку, как замечает исследователь, М. Живкович не счёл возможным вступать в дискуссию с этим обществом, то ответ был написан одним из членов Югославянского комитета Франьо Поточняком, обвинившего составителей меморандума в необъективности и подтасовке фактов³. В этом же контексте историк интерпретирует письмо Пекле, отмечая, что находящийся в Петербурге известный хорватский общественный деятель и публицист К. Геруц в своих корыстных целях сделал попытку ознакомить с его содержанием российского императора⁴.

На основании этого письма, 3 (16) ноября 1916 г. министр иностранных дел обратился к Алексееву с просьбой провести следствие по данному вопросу, ведение которого было поручено гене-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 6–7. Русско-хорватское общество "Юрий Крижанич", идеей которого стало объединение и слияние всех славянских народов, было создано в Москве в 1915 г. Помимо Геруца, видными деятелями общества были чех Коничек, хорват И. Гарапич и словенец Г. Тума. В 1916 г. тот же Геруц создал в Москве общество "Югославия", а Г. Тума основал в Петрограде газету с аналогичным названием. О Крунославе Геруце см. подробнее: Ващенко М.С. "Хорватский консул" в Петербурге // Родина, 2010, № 4. С. 59–62. Сам же Пекле, судя по всему, в феврале 1919 г. вступил в ряды чехословацкого корпуса и стал сражаться против советской власти (см.: Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции. С. 257–258).

² Поповић Н. Србија и Русија 1914–1918. С. 291.

³ Там же. С. 291.

⁴ Там же. С. 293.

рал-лейтенанту С. Д. Чистякову¹. Он провёл довольно обстоятельное расследование причин случившегося, обратив при этом внимание на недооценку ситуации одесским окружным начальством и лично генералом Марксом². По поводу вербовки добровольцев во Вторую сербскую дивизию он отметил: "Расчёты на большой прилив добровольцев не оправдались; положение ещё ухудшилось с 20-х чисел августа 1916 года, когда Первая сербская дивизия приняла участие в добруджинских боях, где понесла большие потери. Срочно понадобились большие пополнения (до 6500 человек). Но, несмотря на недостаток людских запасов для Первой дивизии, от мысли о формировании 2-й дивизии отказаться не хотелось, почему, в нарушение принципа добровольности, как для пополнения прежних кадров, так и для формирования новой дивизии в октябре 1916 года была применена принудительная отправка в Одессу всех военнопленных югославян из района Одесского военного округа — по распоряжению окружного начальства — и даже из некоторых других пунктов — по недоразумению, основанному на неясности распоряжений"³.

Нежелание поступать в Сербский корпус имело под собой и вполне прагматические основания. Многие пленные югославы — хорваты и словенцы, по отношению к другим военнопленным, находились в более привилегированном положении, выполняя в глубоком тылу несложные сельскохозяйственные работы и имея весьма сносные условия существования. Кроме того многие из них высказывали опасение как за свою будущую судьбу, так и за положение своих семей. Поступление в корпус автоматически делало их предателями и дезертирами со всеми вытекающими отсюда последствиями, как для них самих, так и для их ближайших родственников, проживавших на территории двуединой монархии.

В этой связи выводы, сделанные П. Е. Чистяковым, были весьма категоричны. "Случайно собранная масса естественно находилась в дисгармонии. Хорваты и словенцы заявляли, что они вовсе не "сербы", а католики и до того, к чему стремятся сербы, им дела

¹ См.: Вишняков Я.В., Тимофеев А.В., Милорагович Г. Армия без государства. С. 149.

² Маркс Никандр Александрович (1861–1921) — генерал-лейтенант, начальник штаба Одесского военного округа.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. д. 1167. Л. 68 (об).

нет", — отмечал он в своём рапорте. "Было бы совершенно неоправданным утверждать, чтобы при югославянской горячности и в такой обстановке не было брани, ссор, драк, ударов и даже ранения и убийств. Последние явления имели место среди югославян, которые отказывались от поступления в сербский добровольческий корпус, в более или менее резкой форме, с большим или меньшим влиянием на остальных, прибывших с ними югославян. Побои проводились самими же солдатами (действительными добровольцами) в отсутствии офицеров, главным образом по ночам. Избивались хорваты и словенцы, наиболее враждебно настроенные против сербов. Бывали случаи, что сами караульные били и отбирали деньги у арестованных"¹.

К концу октября — началу ноября 1916 г. ситуация во Второй сербской дивизии накалилась до предела. Как выяснил Чистяков, "3 роты, сформированные при запасном б-не, отправлены были утром 23 октября в полном вооружении и снаряжении, под командою офицеров 2-й сербск. дивизии на укомплектование полков, стоящих в окрестностях Одессы, но, дойдя до главного вокзала на Куликовом поле, остановились и отказались идти дальше, заявив, что они желают возвратиться в плен.

На уговоры офицеров, около 150 чел. вышли из толпы и, построившись, под командою сербского офицера, с песнями, двинулись по назначению. <...> остальные 543 человека продолжали стоять, снимав частью вещевые мешки. Для прекращения этого беспорядка и обезоруживания людей, н-ком окружн. шт., около 12 часов дня, командирован был н-к 6-й запасн. бриг. ген.м. Демков, который и застал вышеуказанное положение.

По команде "смирно", шум немедленно прекратился. Вызванные унтер-офицеры заявили, "что их заставляют воевать за сербов, что они не сербы, а хорваты, и за сербов воевать не желают". На вопрос, зачем же они записывались в сербскую дивизию, — получился ответ: "Нас заставляли, били, издевались над нами, а потому мы и записались, чтобы избежать побоев". При этом некоторые расстегивались и показывали действительно синяки и царапины. По их заявлению, били их "остальные военнопленные". В сербские казармы хорваты отказались возвратиться:

¹ РГВИА. Ф. 2003. Д. 1167. Л. 69–69 (об).

“там нас опять будут бить”. Были слышны крики: “Дайте нам русских офицеров; пусть нами командуют русские офицеры, всё, что от нас потребуют русские офицеры, мы будем делать”. Картина получалась тяжёлая, если хоть на минуту забыть, что это всё-таки был отказ славян от своего же славянского дела, за которое такие же бывшие пленные готовы были идти в бой.

Ген. Демков приказал русскому шт. кап. Контчичу, знающему по-сербски, отвести хорватов в казарму одесск. у.в. н-ка, что и было исполнено в полнейшем порядке, по сербским командам.

Что касается 4–5 сербских офицеров (в том числе н-к шт. дивизии и кап. Майстрович), то они, по показанию г.м. Демкова, подошли к хорватам при его разговоре, советовали выделить зачинщиков, “а остальные пойдут как бараны”, но ген. Демков приказал им удалиться, заметив, что их распоряжения не хорошо действуют на людей.

При управлении воинск. н-ка хорваты в полном порядке сдали всё снаряжение, вооружение и обмундирование, а на следующий день отправлены были в плен в Екатеринослав¹.

Следствие смогло найти неоспоримые доказательства издевательств в отношении 24 человек. Но допросить их генералу Чистякову так и не удалось, поскольку 7 человек были отправлены в полки, “но находятся ли они там, выяснить не удалось”, а остальные 17 — категорически отказавшиеся вступать в корпус “в списках не значатся и по видимому возвращены в плен”². При этом был выявлен факт убийства майором 7-го полка Николичем словенца по фамилии Тротша, а кроме того, в четвертой роте 5-го полка случилась целая демонстрация, когда принудительно навербованные добровольцы кричали: “Да здравствует Австрия!”, “Долой Сербию!”, “Долой короля Петра!” При её разгоне было убито 3, задушено 10, а всего пострадавших было 20 человек³.

30 ноября 1916 г. от поступления в корпус отказалось 165 хорватов, находившихся в “воспитательной команде”, причём “4 хорвата принесли лично генералу Живковичу жалобы на нанесение

¹ Вишняков Я.В., Тимофеев А.В., Милорагович Г. Армия без государства. С. 169.

² Там же. Л. 69 (об).

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 70.

им от 60 до 125 “батог”¹. Живкович приказал их направить в распоряжение одесского воинского начальника для отправки в лагерь для военнопленных.

Вместе с тем Чистяков признавал: “но всё-таки, как видно из ведомостей, приложенных к объяснению ген. Живковича, действительно из 146990 югославян, присланных в период с 1-го окт. по 20-е ноября 1916 г. главным образом по “набору” для опроса в сербском запасном батальоне только 4850 чел., т. е. 32 % (2768 чел. — немедленно, 1621 чел. — после некоторого испытания, 461 чел. — бегством) отказались от поступления, а 68 % приведенных югославян действительно поступили на службу в сербский корпус, т. е. результат в количественном отношении надо признать отличным, принимая во внимание, что из Одесск. окр. всех, а из прочих округов — значительное число отправляли в Одессу, не спрашивая о желании”¹.

Однако количественный успех вовсе не означал успех качественный. Далее генерал-лейтенант резюмировал: “Следует отметить, что и в числе принятых 68 % оставлены были, в довольно большой пропорции, колеблющиеся и даже прямо враждебные нижние чины, главным образом из хорватов и словинцев, удерживаемые только страхом наказаний и при первой возможности убежавшие к одесск. воинс. н-ку или просто скрывшиеся при содействии евреев, колонистов, болгар и т. п., и настроение в полках 2-й дивизии даже в начале декабря признавалось таким, что, по заявлению ген. Живковича и полк. Кушакевича личный мой опрос желающих и нежелающих, при существующей враждебной агитации и при известной подавленности под влиянием наших неудач на румынском фронте, представлялся неудобовыполнимым без очевидного вреда для дела существования сербских добровольческих частей”².

В тоже время Чистяков выявлял всё новые и новые факты насилия: “Случаи эти, — отмечал он, — закончились 10 ноября 1916 года убийством капитана сербского добровольческого корпуса Штольфа. По данным дознания, произведённого разведывательным отделением штаба Одесского военного округа, можно

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп.2. Д. 330. Л. 21.

² Там же. Л. 21 (об).

заключить, что убит ошибочно вместо командира 1-ой роты VII полка капитана Танасковича (серба из королевства), весьма требовательного и строгого начальника"¹. В ноябре 1916 г. начальник Одесского военного округа приказал Живковичу удалить из корпуса всех "неблагонадёжных". Однако это приказ был фактически проигнорирован, поскольку привёл бы к сокращению наполовину численности корпуса, "а между тем мысль о создании возможно большего "запаса людей" для сербской армии, лишённой иных источников комплектования, сохраняла свою жгучесть"². Лишь в середине марта 1917 г. М. Живкович отчислил из корпуса и передал военным властям Одессы около 30 офицеров — хорватов и словенцев по происхождению, "ввиду того, что они недопустимыми путями между офицерами и солдатами корпуса вели агитацию, вредную для порядка и дисциплины в корпусе"³.

О произошедших беспорядках был проинформирован и представитель сербской армии при штабе Верховного главнокомандующего полковник Б. Лонткевич. Живкович, в свою очередь, отправил донесение сербскому посланнику в Петрограде М. Спалайковичу, в котором, не упоминая напрямую о произошедших беспорядках, особо указывал, что агитацию, направленную на дискредитацию не только корпуса, но и самой югославянской идеи, ведёт итальянский консул, распространяя сведения о том, что словенцы будут итальянскими гражданами и он поможет им уехать в Италию, а хорватам доказывал бессмысленность совместной с сербами борьбы за новое государство, поскольку значительная часть Хорватии также должна быть передана Италии, допуская при этом возможность создания хорватского государства под протекторатом итальянской королевской династии. Живкович при этом особо подчеркнул, что такие действия итальянского дипломатического представителя согласованы с Геруцем, Тумой и другими, "кому на руку его уничтожение"⁴. В другом своем донесении — рапорте по формированию корпуса, составленном 1 декабря 1916 г., генерал особо подчёркивал наличие в России

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. Д. 1167. Л. 70–71.

² Там же. Л. 70–71.

³ РГВИА Ф. 2003. Оп.1. Д. 686. Л. 5–5(об).

⁴ Югословенски добровољци у Русији 1914–1918. С.165–166.

этих, как он выразился, "шпионских австрийско-германских организаций", "между которыми пока замечена группа политических организаций, которые мешают быстрому собиранию добровольцев и будущие против идеи объединения всех югославян, устраивают через своих агентов всевозможные махинации для бунтования и своевольного удаления из команд добровольцев. <....> Эти политические организации ничто иное, как из Австро-Венгрии перенесённая маленькая политическая партия. Хорваты, так называемая там "партия Франка". Фракция этой партии находится в Москве под названием "Русско-Хорватское Общество памяти Крижанича" и Петрограде, и оттуда, через своих многочисленных агентов, очень вредно влияет, в особенности на ещё не вполне усвоивших идею объединения Хорватов и Словинцев"¹.

На основании сведений Живковича в начале января 1917 г. Спалайкович отправил соответствующее уведомление российскому военному министру, в котором подчеркнул, что "борьба, которую ведут против сербского корпуса небезызвестные Геруц и Тума и другие, подобные им австрийские агенты, оказалась так хорошо организованной и планомерной, что наша Первая дивизия была, вследствие их интриг и попользований доведена почти до полного разложения и уничтожения и каким-то только случаем удалось вовремя её спасти от грозившего распада"². Сербский представитель подчёркивал, что "под флагом славянства" скрывается их шпионская деятельность в пользу Австро-Венгрии, цель которой полностью дискредитировать идею объединения славян, и в этой же связи сербский корпус. Спалайкович замечал, что они среди сербских добровольцев вносят раздор и сепаратистские стремления: "Говорят, что сербы "осербят" хорватов и словенцев, отнимут их религию, материально будут их грабить и тому подобные измышления. <...> Они не останавливаются только перед этим и через своих агентов-provokаторов вызывают столкновения и скандалы, которые потом приписывают либо сербству и сербам вообще, либо патриотически настроенным хорватам и словенским элементам, которые воодушевляются идеей народного объединения, и на этом работают". Далее сербский дипломатический агент резюмировал: "При отступлении Первой дивизии из Добруджи

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 44–48.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16., Д. 2156. Л. 6.

эти агенты распространяли слухи среди солдат и офицеров Второй дивизии, что и их Россия не пощадит и отправит их, как и Первую дивизию, на Румынский фронт. Среди же солдат I дивизии эти же агенты подобными денунциациями вызвали неудовольствие, за то они были брошены не туда, куда они мечтали и для чего были собраны"¹. Сербский посланник настаивал на немедленном расследовании деятельности Геруца и Тумы и закрытии общества "Юрий Крижанич" и газеты "Югославия". Однако этому делу так и не был дан ход, а письмо сербского дипломата осталось без ответа².

В свою очередь генерал Чистяков, вопреки мнению сербского дипломатического агента, отмечал, что „ярких следов крупной шпионской работы не обнаружено ещё“, и сделал, как нам кажется, вполне справедливый и объективный вывод: "Основной причиной возникновения описываемых эксцессов помимо принудительного комплектования, представляется религиозная и политическая рознь элементов, из коих комплектовались сербские формирования. Эти различные элементы искусственным образом связать было нельзя, и попытки в этом направлении вызвали естественные протесты, которые ликвидировались не всегда дозволенными действиями"³. Так, например, он особо подчеркнул, что "был случай категорического отказа 60 плен. хорватов даже от первоначальной погрузки в вагоны на ст. Балта для отправки в Одессу, с заявлением, что они предпочитают быть убитыми немедленно, чем идти к сербам, которых знать не желают"⁴.

Тем не менее, командование корпуса продолжало настаивать на том, что главная причина беспорядков — это деятельность все тех же Геруца и Тумы. События русской революции способствовали именно такому простому объяснению произошедших событий,

¹ Там же. Л. 6–7. (об).

² В меморандуме о беспорядках в корпусе, написанном Живковичем 23 апреля 1917 г., говорится, что с 1885 г. Геруц был двойным агентом австрийской и русской тайной полиции, куда попал по протекции австрийского посла и "его служба заключалась в том, чтобы следить за движением югославян в Петрограде и об этом доносить австрийскому послу. Ту же самую службу, только в обратном смысле, он имел нести для русского министерства" (См.: Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г. Армия без государства. С. 260).

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 72.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 22 (об).

поскольку беспорядки в корпусе оказалось легко "списать" в том числе и на покровительство хорватам бывшего царского министра Штюрмера, чьё имя после событий февраля 1917 г. стало ругательным. Эта мысль ярко прослеживается в меморандуме о беспорядках в корпусе, составленном Живковичем 23 апреля 1917 г., т. е. спустя три месяца после завершения следствия Чистякова. В нём прямо указывалось, что причина конфликта была вызвана "влиянием внешним, которое находится вне сферы влияния корпуса", а к тому же, как говорилось в тексте меморандума, "из документов, найденных в архиве бывшего министра Штюрмера, видно, что он старался всеми средствами заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией. В рамках осуществления этого плана входило еще и расформирование Сербского корпуса и Чешко-Словацкой бригады"¹. Далее Живкович отмечал, что недовольные офицеры, "по данному Геруцем сигналу и под его руководством" выставили определённые условия к командованию корпуса, среди которых были как его переименование в Юго-Славянский, так и выделение "солдат хорватов и словенцев от сербских в отдельные полки, во главе которых будут стоять офицеры только хорватской и словенской народности. На веру должно быть обращено [внимание] и не смешивать католиков с православными". Далее, "этот отряд никогда не должен считаться войском королевства Сербии, но считать его отдельным революционным войском Югославии", которое не должно впредь участвовать в боях на русском фронте. Живкович подчёркивает, что сербское правительство "пошло навстречу всем поставленным условиям за исключением последнего", а сербскому корпусу было дано название "Добровольческий корпус Сербов, Хорватов и Словенцев"².

Усилению конфликта способствовали и разногласия в офицерской среде Сербского корпуса, вызванные тем, что офицеры сербской армии, или, как их называли в корпусе, "господа с Корфу", первая партия которых прибыла с Салоникского фронта в Одессу в апреле 1916 г., занимали более привилегированное как служебное, так и материальное положение по сравнению с офицерами-добровольцами, которые оказались ущемлены в отноше-

¹ Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорагович Г. Армия без государства. С. 256–259.

² Там же. С. 268–269.

нии всех видов довольствия, особенно денежного. На подобную несправедливость поручик Пекле обращал особое внимание, что и подтвердил в своём рапорте генерал Чистяков: "Всего с Корфу прибыли 72 офицера сербской армии, которые и были назначены на должности бригадных, полковых, батальонных и ротных командиров, а также в штабе корпуса и дивизии <...> Добровольцами из бывших офицеров австрийской службы замещены в дивизии по старшинству только 14 должностей ротных к-ров и все должности взводных к-ров, что объясняется почти полным отсутствием среди добровольцев офицеров в старших чинах (только капитан и 5 поручиков) <...> В отношении денежного довольствия добровольцы-офицеры являются менее обеспеченными, чем офицеры сербской армии. Этим отчасти объясняется и некоторая запутанность в денежных делах добровольцев и даже факт растраты солдатских денег. <...> Об устранении этой разницы уже возбуждено ходатайство, чем значительно улучшится положение добровольческих офицеров, испытывавших затруднения, особенно при совместной жизни с коренными сербами, при довольствии в общей столовой и т. п. Это, конечно, до некоторой степени вызывает неприятные чувства"¹. Кроме того, в корпусе нередко были случаи открытого воровства сербскими офицерами продуктов и денег.

Причём следствие, на фоне громких заявлений югославянских политиков о необходимости, а главное о готовности сербов, хорватов и словенцев объединиться в новый "югославский дом", нашло крайне нежелательным отправку результатов расследования в российский МИД, ограничившись в этой связи лишь составлением краткой справки для министра, в которой подчёркивалось бы, что "некоторое давление на волю вербуемых было случайно, по почину местных начальников и что оно устранено"². В начале февраля 1917 г. в штабе Юго-Западного фронта пришли к выводу, что "рассчитывать на достаточный приток добровольцев для формирования 2-й сербской дивизии не представляется возможным", и "что следует озаботиться лишь надлежащим укомплектованием кадров 1-й сербской дивизии"³.

¹ РГВИА Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л.13–30.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 72.

³ Там же. Л. 74.

В этой связи, а также видимо и от желания избавиться от ненужных проблем, Ставкой было принято решение о начале переброски частей корпуса на Салоникский фронт, тем более, что по сведениям Генштаба, к концу 1916 г. там находилось не более 35 тыс. штыков сербской армии "и пополнения убыли в рядах этой армии ожидать неоткуда"¹. Это обстоятельство явилось причиной перекомплектования сербских сил на Салоникском фронте. 5 апреля 1917 г. российский военный агент В. А. Артамонов доносил из Салоник: "Ввиду уменьшения численности сербских сил, а также вследствие условий местности, произведено законченное 29-го марта реформатирование их из 3-х армий в 2, а именно: 1-я армия — воевода Мишич — дивизии Моравская, Дунайская, Дринская — к западу от гор "Ниджен-Паланина" и до реки Чёрная. 2-я армия — воевода Степанович — дивизии Глумандинская, Тимокская и Вардарская — к низу гор "Ниджен". Кавалерийская дивизия придана к 1-й армии. В состав 1-й армии входит также наша 4-я Особая бригада"².

В этом аспекте Сербский корпус рассматривался как единственный ресурс "в руках сербского правительства при возвращении его на родину, где всё мужское население в возрасте военнообязанных истреблено швабо-болгарами"³. 25 декабря 1916 г. сербский военный агент полковник Лонткевич телеграфировал генерал-лейтенанту Лукомскому, что "для вербования добровольцев", желающих поступить в действующую на Салоникском фронте сербскую армию, предполагается командировать в Донскую область шесть групп офицеров, "так как там бо-

¹ Ещё в октябре 1916 г. генерал Эбелов отмечал: "Этот корпус, ввиду огромных потерь сербов на Салоникском фронте, явится, вероятно, последним ресурсом Сербии, которым страна может располагать, отстаивая своё существование, и формирование этого корпуса представляется делом не только вызываемым военными соображениями, но и глубоко государственным". В декабре 1916 г. Сербская королевская миссия в секретной записке о Сербии отмечала: "Сербская армия на Солунском фронте представляет незначительную силу приблизительно 60 000 штыков. Своим участием в военных действиях она ежедневно тает" (См.: *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г.* Армия без государства. С.117, 122).

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 685. Л. 12.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 82.

лее всего находятся пленные югославыне". Лонткевич привёл список этих офицеров¹.

Отметим, что пополнение Салоникского фронта сербскими солдатами из России не могло быть уж столь значительным. В феврале 1917 г. по сведениям Ставки в Первой сербской дивизии было 12 батальонов, "в каждом батальоне в среднем по 742 нижнего чина. Всего для дивизии не хватает 3963 строевых и 167 нестроевых чинов"². Вторая сербская дивизия также состояла из 12 батальонов, где состояло около 820 нижних чинов. Для полного комплектования этой дивизии не хватало 3453 строевых и 330 нестроевых нижних чинов. Офицеров в Первой сербской дивизии находилось 470 человек, а во Второй — 256. Тем не менее, в начале января 1917 г. через северный русский порт Романов на Салоникский фронт было отправлено 28 офицеров и 1157 нижних чинов.

События русской революции перемешали первоначальные планы, а дальнейшая судьба сербского корпуса напрямую связана с трагедией русской революции и гражданской войны. После событий февраля 1917 г. значительная часть солдат и офицеров покинула его ряды. Так, по сведениям, которые представили русскому командованию, прибывшие в Ставку уже упоминаемый нами Г. Пекле и ещё один офицер-доброволец Шовари, "из сербского добровольческого корпуса вышло до 3 мая около 120 офицеров, 41 юнкер и около 6000 солдат югославын. Офицеры, исключая 2 сербов, — по национальности хорваты и словенцы"³. Из этого числа больше половины участвовали в боях за Добруджу⁴.

Показателен при этом рапорт о выходе из корпуса поручика Г. Барабаша⁵, хорвата по национальности, поданный командиру

¹ Там же. Л. 26.

² Там же. Л. 79–79 (об).

³ РГВИА. Ф. 2003. Д. 686. Л. 118.

⁴ Там же. Л. 118.

⁵ Густав Барабаш (1889–1938) окончил Загребский университет, в 1914 г. был призван в австрийскую армию, но вскоре сдался в плен. В марте 1916 г. вступил в Первую сербскую дивизию и участвовал в боях в Добрудже. Покинув корпус, Барабаш был направлен на Юго-Западный фронт в распоряжение штаба 32-го корпуса, став переводчиком при его разведотделе. Незадолго до событий Октября 1917 г. он был выбран в состав ВРК корпуса, затем перешёл на сторону Красной армии, став командиром интернационального югославынского отряда, первоначально насчитывавшего

4-го пехотного полка 5 (18) апреля 1917 г. Заметим, что данный документ ещё раз прекрасно подтверждает тезис об изначальной недееспособности создаваемого в тот момент нового славянского государства, в том числе из-за приверженности руководства корпуса именно к монархической государственной конструкции будущей Югославии под управлением династии Карагеоргиевичей. Именно поэтому события февраля 1917 г. вызвали отторжение у большинства сербских офицеров, в том числе из-за опасений в том, что новые российские власти не будут содействовать достижению их идеала. Эта идея не соответствовала чаяниям многих офицеров-добровольцев, позитивно отнесшихся к событиям в Петрограде, поскольку они мечтали о создании Югославии по федеративной модели.

Барабаш отмечает, что вступил в корпус "будучи горячим сторонником идеи югославянства", которая была бы "тождественна интересам сербов, хорватов и словенцев". Однако служба в корпусе и начавшиеся беспорядки вызвали у него глубокое разочарование, поскольку, по его мнению, "эти раздоры были вызваны не хорватами в силу, может быть, каких-то их особых и сепаратистских хорватских интересов, а что они родились в борьбе между югославянской идеей и идеей государства, в котором были бы объединены все сербы, хорваты и словенцы под гегемонией сербов, как народа, имеющего наибольшие заслуги в деле создания этого будущего государства". Далее поручик с горечью резюмирует: "Я вижу далее, что на нас, хорватов, смотрят с недоверием, и считаю, что будет лучше, раз уж мы не можем вместе с сербскими братьями создавать Югославию, если нас здесь не будет, если мы сойдем с дороги, ведущей к расцвету сербской идеи, по крайней мере, не будем вредить ей. Пусть процветает сербство, а мой народ пусть

около 1280 югославян, которые затем вошли в состав 4-й революционной армии под командованием В.И. Киквидзе. В 1918–1919 гг., будучи начальником штаба 2-й Украинской дивизии и начальником штаба Интернациональной дивизии, участвовал в боях на Украине. Летом 1919 г. он вступил в ряды РКП (б). В том же году уехал на родину. С 1924 г. был членом КПЮ. Опасаясь репрессий со стороны югославских властей, вернулся в СССР. Пал жертвой сталинского террора — он был расстрелян по обвинению в антисоветской деятельности. В 1956 г. был посмертно реабилитирован. См.: *Зеленин В.В.* Под красным знаменем Октября С. 40–41.

по-прежнему занимается своими хорватскими делами и решает их со всеми своими австрийскими и венгерскими недругами"¹.

Значительная часть офицеров, вышедших из корпуса, в том числе и те, кто был отчислен М. Живковичем в середине марта 1917 г., ходатайствовала о принятии их в состав русской армии. Так, например, Н. А. Маркс особо подчёркивал, что из двадцати пяти офицеров — словаков и хорватов по национальности, переданных М. Живковичем Одесскому военному начальнику для заключения в лагерь военнопленных, "двадцать человек подали заявление воен. начальнику с просьбой принять их на службу в русскую армию, мотивируя своё нежелание продолжать службу в сербском добровольческом корпусе соображением, что начальствующие лица корпуса пропагандируют идею отнюдь не Югославии, а исключительно возрождения Великой Сербии, что не отвечает их целям, преследуемым ими при изъявлении согласия вступить в ряды корпуса". Генерал Н. А. Маркс в этой связи указал, что "из числа офицеров, находящихся в настоящее время у воен.начальника, пять принимали участие в боях в составе Первой Сербской дивизии в Добрудже, некоторые были ранены и награждены русскими и сербскими боевыми орденами, и таким образом кровью засвидетельствовали верность общеславянскому делу в настоящей великой войне"². При этом в меморандуме М. В. Алексееву от 21 мая 1917 г., который от имени офицеров и солдат корпуса написали те же Пекле и Шовари, прямо указывалось: "Наши старания были напрасны. Сначала обмануты разными обещаниями и указаниями на препятствия державноправного и дипломатического характеров (будто Россия не признает югославянского названия, потому что югославянского государства нет, а где же Чешско-Словацкое государство?), мы, в конце концов, убедились, что мы не служили нашему идеалу, но империалистическим и завоевательным стараниям сербской мегаломании"³. В начале апреля 1917 г. генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем А. С. Лукомский уведомлял, "что Верховный Главнокомандующий приказал назначить 5 офицеров из числа исключённых из Сербского корпуса,

¹ Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции... С. 31–33.

² РГВИА.Ф. 2003. Оп. 1.Д. 686. Л. 12–14.

³ Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции. С. 39.

но награждённых за боевые отличия русскими орденами, в русские войска Кавказской армии, остальных же 20 офицеров зачислить в Чешские полки"¹.

На фоне начавшегося массового ухода из корпуса офицерского состава, к апрелю 1917 г. дисциплина в нём упала до катастрофического уровня, а общее состояние в сербских дивизиях было близко к абсолютной анархии. В сведениях, полученных Ставкой 14 апреля 1917 г., говорилось: "Председатель Александровского Екатеринославской губернии съезда по продовольствию кооперативов и представителей от волостей ходатайствует о немедленном разоружении так называемой сербской добровольческой дивизии. Дивизия эта за ничтожным исключением набрана старым правительством из австрийских славян, причём не останавливаясь перед применением грубого насилия и истязания. Для поддержания дисциплины этой дивизии применяются неслыханные в русских войсках наказания, как подвешивание к столбу, битьё плетью. Для этой же цели и на случай возмущения к каждой части этих войск приставлены русские пулемётные команды. Население возмущено истязаниями этих людей и были случаи самовольного освобождения привязанных к столбу. В самих рядах этой дивизии усиливается беспокойное настроение, возможно восстание, которое придется усмирять пулемётчиками. Случаи побега учащаются. Население часто укрывает беглецов. Не находящие же где укрыться, становятся угрозой безопасности сельских жителей. Говорят, что дивизия эта сформирована по договору с Англией и Францией. Принимая во внимание: во-первых, что насильственное формирование этой дивизии из пленных является нарушением международного права, во-вторых, прикомандированные к ним пулемётные команды были бы более полезны на фронте, в-третьих, что пленные эти, возвращённые к сельскохозяйственным работам, с которых они сняты, будут более полезны для дела союзников, чем держание их в тылу, или даже на фронте; Александровский уездный съезд по продовольствию кооперативов и представителей волостей во имя человеколюбия и для пользы родины ходатайствует о немедленном расформировании сербской дивизии и возвраще-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 684. Л. 1.

ния пленных на сельскохозяйственные работы в Александровской уезде, откуда большей частью они взяты, и при больших посевных площадях отсутствие работников грозит недобром хлеба"¹.

30 апреля 1917 г., член РСДРП, старший врач 4-го полка 1-й сербской дивизии Гавриил Константинович обратился с заявлением в Совет офицерских и солдатских депутатов г. Одессы, в котором указал на многочисленные бесчинства, творимые солдатами корпуса по отношению к местному населению, а также на нелестные высказывания офицеров и солдат корпуса по отношению к России и русским. Вывод его был очевиден: корпус — это контрреволюционная структура, в связи с чем его необходимо разоружить, сербских офицеров отправить в Салоники, а солдат в Сибирь на работы. Он подчёркивал: "К русским солдатам и офицерам относились с презрением. Они говорили, что русские офицеры извозчики, а русские солдаты глупые и идиоты и что один сербский солдат стоит 17 русских (это говорили офицеры IV полка, известный чемпион-палач 1-й сербской дивизии майор Хаджич, командир III батальона, подполковник Цветич, командир II батальона, известный пьяница и развратник, поп Гиок Попович, который грабил в Добрудже от румынских крестьян разных продуктов для полка, а продавал полку за деньги", — отмечал Константинович. В этом же рапорте он особо подчёркивал, что "к революции сербские офицеры относятся враждебно. Они говорят: арест нынешнего великого покровителя и защитника идеи Великой Сербии есть величайшее несчастье для нас и для сербского народа и кто арестовал нашего покровителя — это сволочь, Совет рабочих и солдатских депутатов, скоро мы им покажем. В этой дряни, (т. е. Совете рабочих и солдатских депутатов) находится 3 тыс. шпионов", — кричал начальник штаба 1-й дивизии Белич"².

На фоне общего разложения русской армии, к лету 1917 г. уход добровольцев из корпуса принял массовый характер. В середине мая 1917 г. в Дарницкий лагерь военнопленных под Киевом прибыло около 4 тыс. его бывших солдат³. К началу августа 1917 г. в корпусе, из 42 тыс. солдат осталось лишь около 18 тыс. человек,

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 684. Л. 8.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 113–114. (см. приложение № 2).

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 103.

большая часть из которых к концу того же месяца по требованию генерала Щербачёва была переброшена на румынский фронт, составив резерв 6-й армии¹.

12 июня 1917 г. Гаспар Пекле, находясь в Могилеве, составил обращённое к Верховному главнокомандующему воззвание, в котором указал, что вышедшие из Сербского корпуса "словенцы, хорваты и сербы решили сформировать Югославянский добровольческий отряд, входящий, впредь до заключения мира в состав русской армии"². В Дарницком лагере военнопленных под Киевом началась агитация по вступлению в его ряды, что вызвало естественный протест Лонткевича и Живковича, пытавшихся в свою очередь, организовать в той же Дарнице новый набор добровольцев в Сербский корпус, в том числе из ранее покинувших его солдат. Именно такое поручение получил сотрудник Сербской военной миссии поручик Комненович, который в телеграммах Лонткевичу особо подчёркивал необходимость "ликвидировать эти новые формирования отрядов из югославян, в противном случае это будет иметь деморализующее и разлагающее действие на наши формирования в Одесском округе, а вместе с тем будет убивать престиж Сербии и возложенную на неё политическую миссию"³ (см. приложение № 6–7).

Деятельность эта, однако, как видно из записки, составленной Комиссией при штабе Киевского военного округа по опросу пленных, большого успеха не имела. При допросе 3700 диссидентов Сербского корпуса, которые прибыли в Киев в июне–июле 1917 г. выяснилось, что: „из 2196 Комиссией опрошенных диссидентов дали своё согласие:

Поступить в рабочие дружины — 1826.

Возвратиться обратно в плен — 325.

Поступить в русскую армию — 27.

Поступить в ударный югославянский батальон — 18.

ИТОГО: 2196.

До 22 июля поступило в ударный Юго-славянский батальон (вместе с офицерами и русскими подданными) — 582.

Возвратилось в Сербский корпус — 122.

¹ Участие югославянских трудящихся в Октябрьской революции. С. 45–46.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 166.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 208.

По имеющимся сведениям удалились неизвестно куда (есть основание, что удрали) — 800.

ВСЕГО: 3700¹.

В свою очередь, после двух месяцев вербовки „офицерам-диссидентам“ к концу лета 1917 г. удалось собрать в югославянский ударный батальон около 500 человек. В середине августа 1917 г. генерал-майор Романовский издал распоряжение „всякую агитацию и дальнейшую вербовку“ в альтернативные югославянские части прекратить, а сформированный „ударный батальон в 500 человек, включив в состав его офицеров-диссидентов, производивших вербовку, а также 18 человек дополнительно заявивших комиссии Киевского военного округа о своём желании вступить в этот батальон“, немедленно отправить на Юго-Западный фронт. Последующий опрос военнопленных должна была теперь проводить особая комиссия штаба Киевского военного округа, а в её состав должен был входить поручик Комненович. Причём, как замечалось в приказе, „сначала вербуются добровольцы в Сербско-Кроато-Словенский добровольческий корпус, вслед за тем, путём опроса вызываются желающие поступить в русскую армию, далее желающие быть зачисленными в рабочие дружины, и, наконец, добровольцы для пополнения потерь в ныне существующем ударном батальоне, коему присвоить название „Особый ударный батальон“, не называя его „юго-славянский“. Нежелающие служить должны были быть переведены на положение военнопленных и отправлены во внутренние округа империи, причём в приказе особо подчёркивалось запрещение ношения ими сербской военной формы².

В это же время собственную вербовку добровольцев начала ещё одна группа сербских офицеров под руководством полковника А. Срба, к тому времени уже заочно обвинённого на Салонинском процессе по делу организации „Чёрная рука“ („Объединение или смерть“). Конечно, по вполне понятным причинам, данная инициатива не могла найти одобрения у сербской военной миссии, и её главы полковника Лонткевича, который всеми силами старался пресечь эту деятельность, делая соответствующие обращения к российским военным властям. В начале октября 1917 г. Лонткевич

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 228.

² Там же. Л. 239–240.

в телеграмме генерал-квартирмейстеру Штаба Верховного главнокомандующего М. К. Дитериксу подчёркивал, что "бывший подполковник сербской службы, ныне полковник русской службы Александр Срб и отставной майор Радое Янкович несколько дней тому назад выехали из Петрограда в Одессу, чтобы между частями добровольческого корпуса Сербов, Кроатов и Словинцев агитировать и уговаривать добровольцев не ехать на Солунский фронт и вообще возбуждать между добровольцами недовольствие и недоверие к Сербскому правительству и начальствующим лицам этого корпуса"¹. 1 ноября 1917 г. он шлёт ещё одну телеграмму Дитериксу следующего содержания: "От командира сербского запасного батальона из Одессы получена телеграмма следующего содержания: "В газете "Одесский листок" за 30-е октября вышло воззвание какого-то Черногорца, якобы подполковника Станишича, в котором он обращается к сербам, хорватам и словинцам записываться в ударные батальоны, которые будут формироваться в Одессе. Цель этих ударных батальонов, как говорится в воззвании, бороться совместно с союзниками до окончательной победы над врагом, чтобы этим достичь объединения сербов, хорватов и словинцев на принципах, которые будут поставлены волею пострадавшего этого народа. Подписка открыта с 30 октября сего года. О вышеизложенном имею честь донести с покорнейшей просьбой об отдаче надлежащего распоряжения, чтобы деятельность этого подполковника Станишича, которого, по имеющимся сведениям, поддерживает бывший сербский подполковник, а ныне полковник русской службы Срб, была воспрещена, так как идёт вразрез интересам Сербского правительства и Югославянского комитета, по просьбе которых Русское правительство в согласии с остальными союзниками благоволило разрешить формирование в России юго-славянских частей. Деятельность подполковника Станишича, для которой он не имеет никакого одобрения от Юго-Славянского комитета и Сербского правительства, является враждебной провокацией истинным интересам юго-славян, которые свою судьбу устраивают в полном согласии с правительствами России и остальных держав"². Реакция русских военных властей была своеобраз-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 686. Л. 298.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 686. Л. 315.

ной. Срба, Гойковича и Янковича решено было командировать в штаб киевского военного округа. Вскоре последовал приказ: "В виду недопустимой по отношению к союзной нам Сербии агитации со стороны бывших сербских офицеров, сохранивших сербское подданство, но находящихся ныне на русской службе полковников Срба и Гойковича, а также сербской службы майора Янковича, начальник штаба Верховного главнокомандующего приказал безотлагательно командировать этих офицеров в распоряжение дежурного генерала Кавказского фронта для назначения их в действующие на Кавфронте части"¹. Однако это распоряжение Ставки, вследствие произошедших осенью 1917 г. событий, так и не было исполнено². После победы октябрьского восстания, в ноябре-декабре 1917 г., А. Срб сформировал в Одессе из бывших солдат корпуса батальон численностью около 200 человек, который в марте 1918 г. был переброшен в Мариуполь, где занимался в том числе охраной имущества состоятельных горожан. Сам же Срб в ночь на 27 апреля 1918 г. был убит в Таганроге при неясных обстоятельствах³. Однако эта тема является уже предметом отдельного исследова-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. д. 686. Л. 304.

² *Дежурному генералу при Верховном главнокомандующем 28 октября 1917 г. Ставка. Генерал-Квартирмейстер при Верховном главнокомандующем.*

Распоряжение о представлении должностей в частях нашей армии бывшим офицерам Сербско-Хорватско-Словинского добровольческого корпуса, без ведома штаба Верховного Главнокомандующего принятым на русскую службу, вызвано необходимостью прекратить их некорректную по отношению к союзной нам Сербии деятельность, выражавшуюся в пропаганде, которую они систематически вели не только в Одессе, но и в других городах, и направленную против Сербского Правительства.

Ведению недопустимой пропаганды способствовало то обстоятельство, что находясь в резерве чинов, они имели возможность беспрепятственно посещать различные города России.

Поэтому назначение этих офицеров в действующую армию, причём особенно желательно было бы дать им назначение на Кавказский фронт, является необходимой мерой пресечения их [вредной деятельности и высшей степени] некорректного поведения. Генерал-майор Дитерикс. // РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. д. 686. Л. 313–313 (об).

³ Известный советский историк В.В. Зеленин утверждал, что вдохновителями убийства А. Срба — "опасного для династии человека" были принц-регент Александр и сербский посланник в России Спалайкович. Устранение Срба, по его мнению, напрямую связано с Салоникским процессом

дования¹. Мы же в этой главе стремились показать, что взаимоотношения сербов, хорватов и словенцев внутри добровольческого корпуса прекрасно иллюстрируют предопределение будущей печальной судьбы югославского государства и его армии, изначально, ещё до своего официального оформления, обречённых на развал.

над руководителями сербской офицерской организации "Объединение или смерть" ("Чёрная рука"). См.: *Зеленин В.В.* Под красным знаменем Октября. С.110–112. Обвинённые в убийстве А. Срба, Сремчевич и Куреш были расстреляны 28 апреля 1918 г, т. е. на следующий день после убийства, а 15 мая в Ейске по этому же обвинению были казнены Делич, Рашета и Шовлянский (см.: *Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции.* С. 113–115).

¹ Укажем также, что 10 ноября 1917 г., т. е. уже после захвата власти большевиками, В. Гойкович обратился с открытым заявлением в штаб Верховного главнокомандующего, в котором содержалось требование о формировании нового югославянского батальона из всех военнослужащих, отказавшихся покидать Россию, с возможным включением его в состав чешского корпуса (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 49. Л. 1–2).

Г. Милорадович

Несмотря на вековую традицию научного изучения, историки по-прежнему ломают копья вокруг Первой мировой войны, не соглашаясь друг с другом даже по вопросу о её причинах¹. Что касается сербской историографии, оценивающей роль Сербии в Великой войне, то для неё камнем преткновения стала количественная сторона определённых событий и процессов столетней давности: численность армии, потерь и т. д. Хотя консенсус по этим проблемам не достигнут, данные, опубликованные к настоящему времени, так до сих пор и не стали предметом научной дискуссии². Кроме того, вопреки расхожему мнению, что известны все наиболее важные источники о Первой мировой войне, в российских и сербских архивах имеются документы, ожидающие введения в научный оборот³. Дополнительные сведения содержатся и в новейших исторических работах, опирающихся на давно известные документы, которые в силу разных причин игнорировались⁴. Эта новая информация при условии её систематизации позволяет более точно оценить как состояние сербской армии в ходе Первой мировой войны, так и последствия конфликта для Сербии и сербов⁵.

¹ Подробнее см.: *Белаяц М.* Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах первой мировой войны. М., 2015.

² О несклонности сербской историографии к "саморефлексии" см.: *Јовановић М.* Криза историје — српска историографија и друштвени изазови краја 20. и почетка 21. века. Београд, 2009. С. 123–132.

³ Новые данные содержатся как в неопубликованных, так и в опубликованных архивных материалах. См.: *Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. Сборник документов. М., 2014.

⁴ О численности сербской армии на Салоникском фронте см.: *Ivetić Velimir.* Struktura brojnog stanja srpske vojske na Solunskom frontu 1916–1918. godine // *Vojnoistorijski glasnik.* № 3. 1998. С. 122–130.

⁵ Даты в архивных документах, использованных в данной статье, указаны по Юлианскому календарю.

Сложные неоднородные исторические события, такие, как войны, всегда обусловлены не одним, а целым рядом факторов. Переоценка хотя бы одного из них может кардинально поменять наши представления обо всей картине прошлого. Точность ее реконструкции и последующей трактовки зависит, в первую очередь, от достоверности исходных сведений. Настоящая работа главным образом опирается на комплекс данных о численности сербской армии на Салоникском фронте, почерпнутых в архивах Оперативного и Адъютантского отделений Верховного командования¹. Речь идёт о наиболее точной и подробной статистике, позволяющей судить о силе и составе сербской армии в 1916–1918 гг. Она становится ещё более значимой, будучи рассмотренной в соответствующем политическом и общественном контексте, а также дополненной прочей информацией, содержащейся в имеющейся литературе и архивных материалах. В результате становится возможным точнее воссоздать обстоятельства, в которых приходилось действовать сербскому правительству и Верховному командованию. Помимо прочего, рассматриваемые источники проливают свет на причины и обстоятельства формирования в России добровольческих соединений, а также на их роль в политических процессах.

Важная тема — реальная мощь сербских войск на Салоникском фронте, от которой, как и от некоторых политических и общественных факторов, зависела способность Сербии реализовывать собственную внешнеполитическую программу. От точного ответа на вопрос о численности сербской армии в 1914–1918 гг. зависит и понимание соображений сербских правящих кругов при принятии политических решений, ряд из которых имел далеко идущие последствия. С другой стороны, Добровольческий корпус в России, назначение которого состояло в том, чтобы компенсировать потери сербской армии, понесённые в 1915–1916 гг., и стать основой будущей многонациональной армии, превратился в арену непримиримой политической и идеологической междоусобицы сербов, хорватов и словенцев. События в корпусе, ставшие неожиданными для современников, служили недвусмысленным предостережением в связи с перспективами будущего общего государства югославян.

¹ Документы введены в научный оборот в: *Ivetić V. Op. cit. S. 122–130.*

Обращаясь раз за разом к многочисленным работам обобщающего характера, посвящённым участию Сербии и сербской армии в Первой мировой войне, мы, помимо прочего, задаемся следующим вопросом: в какой мере их авторы находились в плену собственных идеологических представлений или зависели от общественно-политической конъюнктуры? Некоторые относительно поздние интерпретации Первой мировой войны служили поборникам правящей идеологии историографическим аргументом — "научным" оправданием существования югославянского государства. О том, что некоторые исследователи, описывая создание Югославии, руководствовались не только научными соображениями, свидетельствует тот факт, что понятия "Югославия" и "югославянские народы" проецировались ими на далёкое прошлое — доисторические и античные времена. Более сдержанные начинали "историю Югославии" с раннего средневековья¹.

В начале 1930-х гг. генерал Милан Недич одним из первых написал о 170 тыс. сербских солдат, дошедших до Адриатического побережья. А в мае 1916 г., по его словам, на полуостров Халкидики прибыло 150 тыс. бойцов². В конце 1970-х гг. влиятельный историк Бранко Петранович утверждал, что сербскому правительству "удалось сохранить около 160 тыс. солдат и продолжить сражаться на Салоникском фронте"³. По словам Петра Опачича, сербская армия "26 апреля 1916 г. насчитывала 151 920 бойцов", а в конце войны — "около 150 тыс. человек"⁴. Джоко Трипкович полагает,

¹ "Наша страна в эпоху первобытного общества" — заголовок первой главы книги "Historija naroda Jugoslavije" (Zagreb, 1953). Эта "история" от античных времен прослеживается в работе "Историја Југославије" (Београд, 1972). С VII в. н.э. начинаются следующие работы: *Поровић Владимир*. Историја Југославије. Београд, 1933; История Югославии. Москва, 1963.

² См.: *Недић Милан Ђ*. Српска војска и солунска офанзива. Београд, 1932. С. 23–25.

³ *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1978. Beograd, 1980. S. 19.

⁴ *Опачић П.* Србија и Солунски фронт. Београд, 1984. С. 38, 411. Повидимому, под воздействием этой работы, а также более ранней (Опачић П. Солунска офанзива 1918. Београд, 1980.) остальные авторы воспроизводят цифру в 152 тыс. сербских солдат на Салоникском фронте.

что в начале 1916 г. имелось около 150 тыс. сербских солдат. При этом не уточняется их территориальное распределение¹. Владимир Дедиер в обобщающем труде "История Югославии" приводит данные о "чуть меньше, чем 150 000 сербских солдат на Корфу" и примерно 130 тыс. чел., переброшенных на Салоникский фронт². В конце 1980-х гг. Милорад Экмечич писал, что через Албанию перешло 150 тыс., а в августе 1916 г. на Салоникском фронте было 122 тыс. сербских солдат³. В 1933 г. Владимир Чорович указывал, что на Салоникский фронт переброшено 120 тыс. "военных" из Сербии⁴. 150 тыс. военнослужащих сербской армии, переправленных на Корфу, и 120 тыс., находившихся на Салоникском фронте, упоминает и Владимир Стоянчевич⁵. Два иностранных автора согласны, что на Корфу прибыло 135 тыс., а Стеван Павлович считает, что на Салоникском фронте находилось 115 тыс.⁶ Андрей Митрович — один из наиболее глубоких исследователей интересующей нас темы — ссылается на данные сербского Верховного командования о 110 тыс. солдат и 2250 офицерах, добравшихся в декабре 1915 г. до албанского побережья. Называя приведённую цифру "всё-таки слишком заниженной"⁷, автор утверждает, что количество сербских солдат, переброшенных на Халкидики, "выросло" со 127 тыс. в марте до 152 тыс. в июне–июле 1916 г.⁸

¹ См.: *Трипковић Ђ.* Српска ратна драма 1915–1916. Београд, 2001. С. 216, 217. Автор не замечает противоречия между этим числом и приводимыми им же самим данными, согласно которым с 14 апреля по 30 мая в Салоники переправлено 112 тыс. сербских солдат (С. 215).

² *Историја Југославије.* Београд, 1972. С. 391–392.

³ См.: *Екмечић М.* Стварање Југославије 1790–1918. Т. 2. Београд, 1989. С. 755, 766.

⁴ См.: *Ђоровић В.* Историја Срба. Ниш, 1999. С. 732.

⁵ См.: *Стојанчевић В.* Србија и српски народ за време рата и окупације 1914–1918 године. Лесковац, 1988. С. 34, 99.

⁶ См.: *Павловић С.* Србија. Историја иза имена. Београд, 2004. С. 125–126; *Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19. до 20. века. Београд, 2008. С. 249.

⁷ *Митровић А.* Србија у првом светском рату. Београд, 1984. С. 260. (Митрович почерпнул эти сведения из записи в дневнике операций сербской армии за 27 декабря 1915 г. См.: Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца (ВРС). 13. Београд, 1927. С. 400.)

⁸ См.: *Митровић А.* Србија у Првом светском рату... С. 281. (Те же данные Митрович приводит в: *Историја српског народа.* VI-2. Београд, 1983. С. 113. Сведения о 152 тыс. сербских солдат на полуострове Халкидики,

Что касается новейшей сербской историографии, то Мира Радоевич и Любодраг Димич пишут о 152 тыс. солдат на Салоникском фронте¹. Милич Миличевич указывает, что предположения относительно числа эвакуированных "на Корфу, в Бизерту и прочие места" варьируются от 133 тыс. военнослужащих и гражданских лиц до 152 тыс. одних только солдат². Миле Белаяц, со своей стороны считает, что в Грецию было эвакуировано 153 тыс. сербских солдат³.

Вынуждены констатировать, что немалый разброс от 115 тыс. до 160 тыс. военнослужащих заставляет нас сдержанно, если не с сомнением, относиться к вышеприведенным данным. Ситуацию усугубляет то обстоятельство, что в большинстве обобщающих работ не указано, на какие источники и более ранние исследования опираются авторы. В настоящий момент меньше всего кривотолоков вызывает численность сербской армии накануне наступлений неприятеля в 1914 г. и 1915 г. Считается, что Сербия к сентябрю 1914 г. мобилизовала 423 441 военнообязанного⁴. Спустя год, ознаменованный как боевыми действиями, так и борьбой с тифом, сербская армия накануне вражеского наступления, предпринятого в октябре 1915 г., насчитывала 404 020 солдат⁵. Недостающий личный состав, то есть число, которое мы получаем, отняв от мобилизованных в 1915 г. тех, кого эвакуировали на Корфу, это убитые, попавшие в плен и пропавшие без вести⁶. Окончательно устано-

по-видимому, заимствованы у П. Опачича из его работы "Солунска офанзива 1918 године: српска војска у завршном периоду Првог светског рата. Београд, 1980".)

¹ См.: *Рагојевић М., Димић Љ.* Србија у Великом рату 1914–1918: Кратка историја. Београд, 2014. С. 190–191, 215. (Любопытно, что те же авторы полагают, что на Корфу переправлено 140 тыс., из которых умерло, по меньшей мере, 6400 чел.)

² См.: *Милићевић М.* Српско повлачење преко Албаније (Албанска Голгота) // Лексикон Првог светског рата. Београд, 2015. С. 194.

³ См.: *Бјелајац М.* Процена ратних губитака Србије // Лексикон... С. 358.

⁴ См.: *Денга Д.* Организација и опремењеност српске војске // Лексикон... С. 299.

⁵ См.: Војни Архив (ВА). П-3. К. 4. Ф. 1. Р. б. 3/1. (Численность совокупной сербской армии на день начала вражеского наступления 23 сентября 1915 г.).

⁶ Считается, что большая часть из 80 тыс. "пропавших без вести" на самом деле были дезертирами, а не умершими. Этим, в частности, объ-

вить, сколько всего выбыло из строя, не представляется возможным по причине плохого состояния документации¹. Впрочем, размер потерь, понесённых Сербией, это отдельная тема. В фокусе нашего внимания те, кто продолжил сражаться.

По сведениям командующего Сербским добровольческим корпусом в России генерала Михайло Живковича, в феврале 1916 г. находившаяся на Корфу сербская армия насчитывала 140 тыс. чел.² Не имевшие оружия, снаряжения и обмундирования военнослужащие находились в удручающем физическом и психологическом состоянии. От истощения и болезней многие умерли сразу по прибытии на остров и в прочие места эвакуации. Некоторых вывезли в Бизерту и во Францию как неспособных к дальнейшему участию в боевых действиях. После реорганизации того, что осталось от армии, оказалось, что если солдат хватает на укомплектование только шести дивизий, то офицеров — двенадцати! Тогда и родилась идея отправить "лишних" под командованием генерала Живковича в Россию, где бы они сформировали добровольческий корпус, составленный из австро-венгерских военнопленных сербской национальности³.

Однако задолго до того как основная масса добровольцев из России оказалась на Салоникском фронте, состоялась Битольская операция. Согласно архиву Оперативного и Адъютантского отделений Верховного командования, накануне битвы за Битоль сербская армия "на позициях" имела 116 079 бойцов и тыловиков⁴. После операции, в ходе которой из строя выбыло 28 тыс. сербских

ясняется большое число участников Топлицкого восстания 1917 г. См.: *Милићевић М.* Српско повлачење преко Албаније... С. 194.

¹ См.: *Бјелајац М.* Процена ратних губитака Србије... С. 357–361.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 44–48. Обзор командующего добровольцами генерала М. Живковича обстоятельств формирования Сербского добровольческого корпуса в России, 1 декабря 1916 г. (Армия без государства... С. 189.)

³ См.: *Ђурић А. Д.* Ка победи. Ратни дневник. Београд, 1938. С. 5–7.

⁴ См.: *Ivetić V.* Op. cit. S. 127. Согласно Иветичу, в "списках" тогда числилось 128 475 солдат. Где находились ещё 12 396 чел. (разница между тем, что было "в списках", и "на позициях" — 116 079)? На обучении, в госпиталях, в увольнении или выполняли разные поручения, не связанные с боевыми действиями. Короче говоря, где угодно, только не в окопах...

солдат¹, картина была удручающая: 20 октября 1916 г. главнокомандующий армией регент Александр Карагеоргиевич информировал командование союзников о численности войск на Салоникском фронте и просил их о подкреплении. Согласно данным престолонаследника, "по-настоящему боеспособными на Салоникском фронте были": 23 800 французских стволов; 35 500 сербских; 11 700 итальянских; 4 тыс. русских; 45 тыс. английских. Итого: 120 тыс. стволов. Дабы достичь маломальского, хотя бы локального, успеха на этом фронте, по мнению Александра, требовалось сосредоточить на нём, по меньшей мере, 300 тыс. бойцов². Столько солдат (не считая тыловиков) Сербия имела накануне катастрофы 1915 г.

В то же время, если сложить количество выбитых из строя (в подавляющем большинстве пехотинцев) с уцелевшими пехотинцами (27 244³ и 35 500), то получится 62 744 чел. Приняв во внимание, что подавляющее большинство убитых и раненых служили в пехоте, предположим, что перед сражением за Битоль сербы имели около 60 тыс. штыков⁴. Оставшиеся 20 365 чел. — это офицеры, унтер-офицеры, артиллеристы, связисты, инженеры и кавалеристы. Под тыловиками (35 714 чел.)⁵ мы имеем в виду обозников, писарей, ремесленников, врачей и ветеринаров, музыкантов и сигнальщиков, военных священников, жандармов, вестовых и

¹ См.: *Митровић А.* Србија у Првом светском рату... С. 283.

² См.: *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић I: Уједињење српских земаља. Београд, 1996. С. 243. Глигоријевић ссылается на следующие документы: Архив Србије (АС). МИД. ПО. 1916. IV/531. 648 — 649; ВА. П. 3. К. 15. Св. 14. Пов. бр. 6649. Од 20. X. 1916.

³ ВРС. 20. С. 194. Согласно "Бројном прегледу губитака у људству од доласка код Солуна до 23 октобра закључно" из строя было выбито 28 275 чел. Все они — жертвы Битольской операции (1031 офицер, 27 244 унтер-офицера и солдата). Эту цифру — около 28 тыс. убитых и раненых — принимают и другие авторы.

⁴ В армейском жаргоне слова "ствол" и "штык" используются для обозначения пехотинца, а "сабля" — кавалериста. В этом же смысле эти слова используем и мы.

⁵ В классификации, предпринятой Иветичем, "тыловики" занимают отдельное место. В настоящей статье мы причисляем к ним и некоторые другие категории военнослужащих. Мы их не относим к "штыкам", так как две ключевые цифры (35 500 в октябре 1916 г. и 63 тыс. в феврале 1918 г.) указывают количество тех пехотинцев, что принимали непосредственное участие в боевых действиях. Исключая всех прочих солдат, мы получаем сопоставимые данные о том, сколько "штыков" имелось в разное время.

конюхов¹. Этот подсчёт охватывает только тех, кто был "на позициях" — 116 079 чел. "Списочный состав" был больше — 128 475 военнослужащих². Тяжёлые потери, понесённые осенью 1916 г., стали причиной второй реорганизации сербских вооружённых сил, которые теперь состояли из двух армий, по три дивизии в каждой³. На деле не удавалось укомплектовать даже эти шесть дивизий⁴. В то время о скором конце войны говорить не приходилось, и у сербского Верховного командования имелись веские причины для озабоченности.

О численности сербской армии знали не только в военных кругах. По подсчётам "Сербско-русского общества" в Салониках в конце декабря 1916 г. находилось чуть более 100 тыс. сербских бойцов: "Это, следовательно, всё, или почти всё боеспособное население страны. И оно медленно, но неуклонно тает в беспрестанных столкновениях с неприятелем"⁵. При этом имелись в виду все военнослужащие, находившиеся на фронте, а не только непосредственные участники боевых действий. Реальная и гораздо более прискорбная картина была в деталях известна высшим сербским и русским офицерам. 7 декабря 1916 г. генерал М. Живкович общал начальнику штаба Одесского военного округа генерал-лейтенанту Н. А. Марксу: "Сербская армия на Салоникском фронте насчитывает в настоящее время не больше 35 тыс. штыков. И это всё, что осталось от прелестной армии, насчитывающей в прошлом году 300 тыс., оборонявшей линию рек — Дуная, Савы и Дрины и преграждавшей германцам дорогу Белград — Константинополь. Кульминационная точка напряжения моральных и материальных сил давно уже достигнута. Пополнения убитых в рядах этой армии

¹ Ivetić V. Op. cit. S. 127.

² Ibid.

³ См.: *Мумровић А.* Србија у Првом светском рату... С. 283; *Опачић П.* Србија и Солунски фронт... С. 41. (Первая реорганизация предпринята сразу по прибытии на Корфу, когда был сохранена прежняя структура вооружённых сил — 3 армии.)

⁴ АС. МИД. ПО. 1917. Ф X. Дос. II. 133 — 137. Письмо № 965 военного министра М. Рашича французскому министру П. Пенлеве (Paul Painlevé), отправленное 24 марта 1917 г. и ответ Пенлеве от 27 марта 1917 г.

⁵ РГВИА. Ф. 2003.. Оп. 1. Д. 1167. Л. 33 — 34. Запрос Русско-сербского общества об участии сербских войск на Румынском фронте начальнику штаба Верховного главнокомандующего, 23 декабря 1916 г. (Опубликовано: Армия без государства... С. 132.)

ожидать неоткуда. Перспектива ужасная"¹. Маркс, как следует из документа, датированного февралем 1917 г., считал эти сведения достоверными². Проверить их не составляло труда, ведь на Салоникском фронте находился и русский военный контингент, в составе которого имелись и разведчики. Как, впрочем, и в остальных союзных войсках.

С другой стороны, если верить конфиденциальным сведениям Сербской миссии в Петрограде от 15 декабря 1916 г., "сербская армия на Солунском фронте представляет незначительную силу приблизительно 60 тыс. штыков. Своим участием в военных действиях она ежедневно тает. До конца войны остаток нашей армии совершенно исчезнет или будет низведен до такого минимума, который будет недостаточен для простого сохранения порядка в стране"³. Как объяснить, что в двух документах, которые разделяет только 8 дней, фигурируют столь разные цифры — 35 и 60 тыс.? Меньшая характеризует положение вещей после кровавой битольской операции, продолжавшейся более двух месяцев. Что касается цифры 60 тыс., то столько пехотинцев имелось в строю до битвы за Битоль. Вероятно, Сербская миссия рассчитывала на то, что кто-то из 28 тыс. в обозримом будущем снова встанет в строй. Некоторые, возможно, на момент написания документа и вернулись в свои части.

Такая численность сербской армии на Салоникском фронте подтверждается данными от 9 января 1917 г., согласно которым она располагала 42 тыс. "стволов", то есть пехотинцев. Совокупные вооружённые силы насчитывали в тот момент 102 500 офицеров и солдат⁴. Есть мнение, что год спустя эта цифра ещё уменьшилась,

¹ Там же. Л. 96–98. Донесение командира Сербского добровольческого корпуса в России генерала М. Живковича начальнику штаба Одесского военного округа о формировании корпуса, 7 декабря 1916 г. (Опубликовано: Армия без государства... С. 215.)

² РГВИА. Ф. 2003.. Оп. 1. Д. 1167. Л. 81–82 (об). Переданная по инстанциям памятная записка начальника штаба Одесского военного округа генерала-лейтенанта Н.А. Маркса о значении Сербского добровольческого корпуса, 30 декабря 1916 г. (Опубликовано: Армия без государства... С. 226.)

³ Там же. Л. 41–45(об). Секретная записка Сербской королевской миссии о перспективах послевоенного развития Сербии, 15 декабря 1916 г. (Опубликовано: Армия без государства... С. 122.)

⁴ ВРС. 21. С. 301. Од војног изасланика у Енглеској. С. Пов. Бр. 1076 од 9. јануара тек. год. Преглед снага Централних сила и Савезника у Македонији

и в марте 1918 г. сербская армия "насчитывала всего 41½ тысячу боеспособных стволов, из которых только 29½ тысяч находились "на местах", то есть в окопах"¹. Если сравнивать с октябрём 1916 г., то налицо пополнение в 6500 "стволов" — вернувшихся в строй раненых и больных. Кроме того, сербское правительство на законных основаниях произвело мобилизацию около 2 тыс. собственных подданных из Битоля и окрестностей². Подобная практика имела место до начала мая 1917 г., когда Совет министров от неё отказался и распустил по домам всех мобилизованных, кроме тех, кого призвали ещё до оккупации Сербии неприятелем³. По-видимому, политические соображения обусловили решение властей, стремившихся в условиях войны избежать обострения отношений между населением освобождённых областей и сербской администрацией. Вопрос границ оставался нерешённым, и нельзя было исключать проведения в Македонии плебисцита о её территориальной принадлежности. Кроме того, призывники не проявили должной стойкости и боевых качеств: к 14 марта 1917 г. 244 солдата дезертировали из своих частей. Для сравнения, с мая 1916 г. по 14 марта 1917 г. из всей сербской армии дезертировало 719 человек, включая трёх офицеров⁴.

То, что сербская армия в конце 1916 г. могла при определённых условиях рассчитывать в лучшем случае на 60 тыс. пехотинцев (это не означает, что она их действительно имела!), подтверждается ещё одним документом. Указав на то, что Австро-Венгрия осуществляет план по истреблению сербов, представители сербского правительства в декабре 1916 г. вновь обратились к России за помощью. Ожидалось, что заручившись ею, сербским властям удалось бы собрать 170 тыс. солдат за счёт следующих ресурсов:

9. января 1917. године.

¹ Храбак Б., Јанковић Д. Србија 1918. Политика и напори Србије у ратној 1918. години. Београд, 1968. С. 118.

² Эти 2 тыс. "новомобилизованных" были распределены на тыловые позиции действующей армии. (См.: Поповић Н.Б. Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. Београд, 1977. С. 347.)

³ АС. МИД. ПО. 1917. ФІ. Дос. V. 386. Телеграмма военного министра Б. Терзича председателю правительства Н. Пашичу, отправленная из Салоник на Корфу 2 мая 1917 г. П.Н. 5246.

⁴ ВРС. 21. С. 767. Бројни преглед боловања и губитакa у људству од доласка код Солуна до 14 марта 1917 год.

"1. Остаток сербской армии на Солунском фронте около 60 тыс.; 2. Из военнопленных в России 60 тыс.; 3. Из военнопленных в Италии 40 тыс.; Из недавших сербских солдат [в Сербии] 10 тыс."¹ Увы, этот план осуществлен лишь отчасти. Италия отказалась сотрудничать, так как не собиралась усиливать в военном отношении государство, с которым в недалёком будущем ожидался конфликт по вопросу о принадлежности Далмации². Потенциальные солдаты, находившиеся в самой Сербии, были дезертирами, которые оставили свои части в 1915 г.³ и избежали австро-венгерского плена. Разные обстоятельства подтолкнули их к тому, чтобы весной 1917 г. преждевременно поднять Топлицкое восстание, в котором многие либо погибли, либо попали в плен⁴. Остальные затаились до лучших времён.

Проблемы, обнаружившиеся в ходе пополнения личного состава Добровольческого корпуса в России, имели следствием радикальное сокращение числа солдат, отправляемых из России на Салоникский фронт. Межнациональные, религиозные и политические противоречия, а также их корреляция с изменившимися военно-политическими условиями, в которых существовал корпус, обнаружили природу недуга, который предопределяет участь не только его самого, но и будущей Югославии. Когда стало ясно, что добровольцев не достаточно для восполнения потерь сербской армии, и корпус стал пополняться путём мобилизации

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 41 – 45 (об). Секретная записка Сербской королевской миссии о перспективах послевоенного развития Сербии, 15 декабря 1916 г. (Опубликовано: Армия без государства... С. 127.)

² См.: *Поповић Н.Б.* Југословенски добровољци у Русији... С. 347; Он же. Предговор // Југословенски добровољци 1914–1918. Србија, Јужна Америка, Северна Америка, Аустралија, Француска, Италија, Солунски фронт. Зборник докумената. Београд, 1980. С. XIII, 333 – 363; *Опачић П.* Србија и Солунски фронт... С. 42–43; *Милорадовић Г.* Карантин за идеје. Логори за изолацију „сумњивих елемената“ у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 2004. С. 66; *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 188–191.

³ См.: *Митровић А.* Србија у првом светском рату.... С. 257–258.

⁴ Там же. С. 409–486; Он же. Устаничке борбе у Србији 1916–1918. Београд, 1987.

военнопленных, в нём начались первые столкновения¹. Хорваты и словенцы, призванные российской стороной против их воли, совершенно не желали ни становиться сербскими солдатами, ни отрёкаться от присяги императору Францу-Иосифу. Дабы избежать отправки на фронт, они были готовы оказывать как вербальное, так и физическое сопротивление². Сербские добровольцы считали этих хорватских и словенских "недобровольцев"³ внутренними врагами и потенциальными предателями, что неоднократно приводило к физической расправе над ними. К тем, кто её совершал, офицеры из Сербии строгих мер не принимали, что нашло отражение в рапорте от 9 января 1917 г., отправленном генерал-лейтенантом Чистяковым начальству⁴. Конфликты такого рода были обусловлены предшествующими событиями.

Существовали три уже сформировавшиеся нации, каждая со своими политическими воззрениями, национальными идеалами, приоритетами, моральными представлениями, религией, культурными и психологическими особенностями. У хорватов к тому времени уже укоренилась идеология "хорватского государственного права", сформулированная Анте Старчевичем и его последователями. Не следует забывать, что и Австро-Венгрия вела войну не только военными, но и политическими средствами. Послав на сербский фронт многочисленных южных славян и чехов, Двудеиная монархия намеревалась достичь двойного эффекта: в случае победы можно было бы утверждать, что "верные императору" славяне победили Сербию, а поражение распалило бы ненависть славян — подданных монархии к победоносной Сербии⁵. Ход событий, осо-

¹ Мобилизация военнопленных противоречила Гаагской конвенции, на что внимание сербских властей обратили и российские дипломаты. Однако принимать добровольцев не возбранялось. АС. МИД. ПО. 1917. Ф1. Дос. V, 367–368. Письмо сербского вице-консула Б. Любишича председателю правительства Н. Пашичу от 22 декабря 1916 г. Пов. No. 524.

² См.: *Ђурић А. Д.* Указ. соч. С. 11–29.

³ В самом Корпусе для обозначения "добровольцев", оказавшихся в нём против своей воли, употребляли неологизм "силовольцы".

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 13–30. Рапорт генерал-лейтенанта С.Д. Чистякова главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генералу от кавалерии А.А. Брусилову, 9 января 1917 г. (Опубликовано: *Армия без государства...* С. 186.)

⁵ См.: *Митровић А.* Србија у првом светском рату.... С. 106–107.

бенно всё случившееся в добровольческом движении показал, что расчёт во многом оказался верным.

Страдания военных лет углубили старые религиозные, культурные, национальные и исторические противоречия, которые габсбургская пропаганда немилосердно подогревала. В начале XX в. австро-венгерское и германское общественное мнение ничтоже сумняшеся величало сербов "государственными изменниками", "балканскими разбойниками", "народом-убийцей", "балканскими стервятниками"¹... Преследования и погромы сербов, прокатившиеся по Боснии и Герцеговине летом 1914 г., стали возможны благодаря навязыванию подобных представлений². Всё это не могло не сказаться на отношениях внутри Добровольческого корпуса в России. С каждым новым инцидентом, оскорблением или брошенным косым взглядом сербы, хорваты и словенцы психологически и политически отдалялись друг от друга. Этого не могли не замечать русские, на чьей территории развивались события. В январе 1917 г. генерал-лейтенант Чистяков докладывал: "Сербское командование в своих расчётах на возможность скорого перевоспитания многочисленных колеблющихся добровольцев в духе действительной преданности особой югославянской государственности, недостаточно оценило глубину религиозной и политической розни между хорватами (словинцами) — католиками и сербами — православными, при наличии прочих неблагоприятных условий (неудачи в Добрудже и враждебная агитация)"³.

Российские представители внимательно следили за политическими противоречиями, пропагандой и контрпропагандой, драками и убийствами, которые в 1916–1917 гг. раздирали Добровольческий корпус и, в конце концов, поставили на нём крест. В марте 1917 г. генерал-лейтенант Чистяков в своём докладе объяснял природу конфликтов: "Случайно собранная масса есте-

¹ См.: *Грујић Р.* Апологија српског народа у Хрватској и Славонији. Београд 1989; Селесковић, М. Србија у немачком јавном мњењу 1914–1916. Београд, 1996; *Ристовић М.* Црни Петар и балкански разбојници. Балкан и Србија у немачким сатиричним часописима (1903–1918). Београд, 2011.

² См.: *Обрадовић И.* Српска штампа о погрому Срба 1914. // Историјске свеске. Бр. 3/2014. С. 1–25; *Милошевић Б.* Прогони Срба у Босни и Херцеговини после атентата у Сарајеву // Историјске свеске. Бр. 3/2014. С. 26–32.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л.13–30.

ственно находилась в дисгармонии. Хорваты и словенцы заявляли, что они вовсе не “сербы”, а католики и до того, к чему стремятся сербы, им дела нет. [...] Основной причиной возникновения описываемых эксцессов, помимо принудительности комплектования, представляется политическая и религиозная рознь элементов, из коих комплектовались сербские формирования. Эти различные элементы искусственным образом связать было нельзя, а попытки в этом направлении вызвали естественные протесты, которые ликвидировались не всегда дозволенными средствами”¹. Уже тогда югославянство как национальная идеология была мертворождённым ребёнком. Однако на Салоникском фронте отчаянно не хватало “штыков”.

Поэтому 24 марта 1917 г. военный министр генерал Михайло Рашич просил французского коллегу Поля Пенлеве прислать 50 тыс. чел. для пополнения имеющихся частей, а также ещё солдат для формирования дополнительной — седьмой дивизии сербской армии. Рашич рассчитывал на выздоровевших раненых и сербов из Австро-Венгрии, находившихся в плену у союзников — всего 63 тыс. чел. Французский военный министр соглашался удовлетворить эти запросы и обещал перебросить добровольцев из России в максимально короткий срок². Однако выполнить эти планы в том объёме, в каком планировалось, так и не удалось. Неблагоприятные обстоятельства и активность неприятеля свели добровольческое движение в России к четверти от ожидавшейся численности. 5 февраля 1918 г. на Салоникском фронте находилось всего 6564 добровольца: 5483 из них — из Америки, Италии, Франции, Австралии и Египта, и всего 1081 — из России, отку-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 68–71 (об). Справка о данных расследования, произведённого генерал-лейтенантом Чистяковым по вопросу о принудительном наборе военнопленных югославян в сербские формирования, 2 февраля 1917 г. (Опубликовано: Армия без государства.... С. 201 – 202, 205.)

² АС. МИД. ПО. 1917. Ф X. Дос. II. 133–137. Письмо № 965 военного министра М. Рашича французскому министру П. Пенлеве (Paul Painlevé), отправленное 24 марта 1917 г. и ответ Пенлеве от 27 марта 1917 г. (Тогда уже не рассчитывали на прибытие 100 тыс. добровольцев: 60 тыс. из России и 40 тыс. из Италии).

да ожидалось прибытие ещё 13 536 чел.¹ Однако в реальности до прорыва Салоникского фронта из России прибыли только 12 500 солдат. Согласно имеющимся исследованиям, с 7 декабря 1917 г. по 1 мая 1918 г. в Салониках высадилось всего 11 753 добровольца². Если к этой цифре прибавить тех, кто приехал из России и с Запада до этого, то 13 сентября 1918 г. — накануне начала Салоникского наступления — совокупная численность всех добровольцев "на позициях" не могла превышать 14 957 чел. ("списочный состав" — 17 963) вместо ожидаемых 60 тыс. Это подтверждается и данными Верховного командования³.

Личный состав сербской армии таял не только в результате боевых потерь и болезней. В феврале 1917 г., по требованию министра образования Любомира Давидовича, правительство приняло решение снять с фронта и отправить в Тунис всех учащихся — военнообязанных 1896–1898 гг. рождения. Они и дальше числились "в списках", дабы получать довольствие, однако в боевых действиях больше не участвовали⁴. Вероятно, год спустя, их причислили к тем "7500 солдатам, находящимся в резерве и размещённым на складах в Бизерте"⁵. Правительственное решение объяснялось стремлением сохранить молодежь для мирного времени. Однако до него было ещё далеко, и, казалось, что конец войны снова отодвигается.

В России разразилась Февральская революция. Отречение царя Николая II лишило Сербию её главного защитника на между-

¹ Извештај пов. ФБО бр. 8934 српског Министра војног Николи Пашићу, председнику Министарског савета и министру иностраних послова // Југословенски добровољци 1914–1918... С. 395.

² Југословенски добровољачки корпус у Русији: прилог историји добровољачког покрета (1914–1918). Београд, 1954. С. 186–187, 190.

³ *Ivetić V.* Op. cit. S. 130.

⁴ АС. МИД. ПО. 1917. ФІ. Дос. V. 379–380. Телеграмма военного министра Б. Терзича председателю правительства Н. Пашичу от 17 февраля 1917 г. пов. бр. 4504. и телеграмма Пашича министру просвещения Л. Давидовичу од 21 февраля 1917 г. пов. бр. 899, в которой озвучено решение, принятое по данному вопросу.

⁵ АС. МИД. ПО. 1918, ФІ. Дос. IV. 312–313. Донесение сербского военного атташе в Лондоне бр. 1918, от 27 февраля 1918 г., адресованное Верховному командованию. Это донесение военный министр Терзич передал председателю правительства Н. Пашичу 11 мая 1918 г.

народной арене. Примерно в это время — 13 апреля 1917 г. — сербская армия на Салоникском фронте насчитывала "на позициях" 94 050 чел. То есть на 22 029 чел. меньше, чем 13 июля 1916 г. Большую часть потерь составили военнослужащие боевых частей. Рядовых "на позициях" стало меньше на 15 906 чел.; капралов — на 3192; добровольцев — в два раза (869 вместо 1684). Выросло только количество тыловиков — с 27 550 до 29 581¹.

О том, что нехватка пехоты сделала положение на фронте невыносимым, свидетельствует и тот факт, что сербские дипломатические представительства получили указание мобилизовать сербских подданных, где бы они ни находились. Так, 31 октября 1916 г. в сербское консульство в Каире поступил приказ военного министра Б. Терзича предпринять медосмотр всех сербских подданных — турок и евреев, эмигрировавших в Палестину (несмотря на то, что некоторые из них даже не говорили по-сербски!). Выявленных военнообязанных — в возрасте от 19 до 50 лет — надлежало мобилизовать и командировать в Салоники в распоряжение командующего действующей армией². Помимо эмигрантов было решено призывать и сербских беженцев. В мае 1918 г. сербский посланник в России Мирослав Спалайкович поручил инспектору по делам сербских беженцев в России Милошу Московлевичу образовать комиссию "по учёту и осмотру всех военных беженцев. Тех из них, кто способен к какой бы то ни было военной службе, если от неё не освобождён по закону, следует отправить в распоряжение военных властей"³. Инициатива эта ни к чему не привела, так как до окончания войны отсутствовала возможность переправить людей из Сибири на Балканы. Однако сербское правительство и дальше, вплоть до прорыва Салоникского фронта не оставляло попыток заполучить новых солдат: "Согласно некоторым донесениям, информация которых совпадает, значительное число наших подданных

¹ См.: *Ivetić V.* Op. cit. S. 127–128.

² АС. МИД. ПО. 1917. ФІ. Дос. V. 361, 367–369. Телеграм српског вицеконзула у Каиру Б. Љубишића српском МИД-у од 13. јануара 1917; Писмо Б. Љубишића од 22. децембра 1916. пов. №. 524 преседнику владе Н. Пашићу и Пашићев одговор; Телеграм министра војног Б. Терзића од 27. јануара 1917. Б. Љубишићу и Пашићева сагласност на одлуку о регрутацији.

³ АС. МИД. ПС. П. ФІІ, р8. 1918. Пуномоћје српског посланика у Петрограду М. Спалајковића професору М. Московљевићу, издато у Вологди 25. маја 1918, бр. 479.

из новых областей — турок и арнаутов, — которых болгары сначала мобилизовали, а потом уступили туркам, попало к англичанам как военнопленные или дезертиры из Месопотамии. Так, в Бомбее их, должно быть, имеется около 2000. В Басре — сотни. И все они изъявили желание отправиться служить в сербской армии. Прошу проверить это, и, если их набирается приличное число, сделайте все необходимое, чтобы англичане уступили их нам и отправили в Салоники"¹. По-видимому, эти "наши подданные" видели в зачисление в сербскую армию единственную возможность выбраться из экзотических мест, куда их забросила война, и вернуться в родные пенаты.

Неизвестно, к каким результатам привели вышеописанные усилия, однако 27 февраля 1918 г. сербская армия насчитывала 137 тыс. чел. — бойцов и тыловиков. Из них "на позициях" находилось 109 тыс. чел., из которых бойцов — 63 тыс.² На тот момент в армии имелось 3870 офицеров всех родов войск и званий, а также 41 227 военнослужащих, не принимавших непосредственного участия в боевых действиях (тыловиков, чиновников, жандармов, музыкантов, посыльных, конюхов, врачей и т. д.)³. Накануне Салоникского наступления (13 сентября 1918 г.) "в списках" сербской армии числилось 141 933 чел., а "на позициях" находилось 111 220 чел. По сравнению с февралем того же года, "на позициях" наблюдался прирост численности в 2 тыс. чел. Однако на 1 тыс. выросло и количество тыловиков, следовательно "бойцов" стало больше только на 1 тыс.⁴ Это означает, что постепенное прибытие добровольцев позволило известному количеству "бойцов" перебраться в тыл. Пополнения из других источников ожидать не приходилось.

13 сентября 1918 г. — накануне салоникского наступления — сербская пехота насчитывала 84 568 чел. "по списку" и 63 298 "на позициях". Имелись в виду солдаты и офицеры, "бойцы" и тылови-

¹ АС. МИД. ПО. 1917. ФП. Дос. IV, 336. Телеграм министра финансија С. Протића српском посланству у Лондону, 28. августа 1918.

² АС. МИД. ПО. 1918, ФП. Дос. IV, 312 — 313. Доклад сербского военного атташе в Лондоне № 1918 от 27 февраля 1918 г., адресованный Верховному командованию. Данные совпадают со сведениями Оперативного и Адъютантского отделений от 13 февраля 1918 г. См.: *Ivetić V. Op. cit. S. 129.*

³ См.: *Ivetić V. Op. cit. S. 129.*

⁴ *Ibid. S. 130.*

ки, вместе взятые¹. Добровольцев было 15 тыс.², "сербянцев" — около 48 тыс. и, возможно, некоторое символическое количество подданных Сербии, мобилизованных в эмиграции. Это означает, что на прорыв фронта выдвинулось примерно столько же пехотинцев, сколько их имелось в июле 1916 г., с той лишь разницей, что их боевые качества в известной степени выросли в результате прибытия добровольцев. Кроме пехоты, в наступлении участвовали артиллеристы — 20 097 "по списку" и 16 531 "на позициях"; служащие инженерных частей — 7053/5576; кавалеристы — 3752/3051. Итого: 115 443 "по списку" и 88 456 солдат и офицеров всех родов войск "на позициях". Это число охватывало и 682/530 чиновников, 1743/1349 жандармов, а также 8954/6106 тыловиков. Это означает, что в дивизиях "на позициях" находился 80 471 солдат и офицер всех служб родов войск³. Если к этому личному составу прибавить тех, кто по разным причинам находился в увольнении, то получится 141 933 чел. — совокупная и максимальная "списочная" численность сербской армии на Салоникском фронте⁴. То есть "в увольнении" — на лечении и на разных тыловых должностях — военнослужащих было столько же, сколько и во всей пехоте — около 62 тыс.!

В конце 1918 г. — сразу по окончании войны — сербская армия и дальше насчитывала 140 тыс. чел., несмотря на потери, понесенные во время прорыва фронта и после него⁵. По-видимому, часть выбитых из строя заменили бывшие военные беженцы, которые, оставив свои части в 1915 г., избежали плена, а в 1918 г. снова явились в распоряжение армии. Кроме того, мобилизовали юношей, которые в начале войны были ещё детьми. Однако, даже на завершающем этапе войны вооружённые силы насчитывали не 150–160 тыс., как можно прочесть в некоторых работах, а самое большее — 140 тыс.

¹ Ibid. S. 126.

² Ibid. S. 130. (Тогда "на позициях" находилось 14 957 добровольцев, а "в списках" числилось 17 963.)

³ Ibid. S. 126.

⁴ Ibid. S. 130.

⁵ См.: *Bjelajac M. Vojska Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1918–1921. Beograd, 1988. S. 267–268.*

Вызывает недоумение, почему ранее не был решён вопрос численности сербской армии на Салоникском фронте, не определены её внутренние пропорции, колебания численности солдат в 1916–1918 гг.? Ведь документы Оперативного и Адъютантского отделений Верховного командования сохранились до наших дней. Причина в том, что исследователи по большей части опирались на сведения, опубликованные Генеральным штабом в издании "Великая война Сербии". С 1925 г. по 1939 г. свет увидел 31 том, в которых имеется несколько общих обзоров численности сербской армии и Добровольческого корпуса, но нет описания их внутренней структуры¹. При этом данные не представлены единообразно (местами указаны абсолютные числа, местами — количество батальонов, эскадронов и орудий), что препятствует их сопоставлению. На их основе невозможно проследить изменения численности и внутренних пропорций частей и соединений². Издание, о котором идёт речь, несмотря на изобилие статистики, не способствует точному анализу численности сербской армии. Помимо прочего, и по той причине, что личный состав многих частей не был полностью укомплектован. А ведь именно установление структуры численности — ключ к пониманию главной проблемы, с которой Верховное командование столкнулось на Салоникском фронте, — нехватки пехоты.

13 июля 1916 г. — после отступления через Албанию и реорганизации — сербская армия "по списку" имела 128 475 чел. (116 079 "на позициях") и составляла 31,8 % (28,73 %) от той армии, которая существовала накануне вражеского наступления 1915 г. (404 020 военнослужащих, из которых 300 тыс. "бойцов")³. Это значит, что в строю оставалось меньше трети офицеров и солдат. Весной 1917 г. численность сербской армии после потерь, понесённых осенью 1916 г., свелась к 23,28 % от её численности осенью

¹ См., например: ВРС. 9. С. 15–21; ВРС. 13. С. 400; ВРС. 15. С. 50, 64; ВРС. 16. С. 61, 164, 306–307; ВРС. 20. С. 194, 827; ВРС. 21. С. 49, 189, 272, 301, 380, 600–601, 622, 766–767, и т.д.

² Там же. Сравни различные способы представления численности сербской армии.

³ ВА. П-3. К.4. Ф. 1. Р.б. 3/1. Численность совокупной сербской армии в день начала наступления неприятелем 23 сентября 1915 г.

1915 г. (404 020 чел.), если иметь в виду тех, кто находился "на позициях" (94 050 чел.), или к 32,19 % (130 058), если ориентироваться на списочный состав. Это значит, что после Битольской битвы сербская армия составляла четверть от своей численности в начале октября 1915 г. Даже, если ради проверки, посчитать по количеству батальонов, то картина выйдет ничуть не лучшая. 3 октября 1915 г., перед нападением Болгарии, Сербия располагала 288½ батальонами¹, а 9 января 1917 г. — всего 72-я². Это четвертая часть тех вооружённых сил, которые могли выйти на поле боя ранней осенью 1915 г.

Для понимания того, что представляла собой сербская армия под Салониками, важно не только знать её численность, но и правильно оценить её боевые качества. В апреле 1917 г. всего на Салоникском фронте "на позициях" находилось офицеров, унтер-офицеров и солдат (без тыловиков) 64 469 (21,49 %), а если исключить всех остальных, кто не участвовал в боевых действиях, то 57 597 "бойцов", то есть 19,20 % от имевшихся в октябре 1915 г. (300 тыс.). Это примерно пятая часть. Об уменьшении боеспособности сербской армии свидетельствует и тот факт, что соотношение "бойцов" и тыловиков в начале октября 1915 г. было приблизительно 3:1, а 13 апреля 1917 г. эта пропорция "на позициях" составляла приблизительно 3:2 (или 1,5:1). Если совсем точно, то "бойцов" было 61,24 % (57 597), а тыловиков — 38,76 % (36 453). Ко вторым, помимо обозников, мы причисляем чиновников военной администрации, медперсонал, музыкантов, конюхов, вестовых и жандармов. Таким образом, не только уменьшилась численность сербской армии, но и существенно изменился баланс между "бойцами" и тыловиками. Следовательно, оказалась серьёзно подорванной боеспособность вооружённых сил. Военный опыт, закалка и стойкость личного состава боевых частей не могли изменить положение вещей.

В конце 1916 г. и в течение 1917 г. численность и боевые качества сербской армии находились в низшей точке, если рассма-

¹ ВРС. 9. С. 20. Состав и расстановка сербской армии 3 октября 1915 г. К этому следует прибавить 40 кавалерийских эскадронов и 678 различных орудий.

² ВРС. 21. С. 301. Од Војног изасланика у Енглеској. С. Пов. Бр. 1076, од 9. јануара тек. год. (Кавалерия в этом обзоре не упоминается, а пушек было 264.)

тривать весь период 1914–1918 гг. Наверное, хуже ситуация была только во время перехода через Албанию и в период восстановления на Корфу. А ведь именно на начало 1917 г. пришёлся крах царской России, что лишило Сербию её главной опоры. Легко представить, как угнетающе действовали на сербское правительство и Верховное командование всё более и более дурные вести, приходящие из России в 1917 г. Ситуацию усугубляло и то, что именно в то время Антанта и Австро-Венгрия вели переговоры о подписании сепаратного мира. Под давлением хорватов и словенцев Сербский добровольческий корпус был переименован в Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев. Подписана Корфская декларация, формулировалась концепция будущей Югославии. Апис со товарищи осуждены и расстреляны. Зададимся вопросом: какая связь между этими событиями?

В это кризисное время в наихудшем положении находилась сербская пехота, так как она несла самые тяжёлые потери. Сведения о присутствии в конце 1916 г. всего "35 000 штыков" на сербском отрезке Салоникского фронта, хоть и выглядят заниженными, не далеки от реальности. Тогда сербский корпус в России "по списку" насчитывал 34 589 солдат и 983 офицера¹. То есть на тот момент был равен по численности всей сербской пехоте. Впрочем, из-за революционных событий число этих добровольцев уже к августу 1917 г. сократилось до 22 371 солдата и офицера². Одновременно положение на Салоникском фронте относительно улучшилось. В феврале 1918 г. в результате возвращения в строй выздоровевших и прибытия части добровольцев сербская армия "на позициях" располагала 109 569 военнослужащими — 68 342 "бойцами" (всех родов войск и званий) и 41 227 тыловиками³. И всё-таки этих сил едва хватало, чтобы расставить людей по окопам. Согласно донесению сербского военного атташе в Лондоне сербские солдаты бесшумно (!) находились на передовой линии с

¹ ВРС. 21. С. 49. Подаци министра војног од 25. децембра 1916. године.

² Реферат Др Анте Мандића о добровољачком покрету упућен проф. Франу Барцу у Паризу // *Поповић Н.Б.* Југословенски добровољци у Русији... С. 381. Тогда, согласно докладу Мандича в корпусе было 18 879 сербов, 1972 русских, 920 хорватов, 330 словенцев, 188 чехов и несколько представителей других народов.

³ См.: *Ivetić V.* Op. cit. S. 129.

мая 1916 г. по февраль 1918 г., а может быть, и дольше¹. При этом в начале последнего года войны они отвечали за участок фронта в 58 км, который командующий союзными войсками на Салоникском фронте требовал увеличить ещё на три километра².

Такая ситуация сложилась ко времени операции по прорыву фронта в сентябре 1918 г. Сербская армия, находившаяся на направлении главного удара, непосредственно накануне наступления имела "на позициях" 111 220 чел. — 70 134 офицера, унтер-офицера и солдата, а также 41 086 тыловиков различных категорий. "В увольнении" находилось 30 713 военнослужащих³. Это означает, что по сравнению с апрелем 1917 г., когда число сербских бойцов достигло минимума, пополнение составило 12 537 чел. Примерно столько добровольцев прибыло из России, а всего добровольцев накануне прорыва "на позициях" насчитывалось 14 957. Встречающиеся в сербской историографии утверждения, будто в сентябре 1918 г. добровольцев в сербской армии было около 21 тыс.⁴ (или даже больше!), лишены оснований, так как эти авторы в добровольцы записывают всех сербских солдат, которые родились вне Сербии, а в 1914 г. имели сербское гражданство. Сказанное позволяет заключить, что попытки наполнить окопы путём мобилизации сербских граждан, находившихся в эмиграции, не принесли сколь-нибудь ощутимых результатов⁵. В то же время, даже с учётом прибытия добровольцев во время прорыва "на позициях" находилось всего на 1792 солдата больше, чем в феврале 1918 г. С учётом того, что тогда имелось всего 63 тыс. сербских "бойцов", можно констатировать, что в момент начала наступления сербская армия располагала не более чем 65 тыс. "бойцов". Это

¹ АС. МИД. ПО. 1918. ФП. Дос. IV. 312 – 313. Извештај српског војног изасланика у Лондону бр. 1918, од 27. фебруара 1918. године упућен Врховној команди српске војске.

² Там же.

³ *Ivetić V.* Op. cit. S. 130.

⁴ См.: *Храбак Б., Јанковић Д.* Србија 1918... С. 134–135, 224.

⁵ Упомянутое "добровольцев" из Египта, возможно, свидетельствует о том, что мобилизационные усилия на Ближнем Востоке всё-таки принесли какие-то минимальные результаты. См.: „Извештај пов. ФБО бр. 8934 српског Министра војног Николи Пашићу, председнику Министарског савета и министру иностраних послера // Југословенски добровољци 1914–1918... С. 395.

означает, что, несмотря на усилия правительства, не удалось повысить численность пехоты по сравнению с периодом, предшествовавшим битве за Битоль. Выросло лишь количество тыловиков и, особенно, число пребывавших "в увольнении", то есть в ближнем и глубоком тылу.

Вышесказанное ставит перед нами новый вопрос, требующий ещё более детального исследования, — кто же действительно сражался в траншеях в окрестностях Салоник, и где находились и чем занимались все остальные?

Кроме того, приходится констатировать, что сербское Верховное командование долгое время пребывало в заблуждении, предвкушая массовый наплыв югославян-добровольцев из лагерей военнопленных, находившихся в Италии и России. В декабре 1916 г. планировали прибытие 100 тыс. чел., а в марте 1917 г. уже рассчитывали лишь на 63 тыс. А к концу войны в сербскую армию поступило всего 18 тыс. бойцов, из которых к началу наступления в 1918 г. в строю осталось только 15 тыс. Таким образом, первоначальные ожидания сбылись, самое большее, на 18 %. Установить с абсолютной точностью национальный состав добровольцев не представляется возможным. Известно, что подавляющее большинство составляли сербы. Согласно имеющемуся свидетельству, описывающему отправку добровольческих эшелонов из России на Салоникский фронт, сербских солдат и офицеров в них было 12 313; хорватских — 348; словенских — 86; чешских — 121; словацких — 17; других национальностей — 181¹.

И, наконец, зададимся вопросом: если сербская пехота осталась столь малочисленной, то как же ей удалось прорвать линию фронта? Решающее значение имела огневая мощь, сосредоточенная в определённом месте в определённое время. В октябре 1915 г. сербская армия располагала 678 различными пушками², а в феврале 1918 г. — 312 пушками и 44 траншейными орудиями³. В абсо-

¹ Југословенски добровољачки корпус у Русији... С. 184. Прибывшие с Запада добровольцы, которых было намного меньше, могли лишь незначительно изменить эту картину.

² ВРС. 9. С. 20. Састав и распоред српске војске 3. октобра 1915. године.

³ АС. МИД. ПО. 1918, ФII. Дос. IV, 313. Извештај српског војног изасланика у Лондону бр. 1918, од 27. фебруара 1918. године упућен Врховној команди српске војске.

лютом исчислении — в два раза меньше. Однако, если принять во внимание, что личного состава имелось только 27,52 % от численности 1915 г., то получится, что на количество солдат пушек стало в полтора раза больше: в октябре 1915 г. на одно орудие приходилось 596 человек, а в 1918 г. — 399. Недостающих пехотинцев в 1918 г. заменили пулемёты — 330 станковых и 1733 ручных¹. Первых в начале войны насчитывалось всего 246². В конце июня 1918 г. сербская артиллерия располагала 339 пушками и 57 траншейными орудиями; авиация — 71 аэропланом различных типов; пехота — 546 станковыми и 1955 ручными пулемётами³. На одно орудие приходилось 354 солдата. Не стоит забывать, что сербы действовали вместе с союзными войсками, которые располагались вдоль весьма протяжённой линии фронта. Поэтому неприятель не мог быстро перегруппировать свои силы и перебросить их туда, где планировался прорыв. Кроме того, сербская пехота пошла в атаку не в одиночестве, а вместе с двумя французскими дивизиями — 17-й колониальной и 122-й пехотной⁴. Залогом успеха стало то, что главный удар пришёлся на отрезок фронта в 33 км, на котором было сосредоточено 580 орудий, разнёсших в клочья болгарские позиции⁵. В результате предпринятого наступления сербская армия потеряла 4019 военнослужащих, из них 681 — убитыми⁶.

Предпринятый анализ численности и реальной мощи сербской армии на Салоникском фронте выявил многочисленные неточности и несовпадения статистических данных, которыми оперирует историография. Искажение картины прошлого также

¹ Там же.

² См.: Денга Д. Организација и опрењеност српске војске // Лексикон... С. 299.

³ Там же. С. 303.

⁴ См.: Ђоровић В. Историја Срба. Ниш, 1999. С. 734; Храбак Б., Јанковић Д., Србија 1918... С. 126; Б. Димитријевић, „Пробож Солунског фронта 1918. године // Лексикон... С. 206.

⁵ См.: Ђоровић В. Историја Срба. Ниш, 1999. С. 734.

⁶ См.: Димитријевић Б. Пробож Солунског фронта 1918. године // Лексикон... С. 209.

обусловлено игнорированием того факта, что численность и снаряжённость военнослужащих не раз и навсегда сложившиеся, а динамичные, меняющиеся категории. Большая часть авторов не принимала во внимание соотношение "бойцов" и тыловиков, которое является одним из ключевых факторов боевой эффективности армии¹. Так, утверждение, будто 26 апреля 1916 г. сербская армия "насчитывала всего 151 920 бойцов"², не выдерживает критики по двум причинам. Во-первых, отсутствует "постатейный" подсчёт личного состава, принимавшего непосредственное участие в боевых действиях. Во-вторых, преувеличена совокупная численность военнослужащих. Мы утверждаем это, так как на основании источников точно установлено, что 13 июля 1916 г. "по списку" имелось 128 475 солдат и офицеров (в том числе и тыловиков), а "на позициях" — 116 079³. Возникает вопрос, куда за два месяца делись 23 445 чел., если отталкиваться от "списка", или 35 841, если учитывать тех, кто находился "на позициях"? Никаких значительных боевых действий в это время не велось. При этом бойцов всех званий и родов войск тогда могло быть, самое большее, 80 419 чел. (эта цифра получается в результате исключения из совокупного числа всех тыловиков, чиновников, медиков и т. д.).

Добровольческое движение стало столь значимым в политическом и военном отношении из-за нехватки солдат на Салоникском фронте. При этом политические и идеологические процессы, протекавшие внутри корпуса, не изучены в должной мере. Проблемы возникли, когда стремление удовлетворить насущную потребность в восполнении потерь, понесённых сербской армией на Салоникском фронте, натолкнулось на сопротивление югославян-католиков, имевших прямо противоположное представление о своём будущем⁴. Некоторые из них Хорватию видели "вторым Пьемонтом" южных славян, которому надлежало взять верх над

¹ "Эффективные стволы" из общей массы военнослужащих вычленили Богутил Храбак и Драгослав Янкович. См.: Храбак Б., Янкович Д. Србија 1918... С. 118, 222.

² Опачић П. Србија и Солунски фронт... С. 38. О 152 тыс. солдат на Салоникском фронте говорится во многих сербских исторических работах.

³ См.: Ivetić V. Op. cit. S. 127.

⁴ О политических столкновениях между добровольцами и "недобровольцами" в России см.: Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадовић Г. Указ. соч.

первым — Сербией¹. Объективной реконструкции событий препятствовала и политическая борьба, развернувшаяся в Королевстве СХС (Югославия). Добровольческое движение и вклад в победу превратились в 1920–1930-е гг. в предмет политической спекуляции, к которой прибегали те, кто стремился продемонстрировать собственный патриотизм или обличить противника². В период существования Югославии к добровольческому движению относились как к политически чувствительной теме. Поэтому считалось возможным либо рассматривать её сугубо военный аспект, либо публиковать тщательно отобранные архивные материалы и воспоминания³. Редко публиковались источники, иллюстрировавшие политические и межнациональные противоречия, имевшие место в Добровольческом корпусе. Авторы избегали того, чтобы делать соответствующие выводы⁴. Только в постсоциалистическое время появились работы, в которых по-другому расставлялись акценты⁵.

Впрочем, куда бóльшую озабоченность вызывает другое обстоятельство. В научной литературе встречается описание того, как германский император Вильгельм II, узнав о капитуляции Софии, послал болгарскому Верховному командованию телеграмму следующего содержания: "62 000 сербских солдат решили исход войны. Какой позор!"⁶ То есть указана почти точная численность сербской пехоты в момент прорыва Салоникского фронта. "На позициях" тогда находилось 63 298 офицеров и солдат, включая

¹ См.: *Шемякин А.А.* Указ. соч. С. 199.

² Светозар Прибичевич в 1928 г. утверждал, что на Салоникском фронте сражалось 28 тыс. сербиянцев и 28 тыс. добровольцев! Смысл этого заведомо ошибочного заявления состоял в том, чтобы "выровнять" вклад в победу в войне населения обеих частей нового государства. Ср.: *Храбак Б., Јанковић Д.* Србија 1918... С. 134.

³ Например, см.: *Максимовић В.* Споменица прве српске добровољачке дивизије: 1916–1926. Београд, 1926; *Dobrovoljci kladivarji Jugoslavije: 1912 – 1918 (zbrali in uredili Turk Ernest, Jeras Josip, Paulin Rajko), Ljubljana/Maribor 1936; Храбак Б., Јанковић Д.* Србија 1918... С. 128–135; *Поповић Н.Б.* Југословенски добровољци у Русији...; Југословенски добровољци 1914–1918...

⁴ За исключением: *Ђурић А. Д.* Указ. соч.

⁵ Например, см.: *Мицић М.* Српско добровољачко питање у Великом рату (1914–1918), Ново Милошеви / Београд 2014.

⁶ *Опачић П.* Солунска офанзива... С. 287.

тыловигов¹. Сербской историографии потребовалось 80 лет, чтобы установить то, о чём кайзер знал ещё осенью 1918 г. При этом ошеломляет тот факт, что всё это время необходимые точные сведения имелись в белградских архивах. А те, что хранятся в Москве, Париже, Берлине и т.д., в основном сербского происхождения.

Численность и структура сербской армии на Салоникском фронте — только часть более широкой и сложной исторической проблемы сербских потерь в Первой мировой войне. До сих пор в науке нет консенсуса по вопросу о военных и гражданских жертвах: сколько погибло, ранено, попало в плен, умерло от болезней, дезертировало, оказалось в лагерях для интернированных лиц; сколько было беженцев; какой была численность армии в изгнании и т. д. Точно не определено, каковы последствия войны для Сербии и сербов. В историографии можно встретить утверждение, что Сербия из 4 823 198 своих довоенных жителей² потеряла, как минимум, 800 тыс.³. Согласно официальным данным, опубликованным властями Королевства СХС, Сербия в результате Первой мировой войны потеряла около миллиона чел.: 369 518 солдат и 630 тыс. гражданских лиц⁴. Согласно другим, менее сдержанным оценкам, число всех убитых и умерших сербских подданных всех возрастов и обоих полов достигает 1 330 925⁵. К этому следует прибавить сербские жертвы в Австро-Венгрии, сведения о которых ещё менее надёжны и изучены. А без достоверной, проверенной информации, особенно статистической, воссоздание картины прошлого походит более на мифотворчество, чем на науку.

¹ См.: *Ivetić V.* Op. cit. S. 126.

² См.: *Митровић А.* Устаничке борбе у Србији... С. 29–30.

³ Он же. Србија у Првом светском рату... С. 407–408.

⁴ См.: *Стојанчевић В.* Указ. соч. С. 111–112.

⁵ Там же. С. 100–101. (По подсчётам швейцарской журналистки и сестры милосердия Катарины Клары Штурценегер (Catharina Clara Sturzenegger), находившейся в Сербии в 1912–1918 гг.)

До Первой мировой войны и в Сербии, и в России существовали развитые традиции и практика партизанских операций¹. В анализе возможностей и перспектив этих операций использовался не только исторический опыт², но и труды иностранных авторов. Не случайно, что после появления на немецком языке в 1904 г. первого и второго изданий „Тактики“ майора германского Генерального штаба В. Балка (1858–1924) максимальное внимание в России и в Сербии привлёк VI том этого труда, в котором детально рассматривалась проблема „малой войны“³. Вскоре по приказу начальника российского императорского Генерального штаба появился перевод немецкой монографии на русский язык⁴. С точки зрения организации партизанских действий эта книга настолько высоко оце-

¹ В качестве курьёза укажем, что слова „четник“ („четованье“, „четовати“) и „партизан“ фиксируются в сербском (и соответственно, в русском) языке примерно с одного времени — с начала XIX в., и происходят от одного и того же понятия — война малыми отрядами (по-сербски „четами“, а в русском языке — „партиями“ в ныне устаревшем значении этого слова). Повстанцы, собравшиеся на выборах Карагеоргия в Орашце, уже называли себя „четниками“. В России впервые это понятие фиксируется в отношении зафронтовых отрядов Д. Давыдова. См.: Српски рјечник: истолкован њемачком и латинским ријечма. Беч, 1818; *Антонијевић Баталака Л.* Историја српског устанка. Књ. I. 1898. С. 52; *Давыдов Д.* Опыт теории партизанского действия. 1822; *Давыдов Д.* О партизанской войне / Современник. Т. 3. 1836. С. 138–151; *Давыдов Д.* Партизанский дневник 1812 года. Санкт-Петербург, 1840.

² См.: *Вучетић Б.* Српска револуционарна организација у Османском царству на почетку XX века // *Историјски часопис*. № 1. 2006. С. 359–374; *Пејућ П.* Четнички покрет у краљевини Србији 1903–1918. Крагујевац, 2007. С. 73–108; *Тимофеев А. Ю.* Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда, 1878–1912. Санкт-Петербург, 2007. С. 140–148.

³ *Balck W.* *Taktik*. Die Gefechtslehre. Nachtgefechte, das Wald- und Ortsgefecht, Kämpfe um Engen und Flusslinien, Gebirgskrieg, Kleiner Krieg und Etappenendienst, Sachregister. Berlin, 1904.

⁴ *Балк В.* Тактика. Ч. 6. Учение о бое. Ночные бои, бой в лесу и в селениях, бой в теснинах и на речных линиях, горная война, малая война и этапная служба. Алфавитный указатель. Санкт-Петербург, 1909.

нивалась, что в самый разгар Гражданской войны её краткое изложение было опубликовано значительным тиражом для практического применения в издании журнала "Военное дело"¹. На сербском языке "Тактику" Балка опубликовали также крайне оперативно, перевод 6 тома вышел в 1912 г.² Автором перевода был один из лучших сербских военачальников Живоин Мишич. Значение книги Балка заключалось в том, что она была крайне "практична" для своего времени, рассматривала "малую войну" как специфический и самостоятельный способ ведения войны, которым слабая сторона может воевать против более сильной. Важными были и другие, изложенные в книге идеи: констатация оборонительного характера "малой войны", указание о неприемлемости фронтальных действий для партизан, о роли быстрого манёвра, а также о необходимости значительной самостоятельности отдельных партизанских отрядов и их командиров. Стоит отметить, что в Сербии накануне войны следили и за другой современной литературой: использовали перевод-компиляцию книги участника англо-бурской войны и основателя скаутского движения Р. Баден-Пауэлла³, знали о существовании компиляции российских и западноевропейских подходов к партизанским действиям болгарского военного теоретика Т. Панова⁴. Российская литература, как переводная, так и оригинальная была намного более глубокой и уже подверглась конкретному изучению⁵.

Стоит подчеркнуть, что в самой Сербии идеи, связанные с партизанскими действиями, в основном развивались в контексте активной борьбы в Македонии. В 1-й и 2-й Балканской войне,

¹ Малая война (самостоятельный вид войны, ведомой слабою стороной против сильного противника). Извлечение из тактики Балка. Издаётся как практическое руководство для командного состава. М., 1919.

² См.: Балк В. Тактика. Књ. 6. Наука о боју : ноћне борбе, борбе око шума и места, борбе око теснаца, борбе око речних токова, планински рат, четничко ратовање и етапна служба: са 3 плана и 15 скица у додатку и 1 цртежом у тексту. Београд, 1912.

³ См.: Ђорђевић М. Четник. Београд, s.p, s.a.

⁴ См.: Панов Т. Партизански набеги. София, 1911.

⁵ См.: Клембовский В.Н. Партизанские действия. С.-Петербург, 1894; Каратыгин П. Партизанство: начальный опыт тактического исследования. Харьков, 1924; Дробов М.А. Малая война: партизанство и диверсии. М., 1931; Квачков В. В. Теория и практика специальных действий. М., 2004.

а также в подавлении албанского восстания 1913 г., которое отдельные современники называли 3-й Балканской войной, сербские четники выступали в триединой роли "диверсантов-разведчиков-военной полиции", что было конвергентно похоже на действия комитов в болгарской армии и андартов — в греческой¹. Однако, кроме "турецкого" направления, накануне Первой мировой войны Сербия имела планы, касавшиеся использования методов партизанской войны и для обороны против Австрии в случае нападения. К началу XX в. в Сербии дошло до неразрывного переплетения военной разведки, тайных обществ и частных начинаний, что воплотилось в феномене четнического движения.

В то время подготовка четников из рядов добровольцев — поданных Королевства — в конспиративном порядке осуществлялась офицерами сербской военной разведки. Подготовкой четников Сербия активно занималась в 1903–1912 гг.² Эту подготовку получали не только выходцы из сербских районов Османской империи, но и националистически настроенная молодёжь из сербских районов Австро-Венгрии. Согласно воспоминаниям члена организации "Объединение или смерть" майора А. Благоевича, в 1908 г. во время Аннексионного кризиса, чреватого потенциальным сербско-австрийским столкновением, он привёз во Вранье (центр организации сербской четнической акции в Македонии и Старой Сербии) сербских студентов Венского и Загребского университетов, среди которых были ставшие известными позже члены "Младе Босне" Б. Жераич, В. Гачинович и Д. Коканович. "Этих студентов я готовил в течение 4-х месяцев во Вранье для действий в селах Боснии и Хорватии по подготовке восстания народа против Австрии"³. Сохранилось и описание четнических курсов 1912 г., для участия в которых группа сербской молодёжи прибыла в Белград в конце июня 1912 г. через Земун и в течение шести недель в горах, в палатках, проходила четническую подготовку в тех же приграничных районах на юге Сербии. Они изучали в полевых условиях теорию

¹ См.: Тимофејев А. Српска герила у Балканским ратовима: културне, друштвене и политичке традиције четничког рата у Србији // Балкански ратови 1912/1913: нова виђења и тумачења. Београд, 2013.

² См.: Поповић Ч. Четничка школа у Прокупљу // Нова Европа, 10 — 11. Књ. IX. 1927; Тимофеев А.Ю. Крест... С.140 — 162.

³ Дегујер В. Сарајево 1914. Београд, 1966. С. 903.

и практику четнической войны, выживание в природных условиях, учились стрельбе, изготовлению импровизированных взрывчатых средств, использованию гранат и диверсионной деятельности на мостах и железных дорогах. Проводились и ускоренные курсы по подготовке кадров в городских условиях, с использованием наставлений по минно-взрывному делу и тактике четнической войны¹.

Позднее часть этой молодёжи была включена в состав добровольцев. Например, группа старшекласников из Боснии (среди них и Г. Принцип) не позднее 25 сентября 1912 г. прибыла в Прокупле, где в начале октября того же года самые подготовленные из них были приняты в отряд четнического воеводы майора В. Танкосича, офицера разведки сербского Генерального штаба и одного из руководителей организации "Объединение или смерть"².

Об этой деятельности стало известно и австрийским властям, которые очень настороженно относились к вербовке австрийских граждан в сербские негосударственные вооружённые формирования³. Австрийский генеральный штаб учитывал возможность вооружённого столкновения не только с сербской армией, но и с отрядами четников⁴.

По воспоминаниям четнического командира В. Трбича, подготовка к четнической войне против Австрии была начата ещё до Балканских войн. Уроженец австрийской провинции Славонии В. Трбич, который занимался организацией четнического движения в Македонии, прибыл из Велеса в Белград весной 1912 г., где с удивлением узнал от престолонаследника о переговорах с болгарями, о совместных планах балканских христианских государств изгнать турок с Балкан и о планах справедливого раздела освобождённых территорий. Сербские военные были обеспокоены тем, что Австрия могла попытаться вмешаться и воспрепятствовать плану освободительной войны. Поэтому на следующий день после приезда в Белград состоялся разговор В. Трбича и майора М. Васича, секретаря организации "Народная оборона" и члена организации "Объединение или смерть". М. Васич поставил перед лидером чет-

¹ См.: Sarajevski atentat, Pisma i saopštenja. Sarajevo, 1965. С. 26, 88, 90, 92, 93, 95, 115, 120.

² См.: *Дегујер В.* Сарајево 1914. С. 318.

³ Там же. С. 694.

⁴ См.: Die serbische und montenegrinische Armee. Wien, 1913.

ников особую задачу — "разведать ситуацию на дунайском мосту Эрдут-Богоево и узнать, существует ли возможность вывести его из строя в случае надобности". В. Трбич вспомнил о своём родственнике Йоване, который работал стрелочником на этом стратегически важном мосту через Дунай на территории Австрии. С фальшивым турецким паспортом В. Трбич поехал в Австрию, посетил своего родственника Йована и с его помощью внимательно осмотрел мост. После этого В. Трбич объяснил своему родственнику, что при определённых обстоятельствах "пошлёт к нему человека, которого надо принять и сделать всё, что он скажет, чтобы взорвать мост Эрдут-Богоево"¹ с помощью мины или взрывчатки. После этого разговора В. Трбич вновь выехал в Македонию.

Накануне и в начале Первой мировой войны в Сербии и приграничных государствах существовали различные планы партизанской и противопартизанской войны². При анализе этих процессов в самой Сербии необходимо уточнить различие отрядов "четников" и "добровольцев", формировавшихся в Сербии. Оба вида отрядов имели добровольческий характер формирования, причём отряды "добровольцев" изредка также направлялись для выполнения "специальных заданий"³, а "четников" использовали и для ведения фронтальных боевых действий, обычных для частей оперативной армии. Тем не менее, это были боевые отряды различного типа, чьё различие проистекало из изначальных планов их формирования, точнее из планов ведения четнической (партизанской) войны.

Эти планы были официально сформулированы уже в первые дни Первой мировой войны, когда военный министр Сербии полковник Д. Стефанович 3 августа 1914 г. подписал „Наставление военного министерства по ведению четнической войны против Австро-Венгрии“, которое на следующий день было дополнено приказом Верховного командования Сербской армии о формировании четнических отрядов⁴. Отряды формировались под руковод-

¹ *Трбић В.* Мемоари. Књ I. Београд, 1996. С. 280–284.

² См.: *Екмечић М.* Планови за герилски рат године 1914 / Радови из историје Босне и Херцеговине XIX века. Београд, 1997.

³ См.: *Станић Ђ., Килибарга З., Марчек Ј.* Обука српске војске (1804–1918). Београд, 2007. С. 636.

⁴ Војни архив (ВА). Ратна архива Врховне команде 1914–1920. К.93. Ф.1. Бр.

ством сербских офицеров — членов "Чёрной руки", имевших опыт организации четнической деятельности в Македонии и Старой Сербии (Воина Поповича Вука, Воислава Танкосича, Велимира Вемича, Косты Тодоровича). Среди личного состава также присутствовали старые четники и добровольцы. Они были вооружены не только сербскими винтовками, но и австрийскими винтовками системы Манлихера для обеспечения возможности снабжения военными трофеями.

Появившееся уже в первые дни войны наставление правительственного военного министерства требовало от четников "действовать с дикой энергией и крайне бесстрашно" и "послужить ядром организации восстания в районах проживания сербов" на вражеской территории, для организации диверсий на линиях коммуникаций, снабжения и связей. В случае отступления сербских войск добровольцам предписывалось формировать из местного населения отряды для "выражения сильнейшего народного протеста против вражеского вторжения в нашу страну", нападать на неприятеля на биваках, совершать диверсии против линий связи, снабжения и коммуникации. "Из наиболее надёжных людей отряда образовывать террористические группы, которые будут совершать покушения на высшее командование вражеских войск, всеми возможными способами распространять страх и вносить панику в ряды врага". Наставление подчёркивало значение "вооружения населения" и поддержания сети доверенных лиц для постоянных контактов с командованием, доставки информации, передачи приказов и помощи оружием и боеприпасами. Фактически речь шла о детальном плане ведения организованной партизанской войны, который шёл намного дальше обычных специальных операций. Можно сказать, что это была революционная для своего времени идея в стратегии обороны более слабой страны против доминирующей военной силы или коалиции держав, которой в форме официально утверждённых на высшем уровне наставлений не имела ни одна армия того времени. Во второй раз на уровне общенародной обороны идея об использовании народного восстания для борьбы против более сильного внешнего противника появилась только в СССР в 20-е гг. XX в.¹

4/11. Впервые опубликовано в книге: *Павловић Ж.Г.* Битка на Јадру августа 1914. Београд, 1924. С. 619–623.

¹ См.: *Тимофејев А.* Партија грађанског рата: припреме кадрова Коминтер-

До реального осуществления этого плана так и не дошло. И тому было несколько причин.

Возможности сербской армии по ведению четнической войны серьёзно воспринимала Австрия, которая заранее подготовила план для борьбы против народного восстания на населённых сербами приграничных территориях (в Среме, Банате, Боснии и Герцеговине). Сразу же после покушения по всей Боснии и Герцеговине началась волна жестоких погромов православных сербов, а с 1 июля 1914 г. вся территория Боснии и Герцеговины оказалась в зоне быстрого и жёсткого правосудия — чрезвычайного суда¹. С 17 июля 1914 г. в Боснии и Герцеговине было введено "осадное положение". В начале августа 1914 г. приграничные с Сербией районы Боснии получили статус "мятежных областей". С сентября регулярное распространение получила практика взятия заложников из рядов сербской местной элиты — учителей, священников, богатых крестьян. Заложники отвечали жизнью за целостность линий коммуникаций и важных объектов. Активно заработала сеть концентрационных лагерей. Процесс усмирения австрийские власти вели с особой жестокостью, для чего использовали религиозные противоречия, доведённые австрийской пропагандой до белого каления². Для возможной борьбы против сербских повстанцев были сформированы "защитные части" — "шущкор" (нем. Schutzkorps) из боснийских мусульман (босняков). Речь шла о восстановленной в 1908 г. во время Аннексионного кризиса практике формирования из местных католиков и мусульман добровольческих частей — т. н. "штрафунов" (Streifkorps), чьи части с помощью повстанческой тактики и насилия боролись против повстанцев в оккупированной Боснии и Герцеговине в 1882 г.³

не за извођење партизанског рата и револуције // Војноисторијски гласник. № 2. 2009.

¹ См.: *Ронге М.* Разведка и контрразведка.... С. 96.

² См.: *Ђоровић В.* Црна књига. Патње Срба Босне и Херцеговине за време светског рата 1914–1918. Сарајево, 1920; *Оначић П.* Политика геноцида Аустроугарске против Срба у Првом светском рату // Војно-историјски гласник. №1–2. 1994; *Микић Ђ.* Аустроугарска ратна политика у Босни и Херцеговини 1914–1918. Banja Luka, 2011.

³ См.: *Rothenberg G.E.* The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1998. С. 103–104; *Sauer-Nordendorf E.* Die Strafuni: Das vergessene Grenzjäger-Streifkorps Österreich-Ungarns in Bosnien und der Herzegowina // Pallasch. № 3. 1998. С. 49–52.

Действия частей "щуцкора" были направлены не только на "ликвидацию сербских банд", но и на прямые операции по устрашению и этнические чистки, в соответствии с решениями ланд-губернмана Боснии¹. В результате сербское население пограничных территорий быстро потеряло потенциальный слой организаторов восстания, бóльшая часть мужского населения (из числа наиболее возможных участников) была интернирована, и уже в сентябре 1914 г. восстание было практически неосуществимо. Политика репрессий продолжилась и в ходе короткой оккупации западных районов Сербии в 1914 г., и во время полной оккупации Сербии в 1915–1918 гг.²

С другой стороны, идея народного восстания как способа ведения войны не вызвала симпатий в политических кругах сербского правительства, опасавшегося, что четническое движение граничит с терроризмом. Патриарх сербской политики Н. Пашич считал, что далеко „не одно и то же использовать террористические методы в Турции и в Австро-Венгрии“. Даже спустя несколько лет после начала Первой мировой войны, в 1917 г., он считал, что: „...в Турции было необходимо так действовать, так как там и болгары, и турки, и греки имели свои организации, должны были иметь их и мы. Но это Европа знала. Мы ей сказали, что в Турции можно защищаться только винтовкой и осудили Турцию на большие страдания. Этого нельзя было допустить в Австрии. Это старое государство. В нём тысячелетняя династия. Европа бы не потерпела такого, и мы бы в её глазах выглядели очень плохо, так как нам и без того приписывают разные заговоры и убийства“³. Добровольцы и четники, по мнению сербского правительства, должны были использоваться как род лёгкой пехоты, а не как организационная структура национально-освободительного восстания, что и было изложено в новом, опубликованном 22 октября 1914 г. "Наставлении о формировании добровольческих отрядов" вместо четнических отрядов⁴. Такого же мнения придерживался и

¹ См.: *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973. С. 173–175.

² См.: *Трифуновић Б.* Живот под окупацијом: чачански округ 1915–1918. Чачак, 2010.

³ *Живановић М.* Пуковник Апис. Солунски процес хиљаду деветсто седамнаесте. Београд, 1955. С. 602; *Дегујер В.* Сарајево... С. 693.

⁴ См.: *Екмечић М.* Планови... С. 429.

один из наиболее важных союзников Сербии — Российская империя¹. Очевидно, что потенциальная "революционная" деятельность четников в тылу неприятеля выглядела сомнительной в глазах дипломатов и политиков, так как не совсем укладывалась в Гаагскую конвенцию о законах и обычаях войны от 18 ноября 1907 г. и вела к неизбежным жертвам среди гражданских лиц от актов возмездия со стороны неприятельских войск, что в тот период оценивалось как неприемлемые потери.

Таким образом, шанс на развитие четнической войны против Австро-Венгрии не был использован, и зафронтовая работа вообще быстро прекратилась. Сербская разведывательная сеть завершила свою деятельность уже осенью 1914 г. Посланник России в Сербии Трубецкой заметил 26 января 1915 г., что "боевые действия практически разделили сербов Королевства и Австро-Венгрии. Между первыми и вторыми нельзя установить никаких связей. Это объясняет и полную неосведомлённость местного Верховного командования в связи с намерением неприятеля"².

Кроме вышеперечисленных причин неосуществления планов разворачивания партизанской войны против Австро-Венгрии, существовали и другие объективные факторы. Война началась быстрым прорывом австрийских войск, большая часть сербской армии была ещё в местах постоянной дислокации или мобилизации в глубине территории. Поэтому существовавшие четнические отряды (Златиборский, Ядарский, Рудничский, Горнячский) были использованы в качестве первого заслона от прорыва австрийских войск, защищая границы Сербии и её столицу в 1914 г. Со всей своей выучкой и решительностью они просто сгорели во фронтальных боях, дав возможность сербской армии сконцентрировать войска, перегруппировать их, отбить австрийцев и перейти в контрнаступление в августе–декабре 1914 г. И в 1915 г. сформированные из добровольцев отряды (Сремский, Банатский, Й. Бабунского, В. Поповича — воеводы Вука, В. Танкосича) также участвовали во фронтальных оборонительных боях, обороне Белграда 1915 г., в отступлении через албанские горы... После возрождения армии

¹ См.: Станић Ђ. Обука... С. 637.

² Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг.: Серия 3. 1914–1917 гг. Т. 7. Ч. 1. Ленинград, 1935. С. 112.

уже с сентября 1916 г. четники снова вступили в бой на тех участках, где сербы вели самые тяжёлые бои: Горничево, Каймакчалан, Сива стена, Црна река, Грунишский вис. После этих боев четническая традиция в отрядах добровольцев сербской армии замерла.

Формальным рубежом деятельности четников и сродных им отрядов добровольцев стала гибель воеводы Вука и большей части его отряда в конце ноября 1916 г. В то же время был организован и процесс против полковника Д. Димитриевича Аписа, закончившийся арестом этого идейного вдохновителя четнической деятельности и ряда членов организации "Объединение или смерть", которые также активно поддерживали идею диверсионно-террористических действий против врагов сербского народа. После этого добровольческие отряды были окончательно сведены до уровня обычных пехотных частей. Выжившие члены четнического движения в конце войны и сразу после неё выполняли функции военной жандармерии и подавляли восстания в новом королевстве. Несомненно, бойцы четнических и добровольческих отрядов вписали свою героическую страницу в сербскую военную историю (из пяти тысяч человек, вступивших в отряды, лишь менее двухсот пережили войну и оформили свидетельства добровольцев)¹. И всё-таки они в большинстве случаев сражались как надёжная, высоко мотивированная и закалённая пехота во фронтальных боевых действиях. Исключения австрийская армия фиксировала лишь в самом начале осени 1914 г. в Среме — "разжигание страстей среди лиц не сербской национальности, нападения на солдат из-за угла, разрушение железнодорожных линий в ближайшем нашем тылу, — все это показывало, что и на собственной территории мы находились, как в настоящей неприятельской стране"².

Стоит отметить, что во втором государстве сербского народа — в Черногории — также существовали попытки организовать добровольческие отряды, чтобы начать зафронтную деятельность и поднять восстание, а также для ведения диверсионной и разведывательной работы. Жестокие, быстрые и заблаговременные действия австрийских властей обрекли эти слабоорганизованные попытки на заведомый провал. Дополнительный вклад в безуспеш-

¹ См.: Станић Ђ. Дужни смо сачинити поименични списак српским ратним добровольцима 1912 — 1918. // Добровољачки гласник. № 24. 2004. С. 5.

² Ронге М. Разведка... С. 96.

ность этих тщетных попыток оказала прямая зависимость черногорских добровольческих отрядов от воли командиров отдельных соединений, и без того перегруженных вопросами, связанными с фронтальными боевыми действиями. А черногорскую разведку начальник разведотдела Разведывательного бюро (Evidenzbüro) — австро-венгерской военной разведки императорского и королевского генерального штаба — М. Ронге характеризовал в своём достаточно взвешенном труде, как "абсолютное убожество"¹.

Сербия была не только субъектом, пытавшимся организовать повстанческие отряды, но и объектом, против которого велась такая деятельность. Эту деятельность осуществляли болгарские и албанские комитские отряды. Поверенный в делах России в Сербии В. Штрандман констатировал 13 октября 1914 г., что "в районах, которые Сербия вела по Бухарестскому миру, пограничных с Болгарией, беспокойно. Четники и банды множатся, что вызывает со стороны местной власти репрессивные меры, которые, может быть, используются без должной осторожности, из-за естественного желания принести смирение в государство, в то время как Сербия должна напрячь все силы в борьбе с Австро-Венгрией"².

Болгария и Турция ещё с 1913 г. активно работали с целью организации болгарских и албанских повстанческих отрядов для борьбы против сербских властей в Македонии и Старой Сербии³. Эта деятельность получила новый виток после начала войны, т. к. Австро-Венгрия включилась в неё и в смысле финансирования, и в смысле подстрекания, и даже в прямой организации и координации деятельности болгарских повстанцев.

По приказу Н. Пашича, сербский посланник в Софии Б. Чолак-Анич обратился с нотой протеста к премьеру В. Радославову и начальнику штаба генералу И. Фичеву, о чём и оповестил Белград 24 сентября 1914 г.⁴ При этом, по данным донесения сербского военного посланника в Софии от 8 октября 1914 г., деятельность по организации отрядов комитов в приграничных районах Болгарии

¹ Ронге М. Разведка... С. 94.

² Международные отношения. Т. 6. Ч. 1. С. 396.

³ См.: Влахов Т. Отношенията между България и Централните сили по време на войната. 1912–1918 г. София, 1957; Стојанов П. Македонија во времето на балканските и првата светска война (1912–1918). Скопје, 1969.

⁴ АС. МИД. ПО. 1914. Ф. XIII. 6. Дос. IV. С. 261–263.

была настолько активна, что болгарские власти закрыли для посещения всех лиц, кроме местных жителей, зону шириной в 20 км вдоль сербо-болгарской границы. Под армейское командование были поставлены приграничные железнодорожные вокзалы и пути сообщения, въезд сербских граждан был фактически ограничен. Деятельность комитов, которой руководил глава македонского комитета подполковник запаса болгарской армии А. Протогеров получала прямую финансовую поддержку от австрийского посольства в Софии¹, а точнее военного атташе полковника В. Лаксы². При этом болгарские официальные лица лицемерно отрицали не только свою причастность к организации и деятельности болгарских и албанских комитов, но и сам факт перехода этими отрядами сербо-болгарской границы³.

Вот как описывал сотрудничество австрийской разведки с болгарскими, албанскими и турецкими повстанцами в Сербии М. Ронге. Сразу же после отклонения Сербией ультиматума 25 июля 1914 г. австрийская военная разведка активизировала "меры, которыми... надеялась оказать помощь войскам. К этим мерам относились: организация восстания македонцев в Ново-Сербии, агитация против войны среди рекрутов в области, диверсионные акты и т. п. Ввиду ожидавшегося вскоре закрытия границы с Сербией и Черногорией надлежало наладить против этих государств разведывательную службу через нейтральные страны. Проведение этих мероприятий из Софии было сравнительно лёгким делом, так как Болгария сама очень интересовалась разворачивающимися событиями. Хорошую службу сослужили нам в этом отношении македонские партизаны, на которых одновременно была возложена задача организации разрушений на линиях железных дорог, ведущих от Салоник в Сербию. Против этой важной для сербов коммуникации, по которой доставлялось из Франции вооружение, были также направлены албанские и турецкие отряды из Албании. <...> Мелкие отряды и эмиссары разведывательных пунктов в Темешваре и Будапеште причиняли

¹ См.: Ронге М. Разведка... С. 68.

² Лакса Владимир (1870–1945) — хорватский офицер, снискавший в дальнейшем недобрую славу в качестве генерала армии НГХ, много сделавшего для борьбы с сербскими партизанами.

³ АС. МИД. ПО. 1914. Ф. XIII. 6. Дос. IV. С. 321–321 (об).

противнику много вреда, но об этом мы получали сведения очень поздно. Многочисленные мосты в ущелье Вардара неоднократно подрывались или совершенно уничтожались. В первых числах августа был взорван железнодорожный мост в сердце Сербии через Мораву под Чуприей, во второй половине августа взлетел на воздух железнодорожный мост через ущелье Тимок... Одно такое железнодорожное разрушение в ноябре, к сожалению, оказалось запоздавшим, так как следовавший из Франции крупный транспорт с артиллерийскими снарядами успел попасть в сербский арсенал в Крагуеваце"¹.

Самых больших успехов эти группы достигли 2 апреля 1915 г., когда в Страстную пятницу группа болгарских и албанских комитов напала на мосты на реке Вардар у села Удово и железнодорожной станции Струмица в Валандовской долине, попытавшись прервать железнодорожное сообщение на участке Скопле — Солун. Число погибших среди нападавших и оборонявшихся было значительным. У села Удово находится построенная в 1936 г. братская могила с памятником, в которой лежат останки 261 сербского солдата, убитого в "Валандовском погроме". Оценка числа нападавших колеблется от 500² до 3 тыс. повстанцев³, которые внезапно атаковали сербских солдат 3-го призыва, смогли повредить мост, но до конца его не подорвали. Действия болгарских, македонских и албанских комитов при помощи австрийской, болгарской и турецкой разведывательных служб привели к полной дестабилизации сербской Македонии.

В подавлении болгарских и албанских повстанцев сербские солдаты и четники опирались на Положение об общественной безопасности от 25 сентября 1913 г., одобренное сербским правительством и направленное против болгарских повстанцев и пропаганды. Положение было одним из первых сербских официальных документов по антипартизанской деятельности и давало твёрдые и крайне жёсткие советы⁴. Рекомендовались "внесудеб-

¹ Ронге М. Разведка... С. 67.

² См.: Трбић В. Мемоари II... С. 45.

³ См.: Кецојевућ Д. "Рушење" мостова на Вардару — једна дипломатска превара 1914 // Вардарски зборник. № 5. 2006.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.

ные меры", которые осуществлялись в том числе и при помощи местного сербского населения, желавшего рассчитаться с противниками сербской администрации¹. Ситуацию усугубляли настойчивые предложения союзников передать Болгарии сербские районы Македонии². Предгрозовую ситуацию весны–лета 1915 г. очень подробно описывал В. Трбиш: "... о предложении союзников передать Македонию Болгарии, которое представляло якобы некую дипломатическую тайну, знал и был посвящён в неё и последний пастух в Македонии. Йован Бабунский со своим отрядом перемещался в районе слева от Вардара... Дезертиров и скрывающихся уклонистов было всё больше повсюду с каждым днём. Одни бежали в Грецию, а потом возвращались. Другие скрывались в своих домах, а отряд Вангела Скоплянца грабил в районе Мариова. Турки и албанцы начали поднимать голову; в воздухе витала полная анархия"³.

После того как сербская армия отступила из Сербии в конце 1915 г., идеи об организации четнической войны на территории Сербии вновь стали актуальными. Стоит отметить, что, согласно Гаагским конвенциям, правительство, покинувшее территорию своей страны, не имело права вооружать население страны, не говоря уже о праве иностранных государств на такие действия. Однако в условиях полной дегуманизации войны, проявившейся в массовом использовании боевых отравляющих веществ, разрывных пуль и других нарушений Конвенции о ведении войны 1907 г., ещё одно нарушение никого уже не пугало. Впрочем, речь шла вовсе не о немедленном общенародном восстании против оккупационных властей, а об организации сети по сбору разведывательной информации, по распространению пропаганды и по подготовке диверсий и ячеек для формирования в дальнейшем на их базе повстанческих отрядов. Однако и тут полного осуществления планов так и не произошло по ряду причин.

Первый такой проект был связан с деятельностью полковника А. Татаринова, российского военного агента в Румынии,

2003, Д. 316.

¹ АС. МИД. ПО. 1914. Ф. XIII. 6. Дос. VI.

² Там же. Ф. XX. 31. Дос. V.

³ *Трбиш В.* Мемоари II... С. 47.

который до этого состоял на месте военного агента в Болгарии¹. С другой стороны, в этом проекте была особо значима роль группы офицеров из "Чёрной руки"² и прежде всего одного из них — Александра Срба³. Речь шла о сербских солдатах и других беженцах из Краины, которые во время вражеского наступления перебежали из города Ключ в Румынию. В Турн-Северине наиболее боеспособная часть этих людей (около 60 чел.) была сведена в добровольческий отряд для осуществления разведывательной деятельности в пользу русской Экспедиции особого назначения; этой работой непосредственно руководил капитан 2-го ранга Сергей Ратманов. Позднее с помощью прибывших из Одессы сербских добровольцев и офицеров сербской армии была образована „военно-партизанская команда“ под командованием подполковника сербской службы А. Срба, которая насчитывала 5 офицеров и 300 добровольцев⁴. В результате российский Генеральный штаб вновь, впервые после падения Сербии, смог получать разведывательные данные о происходившем на её территории⁵. А. Татаринев даже планировал передать этому отряду самолёт из числа военных трофеев⁶. Планировалось и поднятие вооружённого восстания, которое должно было координироваться с союзными войсками. Однако летнее наступление русской армии (Луцкий прорыв Юго-Западного фронта мая–июля 1916 г.), несмотря на все успехи, не привело к изменению ситуации в Сербии. В начавшемся в августе–ноябре контрнаступлении австро-германские войска разбили румынскую армию в Трансильвании и вторглись на территорию Румынии. Уже 20 ноября 1916 г. четнический отряд оставил Турн-Северин и в январе 1917 г. прибыл в Одессу, где был пре-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Д. 686.

² См.: *Hrabak B. Delatnost članova udruženja "Ujedinjenje ili smrt" u Rusiji 1915-1918 godine // Istorija 20. veka zbornik radova. № 7. 1965.*

³ См.: *Пејчић П. Пуковник Александар Срб // Добровољачки гласник. № 24. 2004; Југословенски добровољачки корпус у Русији: прилог историји добровољачког покрета, 1914–1918. Београд, 1954. С. 122–123.*

⁴ Там же.

⁵ См.: *Звонарёв К.К. Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. (Репринт издания 1929 г.). Киев, 2005. С. 242.*

⁶ РГВИА. Ф. 2003. Д. 686.

вращён в штабную роту Сербского добровольческого корпуса. После революционных событий февраля 1917 г. некоторые офицеры-чернурукцы, среди них и А. Срб, вновь оказались во главе военно-партизанских формирований. В августе 1917 г. А. Србу и В. Гойковичу было доверено формирование военно-партизанских отрядов из солдат, "которые оставили Корпус, но представляли собой очень хороший и подготовленный боевой материал"¹. До самой своей гибели в Таганроге 27 апреля 1918 г. А. Срб находился во главе одного из таких отрядов, который активно участвовал в Гражданской войне в России².

Попытки организации разведывательной и диверсионной работы на территории Сербии делались и с греческого направления. Сербское Верховное командование несколько раз с использованием французской авиации перебрасывало за линию Солунского фронта представителей четнического движения для ведения разведывательной, пропагандистской и диверсионной работы. После короткой подготовки по использованию взрывчатых веществ, которую прошёл в инженерной части В. Трбич, он был в июле 1916 г. переброшен самолётом за линию фронта. Вероятно, В. Трбич стал первым человеком в истории войн, который был доставлен самолётом за линию фронта с разведывательно-диверсионным заданием. Начальник разведывательного отдела сербского Верховного командования полковник Д. Калафатович снабдил В. Трбича карабином Маузера, боеприпасы к которому можно было легче всего найти в Македонии, восьмизарядным револьвером Гассера, 18 кг взрывчатки, сотней метров бикфордова шнура, несколькими детонаторами и батареей для электродетонаторов. Для организационной работы ему было выдано также 10 наполеондоров (58,01 г чистого золота). Переброску через фронт осуществил французский пилот лейтенант Делакура на самолёте „Nieuport“. В радужном ожидании вступления Румынии в войну и глобальных изменений линии фронта от Карпат до Салоник было сформулировано задание В. Трбичу — в случае отступления болгарских и германских войск "затруднить это отступление и помешать эва-

¹ Učešće jugoslovenskih radnih ljudi u Oktobarskoj revoluciji i građanskom ratu u SSSR. Beograd, 1979. С. 42.

² См.: Поповић Н.Б. Срби у грађанском рату у Русији 1918–1921. Београд, 2005. С. 52–53.

куации военных материалов через Вардар". Для этого В. Трбичу следовало "организовать в тылу четнические отряды, вооружить их и с помощью этих отрядов организовать засады против болгарских войск, взрывать мосты и делать всё, чтобы помешать организованному отступлению к их границам". Ранним утром 27 июля 1916 г., в гражданской одежде, „подходящей для этой работы“, В. Трбич был доставлен на удобную для посадки самолёта площадку на горе Солуница. Однако румынские войска не смогли переломить ход войны, и В. Трбич не выполнил ни диверсионных заданий, ни задач по формированию крупного боевого отряда, ограничившись лишь организацией небольшой группы для сбора разведывательной информации и общей пропаганды. Он перешёл линию фронта и вернулся к своим командирам с двумя четниками в районе Црна река 27 декабря 1916 г. После доклада Верховному командованию о проделанной работе В. Трбич получил Звезду Карагеоргия, которую снял со своей груди сам регент Александр. Результаты миссии В. Трбича были оценены как успешные¹.

Сербское Верховное командование решило продолжить опыт с зафронтной заброской агентов ещё до возвращения В. Трбича. Уже 15 сентября 1916 г. в село Механе на горе Радан (так же, как и в случае с В. Трбичем, в родные для него места) был переброшен Коста Милованович (Печанац), тоже участвовавший в четническом движении до начала войны². С его именем было связаны трагические события Топлицкого восстания февраля–марта 1917 г. — крупнейшего выступления на оккупированной территории во время Первой мировой войны. Из сохранившихся документов и переписки³ была видна важная, но не решающая роль К. Миловановича в организации и руководстве восстанием, организаторами которого в силу стечения обстоятельств выступили подпоручик запаса Коста Воинович-Косовац и братья Влаховичи, которые сформировали Ибарско-Копаноникский и Ябланицкий повстанческие отряды. Стоит отметить, что роль единого эмиссара

¹ См.: *Трбић В.* Мемоари II... С. 71–128.

² См.: *Павловић М., Младеновић Б.* Коста Миловановић–Пећанац. Београд, 2003.

³ См.: *Младеновић Б.* Наредбе, извештаји и писма војвода и четовођа Топличког устанка. Лесковац, 1992; *Миловановић К.* Дневник Косте Миловановића Пећанца: од 1916. до 1918. године. Београд, 1998.

сербского Верховного командования не была решающей и речь скорее шла об стихийном народном восстании с зачаточными элементами организации¹. Несмотря на обширную исследовательскую литературу², современная сербская историография обоснованно считает этот вопрос достойным дальнейшего исследования³. Сербских повстанцев подавляли не только отряды болгарской регулярной армии, но и специально организованные болгарские "контрачеты", которые Болгария организовала из рядов болгарских комитов, албанцев и турок. Ввиду кровавых расправ, убийств и поджогов, с помощью которых было подавлено Топлицкое восстание, и незначительного ущерба для оккупационного аппарата, сербское Верховное командование оценило его отрицательно.

29 октября 1917 г. в Ябланицком округе в районе с. Шипова приземлился самолёт с новыми представителями сербского Верховного командования — капитаном Й. Иличем и сержантом С. Стефановичем — для расследования произошедших событий, которые привели к массовой гибели населения. Однако болгары быстро захватили эту группу и расстреляли всех её членов. Изучение роли и ответственности сербского Верховного командования в событиях Топлицкого восстания волновало сербские власти и после окончания Первой мировой войны. Документация сформированного в 1919 г. Комитета по расследованию детально изучена и опубликована⁴. Перед комиссией Скупщины К. Милованович упорно оправдывался, утверждая, что не знал, когда приблизится фронт, и потому не предпринимал самостоятельно никаких мер по организации восстания.

¹ См.: *Младеновић Б.* Топлички устанак — спонтана народна буна и организовани покрет отпора // *Лесковачки зборник.* № 28. 1988; Илић Н.П. Борбена искуства 1917. и њихово прилагођавање у устанку 1941. године // *Лесковачки зборник.* № 28. 1988.

² См.: Классическими работами по этому вопросу являются: Топлички устанак 1917 // Ниш: Одбор за прославу десетогодишњице устанка. 1927; *Дерок Ј.* Топлички устанак и оружани отпор у окупираној отаџбини 1916 — 1918. године. Београд, 1940; *Перовић М.* Топлички устанак 1917. Београд, 1971; *Митровић А.* Устаничке борбе у Србији: 1916 — 1918. Београд, 1987.

³ См.: *Младеновић Б.* Топлички устанак 1917. године — (не) истраженост теме и могућност даљег истраживања // Баштина. 20/2. Приштина, 2006.

⁴ Топлички устанак 1917: збирка докумената. Београд, 2007.

Наконец, последняя задача, которую сербские четники выполнили в конце Первой мировой войны, была похожа на задачу четников в конце Балканских войн — зачистка пограничных территорий на границе Болгарии и Албании от повстанцев, банд и просто подозрительных элементов. С просьбой о проведении этих мероприятий при помощи летучих отрядов к четническим воеводам Й. Бабунскому и В. Трбичу обратился командующий армейской области в Скопле генерал М. Васич.

„Они должны были найти людей для летучих отрядов, а государство предоставить оружие и деньги. Каждый из них получал неограниченную власть, чтобы замирить свою территорию, и право наказывать по-своему всех, кто что-либо предпримет против властей“. К этому предложению генерал М. Васич добавил, что „такого закона в государстве, конечно, нет, и на все эти действия просто будут смотреть сквозь пальцы“. В. Трбич от этого отказался, заявив, что "не будет заниматься четничеством в своей стране". Й. Бабунский согласился, но после нескольких внесудебных ликвидаций ему запретили приезжать в Белград под угрозой ареста. Это стоило ему жизни. Когда после ранения понадобилась медицинская помощь, в Белград он вернуться не смог и скончался от возникших осложнений...¹

Таким образом, в годы Первой мировой войны Сербия, базируясь на традициях военной теории и наработанной практике, пыталась применить четнические отряды в продолжении всей Первой мировой войны. Ряд этих действий стал пионерским в технике специальной войны — заброска с помощью авиации зафронтовой агентуры с целью организации восстания, народное восстание в ходе современной тотальной войны. Эти приоритеты вызвали признание после окончания войны у ведущих теоретиков повстанческих и противоповстанческих операций в Европе (в СССР и в Германии)². И тем не менее, реальных результатов все эти шаги так и не принесли. Верховное командование Сербии было ограничено стремлением избежать массовых жертв среди

¹ См.: *Трбић В.* Мемоари. II... С146.

² См.: Практика малой войны в оккупированной Сербии. Об. Рыбаков по данным ген. Керхнаве и кап. Маули. Москва: ВА РККА им М.В. Фрунзе, 1936; *Ehrhardt A.* Der Kleinkrieg. Geschichtliche Erfahrungen und künftige Möglichkeiten. Potsdam, 1934. С. 64–78.

сербского мирного населения, шла ли речь о Македонии, Боснии или центральной Сербии, зонах болгарской или австрийской оккупации. С другой стороны, оккупанты (австрийцы и болгары) не чурались жестоких репрессивных мер, шла ли речь об их согражданах или о жителях оккупированных территорий. Австрийцы и болгары комбинировали организованные репрессии с активным использованием "контрповстанческих отрядов", использовавших ту же партизанскую тактику. Действия "контрповстанческих отрядов" для борьбы с болгарскими и албанскими повстанцами использовала и сама Сербия.

Активному ведению партизанской войны со стороны Сербии мешали субъективные причины (выдавливание сторонников "Чёрной руки" из военных структур), а также те самые традиции, которые ставили операции по организации повстанческого движения на грань бандитизма и народного восстания. Концепция использования четнических отрядов в интересах отдельных воинских соединений во фронтальных операциях, сформировавшаяся в сербской армии в ходе Первой мировой войны, стала доминировать в сербской, а затем и в югославской королевской армии до 1941 г. С другой стороны, идея о защите гражданского населения и нежелательности его вовлечения в активную борьбу против оккупантов стала догмой и для Наставления о четнической войне 1928 г. (основного документа, регулировавшего деятельность четнических формирований в межвоенный период), и для офицеров ЮВВО (Югославское войско в Отечестве) во время Второй мировой войны. По мнению М. Екмечича, был и ещё один важный результат того, что "пречанские" ("австрийские") сербы на территории Боснии и Герцеговины не смогли организовать восстание в годы Первой мировой войны. Как он выразился, был ликвидирован „фактор участия обычного народа в окончательном решении судьбы нового государства, которое создавалось. В ключевые моменты истории простой народ не говорит языком избирательных бюллетеней или через политические институты"¹.

В императорской России накануне Первой мировой войны также активно развивались идеи об использовании "малой войны" и военно-партизанских отрядов. Стоит отметить, что и в России существовали традиции малой войны (казаки). Идеи малой войны

¹ Екмечич М. Планови... С. 425.

развивались в регулярной армии со времен "корволантов" Петра I и отрядов Д. Давыдова, А. Фигнера и А. Сеславина. Теоретическая разработка идей малой войны, начатая Д. Давыдовым, активно развивалась в трудах военных императорской России. В дальнейшем формировавшиеся время от времени „охотничьи команды“¹ участвовали в обороне Севастополя 1854–1855 гг., в Кавказских войнах (1829–1864 гг.) и, наконец, в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. По распоряжению Генерального штаба № 260 от 1886 г., российская армия получила охотничьи команды как штатную часть при пехотных и кавалерийских полках: 4 солдата и офицер в каждой роте, эскадроне или батарее. С 1891 г. распоряжение Генерального штаба № 202 определило особую систему упражнений и подготовки для охотников, а приказ Генерального штаба № 192 от 1896 г. ввёл особые опознавательные знаки (тёмно-оранжевая тесьма на погонах) и материальные награды для „охотников“, зафиксировав их число до 8 солдат на роту². Фактически речь шла о сведении партизанской тактики времен Д. Давыдова и его современников до уровня обычных разведывательных подразделений, действовавших в интересах дивизий или даже меньших подразделений. Поэтому с 1908 г. "охотничьи команды" получили название "разведывательных", как непосредственно соответствующее их назначению. Попытки использования собственно партизанской войны, т. е. вооружения отрядов добровольцев из состава местного населения в зоне ведения боевых действий для зафронтальной работы также не были полностью оставлены. Эти попытки не имели большого успеха, но всё же во время русско-японской войны были организованы добровольческие партизанские отряды из китайцев для борьбы против японцев³.

Были и другие примеры попыток России „экспортировать“ партизанскую войну, т. е. подстрекать местное население под чу-

¹ Русский термин „охотничьи команды“ происходил от устаревшего значения слова охотник — „доброволец“, хотя немцы понимали его именно как „охотник“.

² См.: *Веселовский П.* Охотничьи команды // Военный сборник. № 10. 1897.

³ См.: *Кегрин С.* Малая война прежде и теперь // Война и мир. № 4. 1907; *v. Tettau E.* Die Jagdkommandos in der russischen Armee. Organisation und Ausbildung. Berlin, 1901; *v. Tettau E.* Die Tätigkeit der Jagdkommandos im Russisch-Japanischen Kriege // Militär-Wochenblatt. № 69. 1910.

жеземной властью к "малой войне" против противников российских интересов. Такие попытки предпринимались и на Балканах. Россия оказывала поддержку сербским повстанцам в Первом и Втором сербском восстании, но не теряла надежды использовать эти возможности и позднее. Те же взгляды на роль балканских христиан в борьбе с Турцией сохранились в России и в дальнейшем: "Партизаны действием малой войны воспламеняют мужеством коренных жителей, сих изнурённых невольников военным деспотизмом Оттоманским: они, ободрённые летучими отрядами..., могут в разных краях государства восстать и быть опасны для своих властелинов, кои равно любят и воинскую славу, и негу. Нужно стараться по возможности действовать наиболее на флангах и в тылу турецкой армии, чтобы пресекать пути сообщения и продовольствия, и... превращать в пустыни те страны, по коим надлежит наступательно проходить Оттоманской силе..."¹. Неудача в попытках использовать этот фактор во время Крымской войны принесла определённое разочарование, однако эти планы не были полностью отвергнуты. Во время правления князя Михаила Обреновича русские офицеры в Сербии ещё раз обратили внимание на возможности партизанского движения на Балканах и в Сербии вообще². Уже в 1867 г. в охранное отделение поступили документы с предложением по "энергическим мерам, имеющим целью поднять все горное население Балкан и начать там партизанскую войну против турок"³. Подобные идеи особенно процветали в кругах русских славянофилов и связанных с ними дипломатических и военных чиновников во время Восточного кризиса 1875–1882 гг., последние отголоски этих идей замерли лишь с кончиной лидера московских славянофилов И.С.Аксакова в 1886 г.⁴ На переломе веков

¹ Пушкин А.Н. Взгляд на военное состояние Турецкой империи // Сын отечества. № 11. 1826. С. 266–268. Интересно отметить, что автор этих строк полковник А.Н. Пушкин (1792–1831) погиб в бою с польскими повстанцами, которых, как известно, активно поддерживала Франция, преследовавшая собственные интересы.

² Москва — Србија, Београд — Русија: документа и материјали. Т. 2, Друштвено-политичке и културне везе 1804–1878. Москва–Београд, 2011. С. 378–386.

³ Там же. С. 375.

⁴ Москва — Србија, Београд — Русија: документа и материјали. Т. 2,

Россия размышляла о ведении партизанской войны на Балканах и силами другого сербского государства — Черногории. В донесении российского военного агента Генеральному штабу в 1906 г. особо уточнялось, что несмотря на плохую организацию черногорской армии, воины сербской Спарты "не имеют себе равных по личной храбрости, патриотизму и природной склонности к горной и партизанской войне"¹.

Тем не менее, все эти планы оставались теорией. В ходе Первой мировой войны идеи партизанской войны в России не нашли особого развития, речь в лучшем случае шла об использовании военно-партизанских отрядов для фронтовых операций². Стоит отметить, что в самом начале войны имели место попытки организовать партизанскую войну на территории Польши, но оставленные там отряды не имели поддержки местного населения и быстро прекратили своё существование. Формирование воинских партизанских отрядов было начато весной 1915 г. До конца года на Юго-Восточном фронте было создано несколько партизанских отрядов. Речь шла об инициативе командующего фронтом генерала Н.И. Иванова, который приказал командующим армиями начать активную партизанскую войну в районе Полесья и задержать наступление противника³. В сентябре 1915 г. аналогичные отряды появились и на участках Западного и Северного фронта. Отряды эти имели различные названия: "отряды специального назначения", "особые конные отряды", "партизанские команды", а их рядовой состав носил название "партизаны" и формировался из рядов добровольцев — казаков или опытных солдат. Их вооружение, кроме обычного вооружения, включало пулемёты, взрывчатые вещества, средства дистанционного подрыва, кинжалы для снятия часовых и даже телефонные аппараты для включения во вражеские линии. Осенью 1915 г., по приказу Ставки, на Северном фронте появилось 6 партизанских отрядов, на Западном фронте — 2 отряда, на

Друштвено-политичке и културне везе 1804–1878. Москва–Београд, 2011. С.160–161.

¹ *Потапов Н.М.* Руски војни агент у Црној Гори. Т. 1. Подгорица-Москва, 2003. С. 285.

² См.: *Вершигора П.П.* Военное творчество народных масс. М., 1961. С. 682–695.

³ См.: *Мензелинцев Н.* Партизаны 1915 года // Военная быль. № 86 (июль). Париж, 1967.

Юго-Западном фронте — 11, при этом численность отрядов колебалась от 50 до 125 солдат и 3–5 офицеров¹. Отряды подчинялись командующим армиями, а также имели высший организационный орган — штаб походного атамана Б. В. Романова и его начальника штаба А. Ф. Богаевского, деятельность которых не была слишком успешной². После стабилизации фронта и начала окопной войны "от моря до моря", единственным подходящим местом для деятельности партизан на территории России оказались болотистые белорусские леса. Самой яркой страницей деятельности русских войсковых партизан Первой мировой войны стала операция, проведённая в районе Пинска у населённого пункта Невель, где были размещены штабы 82-й резервной немецкой дивизии, 271-го резервного пехотного полка, военная больница и обоз. После предварительной разведки, в ночь с 14 на 15 ноября, военно-партизанская команда совершила неожиданную атаку, уничтожила значительное число вражеских офицеров и солдат, разгромила обоз и захватила штаб 271-го резервного полка и командира 82-й дивизии генерала К. Фабрициуса. В условиях непрерывной окопной войны эта операция стала исключением, в основном партизаны совершали разведывательные операции местного значения. Ожидание и бездействие подрывали мораль и боевой дух военно-партизанских отрядов. В результате в мае 1916 г. число отрядов было сокращено. Партизанские отряды подчинялись генерал-квартирмейстерским отделам армий и корпусов, в зоне действия которых они размещались, что уменьшало их независимость. Негативные оценки деятельности военно-партизанских частей были типичными для значительной части высшего офицерства³. К проблемам организации партизанских отрядов относилась и чрезмерная привязанность к кавалерийским отрядам, что делало невозможным и без того сложный переход линии фронта в условиях окопной войны.

Стоит отметить, что партизанские отряды способствовали формированию особого типа офицеров — будущих актив-

¹ См.: Клембовский В.Н. Партизанские действия. Исследование. Издание, дополненное данными о партизанских действиях на русском фронте в войну 1914–1917 гг. Петроград, 1919. С. 226.

² См.: Хорошилова О.А. Всадники особого назначения. М., 2013. С. 20.

³ См.: Брусилов А.А. Воспоминания. М., 1963. С. 196; Клембовский В.Н. Партизанские действия... С. 227.

ных участников Гражданской войны на стороне белогвардейцев (А. Г. Шкуро, С. Н. Булак-Балахович, Р. Ф. Унгерн-Штернберг, Л. Ф. Бичерахов, Б. В. Анненков и др). А основавший партизанские отряды во время Первой мировой войны на Юго-Западном фронте генерал Н. И. Иванов безуспешно пытался подавить государственный переворот, который позднее получил название Февральской революции. В дальнейшем он также присоединился к белогвардейскому движению. Неслучайно, в мае 1917 г. после стабилизации временного правительства А. Ф. Керенский приказал окончательно распустить партизанские отряды. Несмотря на это, некоторым отрядам удалось пережить это расформирование и в дальнейшем активно поучаствовать в Гражданской войне. Бывшие участники партизанских отрядов Первой мировой войны очень активно включились в Гражданскую войну и были самыми последовательными противниками "красных"¹. В противоположность им, активные критики деятельности партизанских отрядов императорской армии времен Первой мировой войны А. Брусилов и В. Клембовский перешли на сторону красных и писали свои критические статьи о них, находясь на советской службе. С другой стороны, и "красные" восприняли идеи партизанской войны, активно развивали их для самого широкого использования и придания народного характера своей борьбе во время Гражданской войны 1918–1921 гг.²

Несмотря на все различия в размерах государств, традиций и условий, (военно)-партизанские действия в Сербии и России во время Первой мировой войны представляют интересный материал для сравнения, т. к. они были немногочисленными примерами такой деятельности на территории Европы в годы Первой мировой войны. Проявились определённые общие черты. Выделились районы, наиболее подходящие для партизанских операций в Сербии (треугольник Боснии – Черногории – Сербии, Босния и Южная Сербия) и России (линия пограничья белорусских болот и лесов). Были максимально использованы традиции прошлого, а также появились зачатки новых идей — применение авиации, взрывчатых

¹ См.: Шкуро А. Записки белого партизана. Буэнос Айрес, 1961; Богаевский А.П. Ледяной поход. Воспоминания 1918 г. Нью-Йорк, 1963.

² См.: Каратыгин П. Партизанство: начальный опыт тактического исследования. Харьков, 1924.

веществ и диверсий на коммуникациях, координация деятельности зафронтовых отрядов с единым штабом. Эти новые идеи, как и районы, наиболее подходящие для партизанских операций, не были использованы с максимальной отдачей и лишь намечены, словно в генеральной репетиции для Второй мировой войны. В деятельности сербских и российских организаторов партизанского движения было немало схожих проблем — непостоянство поддержки руководящих воинских структур, растрата подготовленных военно-партизанских кадров во фронтальных боях, отсутствие чёткого понимания того, какие задачи могут, а какие не могут выполняться партизанскими отрядами. Ещё одной общей чертой можно назвать то, что оккупантам (немцам, австрийцам и болгарам) удалось обуздать и ликвидировать деятельность четнических и партизанских отрядов. Общим явлением было и то, что партизанские и четнические отряды превратились в сильный политический механизм в руках своих лидеров. При этом, в Сербии роль этих лидеров, да и сами лидеры к концу войны были сведены на нет, в то время как в России участники партизанских отрядов, да и сама партизанская война достигла своего апогея после окончания Первой мировой войны, когда началась война гражданская. В этих новых условиях в советской России рождалась новая философия партизанской войны не как вспомогательной формы спецоперации на службе армейских соединений, а как особого способа решения стратегических задач. И в России (во время Гражданской войны), и в Сербии (во время австро-болгарской оккупации) местное население массово включалось в повстанческие действия и становилось жертвами мести со стороны неприятеля. Офицеры сербской королевской армии, как и офицеры российской императорской армии (даже писавшие наставления уже для красных) стремились во что бы то ни стало избежать гибели мирного населения в ходе карательных акций противника. Однако после прихода к власти большевиков эти ограничения больше не имели примата. Возникали совершенно новые идеи — организованного народного восстания как средства достижения стратегических внешнеполитических задач. Этим идеям было также суждено осуществиться в России (СССР) и Сербии (Югославии) спустя два десятилетия. Было и ещё одно схожее обстоятельство — как в России (СССР), так и в Сербии (Югославии) после фактического окончания во-

йны деятельность вражеских диверсионно-повстанческих групп продолжилась в пограничных районах до начала 1930-х гг., когда в воздухе уже витало предчувствие новой, Второй мировой войны.

Я. В. Вишняков

В контексте ведения военных действий на румынском фронте, а также в связи с освещением вопроса о формировании и использовании на русском фронте сербского добровольческого корпуса, нам бы хотелось обратить внимание на одну малоизвестную деталь: а именно — попытки организации специального диверсионного отряда, который, в ходе боев за Добруджу осенью 1916 г., должен был быть переправлен на территорию оккупированной австро-венгерскими и болгарскими войсками Сербии для проведения там партизанской борьбы.

Упоминание об этом эпизоде Первой мировой войны было нами найдено в весьма кратком, но информативном документе, за сухими строчками которого скрывается боевой путь настоящего офицера, — послужном списке полковника А. Срба — активного члена организации "Чёрная рука", прибывшего среди прочих офицеров в Россию с острова Корфу, что спасло его от суда Салоникского трибунала по делу этой организации, но не спасло от гибели в вихре революционных событий, захлестнувших бывшую Российскую империю:

Александр Игнатьевич Срб

Полковник артиллерии

Получил военное образование:

- 1. В сербском военном училище.*
- 2. В Академии генерального штаба и согласно требованиям пробыл на практике во всех частях сербской армии.*

3. В артиллерийской стрелковой полевой артиллерии школе (системы Шкода и Шнейдер Кане) и гаубичной артиллерии школе 12 и 15 см.

Командовал на войне:

В 1912 г. Полевой батареей 75 мм. и гаубичной батареей 12 см.

В 1913 г. Дивизионом гаубичной артиллерии (системы Круппа)

В 1914 г. Дивизионом гаубичной артиллерии 12 и 15 см (систем Шнейдер—Канэ).

В 1915 г. Группой артиллерии из девяти батарей (5 полевых и 4 тяжёлых) во время наступления генерала Мекензена в Сербии.

Служба в штабах действующих армий:

В оперативном отделе штаба Третьей армии в 1914 г. (был полтора месяца).

Помощник начальника штаба армии Защиты Белграда (3 месяца).

И.о. начальника штаба Второй сербской добровольческой дивизии в России (полтора месяца).

Начальник контрразведочного отдела Штаба Серб. добров. корпуса в России (полтора месяца).

Со штабных должностей уходил в действующую армию по собственному желанию.

Формировал и командовал специальными отрядами:

В Сербии 1915 г.

В Румынии в 1916 г., откуда перебрасывал через Дунай из Сербии в Румынию наших бежавших из плена солдат (более 360 русских солдат).

В авиации:

Исполнял на аэропланах во время военных действий специальные задачи Сербского генерального штаба.

Ранен три раза.

Награждён всеми сербскими военными отличиями, включая медали за храбрость и две „Карагеоргия Звезды“.

Специальность — тяжёлая артиллерия.

Подпись: полковник Александр Срб¹.

В литературе же первое упоминание о подготовке подобной акции появилось в вышедшем в 1954 г. в Белграде сборнике "Югославянский корпус в России", где также указывается, что инициатором этого шага стал подполковник Александр Срб, активно занимавшийся формированием и комплектованием Сербского добровольческого корпуса².

Документы Российского государственного военно-исторического архива позволили внести в этот, до сих пор малоизученный вопрос, определённую ясность.

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 235.

² Југословенски добровољачки корпус у Русији. Београд, 1954. С.122–123.

Отметим, что в ходе подготовки и ведения боевых действий в Добрудже идея организации диверсионных отрядов нашла благоприятный отклик в Ставке. Координация всех этих действий была возложена на российского военного агента в Бухаресте Татаринова, в непосредственное подчинение которого и поступил А. Срб, а также капитана 2-го ранга Ратманова, которому, как помощнику М. М. Весёлкина, было поручено наладить снабжение и обеспечение отряда.

О серьёзности данных намерений российского командования говорит телеграмма, отправленная в Ставку в конце августа 1916 г. начальником штаба Одесского военного округа генералом Н.А. Марксом: *"В конце мая с. г. в Одессу прибыл с о. Корфу четник известного сербского четнического отряда погибшего ныне майора Танкосича¹ и предложил свои услуги начальнику Штаба 2-й сербской добровольческой дивизии подполковнику Србу, заявив, что он намерен пробраться в Сербию, чтобы установить связь с укрывающимися в горах остатками сербской армии и с четниками, сообщать сведения о положении дел в Сербии и действовать соответственно с получаемыми инструкциями. <...> Поэтому штабом округа оказано было четнику генежное содействие и в первой половине июня он был отправлен в Румынию, откуда пробрался в Сербию и периодически присылает сведения о положении дел в стране, о неприятельских войсках, и различных сооружениях (укреплениях, дорогах, мостах), а также о числе и месте нахождения повстанческих чет.*

В двадцатых числах июля в Одессу прибыли бежавшие из плена подпоручик сербской службы и два фельдфебеля запаса (профессор и учитель) и сообщили весьма ценные сведения о повстанческих четах в Сербии и о том, что в горах укрывается около трёх полков сербских нижних чинов, вооружённых ружьями и небольшим количеством бомб. Все эти нижние чины — сербы, отставшие вследствие ранений и изнеможения от своих частей при отступлении сербской армии. В настоящее время все эти четники и нижние

¹ Майор Танкосич был известным членом сербской политической организации "Объединение или смерть" ("Чёрная рука"). Требование его ареста содержалось в 7-м пункте текста знаменитого ультиматума, предъявленного Сербии Австро-Венгрией спустя месяц после убийства престолонаследника Франца Фердинанда. Танкосич был тяжело ранен в боях под Пожаревацем в 1915 г. и вскоре умер.

чины ждут подходящего момента, чтобы, с приближением союзных войск активно выступить против болгар и австро-германцев.

В виду приведённых сведений подполковник Срб, по моему предложению, с разрешения начальника 2-й сербской дивизии и с ведома штаба Юго-Западного фронта, в ближайшие дни отправится в Румынию, где, в пограничном с Сербией пункте, его ждут около 40 человек четников, при содействии которых он намерен организовать разрозненные пока отряды четников и нижних чинов, выработать план предстоящих активных действий и в дальнейшем руководить четниками, всё время поддерживая с ними связь при помощи своих эмиссаров, а пока организовать возможно более широкую агентурную разведку в оккупированной Сербии и в западной части Болгарии. Когда наступит подходящий момент, подполковник Срб намерен поднять в Сербии восстание; избегая открытого столкновения с неприятелем, четники будут вести партизанскую войну, взрывая при этом мосты, портя дороги, телеграфное и телефонное сообщение и т. п.

Не говоря о желательности подобной организации чет самой по себе, считаю необходимым подчеркнуть всю возможную выгоду использования их в целях разведки, могущей при таких условиях дать самые благоприятные, как по надёжности материала, так и по его полноте сведения.

В настоящее время в город Турну-Северин выехало 2 офицера и 10 нижних чинов сербской добровольческой дивизии для вступления в связь с указанными четами, а на днях туда же выезжает подполковник Срб для работ по созданию указанных организаций.

Всё руководство организацией этого дела будет сосредоточено в разведывательном отделении штаба округа, а необходимые денежные средства отпущены из сумм, ассигнуемых на разведку¹.

В середине октября 1916 г. М. М. Весёлкин отправил в Морской штаб ходатайство об отпуске в его распоряжение в Рени "для организации и вооружения сербских четников, собираемых в Тур-Северине капитаном 2-го ранга Ратмановым", необходимого вооружения и амуниции. Это список включал в себя:

200 ружей — 500 тыс. патронов (система безразлична).

2000 ручных гранат.

8 пулемётов (4 полевых и 4 вьючных) по 10 тыс. патронов.

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1198. Л. 1–2.

8 полевых телефонов на район 40 км.
 2 тыс. м проводов изолированных.
 400 револьверов — 500 тыс. патронов.
 Ножниц для проволоки 60.
 200 пироксилиновых шашек.
 На 400 человек палаток.
 Лопат сапёрных — 200.
 Мотыг — 400.
 Котелков и фляг — 400¹.

Укажем, что количество затребованного вооружения и снаряжения подтверждает общие сведения о том, что данный отряд должен был состоять из более чем 300 солдат и 5 офицеров². При этом, судя по всему, планы у А. Срба были широкие и в них входило общее руководство и координация действий всех четнических отрядов, действовавших на территории оккупированной Сербии, тем более, что 15 (28) сентября 1916 г. произошло знаковое событие в истории сербского сопротивления. Известный четнический воевода Коста Печанац на самолёте, вылетевшем с греческого аэродрома, высадился в тылу противника на юге Сербии в селе Механа. Отметим, что это событие по праву считается одним из первых мировых опытов воздушного десантирования. Последствием высадки Косты Печанца стало вспыхнувшее против болгарских оккупантов в начале 1917 г. Топлицкое восстание.

Но характерно и то обстоятельство, что в то же самое время, в сентябре 1916 г., самолёт затребовал и подполковник Александр Срб, что может говорить о координированных планах сербского командования на Салоникском фронте и руководства Сербского добровольческого корпуса по организации широкого восстания на территории оккупированной Сербии. Показательна в этом смысле телеграмма Татаринова, отправленная в Ставку 16 (29) сентября 1916 г.: "подполковник Срб просит меня о предоставлении ему двух километров кабеля для прокладки по Дунаю, дабы войти в телеграфную и телефонную связь с сербскими четниками в Сербии. Если мы можем предоставить таковой, ходатайствую о направлении кабеля в Яссы подпоручику Корнилову для передачи мне. Равно подполковник Срб ходатайствует о командировании в его

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. Д. 1198. Л. 32.

² Југословенски добровољачки корпус у Русији. Београд, 1954. С.122.

распоряжение теперь же офицера и команды <...> с тем, чтобы подготовить их и ознакомить с предстоящей задачей в будущем. Равно подполковник Срб просил меня о предоставлении ему, если возможно, аэроплана для поддержания связи с Сербией, которая пока налаживается почтовыми голубями. Как я уже доносил, в моём распоряжении имеется наш аппарат "Моран" с мотором "Гном", который, <...> мне было предоставлено право подарить румынам и который я попридержал, теперь хотел направить в 47 корпус. Если не встречается препятствий, то я мог бы передать теперь этот аппарат в распоряжение подполковника Срба"¹. Эта просьба российского военного агента получила немедленное одобрение. В полученном ответе говорилось: "О высылке кабеля в Яссы подпоручику Корнилову нарочным распоряжение делается. Нарочному указано справиться у начальника станции Яссы об адресе подпоручика Корнилова. Наш аппарат Морана можете передать в распоряжение подполковника Срба"². Определить более детально, как этот аэроплан использовался и какие задачи с его помощью решал А. Срб (о чём он упоминает в своем послужном списке), ещё предстоит с помощью тщательного изучения материалов российских и сербских архивов.

Однако осенью 1916 г. в планы российского командования входила не только посылка отряда Срба. Одновременно рассматривался вопрос об организации русского диверсионного отряда, который, наряду с сербскими четниками, также должен был действовать в тылу противника на территории Сербии. В начале сентября 1916 г. Татаринов получил из Ставки следующую телеграмму: "Один из наших кавалерийских офицеров вызывается с конным отрядом добровольцев силою в 50 человек перебраться через Дунай у Турн-Северина с целью выйти на железную дорогу Белград — Ниш и произвести на ней разрушения технических сооружений. Рассчитывает при выполнении этой задачи на содействие сербских четников, действующих по некоторым сведениям в районе Кладово. Прошу Вас сообщить, встретит ли румынское верховное командование какие-либо препятствия к вышеизложенному и готово ли оно оказать содействие для скрытного прохо-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 1198. Л. 15–16.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 1198. Л. 19.

да отряда до Турн-Северина"¹. В ответной телеграмме российский военный агент, видимо после соответствующих консультаций с А. Србом, высказал обоснованные сомнения в целесообразности данного предприятия, указав, что "прибывший сегодня в Бухарест для организации, а впоследствии в нужный момент и восстания в Сербии подполковник сербской службы Срб, доложил мне сегодня, что он находит такие активные действия как предполагаемый рейд, а равно как и те переправы через Дунай и атаки придунайских деревень, занятых болгарами, какие теперь выполняет, по указанию адмирала Весёлкина, его агент в Турну-Северине Ратманов, совершенно бесцельными, не принося им пользы, последствием коих являются лишь новые репрессалии [репрессии] болгарских властей и резня беззащитного сербского населения. По плану подполковника Срба сначала нужно наладить связь с сербским берегом, установить разведывательную службу, чтобы следить за перевозящимися по линии Белград — Ниш в Заечар и Неготин германскими, турецкими войсками, наладить затем четническое движение и уже после этого, перебравшись с румынского берега за Сербию, в нужный момент поднять восстание"².

Офицером, который вызвался выполнить эту особую и опасную задачу, был поручик Приморского драгунского полка В. К. Милобенский, сумевший, несмотря на возражения Татаринова и Срба, убедить командование в желательности и целесообразности проведения этой акции. Ему было приказано незамедлительно заняться формированием отряда, с тем, "чтобы когда наступит благоприятный момент, отряд этот мог быстро быть направлен к месту назначения"³. Генерал Н. Н. Духонин, занимавший в то время должность генерал-квартирмейстера Юго-Западного фронта, в телеграмме в Ставку, указывал на необходимость скорейшего отправления "в распоряжение начальника штаба Одесского военного округа конных, вооружённых (кроме пик) драгун", и подчёркивал, что "из других запасных кавалерийских частей необходимо назначить преимущественно из желающих 8 хорошо обученных пулемётчиков и 16 конных, вооружённых (без пик) всадников, способных на трудное и опасное предприятие, 2-х конно-сапёр

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 1198. Л. 3–3(об).

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 1198. Л. 4–5.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 1198. Л. 9–9 (об).

подрывников и 25 заводных лошадей под полным кавалерийским выюком и всё это направить в распоряжение Штаба Одесского военного округа". Кроме того, как замечал Духонин, "необходима выдача аванса на довольствие чинов, признание раненых и т. п. — около 5 тысяч рублей"¹.

Вместе с тем формирование отряда столкнулось с неожиданными трудностями. В самом конце сентября 1916 г. вдруг выяснилось, что "поручик Милобинский был отчислен в отделение запаса в Пензу командиром Приморского полка полковником Одинцовым на испытание, так как в полку была обнаружена большая его задолженность и вообще неаккуратность ведения своих денежных дел. Вначале его поведение в Пензе было безукоризненно, командир отделения подполковник Боткин предполагал даже, что он исправился, но за последние месяцы Боткин вновь стал замечать за ним недочёты опять на денежной почве, что отразилось на телах лошадей. Подполковник Боткин сделал предупреждение, затем после осмотра командира бригады генерала Рындина принужден был отнять эскадрон в виду проявления с его стороны некоторой ненормальности от полученной ранее контузии, и отправил на три недели для совета с врачами, о чём телеграфировал командиру полка, который в ответе телеграфировал об отчислении поручика Милобинского в резерв чинов по пятому пункту. Поручик Милобинский вместо того, чтобы ехать советоваться с врачами, поехал в Румынию, где случайно встретившись с генералом Корниловым, уверил последнего в своей лихой боевой опытности и добился разрешения формировать отряд". Исходя из вышеизложенного, Ставка пришла к заключению, что "поручик Милобинский не достоин и не соответствует возлагаемого

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 1198. Л. 13. В приложении к данной телеграмме прилагался список численного состава будущего отряда: "Список нижним чином отделения запаса приморского драгунского полка, кои должны быть командированы на формирование отряда особого назначения поручиком Милобенским: Ст. унт. Офиц. Бочарников, Мл. у.оф.-ы Попиво-да, Ваганов, Непржецкий. Драгуны Шутов, Лукьянов Игнатий, Канаков, Дьячков, Жарков, Сафронов, Гассин, Яровой, Холкин. Кузнец Пестов (с кузнечн. сумкой). Конь "Плавкий". Кроме указанных здесь всадников еще 1 медицинский фельдшер и 1 ветеринарный фельдшер (с сумками). Конь "Плавкий" должен быть выслан с завода под полным кавалерийским выюком" // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 1198. Л. 14.

на него поручения"¹. Тем не менее, от планов заброски русского диверсионного отряда решено было не отказываться, а генерал Духонин в телеграмме от 6 октября 1916 г. подчеркнул: "Поручик Милобинский будет заменён другим офицером, выбор коего делается"².

Однако быстро найти замену смелому, но с подпорченной репутацией поручику оказалось непросто. Тот же Духонин в середине октября 1916 г. резюмировал: "Не признано ли будет возможным оставить начальником отряда поручика Милобенского, назначить младшим офицером отряда прапорщика Чеченского полка Вишнякова, стремящегося быть назначенным [на] особо опасные предприятия. Заместителя Милобенскому пока найти не удалось"³.

Тем не менее, формирование отряда затягивалось, причём основной причиной тому было не сомнительное поведение будущего его командира, а сложность поиска подходящих для горной местности лошадей, которых просто не оказалось в Одесском военном округе. В этой связи его командование просило как минимум месяц для того, чтобы их подготовить, "выдержать их на овсе один месяц, равно и людей втянуть в усиленную езду, без чего возлагать задачу на отряд невозможно". В противном случае, замечалось в донесениях, "придётся разыскивать этих лошадей во всех запасных кавалерийских полках"⁴. И такая подготовка отряда была закончена в срок. 11 ноября 1916 г. Милобенский послал короткую телеграмму: "Готов. Прошу ходатайства о скорейшем отправлении, промедление грозит удаче"⁵. Однако за это время обстановка в Добружде окончательно изменилась не в пользу русской армии, и на планах посылки российского и сербского диверсионных отрядов пришлось поставить крест.

Вместе с тем, эта идея продолжала витать в воздухе, особенно на фоне революционных событий в России, которые, как мы уже показывали в предыдущих главах, привели к разложению сербского корпуса. Так, 11 (24) августа 1917 г. прапорщик Ильинский

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 1198. Л. 21–23.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 1198. Л. 25.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 1198. Л. 34.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 1198. Л. 26–27.

⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. д. 1198. Л. 36.

составил специальный доклад для военного министра, в котором говорилось буквально следующее: "Полагаю, что желание вышедших из корпуса солдат, которые являются очень хорошим и обученным боевым материалом, нужно приветствовать и дать им возможность соорганизоваться и бороться в рядах нашей армии. С этой целью было бы очень полезно и более всего отвечающим духу этих солдат сформировать их в четнические отряды (партизанские). <...> Предлагаю поручить соби́рание этих людей, организацию и формирование отрядов полковникам русской службы Србу и Гойковичу, корнету Семизу и одному представителю "Румчерода"¹, которые известны добровольцам и которые в минувшем году успешно формировали подобные отряды в Румынии в окрестностях Турюг-Северино (Турну-Северин — Я. В.). Для скорейшей организации этих отрядов необходимо выдать разрешение упомянутым господам офицерам для объезда повсеместно военнопленных югославян с оказыванием им полного содействия со стороны военных и гражданских властей. <...> Ввиду ухода из корпуса сербов, хорват и словенцев офицеров и их желания перейти в русскую армию нужно обратить внимание не только на их военную подготовленность, но и на искренность их революционных побуждений. Поэтому не следовало бы никак принимать без предварительного отзыва одного из упомянутых трёх офицеров или же лишь полковников Срба и Гойковича"².

Отметим также, что жизненный путь поручика В. К. Милобенского — бывшего кадета Владимирского киевского кадетского корпуса, может стать предметом специального исследования, тем более что военные "приключения" поручика на этом не закончились. В мае 1917 г. он был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени за то, что он "в ночном бою лично предводительствовал отрядом охотников и партизан, находясь под сильным огнём сопротивления его, настолько очевидно содействовал своими распоряжениями и действиями успеху своего отряда, что без

¹ РУМЧЕРОД — сокращенное название созданного в мае 1917 г. Центрального Исполнительного комитета Советов солдатских, матросских, рабочих и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа.

² Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сб. документов и материалов. М., Наука, 1976. С. 45–46.

оних этот успех был бы невозможен". Эти сведения приводятся в издававшемся Париже альманахе издания общекадетского объединения "Военная быль"¹. Сам бой произошёл в ночь с 19 на 20 апреля 1917 г. на участке румынского фронта в районе Ирешти — Болотеочи, около молдавской реки Путна. В задачу отряда входило провести разведку боем и взять пленных, поскольку "разлившаяся река Путна не давала возможности нашим разведчикам проникнуть к противнику" и проверить агентурные сведения о замене стоящего там Альпийского германского корпуса, который предполагалось отправить на итальянский фронт, болгарскими и турецкими войсками. Отряд Милобенского с успехом справился с поставленной задачей, захватив 20 пленных и 3 пулемёта. Но и потери разведчиков были велики. 18 солдат было убито, 78 ранено. В том же бою погиб, как указывает издание, прапорщик Вишняков. Сам же Милобенский, судя по всему, был расстрелян большевиками в июле 1919 г.²

¹ Военная быль № 21. Париж. Ноябрь 1956. С. 21–23. Режим доступа: URL: https://archive.org/stream/voennaiabyllipas21408800/voennaiabyllipas21408800_djvu.txt (дата обращения: 06.04.2016).

² Там же.

Разруха и экономическая истощённость, крушение системы ценностей и глубокое разочарование выживших участников Великой войны составляли фон исторической сцены, по которой блуждали миллионы мигрантов, в основном вынужденных. Кто-то переселялся из-за разорения и нужды в поисках будущего для себя и своей семьи в каком-нибудь менее пострадавшем уголке Европы или по другую сторону океана. Другие вынуждены были сменить место жительства по политическим причинам: либо как представители угнетаемого национального меньшинства, либо как "классовые враги". Третьи же пытались во что бы то ни стало вернуться из дальних краёв, куда их закинула война, на родину.

Среди пёстрой массы мигрантов, скитавшихся по Евразийскому континенту, нас больше всего интересуют граждане Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, которые возвращались из русского плена на родину.

Физическое и моральное состояние военнопленных в России

В справочной литературе имеются данные, что только в лагере для военнопленных в Новониколаевске (ныне Новосибирск) в апреле 1915 г. ежедневно умирало 70–85 чел. Следовательно, в этом лагере, где в течение зимы 1915/16 гг. содержалось около 12 тыс. человек, только за один месяц умерло около 2300 пленных. Но нигде не сказано, что в этом лагере были самые плохие условия содержания. Он не являлся самым крупным сибирским лагерем — в Берёзовке содержалось 27 500, а в Чите 32 тыс. пленных. Считается, что на территории Туркестана содержалось 200 тыс. пленных, в Сибири и на Дальнем Востоке приблизительно 250 тыс., а остальные 1 870 тыс. были распределены по европейской территории России. И среди всей этой огромной армии военнопленных свирепствовали сыпной тиф, холера, кровавый понос, чесотка

и другие болезни, беспощадно косившие истощённых и измученных людей¹.

Впрочем, не все оказались в столь плачевной ситуации. Врач "Югославянского национального лагеря" в Томске прапорщик медицинской службы Дуймович, информируя Югославянское Народное Вече о тяжёлом положении пленных, отмечал, что им оказывалась поддержка, но югославы при этом обошли стороной, а кроме того, к ним хуже всего относились как российские власти, так и представитель Красного Креста, в чем Дуймович не раз имел возможность убедиться лично². Чехи и словаки, благодаря единству и хорошей организации, помощи своего правительства и поддержке французской военной миссии переносили плен значительно лучше. Те югославы, которым удалось объединиться в военные отряды и установить связь с официальными представителями Королевства СХС, увеличили свои шансы сесть на какой-нибудь транспорт и живыми добраться до дома. Некоторые из них, прежде всего несогласные с идеей нового государства, поступили в русские, чешские и французские соединения. Были и такие, кто, как Павел Вайзец, торгуя своим офицерским званием и навыками, по многу раз пришивали и отпарывали эполеты Сербской армии ради собственной выгоды и стремления как можно быстрее сделать карьеру даже в таких экстремальных условиях³. О судьбе остальных пленных свидетельствуют сообщения немногих лиц, пытавшихся им как-то помочь и объезжавших лагерь по всей России, раздираемой революцией и гражданской войной.

Офицер, лояльный правительству Королевства СХС, который старался найти его граждан и включить их в состав Добровольческих отрядов или рабочих бригад, чтобы тем самым обеспечить их существование, так описывал обстановку в Томском лагере: "Из 10 тыс. югославы более 5 тыс. всё ещё носят австрийскую военную униформу, уже старую и обветшавшую, или отдель-

¹ Сибирская советская Энциклопедия, том 1, А – Ж. Новосибирск, 1929. С. 517.

² АС. Југословенски добровољци у Русији. Ф-9. Отчёт врача Дуймовича из лагеря в Томске ЮНВ в Омске, 3 мая 1919 г.

³ АЛ. 375. Ф-4. № 2991. Поверенный в делах Королевства СХС в России Иван Миланкович Военной миссии Королевства СХС в России строго конфиденциально № 2991, от 20 января 1920 г. Похожее: ВА. П-3. Ф-1. № 11/1920.

ные её части... Жизнь в лагере... это сущий ад для наших людей. Состояние бараков не выдерживает никакой критики, в любой конюшне у нас на родине санитарные условия значительно лучше, чем в этих бараках. В лагере останутся только непригодные к труду пленные, примерно 500 человек, инвалиды и полуинвалиды, им грозит реальная опасность навеки остаться в снегах Сибири, если не будет оказана своевременная материальная помощь. Пища, которую получают в лагере, слишком скудна, а главное, большинство уже полтора года не получало смену белья, и на многих вместо белья висят какие-то лохмотья, кишасшие вшами. Датский Красный Крест, который во времена австрийского правительства помогал пленным, делает это до сих пор, но его помощи совершенно недостаточно, она как капля в море"¹.

Другое описание положения в Томске оставил лагерный врач, прапорщик медицинской службы Дуймович: "Мы в течение семи месяцев кормим их риторикой, обещаниями и привилегиями, но ничего конкретного так и не смогли сделать. Прежде всего, необходима одежда, на многих остались одни лохмотья. Помещения похожи на тюрьмы. Ни о какой личной гигиене даже речи нет, у большинства нет белья, и тело покрыто слоем грязи. Что касается инвалидов, то общий осмотр показал неспособность многих из них к любому физическому труду. Таких насчитывается около трёхсот человек. Основные болезни, которыми страдают пленные, это ревматизм, лёгочные заболевания и истощение. Их причиной мы считаем эпидемии, преследовавшие наших людей во всё время плена. Есть, конечно, и ободряющие моменты, например отсутствие венерических заболеваний, которые могли бы привести к худшим последствиям, чем перечисленные болезни. Число пленных, страдающих лёгочными заболеваниями, составляет 15 %, ревматизмом — 10 %, истощением — 20 %"². Разумеется, не везде и не всегда положение было настолько удручающим. А что было делать военнопленному, если он не чех и не словак, не отправлен на работы, не получает пайка, не имеет возможности вернуться, но у него достаточно сил и воли к жизни?

¹ А.Д. 375. Ф-2. № 2306. Рапорт члена ЮНВ подпоручика Пирковича о положении в Томском лагере, № 2306, от 13 июня 1919 г.

² А.С. Югословенски добровольци у Русији. Ф-9 (заробљенички реферат).

Среди презревших бесплодное ожидание посторонней помощи и пытавшихся что-то предпринять самостоятельно были и такие, кто решил саблей проложить себе обратный путь. Военная миссия Королевства СХС на Дальнем Востоке в июне 1921 г. сообщила полиции Королевства об авантюрах отряда Жарко Магарашевича и его подручного Милияна Урошевича, настаивая на их аресте после возвращения на родину: "Оба занимались в Сибири самыми грязными делами, выдавали себя за сербских офицеров, хотя не имели на это никакого права. Отряд Магарашевича прославился на всю Сибирь как бандитская шайка, грабившая товарные составы на главной сибирской магистрали, так что Союзное Верховное Командование в Сибири издало приказ разоружить их. Произошло вооружённое столкновение, после чего Магарашевич со своими людьми бежал, разрушая на своём пути телеграфную и телефонную связь"¹. Отряд Магарашевича сначала служил в Чешском корпусе, затем в сербском полку "Майор Благодич", затем у адмирала Колчака и, наконец, у атамана Калмыкова. Потом "из-за разногласий" и вопреки советам консула Миланковича² они отделились ото всех и стали действовать самостоятельно на манер романтических дальневосточных *desperados*³. Учитывая обстановку в лагерях и хаос, царивший в России, Магарашевич, видимо, рассудил, что таким образом он обеспечит себе и своим людям лучшую, хотя, может быть, и недолгую жизнь. У него было для этого всё: резвые кони, хорошее оружие, верная дружина, храброе сердце и широкая степь.

Политические и моральные отклонения в умах людей, и в том числе — бывших пленных, наряду с нуждой и болезнями, входили в число факторов, создававших крайне подавленное психологическое состояние. Ведь психология пленного сильно отличается

¹ А.И. 507. Ф-175/2. МВД, Департамент Бачки, Баната, Бараньи, конфиденциально № 2480/921, со ссылкой на документ военной миссии в Восточной России, конфиденциально № 893, от 10 июня 1921 г. Конечно, сведениям Союзнического командования не стоит полностью доверять, т. к. действовало оно тогда не в интересах добровольцев и Королевства СХС, а по указке французского правительства, интересы которого на Балканах и в Сибири отнюдь не совпадали.

² ВА. П-3. Ф-1. № 11/1920. Отчет Генерального консула в Сибири Й. Миланковича № 3013, от 5 октября 1920 г., направленный МИД.

³ Отчаянных людей, головорезов (исп.). — *Прим. ред.*

от психологии солдата, никогда не бывавшего в плену. Само по себе взятие в плен шокирует настолько, что первое время мысль этих людей работает по инерции: "Это верховное командование виновато, что столько героев оказалось в плену. В вагонах, в которых перевозят военнопленных, обсуждаются сложнейшие стратегические планы поражения русской армии. Согласно этим планам, тысячи русских должны были сейчас перевозить куда-то далеко на Запад в точно таких же вагонах. Такие разговоры, показательные как психологический симптом, ведут, как правило, боевые офицеры"¹. Несомненно, воспитание, а также последствия муштры и пропаганды, воздействию которых они долгое время подвергались сами и передавали его другим, настолько доминировали в их сознании, что первое время вытесняли реальность.

Позднее, оказавшись в лагере для военнопленных, "люди становятся похожими на стаю обезьян, они дерутся, кусаются, вцепляются друг другу в волосы, когда русский "старший" делит между ними куски хлеба. Если человек попадает в беду, в нём просыпается стадное чувство. Индивидуум чувствует себя увереннее и сильнее в группе. Говорящие на одном языке сразу объединяются между собой, связанные общностью интересов, что порождает необходимый альтруизм: один за всех и все за одного. Только так можно выстоять"². Следовательно, вторая психологическая особенность — создание групп по национальному критерию и разрушение военной структуры и дисциплины. Кроме того, "из-за неизвестности плен психологически тяжелее каторги. Каторжанин знает свой срок... пленный нет. Лагерь постепенно становится похожим на зверинец, каждый в той или иной степени начинает терять душевное равновесие, и среди пленных начинает развиваться особого рода психоз. Он проявляется во всеобщей раздражительности, нервных срывах, неожиданных диких ссорах между лучшими друзьями, беспричинных драках"³. Ни эта, ни следующая цитата не требуют комментария: "Пленные по целым дням караулят, когда по душевной улице пройдёт какая-нибудь особа женского

¹ *Horvat, Josip. Živjeti u Hrvatskoj. Zapisci iz nepovrata 1900–1941. Zagreb, 1984. S. 78.*

² Там же. S. 79.

³ Там же. S. 84, 85.

пола. Вид прошедшей мимо женщины действовал на них мучительно возбуждающе. Вынужденное воздержание только усугубляло страдания молодых, здоровых людей, ещё сильнее обостряя психоз плена"¹.

В силу этих обстоятельств человек, переживший ужас близкой смерти и позор плена, преодолевает многие страхи и барьеры, его моральная структура нарушается, а самоуважение занижается, разрушая тем самым для многих авторитет офицера. Это явилось одной из причин того, что Добровольческий корпус СХС в России, сформированный из пленных, постоянно разваливался, а с другой стороны, именно поэтому часть пленных стала восприимчива к новым идеям. В отчёте члена Югославянского народного вече в России подпоручика Пирковича о положении пленных в Томском лагере, написанном в июне 1919 г., читаем: "Но они столько пережили, что утратили веру в идеалы и в человечество. И теперь ни одно событие не в силах вывести их из апатии и вселить в них веру и радость жизни. Ими руководит одно желание, — это вернуться домой. Оно единственное дает им силы жить дальше"². От исполнения заветного желания пленных отделяли тысячи километров земли, опустошённой войной, новые государства, новые отношения между людьми.

Большевики же вели свою пропаганду искусно и нагло. Мирко Йованович из Баньи Луки описал судьбу группы сербов, попавших в плен в Сибири: "Большевистский комиссар в сопровождении русско-венгерской кавалерии вызвал по списку всех офицеров. Их под стражей доставили в лагерь для военнопленных. Перепуганные изоляцией офицеров, мы попытались через военных представителей освободить их. Наши люди всегда улучали момент, чтобы сбежать оттуда. Заметив это, большевики установили "круговую поруку", частые проверки с заполнением всевозможных анкет, личную ответственность командиров и строгий надзор. Перед тем как высадить людей из эшелонов и отправить на работы, большевики конфисковали фураж полка и медикаменты полкового госпиталя, а затем часто устраивали обыск солдатских

¹ *Horvat, Josip. Živjeti u Hrvatskoj. Zapisci iz nepovrata 1900–1941. Zagreb, 1984.. S. 85.*

² АЖ. 357. Ф-2. № 2306.

вещей"¹. Таким образом создавались необходимые условия для психологической обработки общей массы военнопленных: их отделили от элиты, устранив её влияние, запугали и поставили в полную житейскую зависимость, а когда люди достаточно отчаялись и утратили волю, начался процесс навязывания новой идеологической программы. Помочь сопротивляться такому натиску пленным могла только солидарность и надежда на поддержку далёкого отечества.

Наиболее агрессивным и ловким манипулятором прослыл некий комиссар Гагич: "Когда комиссарствовал Гагич, среди людей началась агитация. Все, кто быстро поддавался влиянию Гагича..., стали жить лучше. Гагич установил жандармский режим, систему шпионажа, организовал по ротам коммунистические ячейки со своими агентами во главе. Как агитатор выдвинулся московский агент Филиппович, который, пользуясь невыносимыми условиями наших людей на лесоповальных работах, заманил их в партию или в качестве непартийных посылал их в Москву, чтобы по окончании специальных курсов отправлять их домой как австро-венгерских военнопленных. Отчаянное положение, тяжкий физический труд, голод, полураздетость, потеря надежды на эвакуацию, на помощь и заботу нашего правительства привели к тому, что лучшие из наших людей уехали в Москву во избежание верной смерти. Более стойкие характеры и по сей день изнывают в сибирских лесах"². Таким методом коммунисты действительно могли принудить не-

¹ А.И. 14. Ф-211. 70–75. Йованович — проницательный и образованный наблюдатель. Он был редактором журнала "Југословенско уједињење" ("Югославянское объединение", орган Временного югославянского народного комитета в России) и близок официальному представительству Королевства СХС в Сибири. Своё заявление направил после репатриации 22 ноября 1921 г. в Департамент государственной защиты МВД в Белграде, № 17151. Похожие заявления направили также Велимир Костиц из Сараева (А.И. 14. Ф-16. 234–235), Петар Иванишевич из Буча (А.И. 14. Ф-160. 100–101) и др.

² А.И. 14. Ф-211. 70–75. Неудивительно, что метод психологической обработки, который здесь описан, очень похож на метод, впоследствии применявшийся югославскими коммунистами на Голом Отоке и заключавшийся в том, чтобы принудить инакомыслящих к "ревизии" их политических позиций. Упомянутый "московский" агент, вероятно, Роман Филиппович, бывший пленный.

которых к сотрудничеству, однако непонятно, как они могли надеяться, что оно будет искренним, надёжным и продолжительным?

Наконец, культивированные таким образом "бациллы революции" рано или поздно достигали места назначения. Однако там уже работал отлаженный механизм по выявлению опасной "заразы". Так, 31 декабря 1922 г. железнодорожная полиция при проведении ревизии поездов арестовала и доставила в Сомбор на допрос некоего Адама Энгельмана из Бидольи (область Баранья), который имел при себе поддельный паспорт на имя Адамовича. Большевики голодом вынудили его вступить в их армию в Феодосии, откуда он и ещё тридцать человек вернулись в Королевство СХС, дав обещание вести там пропаганду большевистских идей¹. Затянувшееся ожидание революции на Балканах не заставило большевиков сменить тактику, оказавшуюся малоэффективной. Они придерживались её и в послевоенные годы и, по всей видимости, были бессильны сделать нечто большее.

Состояние духа бывших пленных очень искренне и проникновенно описал репатриант Божо Турина, возвращавшийся из Сибири через Шанхай, Гонконг, Порт Саид и Ливерпуль, когда пытался объяснить представителям британских властей в Шанхае свои намерения: "Я еду домой, мне сейчас всё равно, я устал, с меня хватит, я болен и больше не могу!.." ² В таком состоянии люди не поднимают революцию, хотя среди апатичной массы наверняка были и такие, кто лелеял эту мысль. Большинство репатриантов растратили волю и жизненную энергию в окопах Великой войны, а оставшиеся крупницы поглотили лагеря для военнопленных, Октябрьская революция, гражданская война в России и долгий, полный неизвестности путь домой. Это стало одной из причин провала большевистских организаций, возникавших среди репатриантов из России — от Югославянского революционного союза до Югославянской коммунистической группы "Пелагич". Все они были небольшими по численности и действовали непродолжительное время³. Инициатива кучки идеалистов, замкнувшихся

¹ А. 14. Ф-136. 131, 132.

² А. 1. 341. Ф-2. 1919. Письмо Божидара Турины посольству Королевства СХС в Лондоне, 15 июня 1919 г.

³ Николић, Коста. Большевизација Комунистичке партије Југославије 1919–1929. Историјске последице, Београд 1994. С. 36–41.

в кругу своих желаний и теорий, не нашла отклика ни среди бывших военнопленных в России, которые должны были составить основную целевую группу, ни тем более среди тех, у кого не было опыта русского плена.

Впрочем, что большевикам удалось — это посеять страх. Страх охватил правящие круги в странах, которым непосредственно грозил "экспорт революции", страх вселился в элиту "великих держав"¹, страх терзал и самих бывших пленных. Некоторые репатрианты были настолько сбиты с толку и напуганы, гадая о том, что их ожидает на родине, что, прибыв в Королевство СХС, подумывали о возвращении в Россию, голодную и большевистскую!² С другой стороны, во время празднования Первого мая в Королевстве СХС в 1919 г. ситуация была настолько напряжённой, что во Временном Народном представительстве обсуждали чрезвычайные полицейские меры, вызванные "психозом" и "страхом"³. Именно этот страх заставлял государственные органы предпринимать всё более энергичные меры по защите существующего порядка. Тем самым создалась обратная связь, где лагеря для изоляции обрели своё место.

Политические взгляды военнопленных из России

Как было сказано выше, появление такого феномена, как лагерь, обусловлено действительной или предполагаемой взаимосвязью идей и народной массы, в данном случае разнородной массы военнопленных из России и бывших австро-венгерских солдат, подозревавшихся в распространении "губительных бацилл большевизма"⁴. Интервенции идей, захвативших сознание отдель-

¹ Там же. С. 46–48.

² А.І. 516. МГ-247. 6, 7.

³ Стенографске белешке Привременог народног представништва Краљевства СХС, I–II, Загреб 1920. С. 700, 26 очередное заседание, 27 мая 1919 г.

⁴ Именно это выражение употреблено в Приказе Верховного главнокомандующего армией Королевства СХС регента Александра Карагеоргиевича, № 13923, от 12 июня 1919 г. (ВА. П-За. К-160. Ф-11. № 14). Председатель земельного правительства Боснии и Герцеговины Атанасие Шола, говоря о большевизме, упоминает "разлагающий яд жидовской демагогии" и что даже школьники "этой чумой поражены" (ВА. П-4/II. К-83. Ф-2.

ных репатриантов, отпечатанных на листовках¹, в журналах², брошюрах³ и спрятанных в походных рюкзаках и одежде, противостояла политическая и военная верхушка Королевства СХС, готовая на любые меры ради обороны своей системы ценностей.

Постепенное на первых порах распространение новых идей резко усилилось вследствие влияния Октябрьской революции на умы современников. За обещаниями и словесными угрозами левых идеологов теперь стояла военная сила, хоть и далёкая, но реальная и значительная. С точки зрения государственных интересов Королевства СХС после большевистского переворота стало невозможно терпеть "революционные" выпады трактирных крикунов⁴, а тем более деятельность нелегальных организаций, пусть малочисленных, но имевших среди своих членов и военных. При этом не следует забывать, что меры изоляции являлись лишь частью мер в отношении России, принятых либерально-демократическими государствами, в том числе Королевством СХС, выполнявшим свои международные обязательства⁵. Разумеется, не все

№ 3/14). Выражение "заражены (verseucht) большевизмом" используется и в Габсбургской монархии, особенно насчёт возвращенцев из России, которых отправляли в "санитарный карантин", потом в отпуск и вновь в свою часть (см.: *Čulinović, Ferdo*, *Odjeci Oktobra u jugoslavenskim krajevima*, Zagreb 1957. S. 64–66). Всё же, по всей видимости, Ленин первым назвал репатриантов "бациллами большевизма", а остальные это выражение и его смысл только переняли от него (История Югославии. С. 22).

¹ Одно воззвание, относящееся к 1918 г., заканчивается провокационными призывами: "Товарищи югославыне! Все в ряды Красной Армии! Все к оружию! Да здравствует свободная рабочая Россия! Да здравствует мировая революция!..". Под воззванием подписались Паршин, Чоп и Ратков (АС. Югословенски добровољци у Русији. Ф-8).

² Наиболее известным был журнал, название которого говорит само за себя, — "Всемирная революция" (*Isović, Kasim*, *Odjeci i uticaji oktobarske revolucije na prilike u radničkom pokretu Bosne i Hercegovine (1917–1921)*, // *Grada, Glasnik arhiva i Društva arhivskih radnika Bosne i Hercegovine* 7, 1967. S. 414, 415).

³ Названия некоторых брошюр: "Азбука коммунизма", "Политическая экономия", "Организация советвласти на местах", "Устав Р. К. П.", "Тезисы для агитаторов", "Пауки и мухи", "Что хотят коммунисты" и т. д. (А. 507. 16. 717. 12525).

⁴ А. 14. Ф-167. 270.

⁵ О европейско-американской политике в отношении большевиков Франческо Нитти, тогдашний председатель итальянского правительства, впо-

репатрианты были противниками большевизма, и те, кто его принимал, это делали по-разному и по различным причинам. Поэтому следует хотя бы приблизительно классифицировать политические убеждения репатриантов.

В социальном отношении основную массу пленных (до 80 %!) составляли малообразованные или совсем неграмотные крестьяне¹, консервативные и недоверчивые, чуждые каким-либо новшествам, в основном набожные и политически инертные. На многих из них даже в плену большое влияние оказывали офицеры. Случалось иногда, что с помощью надёжных немцев и венгров им удавалось создать внутри лагеря неприметную, но сильную организацию, способную противостоять не только влиянию агитаторов, но и русских властей в лагере. Это особенно было заметно на фоне разброда и апатии, охвативших государственные органы после Февральской революции². Как показала практика, всякий раз, когда офицеров не отделяли от рядовых, иерархия и авторитет сохранялись (по крайней мере, какое-то время и для большей их части). За этим стояла боязнь за семьи, беззащитные перед австро-венгерскими властями, а также неверие в возможность гибели Двуетиной монархии. Силу сплочённых военнопленных можно было при необходимости использовать и для противостояния большевизму, и против Добровольческого движения и проводимой им политики. Сами солдаты, если получали возможность выбирать, охотнее шли на полевые работы или на фабрику вне лагерных стен, где могли немного заработать³. Тем самым они избегали и фронта, и лагеря, и агитаторов разных мастей, а также получали

следствии писал: "После военных неудач наступил черёд экономической борьбы. Как тогда говорили, Россию хотели опоясать колючей проволокой. Их рассчитывали взять измором" (Нити, Франческо. Большевизм, фашизм и демократија. Београд, 1927. С. 102).

¹ См.: *Очак, Иван*. Југословени у Октобру, Београд 1967. С. 33.

² См.: *J. Horvat*. Указ. соч. С. 89, 116; ВА. П-10. К-28. Ф-2. № 17/6; 17/7. Рапорт подпоручика Ристы Ристича командиру IV пехотного полка I дивизии Добровольческого корпуса СХС, 15 января 1918 г.

³ Это ещё в апреле 1917 г. заметили и офицеры Сербского добровольческого корпуса: "Солдаты в открытую говорят, мол, или все идём работать, чтобы хоть копейку добыть, или все дружно идём выполнять свои солдатский долг" (Рапорт заместителя командира 2-го батальона капитана Стояновича командиру IV пехотного полка I Сербской добровольческой дивизии, 10 (23) апреля 1917 г. (ВА. П-10. К-28. Ф-2. № 9/3).

шанс наладить социальные контакты¹. В целом создаётся впечатление, что большинству югославских репатриантов большевистская идеология оставалась чуждой и они старались держаться как можно дальше от российских усобиц.

Часть репатриантов, движимая стремлением к национальному освобождению и объединению, выразила свои политические убеждения, вступив в Сербский добровольческий корпус. В его рядах они воевали на стороне Антанты, а некоторые подразделения Корпуса использовались и непосредственно против большевиков в составе иностранных интервенционных войск. Поначалу воодушевление добровольцев было очень сильным и внятно мотивированным. Касаясь этого, сербский консул Миланкович писал: "Интересно, что все сербы из Воеводины просили, чтобы я им ставил отметку в паспорте об их происхождении из Шумадии. Все хотели быть из Крагуевца, это им казалось до мозга костей сербским!.." ². С другой стороны, командующий Корпусом генерал Михайло Живкович считал, что должен "представлять политическое и национальное единство сербов, хорватов и словенцев" и "быть представителем будущего югославского государства..., которое могло бы завоевать уважение Европы своей солидностью и значением" ³. Между тем судьба Корпуса во многом предопределила судьбу будущего государства и армии, которая её защищала ⁴.

Сколько же человек прошло через Добровольческий корпус, выразив таким образом свои политические воззрения? По данным военного министра Божидара Терзича, всего через Сербское войско прошло примерно 70 тыс. добровольцев ⁵. Среди них 2479 чел. прибыло из Америки, около 300 чел. — из рядов австро-венгерской армии, попавших в плен в Италии, около 2 тыс. чел. —

¹ АЛ. 516. МГ-244.

² Миланковић, Јован Д., Успомене из Сибира 1918–1919. и пут океаном у домовину 1920. Београд, 1926. С. 35. (Воеводина — "австрийская" окраина Србији. Шумадија — централна част Србији, ње "ојкумена". Крагуевац — град у овој части стране. — Прим. рег.)

³ ВА. П-10. К-3. Ф-5. № 34/19.

⁴ Ср. коментарији о Корпусу из рабoты с резултатима новејших истраживања рoли војногo фактoра у Југoславији (*Bjelajac, Mile. Jugoslovensko iskustvo sa multietničkom armijom 1918–1991. Beograd, 1999*).

⁵ ВА. П-3. К-454. Ф-11. № 9/64. Приказ војногo министрa Божидарa Терзича oт 27 јула (9 августа) 1917 г., № 9250.

из освобождённых областей Македонии, и около 3500 чел. австро-венгерских солдат, взятых в плен Сербской армией¹. Всего около 8300 чел. Остальные 62 тыс. человек были из русских лагерей для военнопленных. И это при том, что из-за плохой организации и различных проволочек Добровольческий корпус принял меньше добровольцев, чем изъявили желание вступить в его ряды².

Данные о национальном составе Корпуса привёл член Югославянского комитета д-р Анте Мандич³. Согласно этим данным, 15 апреля 1916 г. Первую добровольческую дивизию пополнил 9751 серб, 14 словенцев, 8 русских, 84 хорвата, 25 чехов и 22 человека иных национальностей. Во Второй добровольческой дивизии на 20 ноября 1916 г. служило 6200 сербов, 3144 хорвата, 1446 словенцев, 193 чеха и словака, 13 малороссов, 8 поляков и 84 человека иных национальностей. В то время состав Корпуса был наиболее многочисленным и насчитывал 21 тыс. человек. Следовательно, сербов было большинство, примерно три четверти, на другие же национальности суммарно приходилась оставшаяся четверть. И именно эта смешанная четверть оказалась самой неблагонадёжной и склонной к разного рода враждебным Корпусу акциям и агитации.

Для исследования политических убеждений особенно интересны те подразделения Корпуса, которые вследствие различных причин не были переброшены на Солунский фронт в 1917 г. и с большим опозданием вернулись на родину в течение 1920 и 1921 гг. У них было ярко выраженное антибольшевистское настроение, часть их осталась на свободе и входила в состав войск союзников в Сибири, а часть оказалась в плену у большевиков, которые держали добровольцев "разутыми и раздетыми" на самых тяжёлых работах, и те отчаянно пытались привлечь хоть чьё-нибудь внимание к своей судьбе: "Нам некому жаловаться, от нас

¹ Кратка историја нашег Добровољачког корпуса у Русији // Југословенски добровољци у Русији 1914–1918 / Приредио Никола Поповић. Београд, 1977. С. 339–347 (текст взят из документации Верховного командования); *Митровић, Андреј*. Србија у Првом светском рату. Београд, 1984. С. 135.

² Реферат др. Анте Мандича о добровољачком покрету упућен проф. Франу Барацу у Паризу // *Н. Поповић*. Добровољци. С. 371.

³ Там же. С. 370 и 377.

все отвернулись"¹. Если им каким-то образом удавалось освободиться, — а единственный путь к спасению зачастую пролегал через Москву и курсы агитаторов², — то по возвращении на родину они вновь попадали в лагеря, на этот раз по подозрению в распространении большевизма.

Политические настроения хорватов и словенцев, служивших в Добровольческом корпусе, также преимущественно определял национализм, проявившийся в так называемом диссидентском движении. "Диссидентами" называли недовольных и беглецов. Первая волна дезертирства приходится на октябрь 1916 г., когда ряды Корпуса покинули насильно мобилизованные пленные ("силовольцы"), в основном из Второй дивизии. Из 7 тыс. мобилизованных сербов в ней осталось 6200, из 9 тыс. мобилизованных хорватов — 3144, а из 4 тыс. мобилизованных словенцев — 1446³. Следовательно, Корпус тогда лишился 11 % сербов, 65 % хорватов и 64 % словенцев.

Такая пропорция явно указывает на связь дезертирства с религиозными и национальными мотивами.

Политическая подоплека этого явления была отмечена тогда же: какие-то пленные хорватские офицеры "нарочно подговаривали солдат хорватов и словенцев не воевать за Великую Сербию, потому что они станут рабами сербов, им будет ещё хуже и тяжелее, чем под Австрией, и поэтому не нужны никакие объединения с сербами, лучше быть в плену, потому что тогда Словения и Хорватия станут самостоятельными и свободными государствами"⁴. Такая политическая позиция всегда находила соответствующую поддержку окружающих: "Постоянно шла провокация от представителей "Великой Хорватии" и "Великой Словении" вне корпуса, которые были связаны с крайними ре-

¹ АЛ. 507. 549. 6, 7, 17. От имени двухсот собратьев по несчастью из Саратовской группы заклинал помочь Югославянское Бюро Агитации и Пропаганды при РКП(б) Владимир Христич.

² АЛ. 507. 549. 6, 7, 17.

³ Мандићев реферат. С. 376, 377.

⁴ ВА. П-10. К-43. Ф-2. № 29/За. 8. Рапорт командира VII пехотного полка II бригады II Сербской добровольческой дивизии полковника Или Миладиновича, направленный командиру II бригады полковнику С. Димитриевичу, конфиденциально № 157, 23 апреля (6 мая) 1917 г.

акционными кругами в России и пытались развалить Корпус"¹. Напряжённость отношений между православными и католиками в Корпусе многократно возросла, однажды это привело к кровавому столкновению, в результате которого погибло 13 солдат, а казакам пришлось вмешаться и навести порядок². Председателя сербского правительства Николу Пашича информировали о сложившемся положении вещей, в ответ он посоветовал сербам вести себя как можно терпимее³.

Вторая волна дезертирства началась в апреле 1917 г., у неё был другой повод, но те же самые предпосылки: "С первого дня, когда стало известно о свершившейся революции в Петрограде, евреи, местные жители, повели открытую агитацию среди солдат, говорили, что сербская армия представляет старый режим, что нас нанял дом Романовых, поэтому мы опасны для нового порядка, и даже что наши войска принимали активное участие в борьбе против революционеров в Петрограде"⁴. И сами "диссиденты" пытались объяснить, на кого и почему они надеются: "Мы хотим в рядах русской революционной армии всеми силами приблизить победу наших идеалов. Сейчас в руках русской армии судьба и свобода не только русского, но и всех малых народов, с победой они добьются всего"⁵.

¹ Мандићев реферат. С. 379. "Крайними реакционными кругами" были германофилы внутри российской царской элиты, а также среди представителей еврейского и немецкого меньшинств в России. См. также: Извештај пов. бр. 919 команданта 2. пешадијског пука 1. дивизије Добровољачког корпуса СХС команданту прве бригаде, Березовка 28. IV. 1917 и Меморандум команданта Добровољачког корпуса СХС о инциденту группе официра Хрвата и Словенаца у корпусу, Одесса 23. V. 1917. Н. Поповић. Добровољци. С. 239, 225–236.

² Мандићев реферат. С. 376. Похожее и в рапорте заместителя командира 2-го батальона капитана Стояновича командиру IV пехотного полка I Сербской добровольческой дивизии, 10 (23) апреля 1917 г. (ВА. П-10. К-28. Ф-2. № 9/3).

³ См.: *Lainović, Andrija. Nikola Pašić o dobrovoljačkom korpusu u Rusiji 1917 // Historijski zbornik XVIII, 1965. S. 218.*

⁴ В.А. П-10. К-43. Ф-2. № 29/За. 8. Рапорт командира VII пехотного полка II бригады II Сербской добровольческой дивизии полковника Или Миладиновича, направленный командиру II бригады полковнику С. Димитриевичу, конфиденциально, № 157, 23 апреля (6 мая) 1917 г.

⁵ Декларација официра и ђака хрватске и словеначке народности што су

Когда в мае 1917 г. улеглась вторая волна страстей, картина оказалась следующей: Корпус насчитывал 19 472 чел., из них 16 652 серба, 668 хорватов, 243 словенца, 90 чехов, 1847 русских и 62 чел. иных национальностей. Офицеров осталось 779 чел., из них 411 сербов, 98 хорватов, 39 словенцев, 98 чехов, 125 русских, 8 иных. Новые добровольцы, вступившие в Корпус до августа 1917 г. были в основном сербами, в количестве 1882 чел., хорватов вступило всего 100 чел., а словенцев 25 чел.¹ Некоторые более образованные и умные офицеры сумели быстро и точно понять механизм возникновения проблемы: "Главные виновники брожения, которое наступило в наших подразделениях, — это различные комитеты, чья цель — внести в нашу среду всё русское, а зачастую и "специфически русское"². Под этим "специфически русским" подразумевались уходившие корнями в русские революционные кружки XIX в. большевистские идеи и методы, направленные на разжигание национального и религиозного недовольства и расшатывание государственных устоев.

Третий источник неприятия нового государства — это лояльность Габсбургам, за которой могли скрываться национализм, большевизм или попросту страх. Сербский офицер, призывавший хорватов вступать в Добровольческий корпус или хотя бы не возвращаться в Австро-Венгрию, чтобы не воевать опять с союзниками, услышал решительный отказ: "Мы будем драться со всеми, с вами, сербами, тоже! Мы были и останемся австрийскими солдатами!"³ А те, кто всё же был мобилизован в ряды Корпуса, "постоянно саботировали: целые четы демонстративно бросали ружья и кричали: "Да здравствует Франц Иосиф!"⁴ Такое настроение подогревали тенденциозные слухи о том, "что все пленники-добровольцы, попавшие в руки неприятеля, будут повешены, их се-

иступили из Српског добровољачког пука, Одесса, V. 1917 // *Н. Поповић*. Добровольци. С. 261.

¹ Мандићев реферат. С. 381.

² Извештај санитетског референта 1. дивизије Добровољачког корпуса СХС команданту 1. дивизије, Вознесенск, 28. IV. 1917 // *Н. Поповић*. Добровольци. С. 171.

³ ВА. П-10. К-28. Ф-2. № 17/7. 2. Рапорт подпоручика Ристы Ристича командиру IV пехотного полка I дивизии Добровольческого корпуса СХС, 15 января 1918 г.

⁴ Мандићев реферат. С. 376; похожее: ВА. П-10. К-3. Ф-5. № 34/23.

мы перебиты, а имущество конфисковано¹. Неудивительно, что в приёмных лагерях на границах Королевства СХС к приверженцам дома Габсбургов стали относиться как к врагам государства. Хотя среди них оказалось мало таких, как Лука Сертич, Роберт Валдони, Павел Грегорич, Герман Семец, Густав Барабаш, Владимир Чопич и другие, впоследствии пополнивших ряды большевиков².

На руку различным агитаторам, в том числе и большевистским³, сыграло и то, что многие репатрианты перестали уважать авторитет офицеров, поскольку нередко видели своих командиров арестованными и униженными милицией различных советов и комитетов⁴ или становились свидетелями сцен, как русские солдаты срывали с них эполеты, а те не смели сопротивляться⁵. У некоторых в памяти остались гораздо более страшные сцены. Например, в Омске "с приходом большевиков... "юнкеров" вешали прямо на столбах вдоль улиц. Зимой их трупы висели по многу дней для устрашения возможных сторонников контрреволюции"⁶. В Одессе было то же самое: "Это террор. Убивают и убивают. Рядом с моей квартирой располагался штаб "красной гвардии"; из окон я видел уличные батальи, разворачивавшиеся на моих глазах, видел целые вереницы русских офицеров, которых вели в "красный" штаб, а потом видел пустые автомобили, отъезжавшие оттуда, или автомобили, гружённые офицерскими саблями"⁷. Те, кто наблюдал по-

¹ Кратка историја. С. 342.

² АЈ. 14. Ф-161. 205; ВА. П-10. К-28, Ф-2. № 19/34.

³ Об агентах-провокаторах говорит и Й. Миланкович (Успомене из Сибира. С. 63), а также командир II бригады II Сербской добровольческой дивизии полковник С. Дмитриевич в своём Оперативном дневнике за 29 марта 1917 г. (ВА. П-10. К-39, Ф-1. № 1/1, стр. 49, 59, 79); командир I отряда I батальона VII пехотного полка II Сербской добровольческой дивизии полковник Илия Миладинович в рапорте своему командованию. № 157, Орлов 23 апреля (6 мая) 17 г. (ВА. П-10. К-43. Ф-2. № 29/3а); и др.

⁴ ВА. П-10. К-4а. Ф-1. № 22/20. Командир II Добровольческой дивизии полковник Дмитриевич — Командующему Добровольческим корпусом СХС, Александровск, 24. IV. 1917.

⁵ ВА. П-10. К-4а. Ф-1. № 22/22. Шифрованная телеграмма генерала Живковича, командующего Добровольческим корпусом СХС — военному министру генералу Божидару Терзичу, № 921, 25 апреля (8 мая) 1917 г.

⁶ *Ј. Миланковић*. Указ. соч. С. 150.

⁷ Там же. С. 150–151.

добное, не только приобрели "иммунитет" к "бациллам большевизма", но и стали его ярыми противниками.

Сравнительно небольшую группу составляли поддавшие каким-то образом под влияние большевизма, хотя большей частью это были сочувствующие, зачастую колеблющиеся. Поддавшись обещаниям большевиков, они поверхностно приняли их учение и фактически не разбирались в его сути. Их "участие" в революции было в основном пассивным и сводилось к посещению манифестаций, обструкции работы русских властей в лагерях и офицеров в Добровольческом корпусе, отчего происходили различного рода инциденты. Накануне празднования Первого мая 1917 г. в Вознесенске колонна солдат "с красными флагами и кокардами" направилась в штаб 1-й дивизии Добровольческого корпуса "протестовать против приказа не ходить на манифестацию" в городе¹. Походы на митинг, с одной стороны, давали возможность общаться с людьми вне лагеря (в том числе с женщинами!), до чего пленные были охочи, а с другой всё равно большевистского влияния невозможно было полностью избежать. Напористой агитации пленные подвергались уже в лагерях, митинги и концерты организовывались вплоть до отправки поездов (буквально на перроне), а пропаганда велась и в поездах, и на борту теплоходов, перевозивших репатриантов домой².

Наконец, самую немногочисленную группу составляли те, кто сознательно и открыто отстаивал большевизм, вёл агитацию и участвовал в вооружённой борьбе. В литературе называется различное число сербов, хорватов и словенцев, участвовавших в революции на стороне левых. По одному мнению, "Югославянский революционный совет... поначалу насчитывал около 20 тыс. человек"³; другие источники утверждают, что их было около 30 тыс.⁴; третьи упоминают "десятки тысяч новых югославянских красных

¹ ВА. П-10. К-43. Ф-1. № 26/3. Рапорт начальника штаба полковника Владимира Белича командиру I дивизии Добровольческого корпуса СХС. Вознесенск, 19 апреля (2 мая) 1917 г.

² ВА. П-10. К-43. Ф-1. № 26/3; А.И. 14. Ф-132. 249; А.И. 14. Ф-136. 93; А.И. 14. Ф-161. 259; А.И. 507. 16. 717, 12519; А.И. 507. 549. 6, 7, 60.

³ А. Митровић. Указ соч. С. 518.

⁴ Učesnici u oktobarskoj revoluciji i odjeci oktobra prema dokumentaciji istorijskog arhiva Pančevo 1917–1967, „Informator“ 7, Pančevo 1967. S. 101.

бойцов"¹. Между тем, по данным Федерации иностранных групп коммунистов при ЦК РКП(б), которые должны быть точнее любых других, в рядах Красной Армии в марте 1919 г. было от 30 до 35 тыс. "интернационалистов", то есть бывших австро-венгерских и немецких солдат разных национальностей². Сколько среди них было южных славян, не указывалось. Общее число пленных в России составляло 2 322 378 чел., из них 167 082 немцев, 50 тыс. турок, 200 болгар и 2 104 146 австро-венгерских солдат³. Вполне возможно, что 10 % этого числа приходилось на южных славян, это около 200 тыс. Если такая пропорция сохранилась и в Красной Армии, то южных славян в её рядах могло быть 3–3,5 тыс. Их отряды были малы, разрозненны, состав их менялся, в отдельные моменты общая численность нескольких отрядов достигала 5–6 сотен⁴. Наверняка большевиками были не все из них, по крайней мере, в прямом смысле, особенно если учесть, что в 1920 г. в Сибири и Казахстане из 2412 красноармейцев — южных славян только 49 были членами коммунистической партии и 133 кандидатами⁵. Поэтому вполне правдоподобным представляется, что с весны 1918 г. по сентябрь 1921 г. общее число организованных югославянских коммунистов в России не превышало тысячи человек⁶. Если сравнить эту цифру с 62 тыс. солдат, прошедших через Добровольческий корпус, становится ясно, кто преобладал — поборники большевизма или других политических позиций. Однако истинная опасность была не в количестве коммунистов, а в том, что в недрах этой группы зрело кадровое ядро готовившейся революции в Королевстве СХС.

Этот план не остался в тайне, да большевистские военные и политические органы и не скрывали его в своей переписке: "Решено основать просветительский союз для пропаганды ком-

¹ Груловић, Никола. Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962. С. 311.

² См.: Очак, Иван. Из истории участия Югославян в борьбе за победу советской власти в России: „Октябрьская революция и зарубежные славянские народы“ (уредник А. Я. Манусевич), М., 1957. С. 319.

³ Сибирская энциклопедия. С. 517, 518.

⁴ См.: И. Очак. Из истории участия югославян. С. 299–319.

⁵ См.: И. Очак. Там же. С. 312.

⁶ См.: Поповић, Никола. Југословенска централна комунистичка организација у Русији (1918–1921) // Прилози за историју социјализма 5, 1969. С. 314, 315.

мунистических идей среди военнопленных и для их подготовки к вооружённому восстанию после возвращения на родину"¹. Для достижения поставленной цели, помимо прочего, было важно создать благоприятное впечатление о большевизме: "Позаботьтесь о том, чтобы наши граждане, отъезжающие на родину, ехали с уверенностью, что во всём плохом, что они здесь видели или им довелось испытать на себе, виновата не советская система и коммунисты, а продолжение войны, а в этом повинны союзники"². Этого было недостаточно. Чтобы расчистить "своим людям" простор для деятельности, большевики с самого начала пытались обезвредить противников революции: "Следите за контрреволюционными элементами и, если кто-нибудь окажется врагом пролетариата, задерживайте его. Особенно это касается интеллигенции, которой, как показала Русская революция, нельзя доверять"³. Отдельные репатрианты, перед тем как получить разрешение на возвращение, до пяти месяцев проводили в Москве "в каком-то лагере, где содержалась южнославянская интеллигенция, заподозренная в неблагонадёжности"⁴. Другую опасную для большевиков категорию составляли пленные офицеры, поэтому их собрали в одном лагере с особо строгим режимом⁵.

При выявлении идеологических противников большевики не ограничивались доносами и изоляцией. Сохранились заявления репатриантов, что доходило и до убийств тех, кто оказывал сопротивление "большевизации". Иногда эти свидетельства основывались на слухах, но иногда исходили из первых рук⁶. Один из большевиков-активистов на тот момент, Лазар Вучичевич, описал расстрел трёх человек, совершивших покушение на близкого

¹ А.И. 507. 549. 1, 77. Окружной военный комиссариат южнорусских республик. Царицын, телеграмма № 346 от 27 июня (10 июля) 1918 г., направленная в Царицынский комитет РКП(б).

² Там же.

³ А.И. 507. 16. 717, 12525. Письмо в петроградский Югославянский Отдел Агитации и пропаганды при ЦК РКП (б) в Москве направил Томац, секретарь Югославянского Бюро Агитации и пропаганды при РКП (б).

⁴ А.И. 507. Ф-56/22. Воспоминания Янеза Оражена, относящиеся к 1921 г.

⁵ А.И. 507. 549. 6, 35. Эту меру 1 апреля 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) предложил член президиума Центрального Югославянского бюро. Подпись неразборчива.

⁶ А.И. 14. Ф-149. 288-291; А.И. 507. Ф-56/28.

большевикам полковника Александра Срба: "На берегу Дона наш залп сразил трёх холуев, нанятых нашими кровопийцами, которые убийством отважного Серба хотели выказать свою бессильную злобу против нашей борьбы, думая, что тем самым им удастся нас сломить. Но неумолимая правда восторжествовала, и белый Дон окрасился в красный цвет. Такая кара ждёт всех виновных и подстрекателей"¹. Кого и когда в тот раз расстреляли, не совсем понятно, поскольку младший унтер-офицер Сриемчевич и два его сообщника, о которых достоверно известно, что это они убили Срба, спустя два года после убийства служили в армии генерала Деникина и планировали вернуться домой. Очевидно, Сриемчевич ожидал, что в сербском посольстве в его честь поднимут бокалы, узнав, что он — убийца Срба!² В рамках Мировой войны и "большой" гражданской войны в России шла "малая" гражданская война между южными славянами различных национальностей, а в рамках этой войны происходил свой идеологический конфликт между сербами. Подобная ситуация возникла вновь через двадцать лет, во время Второй мировой войны в Югославии.

Размежевание "благонадежных" и "неблагонадежных" не всегда было радикальным, однако и в более мягких формах позволяет увидеть политические убеждения репатриантов. Поскольку зачастую бывшие пленные знали друг друга, большевики под разными предлогами затягивали репатриацию тех, кто был им враждебен и при пересечении границы мог указать на агитаторов и слушателей курсов. Рядовых солдат задерживали не менее чем на три недели³, чтобы большевистские агенты могли проникнуть на территорию Королевства СХС. В качестве дополнительной конспиративной меры на кусках ткани печатались удостоверения, которые должны были помочь пробольшевистски настроенным репатриантам установить контакты после возвращения в страну⁴. Несмотря на то, что

¹ Вукичевић, Лазар. Успомен из Октобарске револуције // Зборник Матице српске за друштвене науке 22, 1959. С. 132. Срб в качестве сербского офицера сначала был членом организации "Чёрная рука", затем диссидентом, а затем перешёл к большевикам.

² ВА. П-6. К-638. Ф-3. № 25/4. Начальник генштаба Второго армейского округа полковник М. Йованович, № 221, командующему Зетским дивизионным округом, 25 февраля 1920 г.

³ АЈ. 507. Ф-56/22; Ф-57/1; похожее: 507, 549, 6, 7, 119.

⁴ АЈ. 507. Ф-56/30. 720, 721; АЈ. 516. МГ-191. 11; К. Isović. Odjeci. S. 565, 568.

репатрианты тщательно прятали эти удостоверения, вшивая их в воротники, штаны, головные уборы, пояса и ремни, полиции всё равно удавалось их найти, благодаря чему эти документы нам известны. Вот один из них: "№ 577/1921 г., УДОСТОВЕРЕНИЕ выдано Центральным Югославянским Бюро при ЦК РКП(б) товарищу Синановичу Алилу в том, что он, согласно кандидатскому билету № 29430 Московской организации (Городского района), действительно является кандидатом РКП(б) с 8 февраля 1921 г. Заверено подписью и печатью. Москва, 2 апреля 1920 г. Для Центрального Югославянского Бюро"¹. Однако всё это не могло гарантировать успешное внедрение. В распоряжении полиции Королевства СХС уже имелись имена, описание, а порой и краткие биографические сведения преподавателей курсов и наиболее активных агитаторов на случай, если им вздумается пересечь границу югославского государства².

Многие репатрианты обзавелись в России семьёй, что с учётом длительности их пребывания в плену и дисбаланса полов, постигшего Россию вследствие войны и революции, не вызывает удивления. Некоторые молодые жёны разделяли политические взгляды своих мужей и помогали в их деятельности, в силу чего тоже попали в поле зрения полиции Королевства СХС³. Наиболее известен пример репатрианта Иосифа Броза, появившегося в стране в 1920 г. с русской женой Пелагеей Белоусовой-Броз "в своей астраханской меховой шапке, на которой остался след от снятой металлической пятиконечной звезды"⁴. Вскоре по прибытии Иосиф Броз и его жена установили связь с политическими единомышленниками в Загребе. В их партийной ячейке помимо нескольких пролетариев числился и писатель Крлежа⁵.

В переписке государственных органов часто встречается информация о том, что среди репатриантов есть слушатели больше-

¹ А. 507. Ф-56/30 (подписи неразборчивы).

² А. 14. Ф-160. 128, 129; А. 14. Ф-161. 304; А. 14. Ф-211. 85; А. 14. Ф-221. 491; А. 507. Ф-56/30. 723, 724; Комунисти. I. Београд, 1921, и т. д.

³ А. 14. Ф-149. 288–291.

⁴ *I. Ožak. Krleža — partija. Miroslav Krleža u radničkom i komunističkom pokretu 1917–1941. Zagreb, 1982. S. 88.*

⁵ Там же. С. 86, 168; *Владимир Дегујер. Јосип Броз Тито: Прилози за биографију. Београд, 1953. С. 92.*

вистских курсов. Это вызывало особое беспокойство, так как было известно, что на этих курсах "преподавалась военная тактика и так называемая политическая грамота, основы политической экономики, история мирового рабочего движения и большевистской партии"¹. И хотя некоторые из слушателей действительно заслуживали внимание органов правопорядка, сам факт посещения курсов не служит доказательством того, какие политические убеждения в глубине души исповедовали слушатели курсов. У многих не было другого выхода, кроме как "убедить" большевиков в своей преданности посещением курсов и получить возможность вернуться домой или зарабатывать на жизнь². Поэтому не следует рассматривать слушателей курсов как однородную массу сторонников большевистских идей, хотя они и стали объектом пристального внимания органов правопорядка Королевства СХС. Гораздо большее значение имели их преподаватели, люди, обладавшие опытом идейной пропаганды, являвшиеся членами или кандидатами в члены РКП(б), иногда даже сотрудниками ВЧК³, но значительно чаще комиссарами и командирами Красной Армии⁴. Время от времени, хотя и редко, они сами вызывались отправиться на Балканы.

Когда заходила речь о политических убеждениях репатриантов и численности сторонников разных политических позиций, единственная разрешённая в югославской историографии социалистического периода трактовка состояла в том, что: 1) самой малочисленной была группа организованных коммунистов; 2) чуть многочисленнее были "курсисты"; 3) ещё многочисленнее были участники революции, сражавшиеся в Красной Армии; 4) "основную массу" составляли "свидетели или спорадические участники";

¹ См.: *Gregorić, Pavle. S pukom "Matija Gubec" u Crvenoj armiji // Četrdeset godina. Zbornik sećanja aktivista jugoslovenskog revolucionarnog radničkog pokreta. I. 1917–1929.* Београд, 1960. С. 29. Павел Грегорич был одним из разыскиваемых курсистов и организованный большевик.

² АЖ. 507. 549. 6, 3. В отчёте агитатора Табаковича "Югославянской группе" от 15 (28) ноября 1918 г. приводятся денежные суммы, которые он получал за свою работу.

³ *Učešće.* С. 207.

⁴ АЖ. 14. Ф-136. 93; АЖ. 14. Ф-160. 99; АЖ. 14. Ф-161. 234–235; 258–259; 312; 319–320; АЖ. 507. Ф-57/3; АЖ. 516. МГ-191; *K. Isović. Odjeci.* С. 412, 413.

5) "откровенных контрреволюционеров" было немного, и у них не было политического влияния¹.

Между тем результаты детального исследования, представленного в данной главе, во многом опровергают вышеупомянутое утверждение, поскольку: 1) слушателей курсов нельзя отнести к одной группе, так как многие посещали курсы по принуждению, а их подлинные убеждения были совсем другими; 2) среди бойцов Красной Армии также были мобилизованные насильно и те, кто, примкнув к большевикам, стремился решить свои национальные проблемы, поэтому их убеждения нельзя считать истинно коммунистическими; 3) "свидетели и случайные участники" не могут составлять одну категорию, так как "свидетели" могли быть и абсолютно пассивными, и активными сторонниками или врагами большевиков; 4) "спорадические участники" войны на стороне Красной Армии недостаточно чётко описаны как группа. Не ясно, насильно ли их мобилизовали в армию Советов (где их нелегко идентифицировать как "югославян" и сторонников коммунистов) или они сформировали собственные отряды и действовали на две стороны: то за "красных", то за "белых", а порой и самостоятельно; 5) противники большевизма превосходили числом организованных коммунистов, слушателей курсов, агитаторов и "случайных участников" войны на стороне большевиков. Влияние левых или правых идей среди военнопленных зависело от текущей ситуации и поддержки, которую им удавалось обрести в непосредственном окружении. По возвращении в Королевство СХС противостояние идей закончилось не в пользу коммунистов.

С таким политическим и идейным багажом и в таком окружении возвращались на родину усталые, разочарованные люди, некоторые из них провели в России по пять, шесть и более лет. Иногда они ехали вместе с семьями, которыми успели обзавестись в России, в вагонах поездов и на борту кораблей смешались люди не только разной национальности, но также религии и политических убеждений. Невольно они становились слушателями разговоров и рассуждений своих соседей. Иногда они возражали, а иногда старались не выдавать своё истинное настроение. Некоторых из них разыскивали и нередко находили сотрудники полиции и военные Королевства СХС.

¹ *T. Milenković. Указ. соч. S. 207.*

Пути на Родину

1. Попавшие в плен солдаты и офицеры Сербской армии и интернированные граждане из Сербии и Черногории, возвращавшиеся из лагерей на территории Центральных держав: Болгарии, Австро-Венгрии, Германии и Турции.

Изо всех этих бывших пленных наибольшее подозрение в распространении идей большевизма вызывали репатрианты из Германии. Полагали, что они подверглись влиянию спартаковских идей, поскольку имелись сведения, что с ними целенаправленно работали немецкие агенты с тем, чтобы, вернувшись, репатрианты занялись бы подготовкой социальной революции. Впрочем, в данном случае меры предосторожности свелись к тому, что военным представителям за рубежом поручили "обратить внимание на это явление и устранить его"¹. Вообще говоря, сербские военные оказались на редкость невосприимчивыми к идеологическому влиянию, это отмечал и бригадный генерал Хэррис, шеф американской военной миссии в Берлине: "Надо признать, что большевистские идеи как таковые среди сербов прижились очень плохо"². Среди репатриантов из трёх других государств Центрального блока не было серьёзных симптомов большевизма, поэтому никакие особые меры предосторожности не принимались.

2. Попавшие в плен военные Габсбургской монархии, возвращавшиеся из лагерей в странах Антанты, в основном из России и Италии.

Первыми, ещё до окончания войны, стали прибывать бывшие пленные из России, их массовое присутствие в истощённых войной европейских странах казалось большевикам благоприятным фактором, приближающим мировую революцию. Однако, хотя и рано начавшись, возвращение бывших пленных из России по многим причинам затянулось до июня 1922 г.³ В сентябре того же года Верховный комиссар Лиги Наций Фритъоф Нансен объявил, что

¹ ВА. П-6. К-54. Ф-4. № 55/1, похожее: ВА. П-3а. К-11. Ф-1. № 3/1.

² ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/83. 45–52. И другие авторы считают, что "в Сербской армии нет поветрия, которое можно было рассматривать как влияние Октября" (*Бјелаяц, Миле. Војска Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца 1918—1921. Београд, 1988. С. 37, 38*).

³ См.: *Поповић, Бура, Лига народа. Нѐн постанак, уређење и рад. Београд, 1931. С. 244.*

репатриация закончена. В качестве предохранения от большевизма, сторонниками которого могли быть репатрианты (а некоторые действительно были), Королевство СХС, как и Габсбургская монархия, предприняло превентивные меры в виде карантина.

Изучая главные направления возвращения и способы передвижения бывших пленных, надо иметь в виду несколько обстоятельств. Архивные материалы сохранились не полностью и очень разрознены, поэтому трудно точно судить о том, какими маршрутами прибывали репатрианты и с какими временными промежутками. То и дело отдельные направления и ответвления от них переставали использоваться из-за состояния железных дорог и трактов в местностях, которые по несколько раз пересекала линия фронта. Препятствия возникали также из-за ведущихся военных действий и политических событий. Особенно сложно проследить маршруты тех из возвращавшихся, которые некоторые этапы пути преодолевали самостоятельно, пешком или другим образом, столкнувшись с отсутствием поездов или вовсе разрушенными участками железнодорожного полотна. Порой эти люди таким способом избегали контрольно-пропускных пунктов, порой пытались заработать деньги и пропитание, а бывало, что останавливались по причине болезни и истощения. В подобных случаях они оказывались вообще без какой-либо регистрации. При плавании морем с Дальнего Востока совершались попутные остановки в гаванях, где на борт принимались граждане Королевства СХС с потонувших и захваченных кораблей Австро-Венгрии или оказавшиеся по какой-то иной причине в отдалённых уголках мира.

Мы перечислим основные маршруты возвращения всех бывших пленных, не только из Габсбургской монархии, поскольку возвращение представляет собой единый процесс, организованный и осуществленный государством, считавшим этих людей своими гражданами. Обратный путь с территории Центральных держав и их союзников будет описан кратко, в то время как возвращение из Италии и России мы рассмотрим более подробно. Разумеется, следует помнить, что хронологические рамки использования отдельных маршрутов, а особенно прекращение притока репатриантов, не всегда могут быть точно установлены, поэтому при датировке мы опирались на наиболее поздние из имеющихся дат. Наше вни-

мание будет сосредоточено исключительно на репатриантах, прошедших через лагерь.

Картина возвращения, составленная из документальных фрагментов и не всегда достоверных воспоминаний вернувшихся, на сегодняшний день выглядит так:

1. Из Болгарии пленные возвращались через Пирот и Демир Хисар по железной дороге или пешком с начала октября 1918 г. до первых месяцев 1919 г. Во "временных лагерях" их дожидались офицеры "спецкомиссий" для приёма и освидетельствования репатриантов, однако "большое их число" миновало эти комиссии. Эти "лагеря" не носили политического характера, а служили исключительно для сбора, медицинского осмотра, снабжения необходимым и поправки здоровья бывших пленных¹.

2. Из Австро-Венгрии репатрианты возвращались по железной дороге или пешком, а некоторые уже находились на территории недавно провозглашённого Королевства СХС, где их могли собрать и организовать военные власти. В конце февраля 1919 г. в австро-венгерских лагерях оставалось ещё около 2900 сербских военных, но вскоре и они были вывезены².

3. В конце 1918 г. при поддержке англичан и французов, а также при посредничестве шведского посла в Константинополе и голландского консула в Алеппо началась репатриация немногочисленных выживших сербских пленных и интернированных из Турции через Салоники.

Из-за нестабильности положения в Турции и недостатка достоверной информации процесс шёл очень медленно и трудно. Ещё в декабре 1919 г. эта проблема обсуждалась на Парижской мирной конференции³.

4. Из Германии с 1 по 15 января 1919 г. репатрианты возвращались сначала по суше через Голландию, Швейцарию и Рейнскую область во Францию, затем морем из Тулона и Марселя в Дубровник с остановками в итальянских портах. С 31 января был организован

¹ ВА. П-3. К-126. Ф-5. № 16/1, 2, 5; ВА. П-6. К-56. Ф-2. № 24/18; АЖ. 138. Ф-4. 161; АЖ. 336. Ф-62. Дос. VI. XII. Z/5. № 7764.

² ВА. П-3. К-1. Ф-1. 52, 53.

³ См.: *Todorović, Desanka*. Stav Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca prema mirovnom ugovoru sa Turskom u Sevru 1920. godine // *Istorija XX veka*. Zbornik Radova. XI. 1970. S. 257, 258.

проезд по железным дорогам через Вену и Марибор, и к 9 февраля большинство репатриантов вернулось домой. Репатриация полностью завершилась к 15 апреля 1919 г., когда до родины добрались те, кто отправились в путь из Германии пешком, на свой страх и риск, через Чехию и Австрию¹.

5. Основная масса репатриантов из Италии прибыла двумя главными путями, которые можно назвать северо-итальянским и южно-итальянским:

Из южной Италии (Таранта и Анконы) морем добирались до Дубровника². Первое судно пришвартовалось в порту Дубровника 18 января 1920 г., а восьмое и последнее, о котором известно, — 26 марта того же года. План провезти часть репатриантов через Риеку провалился из-за действий в той области Габриэле Д'Аннунцио.

Один железнодорожный путь из северной Италии имел две ветви, но обе вели в Любляны через Триест, Тироль и Беляк. Другой маршрут шёл через Вену и оттуда на юг до Марибора³. Наземный транспорт задерживался вследствие противодействия итальянских властей и забастовки железнодорожников в Королевстве СХС, поэтому отправка бывших военнопленных началась только в первые дни февраля 1920 г. Дополнительные проблемы создавали сами репатрианты, которые, потеряв терпение, отправлялись пешком небольшими группами в сторону демаркационной линии (через Вену к Марибору или даже через Будапешт к Субботице!). В течение марта 1920 г. отправка наземным транспортом продолжалась, хотя весьма вяло, а число оставшихся в итальянских лагерях сократилось до нескольких сотен.

6. Из России большая часть репатриантов прибыла пятью путями, которые можно назвать среднерусским, южнорусским, северорусским, черноморским и дальневосточным:

— Среднерусский путь проходил по железной дороге через Минск, Брест-Литовск, Варшаву и Вену, бывшие пленные двигались по нему с 1918 г. по октябрь 1922 г., а кое-кто прибыл таким образом и в 1926 г. Этот маршрут имел два варианта: через Германию или через Чехословакию⁴.

¹ ВА. П-3. К-166. Ф-7. №13/83. 38–40 и 45–52; ВА. П-4/1. К-104. Ф-2. №2/13.

² ВА. П-3. К-166. Ф-8. № 14/29; ВА. П-4/II. К-85. Ф-7. № 18/98.

³ ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 25/26, 27; ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 25/30. 32.

⁴ АЖ. 507. Ф-57/10; АЖ. 516, МГ-204. 3; МГ-230. 2.

— Южнорусский путь по железной дороге от Киева до Австро-Венгрии был доступен с осени 1918 г.¹ В городе Черновицы на Буковине железная дорога, ведущая до Королевства СХС, разделялась на две ветки: через Будапешт и Сегедин (им пользовались с марта 1919 г. до осени 1919 г.) и через Бухарест и Темешвар (с декабря 1918 г. по октябрь 1919 г.)². В Будапеште транспорт распределял военный посланник Королевства СХС майор Михайло Боди, пуская поезда с репатриантами через Темешвар до Баната, через Субботицу до Бачки или через Осиек до Славонии, Боснии и Далмации. Позднее, когда были организованы лагеря у границы, весь транспорт направлялся исключительно через Субботицу до Марибора³.

— Севернорусский маршрут проходил по железным дорогам Петроград — Ямбург — Нарва или Москва — Нарва. От Нарвы репатрианты отправлялись поездом до Ревеля, а потом на корабле до Штеттина. До Штеттина также можно было добраться морем от Петрограда до Свинемюнде (Свьенчин, Свиноуйсьце), а затем поездом. Именно таким путём ехало большинство репатриантов. Через Москву отправляли тех, кто находился в губерниях восточнее. В Нарве в сентябре 1920 г. и в июне 1921 г. действовал пункт обмена военнопленными, где эстонские власти вели антибольшевистскую агитацию и осуществляли контроль, а также дезинфекцию и питание⁴. От Нарвы до Штеттина надо было плыть по Балтийскому морю, где ещё не были обезврежены все мины, а от Штеттина до Марибора через Берлин, Лейпциг и Вену по железной дороге. Часть репатриантов из Петрограда отправлялась морем в Германию, а оттуда до Королевства СХС через Австрию по железной дороге. Третий вариант пути был по железной дороге от Петрограда или Москвы до Марибора через Ригу, Штеттин, Берлин, Лейпциг и Вену⁵. В августе–сентябре 1919 г. движение

¹ А. 516. МГ-14; МГ-210. 5; МГ-1200. 5.

² А. 14. Ф-232. 471–475, 477, 478; А. 507. Ф-120/2; А. 516. МГ-33. 4; МГ-1065. 35.

³ ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/61.

⁴ А. 14. Ф-161. 219, 220; А. 516. МГ-137. 8-10; МГ-188. 45; МГ-195. 7; МГ-294/3. 35; МГ-331; МГ-543. 18; МГ-597. 15-17; МГ-1145. 26.

⁵ 32 5 А. 507. Ф-56/15; А. 516. МГ-108; МГ-331. 2; МГ-500. 12, 13; МГ-1127. 24, 25.

шло кружным путём, через Францию по железной дороге до Марселя, оттуда морем до Салоник и снова по железной дороге до Королевства СХС¹.

— Путь Чёрным морем использовался с апреля 1919 г. по декабрь 1921 г. Из Одессы репатрианты плыли до Константинополя², а затем по железной дороге через Салоники добирались до Королевства СХС. Из Одессы ещё и в сентябре 1923 г. можно было отправиться морем до Варны, где требовалось пройти карантин, а затем наземным транспортом ехать через Софию до Пирота. В 1919 г. существовал третий вариант: из Новороссийска через Константинополь и Пирот до Королевства СХС³. В Константинополе репатриантов из России допрашивали представители военной полиции союзников, выслеживавшие большевиков. Четвёртый вариант маршрута появился в мае 1920 г.: из Новороссийска до Королевства СХС репатриантов вёз корабль Красного Креста через Константинополь и Триест⁴.

— Через Дальний Восток возвращались репатрианты из южной России, Туркестана и Сибири. По Транссибирской магистрали или иным образом их переправляли во Владивосток, а затем океаном до Триеста или Дубровника (до мая 1921 г.)⁵. Когда Владивосток захватили большевики, из-за сложностей с арендой судов часть репатриантов ехала по железной дороге до Нарвы, а оттуда по Балтийскому морю и по железной дороге через Германию. Были и такие, кто маленькими группами или в одиночку, скитаясь, торгуя, воюя, а иногда и грабя⁶, добирался до Центральной Азии, а оттуда до Китая и Индии. По Маньчжурской железной дороге,

¹ ВА. П-4/III. К-55. Ф-12. № 25/1-3. Причины столь большого крюка неизвестны. Это направление изначально использовалось для возвращения сербских пленных из Германии, но нет сомнения, что в данном случае имелись в виду репатрианты из России, так как: 1) документы упоминают их как "югославян"; 2) возвращение сербских пленных из Германии закончилось до апреля 1919 г. (ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/83. 38–40, 45–52).

² АЖ. 14. Ф-232. 585; АЖ. 370. Ф-1; АЖ. 516. МГ-69. 2; МГ-89; МГ-138. 2; МГ-191. 11.

³ АЖ. 516. МГ-38. 4; МГ-89; МГ-961.

⁴ АЖ. 14. Ф-161. 249; АЖ. 516. МГ-305.

⁵ АЖ. 14. Ф-161. 249; АЖ. 334. Ф-2. 215; АЖ. 516. МГ-741; МГ-907; МГ-1159. 18–20; *J. Миланковић*, Указ. соч. С. 151.

⁶ АЖ. 507. Ф-175/2. ВА. П-6. К-638. Ф-3. № 25/4.

другими видами транспорта и пешком они добирались до какого-нибудь китайского порта и оттуда морем отправлялись в Европу. Оказавшись в Греции, некоторые из них сразу же уезжали в Королевство СХС по железной дороге через Афины и Салоники (в апреле 1920 г.)¹, а некоторых англичане временно собирали на своей территории².

Многие пытались пересчитать вернувшихся с Великой войны ещё тогда, когда это был актуальный вопрос, однако уже составители первых статистик вынуждены были довольствоваться неполными данными, более или менее грамотными оценками и приблизительными цифрами. Составивший статистический отчёт генеральный консул Королевства СХС в Праге Йован Й. Вучкович пояснял: "Очень трудно было собрать данные о количестве наших пленных солдат и интернированных граждан на территории неприятельских государств. Ни одно из них не хотело предоставлять эти данные, а если мы их всё-таки получали, то они оказывались неполными, неточными, а нередко и с тенденциозными искажениями"³. Мы не будем рассматривать все возможные аспекты вопроса о количестве репатриантов, это потребовало бы отдельного объёмного исследования, однако попытаемся хотя бы в общих чертах описать масштаб. К сожалению, по наличным данным сложно судить о категории репатриантов, что существенно для данной работы, ведь тех, кто прибыл из России, было больше всего, и именно они составляли большинство среди заключенных в лагерь.

1. Согласно отчёту Вучковича, в Болгарии содержалось примерно 50 тыс. сербских пленных и 80 тыс. интернированных граждан, из них умерло или было убито 15 500 военных и около 25 тыс. мирного населения. На момент составления отчёта из Болгарии вернулось более 32 тыс. военных и 51 тыс. граждан, то есть почти все оставшиеся в живых.

2. Согласно тому же источнику, в Австро-Венгрии содержалось 147 577 сербских пленных (около 50 тыс. из них умерло),

¹ А. 14. Ф-232. 421.

² А. 507. Ф-120/5. Наибольшее упоминаемое количество — "около четырехсот наших граждан" в Англии, ожидавших возможности вернуться домой.

³ А. 336. Ф-62. Дос. VI. XII. Z/5, № 7764. Отчёт сделан непосредственно после войны, в конце 1918 — начале 1919 гг.

а также около 50 тыс. интернированных граждан из Сербии, из которых умерло 20 тыс. Следовательно, должно было вернуться чуть меньше 100 тыс. военных и около 30 тыс. мирного населения, хотя в конце 1917 г. Австро-Венгрия официально признала, что держит в плену 32 500–34 000 сербских военных, но не желала признавать того, что на территории империи содержатся интернированные мирные граждане Сербии¹. В это число, разумеется, не входят интернированные сербы, подданные Австро-Венгрии, о количестве которых до сих пор нет достоверных сведений. По некоторым оценкам, свыше 100 тыс. сербов умерло в разных лагерях Германии и Австро-Венгрии². Общее количество подвергшихся изоляции должно было быть значительно большим, так как при освобождении только в лагерях Неджмеджер, Хайнрихсгрин и Болдогасань оказалось более 10 тыс. узников, в Арадской крепости 11–15 тыс., в Нежидере примерно 14 500, а в Добое до 40 тыс., что в сумме уже составляет под 80 тыс. А ведь только на австро-венгерских территориях, впоследствии отошедших Королевству СХС, известны названия 38 лагерей и других центров массовой изоляции, в основном для сербского населения³. При том что сеть лагерей раскинулась по всей территории Австро-Венгерской монархии. К числу интернированных сербов, сколько бы их ни было, следовало бы также прибавить интернированных граждан других национальностей, местом постоянного проживания которых были области будущего Королевства СХС, куда они и возвращались после войны.

3. В Германии, согласно отчёту Вучковича, содержалось 33 815 военнопленных и 1374 интернированных граждан Сербии, что соответствует данным отчётов сербского отделения бюро помощи военнопленным в Бёрне. Между тем, вернулось всего 22–23 тыс. сербских пленных, то есть число умерших, несомненно, превы-

¹ Отчёт сербского отделения бюро помощи военнопленным в Бёрне (ВА. П-4/II. К-73. Ф-1. № 5/1. 1–6). Вопреки этому, по некоторым оценкам, в австро-венгерских лагерях было интернировано свыше 150 тыс. мирных граждан из Сербии (Цивилни интернирци. С. 405, 406).

² См.: *Станковић, Ђорђе*. Велика историјска превара // *Изазов нове историје*. 2. Београд, 1994. С. 237.

³ Там же. С. 234–239.

шало 10 тыс., что значительно больше оптимистичных сведений Вучковича о 3572 умерших военных и 95 мирных гражданах¹.

4. В Турции после войны обнаружилось около 5 тыс. выживших сербских пленных, которых остальные участники блока Центральных держав "уступили" Турции для выполнения различных работ. Поскольку известно, что из пленных англичан в Турции в живых осталась лишь половина, можно предположить, что пленных сербов выжила какая-то малая доля. Такой вывод напрашивается потому, что при отборе сербских военных для жизни в условиях пустыни не учитывалось их физическое состояние, как то делалось в отношении англичан; они не получали драгоценные продуктовые пайки, как англичане; их убивала британская армия и секла арабская конница на службе Британской империи, на которую они работали, прокладывая багдадскую железную дорогу, от чего англичан также оградили. Сбор этих выживших сербских пленных начался в конце 1918 г., а репатриация при содействии союзников могла завершиться за следующие несколько месяцев².

5. Из Италии в начале 1920 г. вернулось около 26 тыс. пленных: около 15 тыс. морем через Дубровник, остальные сухим путём. Поскольку итальянское военное министерство в мае 1919 г. утверждало, что "общее число югославских военнопленных составляет около 40 тыс."³, очевидна гибель, по меньшей мере, 14 тыс. военнослужащих Королевства СХС. Италия с помощью тифа, чёрной оспы, плохого питания, тяжёлых и опасных для жизни работ пыталась ослабить своего соперника в "адриатическом вопросе", который был причиной интернирования большого числа мирных

¹ А.Ж. 336. Ф-62. Дос. VI. XII. Z/5. № 7764; ВА. П-4/1. К-73. Ф-1. № 5/1. 6; ВА. П-6. К-391. Ф-2. № 34/1. 16, 17; ВА. П-4/II. К-85. Ф-1. № 20/24; ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/83. 45 и 47.

² А.Ж. 336. Ф-62. Дос. VI. XII. Z/5. № 7764; ВА. П-3. К-166. Ф-6. № 13/15. 4—7; ВА. П-7. К-97. Ф-7. № 16/17; *D. Todorović*. Указ. соч. С. 257.

³ А.Ж. 336. Ф-62. Дос. VII. XII. Z/6. № 1933. Эти данные сообщил посол Королевства СХС в Риме Антониевич в письме главе сербской делегации на Конференции мира в Париже Николе Пашичу. По оценке посла, число пленных было ещё больше, так что в декабре 1919 г. правительство Королевства СХС имело основания говорить о примерно 50 тыс. чел. (ВА. П-3. К-166. Ф-8. № 14/2).

жителей из Истры и Далмации, "народных вождей" словенской, хорватской и сербской национальности¹.

6. Сложнее всего вопрос о количестве вернувшихся из России. Проблема в основном заключается в структуре многонациональной австро-венгерской армии. Российские власти сначала не распределяли военнопленных по национальности при заключении в лагеря; они попытались сделать это позднее, при формировании добровольческих корпусов. Для рекрутирования бойцов в Добровольческий корпус Королевства СХС предназначался "Югославский национальный лагерь" в Томске, однако в силу различных обстоятельств многие в него не попали. Кроме того, национальный критерий недостаточен для установления числа вернувшихся в Югославское Королевство, так как оно само тоже было многонациональным. Вместе с военнопленными в Королевство СХС прибывали представители различных наций, проживавших на его территории, в то время как многие сербы, хорваты и словенцы, отправленные из России, остались жить за пределами нового государства и не прошли через его лагерь. Особую категорию составили те, кто вернулся ещё до распада Двуетной монархии, избежав тем самым контроля, организованного новым государством². Анализ пунктов назначения перевозившего военнопленных транспорта всех видов тоже не дает возможности вывести окончательные цифры, так как транспорт в пути нередко перегруппировывался. Подчас даже сами военнопленные не знали, куда они возвращаются, до конца не веря в гибель Австро-Венгерской монархии.

Чтобы установить общее число пленных с территории Королевства СХС и число вернувшихся в него, необходимы сведения не только из сербских архивов, но и из архивов русской царской армии и большевистских учреждений, занимавшихся

¹ А.И. 336. Ф-62. Дос. VII. XII. Z/6. № 1933. Среди интернированных были "священники, судьи, адвокаты, врачи, профессора, учителя... из Задара, Шибеника, Скрадина, Дрниша, Книна, Кистанья, Киева, Бенковца, Обровца и Карина", а также было "много словенцев".

² До 21 октября 1918 г. в Империю вернулось 664 500 пленных из России (*Milenković, Toma, Stav jugoslovenske vlade prema povratnicima iz Sovjetske Rusije // Vojnoistorijski glasnik* 2, 1968. S. 205). Согласно российским данным, всего австро-венгерских пленных на территории России находилось 2 104 146 человек (Сибирская энциклопедия. С. 517, 518).

репатриацией, из австро-венгерской военной учётной документации о пленных и их обмене, а также данные из Международного Красного Креста и Лиги Наций. До тех пор, пока не станет возможным их сопоставить, вряд ли правомерно говорить о точных цифрах.

В источниках и литературе можно найти различные оценки. Согласно данным, которыми на февраль 1919 г. располагал Совет министров Королевства СХС, организовавший возвращение бывших пленных, "число наших людей в России приближается к 100 тыс., разбросанным по всей русской территории"¹, по другим источникам, там было "большое число пленных родом из наших краев. Всего их было около 150 тыс."²; "среди пленных в России 170–200 тыс. югославов"³; фигурировали также цифры в 200 тыс.⁴, "чуть более 200 тыс. южных славян"⁵, около 200–250 тыс.⁶, а по некоторым данным, эта цифра даже могла превышать 300 тыс.⁷ В качестве курьёза можно также упомянуть информацию о том, что в России "находилось приблизительно 700 тыс. южных славян"⁸.

¹ АЖ. 507. Ф-121.

² Broz, Josip-Tito. Moj boravak u Rusiji za vrijeme revolucije // Četrdeset godina. Zbornik sećanja aktivista jugoslovenskog revolucionarnog radničkog pokreta. I. 1917–1929. Београд, 1960. С. 23. Тито не уточнил, кто и на основании чего сделал эти подсчёты.

³ Представка Югословенског одбора Николи Пашићу, председнику српске владе, 9. јануар 1917 // Н. Поповић. Добровольци. С. 154. Автор доклада д-р Анте Мандић в декабре 1917 г. располагал данными с ещё большим численным разрывом — от 120 до 200 тыс. (Там же. С. 221).

⁴ Učesnici u oktobarskoj revoluciji. S. 101.

⁵ А. Manusevič. Učešće internacionalista u borbi za sovjetsku vlast u Rusiji 1917–1920 // Prilozi za istoriju socijalizma. 5. 1968. S. 321; а также: Hrabak, Bogumil. Dolazak organizovanih povratnika iz Sovjetske Rusije u Jugoslaviju 1918–1919. godine // Zbornik istorijskog instituta Slavonije. 4. 1966. S. 239.

⁶ См.: Н. Поповић. Југословенска централна комунистичка организација у Русији. С. 237.

⁷ См.: Т. Milenković. Указ. соч. S. 205.

⁸ И. Очак, Југословени. С. 32–33; И. Очак. Из истории участия югославян. С. 275. Очак ссылается на данные Народного Комиссариата национальностей за 1918 г., который по непонятным причинам включил в список автохтонных болгар, проживавших на территории России. Автор приводит и другие источники, согласно которым "югославян" было от 100 до 300 тыс. При этом неясно, почему сам Очак останавливается на цифре 200 тыс. пленных югославян и кого он к ним относит.

Огромный разрыв в цифрах лишний раз доказывает неразрешённость вопроса о количестве и национальных пропорциях австро-венгерских пленных в России. Проблема к тому же осложняется тем, что ни один из авторов не оговаривает, что кроется под обобщающим понятием "югославяне": все югославяне Габсбургской империи; все жители её территорий, которые впоследствии вошли в состав Королевства СХС, невзирая на национальность; или только югославяне из этих областей? А ведь количество репатриантов может быть по-разному подсчитано в зависимости от подхода.

Отсюда вытекает проблема оценки динамики возвращения репатриантов. Можно только обозначить интервалы, когда их приток был интенсивнее, хотя и в остальное время процесс не прекращался. Массовое возвращение началось после заключения Брест-Литовского мира в марте 1918 г., стало слабее после крушения Австро-Венгерской монархии в октябре того же года, когда вернулась треть всех австро-венгерских пленных из России¹. После относительного затишья в первой половине 1919 г. интенсивность вновь увеличилась летом того же года, когда улеглись политические страсти в средней Европе. Эта волна репатриантов сопровождалась формированием приёмных лагерей в Королевстве СХС в сентябре и не спадала до начала русско-польской войны в 1920 г., параллельно шло и массовое возвращение из Италии. Затем вновь наступил спад. Следующее оживление было связано с окончанием Польской войны и поражением генерала Врангеля в ноябре 1920 г. Принято считать, что до середины 1921 г. большинство репатриантов вернулось в страну². После этого время от времени прибывали всё более редевшие группы, в 1922 г. это необычное переселение постепенно завершилось. Тех, кто с семьей или без семьи обосновался в России, было очень мало, и вернулись они в уже в конце 1930-х гг.³

¹ См.: *T. Milenković*. Указ. соч. S. 205.

² См.: *Vujošević, Ubavka*. Pisma Ilije Mikića upućena Lenjinu i Komunističkoj internacionali (1919–1921) // Prilozi za istoriju socijalizma. 5. 1968. S. 545; *Novak, Franjo*. Naši ratni zarobljeici u Rusiji na strani Oktobra // Četrdeset godina. Zbomik sećanja aktivista jugoslovenskog revolucionarnog radničkog pokreta. I. 1917–1929. Beograd, 1960. S. 31.

³ А.И. Ф. 450 (Международный Красный Крест — репатриация югославских граждан из СССР, 1922–1945).

Разразившийся в 1914 г. конфликт следует рассматривать через призму его предыстории, а также в свете развития отдельных государств, имевших собственные интересы на Балканах. Поэтому в данном контексте необходимо учитывать и литературу, охватывающую более ранний период, который предопределил дальнейший ход событий, находящихся в центре нашего внимания¹. Данный очерк, конечно, не претендует на исчерпывающее описание историографии и является скорее путеводителем для читателя, которого данная тема привлечёт более детально. В качестве общих обзорных работ стоит указать на появившиеся недавно обзоры истории Сербии (Югославии) в XX в. и Первой мировой войны, вышедшие из-под пера ведущих российских специалистов в этих областях².

Темой российских интересов на Балканах, напрямую или опосредованно, занимались многие авторы. В центре их внимания было стремление России овладеть Константинополем и проливами, что позволило бы ей контролировать Балканы, Малую Азию, а также увеличить свой вес в Средиземноморье. Столкновение интересов великих держав затрагивало и находившиеся в зоне их влияния малые государства, оказывавшие на процесс собственное воздействие и артикулировавшие свои претензии. И то, и другое — причина масштабной политической игры, особенно во время Первой мировой войны. Результаты этой игры, особенно применительно к Сербии, зависели, в первую очередь, от российских планов и запросов, а также от договоренностей союзных

¹ О более ранних этапах российско-сербского военного сотрудничества писали *J. Dragašević, D. Dinić, V. Maksimović*. В синтетическом виде эти взгляды изложены в: *Вуксановић-Анић Д. Стварање модерне српске војске*. Београд, 1993; *Љушић Р. Кнежевина Србија: (1830–1839)*. Београд, 1986.

² См.: *Шемакин А.А. Югославянские народы и государства в начале XX в. Сербия. Первая мировая война. Рождение Югославии / Югославия в XX веке: Очерки политической истории*. М., 2011; *Айранетов О.А. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917)*. Т. 1. 1914, Начало. Том. 2. 1915, Апогей. М., 2014.

держав. Само это подразумевает важность анализа политики России в отношении проливов и, в целом, Османской империи на всем протяжении XIX в., поскольку иначе невозможно понять её роль в процессе освобождения балканских народов и достижения ими независимости¹.

Предтечей российско-сербских отношений в начале XX в. стали духовные связи двух народов, которые можно ретроспективно проследить начиная с XII в. Со временем менялась структура и интенсивность этих отношений, которые носили преимущественно культурный характер. Впоследствии они также приняли форму политического и военного сотрудничества. Как пишет Мирослав Йованович в своей обобщающей работе ("Срби и Руси, 12-21. век — историја односа"), из всех великих держав именно с Россией сербы поддерживали наиболее продолжительные и значимые связи². Интересующая нас тема представлена и в появившемся на свет при участии этого безвременно ушедшего автора сборнике документов "Москва — Сербия, Белград — Россия: документы и материалы. Том 3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917" (Белград, 2012). Это издание, вместе с первыми двумя томами, в которых освещены периоды с XII в. по XVIII в. и с XVIII в. по XIX в., представляет собой наиболее объёмный по хронологическим рамкам и числу документов сборник свидетельств о связях двух народов.

Предыстории великого конфликта на Балканах посвящена коллективная монография "За балканскими фронтами Первой мировой войны" (В. Н. Виноградов, А. В. Карасев и О. В. Соколовская), в которой идёт речь о международных отношениях с середины XVIII в. до конца Первой мировой войны. При этом балканские государства предстают не сателлитами, а субъектами международного права. Особое внимание уделяется политике России на Балканах во время Первой мировой войны, а также послужившему её причиной стремлению Германии подчинить себе полуостров. Несмотря на то, что великие державы обладают мощью, позволяющей им направлять мировую политику, малые государства представляют собой источник существенных проблем. Поскольку от них часто исходит инициатива, их можно счи-

¹ См.: Киняпина Н.С. Балканы и проливы ...

² Јовановић М. Срби и Руси...

тать опосредованными творцами великих событий. Так и было в случае с интересующими нас балканскими перипетиями¹. С момента обретения политической самостоятельности Сербия стремилась и к хозяйственной независимости — как от Турции, так и от Австро-Венгрии. Экономические, а, следовательно, и политические интересы последней простирались через Балканы до Салоник. В областях Рашка и Косово притязания Дунайской монархии вступали в противоречие с интересами Сербии, которая тоже желала обрести выход к Адриатике и Эгейскому морю². Долгое время экономика слабо развитой Сербии полностью зависела от огромного соседа, который поглощал почти весь её экспорт и служил основным поставщиком промышленных товаров. Осуществление планов Дунайской монархии подразумевало подчинение экономики сербского государства, которое, одновременно, лишалось простора для политического маневра. Однако Таможенная война 1906–1911 гг. между Белградом и Веней показала, что Сербии в результате переориентации хозяйства и развития собственной промышленности удалось отвоевать своё место в европейской экономической системе. В этом свете аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г. была продиктована не только экономическими интересами, но и намерением оказать давление на Сербию, поставив барьер на пути реализации её основных внешнеполитических устремлений. Этой теме посвящена работа Д. Джорджевича о Таможенной (т. н. Свиной) войне Австро-Венгрии и Сербии 1906–1911 гг. Конфликт между "Давидом" и "Голиафом" углублялся и обострялся по мере того, как, с одной стороны, получала всё большее распространение югославянская идея и, с другой, активизировалась австрийская империалистическая политика на Балканах. Развязка противостояния интересов двух держав, уходящего корнями в XIX в., произошла во время Первой мировой войны 1914–1918 гг.³

¹ Там же.

² См.: *Цвијић Ј.* Излазак Србије на Адрију. Београд, 1913; *Ђорђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и Конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956; *Милићевић М.* Пруга ка Јадрану: кратка историја железничке кампање Србије за продор на Јадранско море. Београд (Приштина — Лепосавић), 2007.

³ См.: *Ђорђевић Д.* Царински рат Аустро — Угарске и Србије 1906–1911. Београд, 1962.

Я. В. Вишняков в своей монографии "Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века" освещает военную тематику, а также изучает воздействие офицерского корпуса на ситуацию в Сербии до начала Первой мировой войны. Из политических событий особое внимание автор уделяет Майскому перевороту 1903 г. и Боснийскому кризису 1908 г. Не осталось без внимания и огромное, чаще всего негласное влияние, оказываемое Австро-Венгрией на события в Сербии. Примером может служить достигнутое путём различных афер ухудшение отношений между Сербией и Черногорией. Заметим, что Австро-Венгрии (тогдашнему прообразу современного Европейского союза) не по нраву было любое улучшение взаимоотношений между славянскими народами, шла ли речь о сербо-хорватских, сербо-болгарских, польско-украинских, польско-русских или украинско-русских контактах. С. Д. Сазонов в аннексии Боснии и Герцеговины, а также в едва ли не одновременном провозглашении Болгарии царством видел одно лишь желание Вены нарушить систему международных договоров и желание ослабить Сербию (как главного союзника России на Балканах того времени)¹. Всё это соответствовало целям австрийского империализма. Они отнюдь не ограничивались Балканами, где вступали в противоречие с интересами Сербии и её союзника России. Было ясно, что это только первый шаг, за ним последуют и другие. Поэтому через призму такой тенденции надо рассматривать и события, которые произошли несколькими годами позднее — в момент начала войны в 1914 г.

Накануне Первой мировой войны произошло новое обострение проблемы проливов, обусловленное крупными событиями (Боснийским кризисом, итальянско-турецкой войной, Балканскими войнами), а также миссией Лимана фон Сандерса в Константинополе (которую исследует Ю. В. Лунёва), и развивавшееся в рамках, оговорённых в англо-русском соглашении 1907 г.² Изменению режима проливов в пользу России, без которого русский флот и дальше оставался бы "запертым" в Чёрном море, противились не только Центральные державы,

¹ См.: *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012.

² См.: *Лунёва Ю.В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907–1914). М., 2010.

но и Англия. Англия стремилась к установлению нейтрального статуса проливов. При этом в случае их открытия для всех кораблей опасность грозила бы России не столько со стороны малых государств — Румынии и Болгарии, сколько от Германии, стремившейся к монопольным правам на Багдадскую железную дорогу, а также от Великобритании, пытавшейся сохранить гегемонию в Средиземноморье и Персии. Позиция Берлина и Лондона препятствовала урегулированию проблемы проливов, которая обострялась во время крупномасштабных кризисов и конфликтов. Если бы Турция и Румыния вступили в Балканский союз, Сазонов предпочёл бы, чтобы проливы остались под протекторатом Турции, а Россия и прочие черноморские государства получили право на проход флота. Не устранив этих противоречий, великие державы вступили в Первую мировую войну.

Конференции великих держав (России, Германии, Великобритании, Франции, Италии и Австро-Венгрии) в Лондоне и Бухаресте, которые различались по характеру и обсуждаемым на них проблемам, беспрестанно затрагивали этот вопрос, считаясь, разумеется, лишь с интересами государств-участников, без внимания к чаяниям балканских народов¹. Анализ политики европейских государств на Балканах представлен в книге маститого российского учёного Ю. А. Писарева. Автор раскрыл империалистические цели Германии и Австро-Венгрии, в то же время реконструируя политику России в Юго-Восточной Европе и вклад её дипломатии в создание Балканского союза. Исходя из этой монографии, можно прийти к обоснованному выводу о том, что наличие торгового пути через Сербию в Переднюю Азию обслвило превращение Балкан в "пороховой погреб", а сербов — в его "фитиль".

Германская политика эпохи империализма и, в частности, её восточное направление оказывали большое влияние на ситуацию в Европе. Воздействие на общественно-политическое развитие государств и народов Восточной и Юго-Восточной Европы, а также реакцию различных общественных слоев на германскую опасность рассмотрел В. К. Волков в монографии "Дранг нах остен и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: 1871–1918 гг." Основное внимание в работе уделено общим сферам

¹ См.: Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы....С. 239.

интересов, которые оспаривали друг у друга Петербург и Берлин. Поэтому главным объектом „внимания“ Германии автор считал Россию с Польшей, а также Балканы и Турцию. Экспансия немецкого капитала на восток стала, по В. К. Волкову, локомотивом политики колониализма, осуществляемой в интересах буржуазии (немецкая монополия в Багдадской железной дороге, защита Турции, в которой сильны были позиции немецкого капитала). Проследив эволюцию политики *Drang nach Osten* с момента её зарождения в 80-е гг. XIX в. вплоть до окончания Первой мировой войны, автор рассмотрел, насколько она влияла на прочие государства, к каким действиям их подталкивала. Так, Берлин поддерживал Вену в её стремлении к экспансии в южном направлении. При этом германское руководство полагало, что Австро-Венгрия, в силу своей слабости, будет слепо следовать его рекомендациям. И действительно, война началась именно тогда, когда Германия сочла, что наступило время продемонстрировать своё техническое превосходство над противниками. В частности, над Россией, которая только приступила к военной реформе¹.

Тем же сюжетам — восточному направлению германской и австрийской империалистической политики — посвящена работа Андрея Митровича "Прорыв на Балканы. Сербия в планах Австро-Венгрии и Германии: 1908–1918 гг." Автор, анализируя стратегический аспект германской и австро-венгерской политики в отношении Сербии, пришёл к выводу о том, что готовность к разрушению сербской государственности и, в целом, к покорению Балкан сформировалась у обеих держав ещё во время аннексии Боснии и Герцеговины. Проникнув на Восток — на Балканы и в Переднюю Азию, — Германия обзавелась бы территориями, экономическая эксплуатация которых позволила ей претендовать на мировое господство. Сербии предстояло первой принять удар. В свою очередь, Австро-Венгрия стала сторонником этой политики, чтобы путём аннексии государств на её южных границах решить собственные внутренние проблемы².

Коллективная монография "До и после Версаля: политические лидеры и идея национального государства в Центральной

¹ См.: Волков В.К. "Дранг нах остен"...

² См.: Митровић А. Продор на Балкан...

и Юго-Восточной Европе" посвящена важному фактору — лидерам, роль которых в условиях кризисной обстановки Балкан была значительной. Среди политических вождей, предопределивших ход событий на Балканах и в Восточной Европе в первой трети XX в., были Элефтериос Венизелос, болгарский царь Фердинанд, румынский король Фердинанд I, Степан Радич, Антон Корошец, Александр Карагеоргиевич, Никола Пашич, Исмаил Энвер-Паша, Роман Дмовский, Миклош Хорти, Пал Телеки, Томаш Масарик, Иоан Братиану и т. д. Статью "Король Югославии Александр Карагеоргиевич" написал А. А. Силкин; "Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений" — А. Л. Шемякин¹. Объединяет всех вышеперечисленных балканских лидеров одно — следование национальному идеалу. Через эту призму каждый из авторов и рассматривает своего героя.

Никола Пашич, как центральная фигура сербской политики довоенного и военного времени, занимает соответствующее место в большинстве работ, посвящённых этой политике. Об отношении сербского премьера к союзникам, обусловленном военными целями Сербии и интересами создания Югославии, идёт речь в книге Джордже Станковича "Никола Пашич, союзники и создание Югославии" ("Никола Пашић, савезници и стварање Југославије"). В исследовании представлено видение государственным деятелем союзнических отношений и политической ситуации, приведшей к войне. По мнению автора, причиной войны Пашич считал соперничество двух блоков и стремление Австро-Венгрии к уничтожению малых народов, необходимостью защиты которых объясняли свои действия члены Антанты. Этой риторике они придерживались начиная с Июльского кризиса и до конца войны. Что касается Пашича, то он только в 1917 г. заявил, что к ней привело стремление Австро-Венгрии положить конец югославянскому движению. Если бы эти слова прозвучали ранее, в них углядели бы сознательное намерение начать войну с Австро-Венгрией, что неминуемо подорвало бы репутацию Сербии как малого государства, нуждающегося в помощи союзников. Интересно отметить и тот факт, что это произошло после крушения императорской России, единственной среди великих держав последовательно поддержи-

¹ До и после Версаля: политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 6–29, 30–63.

вавшей расширение Сербии до её этнических границ, а не создание смешанного государства католиков и православных. Стоит отметить, что формально Россию и Сербию не связывали союзнические обязательства, а статус Сербии как члена союзнической коалиции не признавался ни в одном из её учредительных документов. Поэтому Белград не мог присутствовать на переговорах Антанты. Что ещё важнее, ни одно из соглашений, подписанных союзниками, не гарантировало Сербии достижения какой-либо из её военных целей. Это дало возможность союзникам "торговать" территориями как самой Сербии, так и теми, на которые она претендовала, дабы привлечь на свою сторону нейтральные балканские государства и Италию. Отсюда — постоянные трения, угрозы и давление, которому Белград сопротивлялся, невзирая на возможные последствия. Пашич твёрдо стоял на том, что Македония, будучи стратегически важной территорией ("У кого в руках Македония, тот контролирует все Балканы"), остаётся неотъемлемой частью Сербии. Не могло быть и речи о передаче её Болгарии, которой Пашич нисколько не доверял. Отказ от собственных территорий в обмен на ничем не подкреплённые обещания присоединения Боснии и получение выхода к морю опытный сербский политик считал неоправданным риском. Помимо македонской существовала и проблема Далмации, большая часть которой должна была отойти Италии, в соответствии с Лондонским договором. Ни один из сербских представителей не только не присутствовал на его подписании, но и не был осведомлён о его условиях или переговорах, ему предшествовавших. Те же трудности имели место и в случае с Румынией, за которой признавалось право на Банат. При этом Сербия оставалась даже без защитного пояса вокруг Белграда. В то же время Пашич понимал, что Сербия полностью зависит от союзников и их финансовой помощи, что без них она не сможет решить ни одной из стоявших перед ней, собственно, внутрисербских задач, к которым относилось урегулирование отношений с Албанией, Черногорией и македонскими сербами. Вышеприведённые примеры дипломатической "торговли" показывают, какое место занимала Сербия в отношениях союзников, и каковы были причины тех или иных действий отдельных держав¹.

¹ См.: *Станковић Ђ. Никола Пашић, савезници и стварање Југославије. Зајечар, 1995.*

Попытка обобщения сербско-русских отношений, начиная с XII в., сделана в монографии Николы Б. Поповича "Сербия и царская Россия"¹. Наиболее весомой в монографии получилась та её часть, которая относится к истории взаимоотношений эпохи их расцвета (в начале XX в.). Фактически эти главы об истории отношений двух государств во время Первой мировой войны стали развитием докторской диссертации Н. Б. Поповича, опубликованной за 20 лет до этого. Степень близости Сербии и России, как справедливо полагал автор, зависела от того, в какой мере сербские интересы совпадали с российскими. Двустороннее сотрудничество осуществлялось, в силу этого, на военном поприще — как в области попыток согласования войсковых операций, так и в поставках вооружения из России, которые продолжались вплоть до падения Сербии. По мнению Н. Поповича, в этом плане Россия и оказала Сербии наибольшую помощь. Главной политической проблемой оставалась позиция нейтральных государств. Перечисляя усилия по привлечению их на сторону Антанты, автор оценивает, в какой степени действия России совпадали с целями Сербии. Именно стремление к достижению военных целей (укрепление единства южнославянских народов и всех населённых сербами территорий в едином государстве — для Сербии; освобождение Константинополя и контроль над проливами — для России) определяло характер двусторонних отношений. Для Сербии таковой было создание крупного государства, способного самостоятельно за себя постоять. В этом свете, по мнению сербского историка, Сербия была заинтересована в присутствии на Босфоре России, способной нейтрализовать претензии Румынии и Болгарии².

В первый год войны военное сотрудничество двух государств развивалось на фоне озвученных Россией и другими союзниками требований в адрес Сербии начать наступление в Албании, а также перейти Саву и Дунай, дабы отвлечь на себя силы противника. Подобные действия не противоречили сербским военным целям, но они оставались нереализуемыми по причинам военно-стратегического характера. Поэтому во время Июльского кризиса 1914 г. Сербия отказалась предоставить великим державам право опреде-

¹ См.: Поповић Н. Б. Србија и царска Русија...

² См.: Поповић Н. Б. Односи Србије и Русије у Првом светском рату (1914–1918). Београд, 1977.

лить её участь. Опасаясь болгар, сербы не решались оголить тыл и двинуться на север. Со своей стороны, Россия искренно верила, что Болгария не предаст славянства и не выступит против своей освободительницы — России. В свою очередь, сербы, наученные горьким опытом 2-й Балканской войны, считали лучшим способом решения проблем с Болгарией превентивную высадку там российских войск и установление лояльного интересам православного славянства режима. Россия предоставляла Сербии материальную помощь вплоть до 1916 г. Петроград не участвовал в реорганизации сербской армии на Корфу, однако сербское руководство по-прежнему рассчитывало на его помощь. В это время в России формировался Сербский добровольческий корпус. Россия поддерживала сербские требования, адресованные союзникам, а также сама намеревалась возобновить военную помощь, в отличие от Великобритании и Италии, заинтересованных в ослаблении Сербии. Несмотря на экономические проблемы в обоих государствах и на отсутствие между ними экономических связей, Россия оказала Сербии наибольшую экономическую помощь. По мнению Н. Поповича, российские кредиты Сербии по своим объёмам не уступали союзническим.

Н. Попович не обошёл своим вниманием и дипломатические игры, значительная часть которых велась вокруг привлечения Болгарии на сторону Антанты. Россия стремилась к паритету сил между Сербией и Болгарией и, соответственно, к восстановлению Балканского союза, способного воспрепятствовать германской экспансии на Восток. Болгарии в этих планах отводилась роль базы, с которой можно было осуществить захват Константинополя и проливов. Союзники обещали Софии часть сербской Македонии, а Сербии, в качестве компенсации, населённые сербами австрийские территории (Срем, Боснию и Герцеговину), а также выход к Адриатическому морю. Здесь интересы России и Сербии расходились. Противоречила попыткам объединения сербов и хорватов в едином государстве политика союзников по задабриванию Италии, которой обещали австрийские территории Далмации, Истрии, Триеста и Валоны, населённые хорватами и итальянцами. В соответствии с югославянскими амбициями Белграда, Петроград противился расширению Италии, однако не был в этом последователен. Неопределённость по вопросу сохранения Австро-Венгрии

не позволяла Российской империи решительно поддержать революционное движение проживавших в ней южных славян. Проблема Баната также осложняла отношения Сербии (и России) с Румынией, которая, в свою очередь, оспаривала у Австро-Венгрии Трансильванию. Отвергая вплоть до середины 1915 г. румынские претензии на территории, простиравшиеся до Дуная и Тисы, Россия, в конце концов, отступила. В качестве компенсации союзники пообещали сербам рассмотреть их югославянские планы. Отсутствовал консенсус и по греческому вопросу. С одной стороны, Англия и Франция стремились к усилению Греции, как конкурента России в её борьбе за проливы. Видела свою выгоду в усилении Греции (как союзника в противостоянии с Болгарией) и Сербия. Интересно, что Сербия была даже готова уступить грекам свои территории — Струмицу, Дойран и Дойранский треугольник. Россию же вполне устраивал нейтральный статус Греции без потенциальных приращений её территории в Европе, с возможными компенсациями в Азии, до которых дело могло дойти лишь в конце войны. Проблема открытия фронта на Балканах также разделяла членов Антанты. Великобритания и часть французских военных кругов считали, что Западный фронт главный, и не стоит расплывать силы. России этот новый фронт был нужен, чтобы разгрузить свой собственный. После разгрома Сербии главной задачей сербской дипломатии было выяснить, каковы её позиции в России. Во время визита Пашича в Петроград Сазонов уверял его, что российское правительство поддерживает восстановление Сербии и её объединение с югославянскими территориями из состава Австро-Венгрии. Союзники были крайне озабочены вопросом, чьими сателлитами станут государства, которые возникнут на руинах Австро-Венгрии. В силу этого Россия была обеспокоена вступлением в войну Италии, аппетиты которой на Адриатике поощрялись Францией и Великобританией. Внутренняя опасность и будущая ориентация югославянского государства, в котором окажется большое число прозападно настроенных католиков. Вообще стоит отметить, что видимая противоречивость политики России по вопросу о будущем Сербии — т. е. поддержка идеи построения Сербии, как государства всех сербов, или Югославии, как единого государства всех югославян — остались вне рамок монографии Н. Поповича. Значительную роль в этом, вероятно, сыграло то, что

оба издания его работ вышли в период существования Югославии. Говорить в то время о том, что Россия занимала двойственную политику по вопросам о единстве югославских народов было сложно. К сожалению, пока нет ещё работ, которые рассмотрели бы генезис этой двойственности и ответили бы на вопрос, бывший фигурой умолчания в старой югославянской и советской историографии: почему твёрдые консерваторы в руководстве МИД Российской империи были сторонниками единства сербских земель, но прохладно относились к идее сербско-хорватского государственного единства (т. е. к идее Югославии). И почему либералы и сторонники Англии в российском императорском МИД к идее Югославии были столь трепетно привязаны, что они и доказали после февраля 1917 г.?

Отдельную тему представляет собой организация Сербского добровольческого корпуса в России, численность которого достигала 40 тыс. чел. Составленный из пленных солдат австро-венгерской армии — сербов и прочих славян — корпус в определённый момент стал единственным источником пополнения сербской армии. В подготовленном Н. Б. Поповичем сборнике документов "Югославянские добровольцы в России, 1914–1918 гг." ("Југословенски добровольци у Русији 1914–1918"¹) содержится немало документов, описывающих процесс создания корпуса, раздиравшие его внутренние противоречия, "диссидентское" движение, а также проблемы, связанные с его использованием. Существование корпуса, в котором большинство составляли сербы, хорваты, словенцы и чехи, послужило для сербского правительства аргументом в переговорах об объединении южных славян. В то же время документы отражают и обратную сторону всего этого процесса. Речь идёт о разногласиях, возникших в корпусе на религиозной и национальной почве, в частности, между хорватами-солдатами и сербами-офицерами. Россия начала проявлять интерес к корпусу только после поражения Сербии, руководству которой пришлось согласиться на то, чтобы использовать его не на Салоникском фронте, а в Добрудже.

¹ См.: Поповић Н. Б. Југословенски добровольци у Русији 1914–1918. Београд, 1977.

Проблеме открытия и развития Салоникского фронта посвящена книга Драголюб Р. Живоиновича¹. Очевидно, что планы и интересы Великих держав в связи с Салоникским фронтом не совпадали. Сербская армия, находившаяся вдалеке от родины, полностью зависела от воли союзников. Единственным источником её пополнения оставались добровольцы. Автор полагает, что сербы использовались как пушечное мясо, которое союзники бросали в бой, чтобы проложить себе путь через позиции противника. Он также констатировал несовпадение интересов Сербии и различных держав Антанты. Автор отметил, что Россия отказалась от греческой помощи в связи с Константинополем, т. к. в целом Сазонов понимал, что Англия стремится отвратить балканские государства от России. Надеясь на исход Дарданельской операции, Англия могла надеяться на нейтралитет Болгарии и решение балканской проблемы. Великобритания вытесняла Россию с Балкан. В то же время англичане обвиняли Петроград и упрямых сербов за потерю Болгарии. Большинство западных генералов не сомневались, что исход войны решался на Западном фронте, где следовало сосредоточить все силы, в результате чего задерживали открытие фронта на Балканах. Тем не менее, Франция и Россия связывали с ним определённые надежды. Живоинович считает, что Петербург полагал, что сначала надо решить балканский вопрос, а затем добиваться перелома на Западном фронте².

Андрей Митрович в монографии "Сербия в Первой мировой войне" ("Србија у Првом светском рату") писал о ситуации в Сербии, ходе войны и военных операциях. Меньше внимания он уделял внешним факторам и международным отношениям, а также дипломатии и интригам, связанным с интересами великих держав³.

Военные цели Сербии подробно рассмотрел Милорад Экмечич⁴. Исходной причиной споров по поводу формулирования этих целей сербским руководством автор считает не столкновение националистических идеологий балканских государств,

¹ См.: *Живоиновић Д.Р.* Невольни ратници, велике силе и Солунски фронт 1914–1918. Београд, 2008.

² Там же.

³ См.: *Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд, 1984.

⁴ *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије: 1914–1918. Београд, 1992.

в том числе и Сербии, а противодействие великих держав реализации югославянского проекта. Автор полагает, что каждая великая держава заинтересована в существовании некой территории нестабильности, на которой бы она, в подтверждение собственного статуса, осуществляла арбитраж и, по его мнению, Россия такой территорией считала Балканы. Стремление к проливам, поначалу не столь явное, всё же было главным фактором политики России, что проявилось в формулировании её военных целей и предложений, озвучиваемых на международной арене. По мнению академика Сербской академии наук, из балканских государств конкуренцию России могла бы составить Болгария, а из союзников — Англия. Однако для последней усиление России было меньшим злом, ведь Германия уже прочно обосновалась в Турции. И в то время как судьба Турции была уже решена, отношение к проблеме сохранения Австро-Венгрии в ходе событий изменялось. В 8-ми из 13 пунктов составленной российским МИД программы интересов России в Мировой войне говорилось о сохранении Дунайской монархии, в составе которой, помимо Австрии, оставались бы Венгрия и Чехия. Сербии достались бы Босния и Герцеговина, сербская часть Далмации и северная Албания. Болгария получила Македонию. В дальнейшем стала созревать идея раздела Австро-Венгрии, осколки которой, наряду с остальными, достались бы новосозданной Югославии и независимому венгерскому государству. Британцы, опасаясь создания крупного славянского государства — потенциального союзника России на Балканах, — поддерживали итальянские требования в Далмации. В ходе переговоров в Лондоне верх одержала именно английская позиция. Югославянский вопрос стал актуальной политической проблемой в период обострения итальянского и болгарского кризисов, что и вызвало многочисленные затруднения в процессе его урегулирования. По мнению автора монографии, Россия не сразу поддержала создание Югославии, беспокоясь, как бы та не стала чрезмерно самостоятельной и не подорвала бы репутацию России как освободительницы балканских народов¹. Словом, ключевой вопрос о генезисе и динамике русской позиции по вопросу о сербском/югославском государстве также, вероятно, интересовал автора, но связывать его с идеологическими и политическими колебания-

¹ *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије: 1914–1918. Београд, 1992.

ми внутри российского МИД он не стал. Чтобы понять всю сложность и остроту внутренних противоречий в определении внешней политики России в годы Первой мировой войны, достаточно упомянуть лишь один факт. Глава МИД России Б. В. Штюрмер, смещённый в ноябре 1916 г., после переворота февраля 1917 г. был арестован и умер в Петропавловской крепости. С другой стороны, его наследник и последний глава императорского МИД Н. Н. Покровский в апреле 1917 г. возглавил Русско-Американский комитет содействия экономическому сближению России и США и был новыми властями всячески обласкан.

Непосредственно о русско-сербском военном сотрудничестве в годы Первой мировой войны или в целом о политике России на Балканах в 1914–1918 гг. было написано сравнительно мало. Концептуально, мотивы и методологию анализа русской политики на Балканах в годы Первой мировой войны лучше всего, по нашему мнению, даёт сборник статей под редакцией О. Р. Айрапетова "Последняя война императорской России". Мы имеем в виду две статьи: статью (а фактически мини-монографию) О. Р. Айрапетова — "На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II" и статью М. Йовановича "Умереть за Родину — Первая мировая война, или Столкновение "обычного человека" с тотальной войной"¹. Что же касается монографического обзора непосредственных связей двух стран в годы войны, то таких работ нам удалось обнаружить не много. В период между двумя мировыми войнами появились две важнейшие монографии по этой тематике. Военно-стратегическая сторона событий на Балканском фронте (от предвоенной ситуации до конца войны) была освещена в книге Н. Г. Корсуна. Свои лаконичные выводы о военных действиях на Балканском полуострове автор подкрепил значительным объёмом источников. Отдельные главы монографии посвящены Сербии². О русских солдатах, отправленных на Французский и Салоникский фронты, рассказывается в книге Ю. Н. Данилова³. Книга снабжена приложениями в виде документов французских архивов, проливающие свет на судьбу четырёх отрядов, командированных на помощь союзникам.

¹ См.: Айрапетов О. Р. Последняя война императорской России. М., 2002.

² См.: Корсун Н. Г. Балканский фронт...

³ См.: Данилов Ю.Н. Русские отряды...

Два — во Францию и два — в Македонию. Тематика эта привлекала и других авторов межвоенного периода¹. Важным дополнением по этой теме можно назвать синтез воззрений австрийского офицера О. Р. Вульфа — книгу "Австро-Венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918 гг.", также опубликованную ещё до Второй мировой войны. Автор служил в составе этой флотилии с момента объявления войны вплоть до краха империи Габсбургов в 1918 г. Поэтому данное исследование носит отпечаток мемуаристики и позволяет взглянуть на события глазами неприятеля². Современная австрийская историография проблемы позволяет дополнить этот взгляд³.

В новейшее время данную тему продолжил ещё ряд авторов. Это, в первую очередь, Г. И. Шевцова, которая занимается благородной и кропотливой деятельностью по реконструкции российской гуманитарной помощи Сербии в войнах начала XX в.⁴ К сожалению, до сих пор нет специального исследования, посвящённого российской Экспедиции особого назначения на Дунае. Тем не менее, Экспедиция упоминается в нескольких работах. В частности, в статье М. Йовановича "Ленинским курсом: как русские защищали Белград от австрийских мониторов на Дунае (1914–1915)", опубликованной в тематическом, "Дунайском" номере исторического журнале "Родина" за ноябрь 2010 г. М.Йованович писал о вкладе участников Экспедиции в оборону Белграда в первые годы войны и, в целом, о российской помощи, которая оказывалась как в виде кредитов и поставок оружия, так и посредством лоббирования сербских интересов в Париже и Лондоне. Все материалы и персонал переправлялись по Дунаю. В том же номере опубликован интереснейший очерк В. Б. Каширина "Дунайская Одиссея лейтенанта Григоренко", в котором идёт речь об участии русских в обороне Белграда. Перу Каширина принадлежит ещё одна ключевая статья,

¹ См.: *Валентинов Н.* Русские войска во Франции и Солониках. // Военно-исторический сборник. Выпуск 4. М., 1920; *Головин Ю. Н.* Русские войска во Франции и на Салоникском фронте. Париж, 1933.

² См.: *Вулф О. Р.* Австро-венгерская Дунайская флотилия...

³ См.: *Prasky F.* Die Donaumonitore Österreich-Ungarns. Von 1872 bis zur Gegenwart. Wien-Graz, 2004; *Pawlik G., Christ H., Winkler H.* Die K.u.K. Donaufflotte, 1870–1918. Graz, 1989.

⁴ См.: *Шевцова Г.И.* Россия и Сербия: Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). М., 2010.

посвящённая одному из аспектов рассматриваемой исторической проблемы, а именно деятельности российского военного агента в Сербии в 1914–1915 гг.¹

При столь скромном внимании историографии к данной теме, число опубликованных источников по рассматриваемому нами вопросу крайне мало. Единственным исключением стоит назвать уже упоминавшуюся публикацию в журнале "Родина", сделанную В. Б. Кашириным.

Единственный сборник документов по вопросу о боевом братстве России и Сербии в годы Первой мировой войны принадлежит уже упоминавшемуся авторитетнейшему исследователю сербско-русских связей Н. Поповичу, который, впрочем, сконцентрировал своё внимание лишь на одной из составляющей этой проблемы. Н. Попович обратился к судьбе плененных австрийских военнослужащих-славян, объединённых в Сербский добровольческий корпус². В этом контексте стоит отметить и монографию, ставшую продолжением исследования автором этой темы и посвящённую судьбе тех югославян, которые остались в России после революции и участвовали в военных действиях и прочих событиях 1918–1921 гг.³ Югославы, воевавшие на обеих сторонах, были разбросаны от Одессы до Владивостока. Одержав победу, большевики позаботились о том, чтобы до потомков дошла их версия истории Гражданской войны. Поэтому о югославах в Белом движении известно намного меньше, что делает работу Н. Поповича крайне интересной для русского читателя. Остаётся лишь посетовать на то, что эта книга до сих пор не переведена на русский язык.

Есть и более всеохватывающие сборники документов по интересующему нас периоду. Стоит начать с обширного сборника "Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительства 1878–1917 гг.: Серия 3. 1914–1917: [Т. 1–10]". Сербия обильно представлена в этом сборнике. Очевидно при этом, что дипломатические документы доминируют в сборнике, а сам прикладной военный аспект находился вне фокуса внимания авторов этого сборника.

Из свидетельств участников и очевидцев событий, прежде всего, обычных людей, упоминания заслуживают следующие сбор-

¹ См.: *Каширин В.Б.* Неотвращенная катастрофа

² См.: *Поповић Н.* Југословенски добровољци...

³ См.: *Поповић Н.Б.* Срби у грађанском рату....

ники: "Добровольцы в войнах 1912–1918 гг. — пережитое и воспоминания" ("Добровольци у ратовима 1912–1918. — доживљаји и сећања". Београд, 1971), изданный под редакцией Радивоя Кашанина; "Сербия в войнах — воспоминания" ("Србија у ратовима — сећања", Београд, 1958) под редакцией Живана Живановича; "Агония Белграда в Мировой войне" ("Агонија Београда у светском рату" Београд, 1931), опубликованный группой выживших защитников Белграда в 1914–1915 гг.; двухтомный труд "Голгофа и воскресение Сербии" ("Голгота и васкрс Србије (1 и 2) 1914–1915; 1915–1918."), подготовленный Сильвией Джурич и Видосавом Стевановичем.

Из мемуаров необходимо упомянуть вышедшие из-под пера двух членов российской миссии — Григория Николаевича Трубецкого и Василия Николаевича Штрандмана. Трубецкой, прибывший в качестве посланника во время второго австрийского наступления, в своих воспоминаниях охватил период с самого начала войны до 1917 г. Автор охарактеризовал международную обстановку, отношения сербской и русской дипломатии, описал ситуацию в Сербии, отступление через Албанию, а также жизнь на Корфу¹. Начиная с Июльского кризиса, Трубецкой основную часть вины за развязывание войны возлагал на Германию, а не на Австро-Венгрию, которая хотела использовать агрессию против Сербии для восстановления изрядно пошатнувшегося авторитета. Именно переговоры в Вене отражали позицию Берлина. О русском самодержце автор писал, что тот, оставаясь миролюбивым человеком, верил в разоружение во всём мире и скрепя сердце подписал указ о мобилизации. Трубецкой отмечал чувство единения, охватившее всю Россию. Автор дал характеристики отдельных значимых личностей Сербии, описал жизненную рутину и гигиенические условия, лечение больных и т. п. Он считал, что к решению балканского вопроса есть два подхода — религиозный, акцентирующий общность православных народов, и национальный, делающий упор на славянство. Проблему принадлежности Македонии Г. Н. Трубецкой предлагал решать сообща, без стремления объединить её в рамках одного государства. При этом он не сомневался, что Сербия от неё не откажется, тем более после коварного вступления Болгарии в войну. Что касается национальной принад-

¹ См.: *Трубецки Г.Н.* Рат на Балкану 1914–1917....

лежности тамошнего населения, то Г. Н.Трубецкой затруднялся определить её окончательно. Для достижения российских целей (обретения проливов, островов Имброс, Лемнос и Тенедос, а также части суши до линии Энос — Мидия), по мнению Трубецкого, была необходима Болгария. Чтобы заручиться её поддержкой или, хотя бы, нейтралитетом, Россия должна была помочь Болгарии получить часть Македонии, что решительно отвергал Н. Пашич. Поэтому российский посланник критиковал и его, и сербскую нерешительность в этом вопросе. Мемуары также содержат описание русской помощи — как военной, позволившей Сербии дать отпор Австро-Венгрии на первом этапе войны, так и медицинской, осуществлявшейся многочисленными гуманитарными организациями. Поддержку процесса сербского объединения — лично свою и России в целом — Трубецкой обуславливал уступками в Македонии¹.

"Балканские воспоминания" Василия Николаевича Шtrandмана — важный и, по сравнению с мемуарами Трубецкого, гораздо более объективный источник, повествующий о внешне- и внутриполитических событиях в Сербии в 1914–1915 гг. Масса приводимых подробностей детализировала реакцию отдельных лиц на происходившее, характеристики сербских государственных деятелей, а также описания городов, прежде всего, Ниша и Белграда. Шtrandман, пересказывая чьи-то оценки ситуации, характеристики целых народов и отдельных их лидеров, не забывал изложить позицию и своей страны — России². Большая часть его воспоминаний посвящена периоду Первой мировой войны, но есть и фрагменты, посвящённые Балканским войнам, пребыванию автора в Софии, Константинополе, Цетинье.

Полны пристрастности и неточности воспоминания престарелого сербского короля о событиях Первой мировой войны. Пётр ценил Россию и её помощь, но был далёк от слепого обожания, восклицая: "Бедная Сербия, на кого ты полагалась! Старая сербская пословица гласит: Сам с усам! И более ни на кого и никогда. Хотя бы они нам ничего не обещали. Мы ничего не просили у них и слепо им верили! Но, Сербия-мать, Бог на твоей стороне, он хранит тебя и не допустит, чтобы столь храбрый и великодушный народ

¹ Там же.

² См.: В. Шtrandман. Балканске усмене....

пропал по вине так называемого, незваного друга"¹. Вряд ли с этой констатацией соглашался даже его премьер Никола Пашич.

Для расширения кругозора и сравнительной оценки политики России в Белграде стоит обратить внимание на её действия в Цетинье. Это две различные по объёму, но крайне созвучные публикации источников. Во-первых, "Воспоминания дипломата. 1893–1922" Ю. А. Соловьёва, видного дипломата, в 1895–1917 гг. служившего в российских миссиях в Китае, Греции, Черногории, Румынии, Германии и Испании, в которой его застала Первая мировая войны и революция в России. Вернувшись, Соловьёв продолжил карьеру при новой власти. После него остались воспоминания о странах, где он служил, о ситуациях, в которых ему пришлось побывать, и, прежде всего, о положении в Европе в годы великих потрясений². Во-вторых, это дневниковые записи Н. М. Потапова — русского военного агента в Черногории, пробывшего там с 1903-го по 1915 г.³ Кроме развития Черногорских вооружённых сил, он отслеживал широкий спектр событий, происходивших на внутри- и внешнеполитической арене. Наблюдал он и за обыденной жизнью черногорцев. В публикацию вошли заметки Н. М. Потапова о Балканских войнах и об организации черногорской армии, а также о первых годах Великой войны и об изменении политического курса применительно к России.

В 2014–2015 гг. А. Тимофеев, Я. Вишняков и Г. Милорадович подготовили к печати два сборника материалов: о деятельности российской Экспедиции особого назначения⁴, и о Сербском добровольческом корпусе⁵. В данном издании мы помещаем приложение с расширенной и дополненной версией документальной коллекции русскоязычных документов из обоих сборников.

¹ См.: *Карађорђевић Петар*. Ратни дневник, 1915–1916. Године. Приред. Д. Живојиновић. Београд, 1984.

² См.: *Соловьёв Ю.А.* Воспоминания дипломата, 1893–1922. М., 1959.

³ См.: *Потапов Н.М.* Русский военный агент в Черногории...

⁴ Россия на Сербском фронте Первой мировой войны. Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914–1918 гг. Сост. Тимофеев А.Ю., Кремич Д.М., 2014.

⁵ См.: *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сб. док. М., 2014.

А. Ю. Тимофеев

На территории Республики Сербия имеется несколько надгробных памятников (общих и индивидуальных) русским солдатам — участникам Первой мировой войны. Наиболее известные и монументальные украшают общие могилы, и первый среди них — надгробный монумент "Русским солдатам, погибшим в годы Великой войны" на Новом кладбище в Белграде. Его торжественное открытие состоялось 24 мая 1935 г. В основании памятника находится часовня, в которой покоятся останки русских солдат, погибших на Салоникском фронте и на территории бывшей Югославии. Инициатор появления монумента М. Скородумов опубликовал брошюру, посвящённую его строительству¹. Памятник обновлялся в 1995 г. и в 2008–2009 гг. без привлечения профессиональных реставраторов. Результатом варварски проведённых работ стало уничтожение на боковой поверхности надписей с перечнем об участниках возведения памятника в 1935 г., которые теперь не представляется возможным прочитать. Внутреннее убранство часовни также не сохранилось. На русском участке Нового кладбища находится и общее захоронение бывших военнослужащих Русской императорской армии и флота, которые умерли в эмиграции в Белграде. Эти люди, которые, несомненно, участвовали в Первой мировой войне, состояли членами организации "Русское ополчение", возглавляемой вышеупомянутым Скородумовым. Монумент, украшенный русским добровольческим крестом, находился в плачевном состоянии до реставрации, а сейчас большая часть надписей на нём уничтожена. Надписи с именами похороненных, выбитые на памятнике, строители уничтожили на 80 %. Вместо привлечения археологических методов для чтения сложных палеографических надписей в результате юбилейной спешки строители стёрли лишние имена пескоструйным аппаратом. Могилы на русском участке также пострадали в результате рекон-

¹ См.: *Скородумовъ М.Ф.* Шта треба да зна, сваки Словен, а нарочито словенски политичар. Београд, 1939.

струкции 2013–2014 гг. Фактически в результате укладки плитки могильные кмани были унифицировано сдвинуты на 40–50 см. В данный момент памятники стоят над старыми дорожками и межмогильным пространством, а могилы находятся под нынешними дорожками. Установление на русском участке новоделной бетонной будки с именами спонсоров размером с Иверскую часовню, стоящую на участке, нарушает не только нормы защиты памятников (русский участок на Новом кладбище имеет такой статус), но и служит своего рода антирекламой лиц и организаций, участвовавших в проекте. Это мнение экспертного сообщества, историков искусств и работников Нового кладбища является общим по результатам ускоренных работ к столетнему юбилею. При этом русский участок Нового кладбища, безусловно, нуждался в защите и реконструкции. Еще одним результатом юбилейного 2014 г. стало возведение двух мемориальных памятников на Калемегдане — русским воинам, павшим при обороне Белграда, и памятник Николаю II — спасителю Сербии в Первой мировой войне, напротив президентского дворца в центре Белграда. Эти два памятника были установлены совместными усилиями российских и сербских общественных организаций при поддержке городских властей Белграда.

Кроме вышеуказанных, в Сербии есть несколько памятников, менее известных и не столь величественных. Два из них находятся на юге Сербии, неподалеку от г. Вранье — в окрестностях с. Корбевац и на горном перевале Бесна Кобила (на горе Крива Фея). Они хранят память о русских солдатах и офицерах Первой мировой и Гражданской войн, оказавшихся в эмиграции и умерших на строительстве горной дороги Босилеград — Вранье. Эта дорога, построенная в 20-е гг. XX в. русскими казаками в тяжелейших условиях и без каких-либо технических средств, до сих пор называется "русской". Памятники недавно восстановлены.

Кроме того, во Вранье на городском кладбище находится и недавно обновлённый памятник генералу Лонгвинову. На горе Мокра Гора, в районе города Ужице, стоит маленькая часовня, посвящённая русским военнопленным. В Белграде, на Калемегдане в церкви Св. Петки (Параскевы), имеется совместный памятник и могила сербских и русских военнослужащих, павших во время обороны Белграда и его окрестностей. Имена покоящихся в захо-

ронении нам не известны, но их поминают в находящейся поблизости церкви Ружица, когда служат панихиду. Сохранились фотографии русской батареи, расположенной на Калемегдане, однако точно установить, где стояли пушки, проблематично, так как облик крепости сильно изменился в период между Первой и Второй мировыми войнами.

Сохранились также два памятника над могилами русских военнопленных, умерших в г. Нови Сад, а также в городской крепости Петроварадин. Инициатором установления монументов был Дмитрий Скриниченко, оставивший следующую запись в своём дневнике: "Считаю себя духовно удовлетворенным тем, что мне удалось собрать сведения о военнопленных, погибших здесь, в бывшей Австрии, и поставить два памятника: один — на Успенском кладбище в Нови Саде, а второй — на Петроварадинском военном кладбище. Первый торжественно освящён 7 июля в присутствии представителя короля полковника Сретена Тодоровича. С речами выступили я, сербский священник Матияшевич, Сергеев и Григорьев. А второй был открыт 13 октября. Памятник освящён в присутствии многочисленных русских и местных жителей; памятник освятил и произнес речь митрополит Антоний. Памятники изготовлены по проекту Ю. Н. Шретера и под его контролем. Сведения об умерших от голода, расстрелянных и т. д. я получил в архиве новисадской городской администрации, а также от сербского священника Матияшевича и католического военного священника. Деньги на изготовление дали местные жители, проявившие сочувствие. Русские и здесь препятствовали сооружению памятников. Как мешали, не стану говорить. Ну их. Важно, что дело сделано. Когда мы рассеемся или умрём, хоть эти памятники будут свидетельством, что русские эмигранты заботились не только об устройстве личной жизни..."¹

Городские власти недавно восстановили памятник на старом Успенском кладбище. Подтверждено, что он установлен в честь офицеров и солдат, участвовавших в Первой мировой войне. Монумент в Петроварадине до недавнего времени пребывал в запустении и выглядел особенно удручающе рядом с соседними памятниками военнослужащим Центральных держав, отре-

¹ Скриниченко Д.В. Обрывки из моего дневника. / Предисловие и подготовка текста Колмакова В.Б.; примечания Арсеньева А.Б., Колмакова В.Б., Скриниченко В.А. М., 2012. С. 193.

ставрированными на немецкие и австрийские деньги. Памятник обновлён в 2013 г. группой энтузиастов при активном участии В. О. Острецовой, консула РФ в Сербии. До Второй мировой войны рядом с двумя вышеуказанными монументами стояли деревянные кресты, под которыми находились индивидуальные солдатские захоронения. Поэтому оба монумента можно считать кенотафами. На них имелись декоративные элементы в виде снарядов, отлитых из чугуна. Впоследствии их украли, чтобы продать на металлолом. Восстановление сделано в окрашенном в чёрный цвет цементе, чтобы избежать нового разграбления могил. Следует упомянуть, что на римско-католическом кладбище в Нови Саде захоронено 42 российских военнопленных с фронтов Первой мировой войны (1915–1918).

Памятники в Нови Саде и Петроварадине установлены в местах, где находились большие лагеря для военнопленных. Такой же лагерь был и в г. Велики Бечкерек (сегодняшний Зренянин) — в районе "Шумица", где теперь расположен военный полигон. На основании синодиков церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, можно составить список тех, кто находился в этом лагере. Организовали его в начале войны, а уже 19 октября 1915 г. на военном участке городского кладбища похоронен некто Александр Ермоленков — умерший от тифа военнопленный из ст. Михайловской (?). От инфекционных заболеваний умерла большая часть военнопленных. Прежде всего, от "испанки", унесшей жизни 20 млн чел. по всей Европе. После Второй мировой войны военное кладбище Первой мировой (как и во многих других городах Югославии) было уничтожено. Останки русских солдат перенесли на Граднуличское кладбище. 17 ноября 1991 г. на том месте, куда перезахоронили останки сербских и русских военнопленных, по инициативе местного Общества сербско-русской дружбы, была освящена часовня, построенная по проекту архитектора Милорада Бербакова. Судя по списку, на кладбище лежат останки 241 солдата, из которых 82 были русскими военнопленными¹. На мраморной плите памятника высечены стихи зренянинского поэта Радивое Шайтинаца:

¹ Список составлен на основании сведений, предоставленных А.Б. Арсеньевым, — ведущим специалистом по русскому мемориальному наследию в Сербии.

Из исте војске, са истих копорана,
 Вознеси, Господе, сјај њихових рана;
 Спојте их братством славјанског бескраја,
 Србију мати, и Ти, Русь родная¹.

Групповые захоронения русских военнопленных имеются и в других городах Воеводины. Так, известны фамилии 51 русского, умершего в лагере в г. Сента и похороненного на местном кладбище. Аналогичные захоронения есть в городах Бела Црква и Вршац. В первом на кладбище стоят несколько неподписанных металлических русских крестов. Большой лагерь военнопленных находился в г. Смедерево на берегу Дуная, неподалеку от железной дороги. Бараки и кладбище не сохранились. Определить их местонахождение удалось на основании архивных документов и фотографий.

Несколько индивидуальных захоронений тоже имеют отношение к интересующей нас теме. Из находящихся в Белграде и принадлежащих кому-либо из участников Первой мировой войны самым важным является могила генерал-лейтенанта Петра Врангеля (1878–1928), покоящегося в русской церкви Св. Троицы на Ташмайдане. Генерал скончался в Брюсселе, но перед смертью выразил желание быть похороненным в Белграде. Год спустя, с разрешения короля Александра, его останки были торжественно перенесены в Белград. Русских участников Первой мировой войны, эмигрировавших в Сербию после Гражданской войны, хоронили на Новом кладбище в Белграде. Там же, на русском участке, лежат и те, кто тем или иным образом оказал влияние на события 1914–1918 гг. В первую очередь, к ним следует отнести Николая Гартвига (1857–1914) — русского посланника в Сербии, который, пытаясь изо всех сил предотвратить развязывание конфликта, внезапно умер от инфаркта, случившегося с ним 10 июля 1914 г. во время посещения Австро-Венгерского посольства. Часовня, в которой покоится Гартвиг, украшена мозаикой. Похороны российского посланника превратились в массовую манифестацию сербского народа, имевшую выраженный антиавстрийский характер. На отдалении от других русских могил стоит большой восьмиконечный

¹ Из одной армии, из одинаковых мундиров, вознеси, Господь, сияние их ран, сплоти их братством славянским бесконечным, Сербия-мать, и ты, Русь родная...

крест над могилой Михаила Родзянко (1859–1924) — председателя Государственной думы Российской империи (1911–1917), сыгравшего ключевую роль в событиях февраля 1917 г. Там же, на Новом кладбище под скромной белой мраморной плитой с высеченной надписью "Михаил" лежат останки Михаила Алексеева (1857–1918) — крупнейшего русского полководца периода Первой мировой войны. После того как император Николай II стал Верховным главнокомандующим, Алексеев с августа 1915 г. занимал должность начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего. В этом качестве он вплоть до Февральской революции фактически руководил всеми военными операциями. Важную роль Алексеев сыграл и в феврале 1917 г. В 1920 г. во время отступления Белой армии его земляки, опасаясь осквернения могилы генерала, вывезли останки с собой в Сербию. В годы коммунистического правления, дабы избежать уничтожения гробницы родоначальника и вождя Белого движения, оригинальная могильная плита была заменена другой, с лаконичной надписью "Михаил". В 2010 г. стараниями петербургской общественной организации "Белое дело" над гробом Алексеева появилась новая плита, на которой высечено: "От русских людей, в год 90-летия завершения Белой борьбы на Юге России". Также указано его полное имя и перечислены заслуги перед родиной. Следует сказать, что рядом с Алексеевым находится могила Живоина Мишича (1855–1921) — самого выдающегося сербского полководца своего времени, стоявшего во главе штаба Верховного командования сербской армии в 1918 г. Глубоко символично, что два генерала, от которых зависела судьба русской и сербской армий, и которые так по-разному встретили окончание войны, покоятся рядом.

Существуют списки военнотружущих Российской империи, павших во время Первой мировой войны и похороненных на территории Республики Сербия: в братской могиле на Новом кладбище в Белграде, Петроварадине, Сенте и Зреняине (Бечкерек). До настоящего времени нам не удалось обнаружить списки захороненных на других кладбищах. Имеются ввиду 66 военнопленных, умерших в лагерях в 1914–1918 гг. и похороненных в Нови Саде на Успенском кладбище и в Смедерево на Новом кладбище, которое было уничтожено после Второй мировой войны. Статья из газеты "Политика" за 24 мая 1935 г. описывает открытие в Белграде

памятника и склепа с останками русских солдат. Там же приведена и речь последнего военного агента Российской империи в Сербии генерала-майора В. А. Артамонова, посвящённая памятному событию: "В мировой войне России выпала тяжкая доля. Помимо своего западного фронта длиной в тысячу километров, а также кавказского фронта в несколько сот километров она, стечением военных обстоятельств, вынуждена была оборонять и румынский фронт. Добросовестно поддерживая своих союзников, Россия послала в Сербию в начале войны отдельные формирования моряков, инженеров и артиллеристов для действий на Саве и Дунае, а также госпитали и санитарные средства. Наконец, на Салоникский фронт отправила две бригады: 2-ю бригаду генерала Дитерихса и 4-ю генерала Леонтьева, дабы засвидетельствовать этим своё горячее стремление восстановления Сербии и её фронта. Эти бригады приняли участие в тяжёлых боях на Салоникском фронте и понесли большие потери. Погибших и эвакуированных из-за ран и болезней (малярии) было, насколько мне известно, десять тысяч человек. Так, во время наступления, закончившегося взятием Флорины, 3-й русский полк имел 487 погибших и раненых и 260 больных. В октябре 1916 г. под Битодем 2-я русская бригада три раза атаковала позиции Кенали — Меджидли — Лазец — Велутина и потеряла около тысячи человек убитыми и ранеными. 2-я бригада в боях с немцами у излучины Црной Реки, в районе высоты 1050 потеряла 42 офицеров и 1 871 солдата и унтер-офицера. 4-я бригада в основном сражалась на позиции Браздаста Коса — Груниште-Будумуровцы — Старовина и два дня подряд — 11 и 13 декабря 1916 г. — пыталась штурмом овладеть Браздастой Косой. О её потерях у меня нет сведений. Могилы павших русских солдат рассеяны вдоль фронта — по обе стороны сегодняшней греческо-югославской границы. Часть раненых русских отправляли во французские госпитали в Зейтинлике. Там их похоронено, как минимум, 180. Будучи комендантом месторасположения русских частей в Салониках, я в ноябре 1917 г. высадил рядом с их кладбищем 150 кипарисов. Как мне потом сообщили, кипарисы хорошо принялись и сегодня достигают высоты в 7—8 метров. Русское кладбище в Зейтинлике находится рядом с сербским. Когда там построят склеп, в него перенесут и останки похороненных на греческой земле. Кроме тех, кто погиб при обороне Белграда в 1915 г.

и на Салоникском фронте, в югославской земле есть могилы и других русских солдат; тех, кто попал в плен на русско-австрийском фронте, а потом был рассеян во многочисленных рабочих командах военнопленных. Некоторых пленных, отказавшихся работать на австрийскую армию, австрийцы расстреляли. До 600 человек погибло на горе Шкрятца (2738 м) на границе Словении и Италии. Они строили дорогу, и их накрыла лавина. На месте их гибели поставили небольшую церковь. Все русские в эмиграции обрадуются, когда узнают о трогательном внимании, которое оказывают в Югославии их соотечественникам, павшим за славянское дело. Убеждён, что обрадуются в большинстве своём и русские люди в нашем отечестве, если узнают об этом"¹.

Судя по сохранившимся спискам, большинство погибших — православные русские, украинцы и белорусы. Среди них был и ряд представителей других конфессий и народов (поляки, евреи и татары), о чём можно судить по указанным данным. Все они сражались и погибли как солдаты исчезнувшего в 1917 г. государства — РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

¹ Сегодня столица почтит память павших русских воинов // Политика, 24 май 1935 г, № 9701.

ПРИЛОЖЕНИЯ

История русско-сербских связей в годы Первой мировой войны отложилась в архивах, хранящих документы императорской армии и флота. В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в этом контексте особенно интересны документы генерал-квартирмейстерства, т. е. военной разведки. Фонд № 2003 (Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка) представлен ценнейшими материалами военно-оперативного, военно-политического и контрразведывательного характера: Оп. 1 (Управление генерал-квартирмейстера), Оп. 3 (Управление дежурного генерала) и Оп. 4 (Военно-политический отдел). Разумеется, исследование более широкое в тематическом отношении потребовало бы привлечения материалов и из других хранилищ: Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ); Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). В Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ) — это документы оперативных отделов Генштаба Военно-морского флота (Морской генеральный штаб — фонд 417) и Штаба Командующего Флотом Чёрного моря (фонд 609). Кроме того, использовались документы отдела Главного морского штаба, осуществлявшего награждения и предоставление пенсий (Главный морской штаб — фонд 418) и занимавшегося административно-персональными вопросами. Документы представлены, по большей части, в хронологическом порядке, который нарушался только в случае с делами официального происхождения, объединяющими большое количество взаимосвязанных документов. Тогда хронологическая стройность жертвовалась в пользу органичного, связанного изложения темы, освещаемой материалами дела.

Авторы стремились сохранить, по мере возможности, исходный облик документов. Изменения не производились даже в том случае, если какое-нибудь предложение оставалось полностью непонятным. Если документ был повреждён или нечитаем, ставились

угловые скобки с троеточием, сопровождаемые комментарием авторов-составителей. Угловые скобки ставились и там, где требовалось расшифровать редко встречающиеся сокращения, дабы прояснить содержание текста. Общепринятые и не вызывающие разночтений сокращения не расшифровывались (обозначение года и месяца, отдельных воинских чинов, слова "господин" и т. п.). Круглые скобки ставились авторами самих документов. Все подчеркивания имеются в оригинальных текстах. Даты, указанные по старому стилю, не переведены на новый. В комментариях представлен перевод и объяснение различных иностранных терминов и архаических выражений¹.

¹ Затруднение могло бы вызвать слово «диссидент» (*лат.* dissident, *англ.* dissenter или nonconformist, *рус.* диссидент), оригинальное значение которого со временем изменилось. «Диссидентами» в эпоху Реформации в Англии (XVII–XVIII вв.) называли тех, кто откололся от государственной англиканской церкви (Church of England). В своём новом значении термин, повторно вошедший в употребление во второй половине 1960-х гг., используется для описания общественно-политического феномена, распространённого в СССР и других социалистических государствах. В документах, опубликованных в настоящем сборнике, в качестве «диссидентского» фигурирует движение военнослужащих Сербского добровольческого корпуса, — хорватов и словенцев, по большей части, — выступавших за выход из данного формирования.

I. Русские отряды в Сербии в годы Первой мировой войны

I. Отчёт старшего лейтенанта Волховицкого о действиях отряда с момента ухода из Севастополя до эвакуации Белграда, август — ноябрь 1914 г.

От 3 августа до 4 августа лейтенант Григоренко с 11 часов утра получил словесное приказание от капитана 2-го ранга Кетлинского немедленно отправиться на пристрелочную станцию в Сухарную балку приготовить мины заграждения и пристрелять мины Уайтхеда (4) и в 5 ч. вечера выйти в город Одессу с 6 нижними чинами на транспорте "Дунай". Ввиду того, что до спуска флага не удалось погрузиться, вышли 4-го в 10 ч. утра. Прибыли в Одессу 5-го в 6 ч.у. В Одессе из Морского батальона получил 2 ящика консервов и перевязочные материалы. 6-го в 4 ч. дня на пароходе "Болгария" Русско-Дунайского пароходства вышли в море для следования по назначению.

Переход был вполне благополучен. По пути нигде не останавливались. Но вечером прибыли в Радуевац. Утром 10-го перешли в Прахово, где приступили к перегрузке материалов на ширококолейную железную дорогу; в Зайчаре перегрузили на узкоколейную; в Парачине опять на ширококолейную. Вечером 12-го прибыли на станцию Ресники. Здесь материалы: 20 шаровых мин, 4 мины Уайтхеда, 3 аппарата и принадлежности были погружены на транспорт, запряженный быками. 12-го и 14-го была произведена лейтенантом Григоренко рекогносцировка и намечено первое место для постановки заграждения у Дубока и мины Уайтхеда у Остружницы. 15-го поставлены мина Уайтхеда в Остружнице. 16-го, 17-го делались попытки поставить минное заграждение у Дубока с имевшейся в распоряжении одной плоскодонной рыбацкой шлюпки. Однако, это оказалось невозможным ибо шлюпки не выдерживали мину и переворачивалась. Мины были установлены на 2 фута. Вместе с тем выяснилась вся трудность работы ввиду отсутствия материальных средств, течения, незнакомства сербов с рекой, далекой видимости, распространению шума на далекое расстояние по воде, а также неподготовленности команды. Утром

18-го было приступлено к постройке плотика из 2-х шлюпок. Того же числа прибывший с лейтенантом Григоренко отряд в числе 16 нижних чинов вступил под командование старшего лейтенанта Волковицкого. Старший лейтенант Волковицкий 7-го августа получил предписание с 30 шаровыми минами, моторным катером "Кореец" и 28 человеками команды отправиться в Одессу на транспорт "Казбек" для дальнейшего следования в Сербию. Выйти из-за погрузок из Севастополя удалось только 10-го и того же числа в 11½ часов ночи прибыли в Одессу. В 4 ч. дня 11-го вышли на пароходе Русского Дунайского Пароходства "Граф Игнатъев" по назначению, имея баржу на буксире. В ней, кроме груза Морского ведомства, находились еще винтовки и патроны для сербской армии. В Одессе на всякий случай было взято из Морского батальона 5 револьверов с патронами. Путь прошел благополучно. Заходили только в Рени для принятия угля. На пути на Дунае появилось 3 австрийских коммерческих парохода. Из них 2 вооруженных пулеметами. По этому поводу вся команда получила винтовки и патроны, а на барже было установлено постоянное дневальство 3 человек с винтовками. 15-го утром в 10 ч. пароход прибыл в Прахово. Ввиду большого числа перегрузок только 17-го утром прибыл в Ресник. Выгрузка закончилась только вечером. 18-го старший лейтенант Волковицкий явился к начальнику Дунайской дивизии 1-го позыва¹ и затем приступил к совместным заботам с лейтенантом Григоренко.

С первого дня работ, т. е. 18-го ночью, удалось поставить только 4 мины, для этого лейтенант Григоренко с нижними чинами, взяв на плот 2 мины, выходил на реку Саву и бросал в намеченных на глаз местах. В ночь с 19-го на 20-е поставлено было в тех же условиях 6 мин и с 20 на 21-е 2 мины. Всего 12. Ввиду большой опасности работ (стрельба во время перехода на работы и во время работ) приходилось работать как можно быстрее. Вследствие этого невозможно было производить какие-либо подготовительные работы. Потому минное заграждение было поставлено на глазок. В ночь с 22 на 23 была поставлена мина Уайтхеда на Дубоке. 21-го старший лейтенант Волковицкий отправился на западный фронт через Валево. 22-го явился к начальнику инженеров всей сербской армии и просил его выписать из России мин Уайтхеда

¹ Полковник Миливое Анджелкович-Каяфа (1868–1940).

и 2 шестидюймовых орудия для установки их на берегу. Того же числа выехал в Шабац для производства рекогносцировки на западный фронт. 23-го произвел разведку у о-ва Дреновачка Ада с инженерным майором Протичем и выбрал там же место для постановки минного заграждения. 24-го получил приказание явиться в штаб 2-ой армии выбрать место для постановки минного заграждения между селениями Босут и Митровица. 25-го выехал в село Раденовичи, произвел рекогносцировку и выбрал место для постановки минного заграждения у острова Вертачка Ада. 26, 27 и 28 пытался поставить мины на выбранном месте, но это оказалось невозможным, ибо был дан только один понтон, который при погрузке на него мин сейчас же переворачивался. 29-го прибыл утром в Раденковичи лейтенант Григоренко с сербским полковником Васичем. Был доставлен еще один понтон и можно было образовать двойной понтон. Но этот понтон был разошедшийся, и других в армии не было. Так мы бились 29 и 30, когда были обстреляны, и пришлось оставить всякую мысль о постановке минных заграждений в данном районе ввиду общего настроения противника. В это время было сообщено, что 2 монитора укрываются в канале Босут и что, если разбить шлюз, то они останутся на дне. В это время в Раденковичи пришли из России 2 мины Уайтхеда. Решено было употребить одну из них для разрешения шлюза. Лейтенант Григоренко изготовил мину и вечером под проливным дождем, по колено в грязи отряд отправился к Босутскому каналу. Мина была протаскана на банку, и лейтенант Григоренко с матросами, державшими мину, вошел в воду и пустил ее по направлению канала. Мина взорвалась недалеко от шлюза и, очевидно, произвела выемку в грунте. Вследствие этого через час вода из канала с огромным шумом выкатилась в Саву. Австрийцы за время работы не стреляли, а открыли жестокий огонь только после взрыва. Им был убит 1 серб и 1 ранен. У нас потерь не было¹.

¹ Как пишет Вульф, из-за резкого падения уровня воды в Саве мониторы не могли поддержать огнём австрийские войска. От Белграда вверх по течению можно было доплыть только до Купиново, в результате чего отрезок реки Рача-Купиново не контролировался флотилией. Поэтому сербам удалось форсировать Саву. Только 17 (4) сентября мониторы смогли, скребя днищем, потихоньку тронуться с места и принять участие в боях за Шабац. См.: Вульф О.Р. Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918, С-Петербург, 2004. С. 10–12.

1-го и 2-го сентября были последние неудачные попытки поставить минное заграждение у Вертачкой Ады. Неудача последовала вследствие сильного обстрела австрийцами позиции и отказа штаба 2-ой армии поддержать операции орудийным огнем. 3-го получили приказание поставить минное заграждение у Дреновачкой Ады, но когда 4-го стали производить разведку, австрийцы заняли Дреновачку Аду и произвели нападение на Шабца. Тогда было приказано поставить минное заграждение у устья реки Дубрава, у о-ва Оршадская Ада. 5-го ночью мины были приготовлены лейтенантом Григоренко. 6-го утром он получил приказание выехать на запад к Саве с полковником Васичем пустить плавучие мины по течению для взрыва австрийского моста. Эта попытка 6 и 7 не удалась, т. к. оба берега были уже заняты неприятелем. Транспорт с минами вышел из Раденковича за 10 минут до входа туда противника. 6-го ночью старший лейтенант Волховицкий на плоту, сделанном из одной рыбацкой шлюпки и одного австрийского алюминиевого понтона, поставил минное заграждение из 9 мин у Оршадской Ады. Брали на плоты по 3 мины, и за время постановки и возвращения по берегу плот сносило до 1 километра. Этой постановкой заканчивается как бы первый период работ. Главной ошибкой, совершенной Верховным Командованием, был отказ в разрешении нам поставить минное заграждение в тех местах, которыми на обоих берегах Савы владели несколько дней сербы, и в Земуне. Мне кажется, что причиной этого было убеждение, что сербам не скоро придется отступить. Но судьба повернулась иначе. После отступления нам назначались для постановки заграждений различные места, но куда мы не являлись, всюду было слишком поздно — австрийцы переходили на сербский берег.

После постановки заграждений у Оршадской Ады весь отряд разделился на две части. 13 мин и 11 человек были оставлены в Великом Бошняке для действий около Шабца и на наблюдательном посту у Оршадской Ады. Остальная команда с обоими офицерами отправилась на Торлак около Белграда в распоряжение Калемегданской обороны Белграда. Здесь были сосредоточены 17 мин заграждения и все 5 мин Уайтхеда. Наконец, на воду был спущен моторный катер "Кореец", до того времени стоявший в Реснике. Катер этот оказался, однако, непригодным для действий

минами, ибо: 1) он очень шумен, 2) не было подходящего аппарата, 3) он слишком легкой конструкции и с малой остойчивостью.

За время 1-го периода мониторы себя стесненными и не покидали Земуна с первых же дней нашего прибытия в Сербию.

Но за время нашего отсутствия они осмелели и стали выходить опять и обстреливать Белград. Лейтенант Григоренко, приехав в Белград 1 сентября вытащил мину в Остружнице и поставил ее в Белграде на Дунайском Кее на пути монитора. В ночь с 14-го на 15-е он произвел выстрел по монитору, но мина, пройдя около 100 метр., перестала работать, очевидно из-за недостатка воздуха. Проверить давление было невозможно, т. к. еще не дошли приборы. 10-го сентября утром мины заграждения на Дубоке на Оршадской Аде видны были из-под воды. Вечером они были уже покрыты водой на 20 см, а 15-го воды над ними было 2 метра. Два монитора воспользовались этим и ночью с 15-го на 16-е прошли к Шабцу через оба минных заграждения. Мину Уайтхеда у Дубоки не мог выпустить минный машинист, т. к. заели краны резервуара. 18-го спустили на воду моторный катер и на нем выходили за о-в Ада Циганлия, но были обстреляны своими же. 17-го поставили 9 мин заграждения у железнодорожного моста. Одна из этих мин при постановке перевернулась и затем взорвалась. 19-го поставили там же 5 мин, из коих одна оторвалась, но была поймана за мостом лейтенантом Григоренко. 20-го поставили бон между Адой Циганлией и сербским берегом для прикрытия от плавучих мин сербских мостов. Того же числа были отправлены 2 электрических сербских проектора, который они наладили. 21-го тянули из-за моста пароход "Ферти", но были обстреляны орудийным огнем, и потому пришлось до ночи бросить эту затею. 21, 22, 23 и 24 лейтенант Григоренко устанавливал и регулировал собственноручно насос Уайтхеда, ибо в минах уже не было воздуха. Насос был установлен на паровой мельнице "Вшетечки". 25-го поставили мину Уайтхеда на Аде Циганлии. 26-го поставили мину Уайтхеда на Дунайском Кее. До 3-го октября занимались переборкой мин Уайтхеда. 4-го установили мину в Остружнице. 6-го сняли мину с Дунайского Кея, чтобы перенести ее на Б.Военный о-в, поближе к Земуну. Это не удалось, т. к. буксировать мину не было возможности из-за течения. Решили тащить ее по о-ву. 7-го с Дунайского Кея перевезли ее в нижний град и 8-го поставили мину на Ратном

о-ве в непосредственной близости от Земуна. Установили там суточное дежурство матросов, снабдив их теплым бельем и консервами. Дежурство было крайне трудно, т. к. днем надо было лежать в болоте в камышах и абсолютно не шевелиться. С этого момента, наша активность возымела свое действие, ибо мониторы, зная о ней через шпионов, совершенно перестали выходить из-за Земунского угла. Добраться до них не представлялось возможности из-за отсутствия нешумящих шлюпок, для гребных же наши мины были, безусловно, слишком тяжелы. В ночь с 9-го на 10-е на заграждении у Оршадской Ады взорвался монитор "Темеш". 11-го установили мину из Остружницы у купальни. 12-го вызывали стрельбой монитор на Ратном о-ве, но он не вышел. 13, 14 и 15 лейтенант Григоренко перебирал четвертую мину и заменил ею мину на Аде Циганлии, а 16-го прибыл английский адмирал. В течение несколько дней он осматривал наши позиции и интересовался нами. 23-го поставили при нем мину Уайтхеда на Дунайском Кее. 24-го, 25-го и 26-го лейтенант Григоренко произвел разведку постановки минного заграждения у о-ва Скела. Он остановился на позиции у дер.Новое Село. В этом числе прибыл французский морской отряд с 3-мя 140-мм орудиями и приступил к их монтажу. 29-го сняли мину Уайтхеда с Ратного о-ва, т. к. сломался ключ от крана резервуара. 31-го утонула мина вместе с аппаратом у купальни, несмотря на поплавки. Попытки встретить ее, производимые 2 дня, не увенчались целиком, т. к. ее очевидно отнесло течением. 1-го ноября поставили мину Уайтхеда у купальни, т. к. эти позиции считались сербскими штабами весьма важной. 2-го было получено приказание эвакуировать Белград, и 3-го все мины и принадлежности были собраны на Торлаке и отправлены на ст. Чуприя. 4-го были поставлены еще 2 мины заграждения у моста. 8-го французы открыли огонь по мониторам, но неудачно, т.к. мониторы ушли. 16-го числа Белград был эвакуирован.

Старший лейтенант Волховицкий.
РГАВМФ, ф. 418, оп. 1 д. 3444, лл. 151–159.

2. Краткий обзор деятельности и жизни инженерного отряда особого назначения в Сербии, 1914–1915 гг.

В начале Августа 1914 года, передав заведывание портом Императора Александра III возвратившемуся в Либаву¹ командиру порта, инженер-строитель порта инженер-полковник Добров выехал в Петроград, куда был вызван в Управление морской строительной части, откуда, по приезду, был откомандирован в распоряжение начальника Морского Генерального Штаба.

Начальник Генерального Штаба 12 Августа возложил на него задачу организовать все нужное для устройства плавучей переправы через р. Дунай в пределах Сербии и, если потребуется, произвести необходимые сербской армии другие инженерные работы по переправам и доставить все заготовленное им в России для исполнения этих задач в Сербию, где поступить со всем привезенным имуществом и чинами в распоряжение Сербского Верховного Командования.

Получив от сербского посланника г. Спалайковича некоторые указания, касающиеся возможности получить в Сербии что-либо, нужное для исполнения указанных задач, инженер Добров, по приказанию начальника штаба, 16 Августа выехал из Петрограда в Севастополь, где получил от Командующего Черноморским флотом разрешение выбрать из лишнего и портового имущества 4 сорта то имущество, которое было нужно для исполнения вышеприведенных задач, и командировать в его распоряжение необходимых нижних чинов флота из Николаева и, в крайнем случае, офицеров из ближайших портов.

Выбрав все возможное в портовых хранилищах и назначив к немедленной отправке в Одессу, инженер Добров 20 августа выехал в Одессу, куда прибыл 23 августа, и в тот же день выехал на Дунай до Галаца для личного ознакомления с рекою и плавающими по ней судами. Возвратившись 26 августа в Одессу, инженер Добров с 26 августа по 3 сентября осмотрел суда, плавающие по берегам Черного моря до Херсона и по впадающим в этих пределах рекам.

¹ Порт Александра III — военный порт имени императора Александра III в Либаве (Лиепая). Значимая военно-морская база Российской империи в Балтийском море.

В это же время, по разрешении возбужденного им ходатайства получить некоторое количество имущества из Одесского инженерного и минного склада артиллерийского и интендантского хранилища, им было приступлено к выбору из этих складов и упаковке нужного имущества и сбору его на последовательно подаваемых баржах, привлеченных по военно-судовой повинности от казенного Русско-Дунайского пароходства. Остановившись, как на более подходящих, на судах, плавающих по Дунаю, инженер Добров вместе с привлеченным по военно-судовой повинности капитаном Русско-Дунайского пароходства и при содействии смотрителя рыболовного надзора по Дунаю инженера Клера, заведующего инженерными работами по Дунаю от министерства торговли и промышленности инженера Шевелева и агентов Русско-Дунайского пароходства в Вилково, Килии, Измаиле и Рени приобрел в разных местностях по Дунаю и по его лиманам 147 судов. Эти суда были собраны в указанных выше агентствах и погружены на баржи. Все баржи собирались к известному числу в Рени, откуда должен был тронуться весь транспорт с имуществом и личным составом.

Кроме того, в Одессе, Херсоне, Измаиле и Рени при помощи начальника работ Одесского торгового порта инженера Бахметьева, начальника работ портов Черного моря инженера Пель, начальника Херсонского торгового порта капитана 2-го ранга Иванова-Кросс и прибывших 6 сентября в Одессу в распоряжение инженера Доброва инженеров-подполковников Лебедева и Белякова и несколько раньше старшего техника Волчанецкого были приобретены моторные катера, якоря, ровный лесной и другой материал, как то лебедки, тросы, канаты, блоки, смола, масло, пакля и пр., рабочее платье, инструменты, а также пищевые продукты для личного состава.

11 сентября инженер Добров получил по телеграфу предписание от начальника Морского Генерального Штаба организовать военную охрану приготовленного к походу в Сербию транспорта и вести транспорт под ее прикрытием ввиду возможного нападения австрийских пароходов. Ввиду сего, он немедленно испросил из Севастополя для вооружения намеченных к привлечению по военно-судовой повинности пароходов Русско-Дунайского пароходства соответствующее число избранных им 75- и 47-мм пушек и пулеметов и нужный личный состав, и немедленно выработав

вместе с корабельным инженером Добровольного флота капитаном Алымовым и управляющим Русско-Дунайским пароходством инженером-механиком флота Ермаковым схему вооружения пароходов, приступил в одесских мастерских Добровольного флота к подготовительным работам по вооружению. 17 Сентября на транспорте "Буг" были доставлены в Одессу орудия, а 21 сентября первый вооруженный пароход "Румыния" с инженером Добровым вышел в море и произвел испытание поставленных на нем трех 75-мм пушек, четырех 47-мм пушек и двух пулеметов. Производство артиллерийского испытания было поручено инженером Добровым привлеченному им для сего капитану 2-го ранга Волькену, старшему лейтенанту Дехтереву и артиллерийскому офицеру с "Синопа" лейтенанту Колюбакину. 23 сентября был испытан также вооруженный в городе пароход "Граф Игнатъев". 24 сентября была произведена учебная стрельба из тех же пароходов по щитам.

Вместе с сим в Рени были не столь сильно вооружены еще три парохода необходимыми для действия орудиями; личный состав был испрошен инженером Добровым от командующего Черноморским флотом и получен им 21 сентября.

Кроме личного боевого состава, к 22 сентября были присланы из Севастополя и Николаева кадры матросов, в числе 53 человек с кондуктором и фельдшером для работ по устройству переправ. К этим кадрам инженером Добровым были добавлены вольнонаемные и привлеченные по военно-судовой повинности различные специалисты — машинисты, слесари, водопроводчики, плотники, лодочники, — всего 24 человека. По просьбе инженера Добрава, штабом Одесского военного округа в его распоряжение был назначен призванный из запаса врач Конаржевский.

Когда инженером Добровым все было организовано и приготовлено к походу, был назначен для совершения похода, по данному Морским Генеральным Штабом предписанию, капитан 1-го ранга флигель-адъютант Веселкин, который прибыл в Одессу со штабом 25 сентября.

1 Октября 1914 года все суда транспорта, к которому присоединилось еще несколько барж, груженных лошадьми, вышли из Рени и прибыли 8 октября в Радуевац и в Прахово.

12 октября разгруженные баржи и пароходы вышли из Прахово обратно в Рени. В Прахово остался инженерный отряд

инженера Доброва, в составе начальника его, двух инженеров-помощников, одного старшего техника морской строительной части, врача отряда, одного кондуктора флота, 59 матросов и 24 вольнонаемных и привлеченных по военно-судовой повинности и одного капитана Русско-Дунайского пароходства, привлеченного по военно-судовой повинности.

С 13 по 28 октября происходила загрузка очень медленно подаваемого железнодорожного состава для перевозки всего привезенного имущества в назначенное место по реке Мораве, куда из Прахова была послана часть команды с офицерами.

28 октября была закончена последняя погрузка, и отряд выехал к своему месту, куда прибыл вечером 30 октября. По указанию Верховного Командования, из всего привезенного имущества предложено было изготовить такой материал, который мог бы, во-первых, перевозиться не только по железным дорогам, с перегрузкою его с ширококолейных железнодорожных путей на узкоколейные, но также и по грунтовым, и во-вторых, который позволил бы быстро устроить разной длины переправу. Кроме того, подготовку такого материала нужно было вести так, чтобы в каждое время можно было его перевезти в другое место и употребить на устройство переправ. Предложенный инженером Добровым тип мостовой переправы и план разработки материалов были обсуждены в инженерном отделе Верховного Командования и одобрены для использования, при чем выяснилось, что отряд, как и было предвидено инженером Добровым, должен был обходиться, по возможности, не только своими материалами, но и своими людьми. Ввиду сего, отряд, устраиваясь на отведенном месте, в то же время начал усиленные работы по обработке всего привезенного имущества в мостовой материал типа понтонного.

В то же время отряду было поручено устроить настил на 8 железнодорожных мостах для прохода по ним войск и легких повозок. Мины, привезенные отрядом для обороны переправ, по назначению Верховного Командования, были употреблены для постановки их на Саве и Дунае против прохода мониторов. Кроме того, при выяснении вопроса о необходимости перевести штабквартиру Верховного Командования южнее месторасположения отряда, начальнику отряда поручено было принять участие в укреплении и обороне впереди лежащих позиций.

В конце ноября заболел один из помощников начальника отряда инженер-подполковник Беяков настолько серьезно, что должен был уехать в Россию. Несмотря на уменьшившееся число инженеров, налаженная работа, подбодряемая непреходящим желанием быстро и хорошо выполнить ее, дала возможность уже 8 декабря поставить на стратегической Цареградской дороге через реку Мораву пропускающий до 800 повозок в день военный плавающий мост длиной 174 метра, сделанный полностью из привезенного имущества, который отряд содержит до настоящего времени. По сообщению о сем начальнику Морского Генерального Штаба, инженер Добров получил от начальника штаба следующую телеграмму: "Мин. Мор. приказал передать Вам поздравление и благодарность за исполненное. 5168." — Телеграмма эта ободрила весь отряд, о чем инженер Добров доложил следующей телеграммой начальнику штаба: "Отряд восторженно приветствовал телеграмму 5168 и с усиленною энергиею продолжает готовить мост для другой реки".

Декабрь был употреблен на продолжение работ по изготовлению всего лесного и судового имущества по принятому типу и на благоустройство местопребывания отряда, причем была устроена русская паровая баня для мытья чинов отряда и стирки белья, так как в окружающих местечках и городах не было никаких бань, а всюду развивавшиеся заболевания тифом разного рода настойчиво требовали соблюдения возможно большей чистоты.

Так как личный состав отряда был небольшой, начальник его выхлопотал для работ по благоустройству отряда рабочих от сербского правительства. Вместе с сим в декабре отряду пришлось много работать на поставленном отрядом мосту. Река Морава, как горная река, чрезвычайно чувствительна как к таянию снега, так и к выпадению дождей, при том и другом быстро увеличивается повышение воды и разлив ее и усиливается быстрота течения воды. Все это постоянно вызывало много работ по удлинению или укорачиванию моста, по закреплению якорных концов, по выпрямлению моста, по разводке и наводке моста для пропуска несущихся по реке корчаг и сорванных рекою деревьев.

В январе отряд был занят продолжением работ по изготовлению мостового материала, наблюдением за поставленным мостом и наблюдением за сложенным на берегу реки Моравы материа-

лом, который Морава при подъеме воды могла унести, а при падении оставить лодки на суше.

В феврале отряд занимался работами четырех категорий. Совершенствовал обработку изготовленного материала, преимущественно перекладин, которые с целью облегчения их веса при сохранении той же сопротивляемости обтесывались в форму прямоугольного сечения брусьев. Также были построены легкие переносные козлы, удобные для постановки у берегов.

Вместе с сим продолжалось наблюдение за поставленным отрядом мостом и охранение сложенного на берегу материала, который в феврале приходилось то очищать от снега, то перемещать от заливания скопывающейся водою. В феврале было устроено изоляционное помещение для заболевавших, которые помещались в нем впредь до определения болезни и отправления в больницу. В феврале же было предпринято, по предложению Верховного Командования, исследование части реки Моравы вплоть до впадения ее в Дунай и прилегающих к ней речек для сплава всего мостового материала к Дунаю, через который предполагалось устроить переправу. Исследование реки было произведено, в части своей, под огнем и наблюдением неприятеля.

В марте отряд наблюдал за поставленным мостом и за всем изготовленным материалом. Кроме того, в марте отрядом был построен большой самолет и построены, по предложению железнодорожной инспекции Верховного Командования, оконные рамы для спешно устраиваемого при железнодорожной станции заразного барака. В конце марта перед Пасхою, ввиду многих заразных заболеваний около месторасположения отряда, начальник отряда произвел очистку, дезинфекцию и побелку кухни, столовой и всех жилых помещений отряда.

В апреле отряд, кроме наблюдения за поставленным мостом и за собранным на берегу реки материалом, производил пересмотр всех лодок и своих трех моторных катеров, разборку машин и смазку их. Заготовленный в феврале в России добавочный лесной материал и лодки, доставленные флотилией лишь в апреле, были рассортированы и в нужном количестве обделаны. В апреле был построен второй маленький самолет, по тому же, как и большой, выработанному начальником отряда, типу.

В апреле же начальником отряда инженером Добровым вместе с сербскими офицерами и чинами отряда было произведено

под огнем неприятеля подробное исследование с составлением карт и описаний Дуная у впадения в него реки Моравы, реки Савы и впадающей в нее реки Колубары. Исследования эти были произведены по предложению Верховного Командования и послужили для подробной выработки намеченных переправ, причем все представленные инженером Добровым предложения были одобрены Верховным Командованием полностью.

В мае отряд был занят наблюдением за собранным в ожидании распоряжений на берегу Моравы материалом и за поставленным военным мостом. Около середины мая было получено распоряжение снять поставленный на Цареградской дороге военный мост, заменить его построенным отрядом большим самолетом и половину всего мостового материала перевезти на реку Колубару для предстоящего устройства переправы через реку Саву, приготовив вместе с сим другую половину материала для быстрой погрузки, перевозки и устройства из нее второй переправы через ту же реку Саву в намеченных начальником отряда пунктах. Несколько раз намечавшееся движение сербской армии в мае было решено окончательно, и отряду предстояло в ближайших месяцах принять непосредственное участие в ожидавшихся наступательных операциях.

В июне отряд был занят работами трех категорий. Прибывшие после долгих ожиданий на пополнение отряда 146 новых матросов, собранных от разных частей, спешно знакомились со всем заготовленным материалом и с предстоящими работами по наводке и разводке мостов, по устройству окопов и проволочных заграждений, по управлению 75-мм орудием и пулеметами и обучались гребле. Вместе с сим прибывший последней партией давно ожидаемый материал обрабатывался по типу ранее заготовленного материала. В июне отряд имел также наблюдение за поставленной на Цареградской дороге переправой с помощью построенного им большого самолета, имевшего свободную площадь в 65,80 квадратных метров и за собранным в двух местах на реке Мораве и на реке Колубаре материалом, причем в последнем месте материал нужно было внимательно оберегать от наблюдения и уничтожения с постоянно летавших неприятельских аэропланов.

В июле отряд занимался теми же работами, как в июне. Вновь прибывшие 146 матросов, отличавшиеся малым знанием военного дела и воинской дисциплины, в июле обучались, кроме ознакомления их со специальными работами, строевым занятиям.

В августе отряд был занят работами четырех категорий: 1) наблюдением и охранением приготовленного мостового материала, собранного на реке Мораве близ Тюприи и на реке Колубаре близ впадения ее в граничащую с Австро-Венгрией реку Саву у Обреновца; 2) содержанием построенных отрядом и установленных на реке Мораве военного плавучего моста и большого самолета; 3) постройкой двух железнодорожных железобетонных мостов через реку Тимок на стратегической железной дороге Ниш-Княжевац, близ Болгарской границы; 4) и работами по сборке части железнодорожного железного моста через Мораву, сооруженного на стратегической железной дороге Пожаревац-Осипаоница.

В сентябре отряд продолжал те же четыре категории работ, которые были возложены на него в августе.

За все вышеуказанное время инженерный отряд из привезенного им в октябре 1914 года материала и из материала, им приобретенного в феврале и доставленного с большим запозданием, приготовил мостовой материал, из которого можно навести мост длиной 999 метров для переправы грузов весом до 3000 килограммов и, кроме того, два самолета, т. е. приготовил такое количество мостового имущества, которое возлагается на 2 понтонных батальона или на 600 нижних чинов и на 25–30 офицеров. Кроме того, отряд выполнил другие вышеуказанные инженерные работы — по настилке железнодорожных мостов, по устройству инфекционного барака, по обороне, по исследованию рек — нижнего течения Моравы, нижнего течения Колубары, части Савы и части Дуная, по сборке части железнодорожного моста через реку Мораву, по постройке 2-х железобетонных железнодорожных мостов через реку Тимок, по содержанию постоянной переправы на Цареградском пути через Мораву. Все это было возможно исполнить при крайнем напряжении и проявлении большой энергии, которую явили весь офицерский состав отряда и все низшие чины, особенно первоначальный состав их. В средних числах сентября болевший малярией начальник отряда получил разрешение поехать в отпуск

в Россию и, с одобрения Сербского Верховного Командования, выехал через Болгарию и Румынию в Россию, передав своим помощникам заведывание — по хозяйственной и строевой части отряда капитану 2-го ранга Леванде, по инженерно-технической части военному инженеру штабс-капитану Богомольцу и общее начальствование, как старшему, капитану 2-го ранга Леванде¹. Во время проезда через Болгарию было заметно передвижение войск, в большинстве одетых в походную форму, но никаких неприязненных отношений нигде начальником отряда не было встречено. В Софии инженер Добров был приглашен Русским Посланником к нему, причем, по мнению посланника, невозможно было ничего предполагать угрожающего, по крайней мере в то время — все зависело исключительно от Царя Фердинанда. В Софии можно было наблюдать много немцев; население, с которым приходилось встречаться инженеру Доброву, везде высказывало спокойное отношение и некоторое недоумение по поводу передвижения войск. На вокзале в Софии перед отъездом было замечено также движение войск, слышен был немецкий разговор между некоторыми молодыми военными и штатскими, видимо немцами, и при отходе одного эшелона замечены крики "Ура" и пение болгарских народных песен. В Румынии инженер Добров заметил, в общем, очень доброжелательное отношение к русским со стороны как военных, так и гражданских лиц, особенно ярко высказанное военными и некоторыми помещиками-румынами. В Бухаресте было замечено громадное количество немцев, на что указывали даже сами румыны во время разговоров с ними.

В России инженер Добров пробыл недолго и, узнав о развернувшихся событиях, поспешил обратно. В Рени он встретился с инженером генерал-майором Бутлером², который должен был заместить болевшего инженера Доброва в Сербии.

Получив в Рени русские деньги, какие всегда просил инженер Добров для отряда и некоторые поручения для г-на Бока и лейтенанта Драшусова от прибывшего из Румынии Начальника

¹ Леванда Дмитрий Дмитриевич (1884–1931) — капитан второго ранга. Первую мировую войну закончил в управлении Главного военного начальника Архангельска и тылового водного района.

² Бутлер Бронислав Львович (1866–1930) — с 1913 г. генерал-майор, главный инженер севастопольского порта.

экспедиции, они вместе выехали через Румынию в Турн-Северин для проезда оттуда в Сербию. Прибыв 2 октября в Турн-Северин, узнали, что сербский берег близ селений Текия, Кладенац и Кладово и ниже по Дунаю эвакуирован, ввиду занятия местности выше Текия и со стороны Пожаревца по Мораве соединенными австро-германскими войсками. Так как проезд внутрь Сербии со стороны противоположного Турн-Северину сербского селения Кладово был пересечен неприятелем, инженеры Добров и Бутлер, несмотря на высказанные в Турн-Северине отговоры, решили проехать внутрь Сербии со стороны расположенных ниже по Дунаю сербских селений Брза Поланка или Кусьяк, откуда шли кратчайшие пути внутрь страны, и выехали вниз по Дунаю на полученном ими моторном баркасе "Александр Невский". Во время похода на катере к Брзе Паланка замечено было, что весь румынский берег Дуная был усеян переехавшими и переезжавшими из Сербии беженцами, преимущественно женщинами, подростками и детьми. Румынское население встречало беженцев и оказывало им полное, как видно было, сочувствие и возможное содействие в расположении их в Румынии. С сербского берега, то вблизи него, то вдали, при походе баркаса была слышна стрельба.

Придя к Брзе Поланке, инженер Добров и Бутлер прошли в это селение; оно оказалось совершенно покинутым сербскими властями и стоявшими там войсками.

Молодое население, местное и прибывшее из ближайших местечек изнутри Сербии, стояло близ общественного дома и ожидало очереди, чтобы переправиться на противоположный румынский берег. Все лошади и конные повозки оказались вывезенными внутрь Сербии.

Оставалось лишь небольшое количество быков и несколько телег. На берегу, близ понтона и близ общественного дома, валялись ящики с 75-мм снарядами, оставшимися, как объяснил найденный инженером Добровым заместитель старосты селения, еще не затопленными от того количества, которое было в Брзе Поланке и которое было затоплено несколько дней назад вместе с одним орудием. На некоторых ящиках были русские марки. Сложенные в Брзе Поланке запасы сена догорали. Тот же заместитель старосты сообщил, что он получил распоряжение сжечь запасы сена, муки и зерна, и самому после сего отступить в Румынию; сено он

сжег, а запасы муки и зерна разрешил в некотором количестве взять для пропитания населению, которое выносило муку и зерно из склада частью на руках, а частью перевозило на волах. Не разобраный остаток, по словам заместителя старосты, он предполагал также сжечь перед вступлением в Брзу Поланку неприятеля, который, как было обнаружено при попытке пробраться из Брзы Поланки внутрь страны, находился от нее в пяти – шести верстах¹, заняв дороги, ведущие от Брзы Поланки внутрь Сербии, проходящие через Милановац и Стубик и отрезав, таким образом, берег Дуная на пространстве Текия — Кладово — Брза Поланка.

Видя невозможность проехать внутрь Сербии также со стороны Брзы Поланки, инженеры Добров и Бутлер решили идти далее и спуститься ниже на оставленном ими впредь до выяснения их проезда близ Брзы Поланки моторном баркасе. Цель была выйти на последнюю, третью дорогу, ведущую от Дуная внутрь Сербии, через Зайчары, о которых точных сведений в Брзе Поланке нельзя было получить, кроме указания о настоятельной необходимости соблюдать при походе осторожность, ввиду возможного занятия этого пути болгарскими, а может быть, и соединенными болгаро-австро-германскими войсками. При подходе к намеченному для высадки селению Кусьяк было усмотрено отсутствие сербов на сербском берегу и близ его и, наоборот, присутствие их только на румынском берегу. Вместе с сим были услышаны окрики баркаса, шедшего без флага, с румынского берега. Подойдя на баркасе к румынскому берегу, инженеры узнали от румынских пограничных солдат и беженцев-сербов, что Кусьяк и немного выше его лежащий Милановац Горний уже заняты болгарскими войсками, которые пленили всех готовившихся бежать сербов, а также и помогавших переправе двух румынских пограничных солдат, что все пути к берегу со стороны Неготина и Зайчар заняты болгарскими войсками, распространившимися внутрь и несколько дней назад соединившимися с австро-германскими войсками, отрезав берег Дуная от страны 4–5 октября, что совпадало с устными и газетными сведениями, полученными перед походом на моторном баркасе в Турн-Северине. Во время этих сообщений на сербском берегу обнаружился болгарский кавалерийский разъезд, шедший по берегу Дуная от Милановаца Горнего к Брзе Поланке.

¹ Верста — 1 066,8 м.

Встретившись с полной невозможностью проехать внутрь Сербии по оставшемуся последнему третьему пути, инженеры было вынуждены вернуться в Турн-Северин, направившись вверх по Дунаю на том же моторном баркасе, питая слабую надежду найти какой-либо аэроплан, чтобы пробраться на нем. Это предположение оказалось неосуществимым. Так как экспедиция на имела своего аэроплана, а достать румынский оказалось невозможным. При обратном походе вверх по Дунаю к Турн-Северину над местностью южнее Брзы Поланки виден был австрийский наблюдательный змейковый шар и были слышны частые орудийные выстрелы.

Ночью 12 октября инженеры прибыли в Турн-Северин, где узнали, что австро-германцы на противоположном сербском берегу уже приступили к установке батарей и устройству пехотных окопов. Кроме того, находившийся на этой сербской береговой полосе в большом количестве скот был собран ими и направлен к месту переправы через Дунай. Стоявшие близ Турн-Северина австро-венгерские пароходы были под парами, готовясь идти по Дунаю с прибывшими в Турн-Северин австрийскими пилотами. Беженцы, бывшие на румынском берегу, получили от австрийского консула приглашение вернуться назад в свои дома, но от этого они воздержались. Позже было получено сведение, что выше по Дунаю, у Зимина, неприятель собрал большое количество груженых разным материалом барж и начал сборку разных старых барж для отправки их в Тимок к Борскому медному руднику, находившемуся южнее Радуевца.

Из Турн-Северина инженеры Добров и Бутлер известили о своей попытке и возвращении начальника экспедиции с просьбой сообщить свои инструкции. Пробыв несколько дней в Турн-Северине и не предвидя никакой возможности в ближайшем времени проникнуть внутрь Сербии, инженеры направились в Рени в состав экспедиции, куда направлялись также некоторые чины из отряда Старш. Лейтен. Семенова, стоявшего в Сербии у Кладово.

В Рени инженер Бутлер остался в составе экспедиции, а инженер Добров, получивший распоряжением в Петрограде другое назначение, отбыл в Петроград в Морской Генеральный Штаб, где он состоял.

В Турн-Северине и на всем пути через Румынию инженеры встречали со стороны всех лиц, с которыми им приходилось встре-

чаться, полное внимание и содействие, особенно горячо проявленное чинами Турн-Северинской полиции и военными, не преминувшими высказать свои ожидания, что в ближайшем времени Россия вместе с ними через Румынию двинет войска на изменившую Славянству Болгарию и на союзную с нею Австрию.

Ввиду развернувшихся событий, Сербское Верховное Командование в конце сентября дало отряду распоряжение собрать весь материал и все части отряда, работавшие на граничных полосах, в базу отряда близ Тюприи. В силу сего, мостовой материал и 3 моторных катера, бывшие в устье Колубары, близ Савы, у Обреновца и личный состав были погружены и отправлены через Младеновац к Тюприи.

Последняя погрузка и отправка происходила под огнем неприятеля. Также была отправлена с работавшими чинами отряда воздухоклепальная и сверлильная машина, работавшая на сборке частей железного железнодорожного моста близ Пожареваца, и также были вызваны все чины отряда с болгарской границы с железобетонных мостов через реку Тимок, почти совершенно законченных. На Цареградском пути, составлявшем главную артерию, по которой собиралась и двигалась Сербская армия с Савы и Дуная, отрядом был поставлен военный плавучий мост на реке Мораве, который вместе с поставленным еще раньше самолетом пропустил массу грузовых повозок, военных автомобилей и воинских частей.

Австро-германские войска двигались позади Сербской армии по двум главным направлениям — по железной дороге, идущей от Обреновца и Белграда на Ниш, и по долине реки Моравы, т. е. со стороны Смедерева и Дубровицы на Пожаревац и Тюприю, близ коей находилась база отряда.

9 октября отряд получил распоряжение Верховного Сербского Командования передать весь мостовой материал, собранный близ Тюприи на реке Мораве, вместе с поставленным отрядом военным плавучим мостом и самолетом местным Сербским властям, а самому с остальным имуществом и моторными судами двигаться по железной дороге на Кралево. К этому времени с инженерным отрядом соединился также минный отряд лейтенанта Григоренко.

Отряд выступил двумя эшелонами поотрядно. В Кралево отряду пришлось пробыть недолго, и ему предложено было, оставив

наиболее тяжелые грузы и бывшее с отрядом 75-мм орудие сербским властям в Кралево, двигаться пешим походным порядком по долине реки Ибар на юг на Призрен и Монастырь к Салоникам, куда на совещании военных агентов всех союзных держав с Сербским Верховным Командованием было решено направить все иностранные отряды и миссии, работавшие в Сербии. Из двух 75-мм орудий, которые инженеру Доброву были разрешены штабом командующего Черноморским флотом, отряд имел у себя в Сербии одно орудие; другое, согласно распоряжению начальника экспедиции в октябре 1914 года, было оставлено в числе других на вооруженных инженером Добровым судах.

Поход на юг был очень тяжелый, особенно по горным кряжам между Призреном и Монастырем, причем все это пространство пришлось идти вдоль боевой линии.

Начальствовавший отрядом капитан 2-го ранга Леванда решил во что бы то ни стало пройти к Монастырю, чтобы успеть выйти на железную дорогу и лишь только в крайнем случае свернуть на запад и, втянувшись в албанские горы, выйти на Скутари. Благодаря энергии капитана 2-го ранга Леванда и всех офицерских чинов, отряду удалось прийти в Монастырь ранее его занятия неприятелем и, при содействии бывшего там английского консула, получить право немедленного проезда по железной дороге через Грецию в Салоники в особом поезде, в котором оба отряда и часть отряда лейтенанта Семенова доехали со Салоник и почти немедленно по приезде были переведены на французский транспорт, в походе по горам, ввиду недостатка лошадей и волов и увеличения числа больных, пришлось много имущества, в том числе и личного, оставить сербским властям. На французском транспорте отряд был перевезен в Марсель, а оттуда направлен в Брест. В это время капитан 2-го ранга Леванда и состоявший в инженерном отряде младший техник морской строительной части Иваненко получили через русского морского агента во Франции распоряжение одиночным порядком выехать возможно скорее в Россию, где их предполагали назначить на Белое море, почему капитан 2-го ранга Леванда, передав начальствование отрядом капитану 2-го ранга Ильину, двигавшемуся во главе частей отряда лейтенанта Семенова, выехал с техником Иваненко и прапорщиком Сычевым из отряда лейтенан-

та Семенова, также получившем предложение возвратиться скорее, через Англию, Норвегию и Швецию в Россию.

Незадолго до выезда отряда из своей базы близ Тюприи отряду, по просьбе капитана 2-го ранга Леванды были присланы из экспедиции деньги, но почему-то вместо всегда просимых отрядом русских денег, деньги были присланы сербскими бумажными кредитными билетами.

Принятый инженером Добровым порядок выдачи содержания русскими деньгами, при котором, по его сношении с сербскими властями, всегда можно было некоторую часть русских денег разменять в государственной сербской кассе по установленному довольно выгодному курсу 100 руб. за 280 динаров, был нарушен, и эта присылка денег из экспедиции сербскими кредитными билетами внесла большие затруднения, так как за пределами Сербии они нигде почти не принимались или принимались по очень низкому курсу.

Из Бреста отряд, соединившись еще с русскими миссиями, был отправлен морским путем вдоль берегов Англии и Норвегии в Александровск-на-Мурмане¹, куда от Морского министерства, по просьбе капитана 2-го ранга Леванды, были высланы полшубки и платье.

Отношение к инженерному отряду Сербской армии, сербского Верховного Командования и всей Сербии за все время было очень внимательное и во всем доброжелательное. За всеми работами, производимыми отрядом, ближайшее население всегда следило с напряженным вниманием. Общее уважение, которое заслужил в глазах Сербии начальник отряда и вверенный ему инженерный отряд, было отмечено выдачей начальнику отряда открытого листа, давшего отряду возможность получать в нужное время ото всех властей и всех общин полное содействие, возможность пересылать бесплатно всю корреспонденцию, посылать бесплатно все шифрованные и служебные телеграммы в Сербии и за границу, предоставившего возможность выдавать нужным лицам "объяву" для их свободного пропуска и бесплатного проезда по всей Сербии.

¹ Александровск-на-Мурмане (в настоящее время — Полярный) — город и порт на берегу Кольского залива в Баренцевом море, в 30 км от Мурманска.

Это уважение было отмечено дважды приемом начальника отряда и один раз представлением всего отряда Королю Сербии Петру I и представлением отряда Престолонаследнику Александру, которые при особом приеме начальника отряда выразили полное удовольствие работой отряда.

Кроме того, отряд на принесенное Королю Сербии поздравление по случаю побед Сербских войск в Ноябре 1914 года удостоился следующей телеграммы¹: „Пуковнику Доброву. — Благодарю за поздравление — на службе. на честитци и изјаву — Петар“².

Главкомандующий Сербскими войсками и Престолонаследник Королевич Александр на поздравление с победами Сербского войска и с днем рождения Его Королевского Высочества, присланное от имени отряда, незадолго перед тем удостоенного высокомилоостивого приема Короля, почтил отряд телеграммоу: „Команданту инжењеријског одреда, пуковнику Петру Доброву — ви и ваша јединица примите моју топлу захвалност за честитке које сте ми упутили поводом мог рођендана — Александар“³.

От инженерного отряда были посланы следующие телеграммы: "Његовом Краљевском Височанству Престолонаследнику Александру — Удостојени јуче Високомилоостивом пажњом и пријемом Његовог Величанства Вашег Узвишеног оца, официри, подофицири и војници Руског инжењеријског одреда за посебну намену у Србији после свечаног Богослужења одржаног у присуству свих мештана сакупљених на челу са окружним начелником и војним командантом Ђуприје потпуковником Марковићем кличу Вам громогласно ура на дан Рођења и у част Вашег Краљевског Височанства и моле Вас да примите најдубље изразе радости и симпатија поводом великих победа, које су Ваши дични соколови под Вашом Врховном командом однели над заједничким непријатељем Словенства".

Так же внимательно относилось к отряду Сербское Верховное Командование в лице своего начальника штаба воеводы Радомира

¹ Данные телеграммы в документе приводятся на сербском языке с русским переводом отдельных сербских слов, не понятных русскому уху.

² "Полковнику Доброву. Благодарю за поздравление, за службу, поздравление и заявление. Петр".

³ "Командиру инженерного отряда, полковнику Петру Доброву — Вы и ваша часть, примите мою тёплую благодарность за поздравление, которое вы мне послали по поводу моего дня рождения — Александр".

Путника, приславшего отряду телеграмму: "Инженеријском пуковнику Доброву команданту инжењеријског одреда — Вама, официрима, подофицирима и војницима вашег одреда срдачно се захваљујем на послатој честитци са жељом да нам наши заједнички напори до сада у новој години буду крунисани успехом за општу ствар — Војвода Путник"¹.

„Команданту инжењеријског одреда Рускому пуковнику Доброву — Са свима официрима, подофицирима и војницима повереног Вам одреда примите захвалност на честитци и поздрав — Начелник штаба Војвода Путник"².

Председателем Совета Министров Пашичем отряду было предоставлено право постоянного пользования как базой первоначально отведенным отряду помещением, которое он приспособил для своих нужд и где устроил баню, хлебопекарною и изоляционное помещение для больных, несмотря на все дальнейшие перемещения и стоянки отряда.

Кроме того, офицерскому составу отряда, по представлению Верховного Командования, в распоряжении которого состоял отряд, были пожалованы высокие Сербские ордена. Кондуктор флота, состоящий в отряде, получил орден Св. Савы 5 степени, а все низшие чины отряда первоначального состава — разные медали, жалуемые за военные заслуги.

Показателем того престижа, которым пользовался инженерный отряд инженера Доброва, может служить отзыв комиссии, приехавшей в Сербию для определения нужд расположенных в Сербии отрядов Морского Ведомства и определения потребностей их на зимнее время, которая сообщила отряду, что она встречала везде особенный прием и внимание, где обращалась со взятыми ею рекомендательными письмами инженерного отряда. Со стороны постоянного Высшего Представителя в Сербии Сербского

¹ "Инженерному полковнику Доброву, командиру инженерного отряда — Вам, офицерам, унтер-офицерам и солдатам вашего отряда. Я сердечно благодарю за посланное поздравление, с пожеланием, чтобы наши совместные усилия через год уже увенчались победой" — Воевода Путник.

² "Командиру инженерного ордера полковнику российской службы Доброву — Вместе со всеми офицерами, унтер-офицерами и солдатами подчинённого Вам отряда, примите благодарность за поздравление и приветствие — Начальник штаба Воевода Путник".

Русского посольства и консульства, а также Русского военного агента отряд пользовался также большим вниманием и уважением, выразившемся также в присылке для низших чинов отряда к Рождеству и Пасхе денег на украшение елки, табаку и некоторого количества белья.

Начальник экспедиции особого назначения капитан 1-го ранга флигель-адъютант Веселкин посетил со своим штабом отряд два раза 14 ноября и 3 июля, причем второй раз он произвел осмотр всех частей отряда, производимых отрядом работ и общий осмотр заготовленного имущества и выразил свое удовольствие, что было повторено в приказе № 1983 после доклада комиссии: „Назначенная мною комиссия под председательством капитана 2-го ранга Дедюхина, обревизовав строевую и хозяйственную часть инженерного отряда полковника Доброва, нашла таковые в блестящем порядке, что ставлю в заслугу как самого начальника отряда, так и заботливости господ офицеров и техников отряда. Счастлив объявить об этом по вверенной мне экспедиции. Флигель-адъютант Веселкин“.

Комиссия капитана 2-го ранга Дедюхина из 6 человек, которой было поручено во всех отрядах Морского Ведомства, расположенных в Сербии, произвести смотр со строевой и хозяйственной точек зрения и установить общую отчетность, а также выяснить на месте зимние потребности отрядов, выразила одобрение тому порядку, который был установлен в отряде и общему состоянию отряда, как с хозяйственной, так и со строевой точки зрения, что дважды высказал всем чинам председатель комиссии.

Инженерный отряд с ближайшим к своему месторасположению минным отрядом старш. лейтенанта Волковицкого установил вполне дружественные отношения и часто помогал этому отряду отпуском сахара, некоторых материалов и денег, хотя сам в июне и июле настолько нуждался в них, что пришлось задерживать выдачу содержания офицерским и низшим чинам отряда. Вместе с сим, по соглашению начальников этих отрядов, врач инженерного отряда имел наблюдения за санитарным и врачебным состоянием чинов минного отряда, куда он ежемесячно был командиром.

Состояние здоровья чинов отряда было, в общем, довольно удовлетворительное, кроме времени похода из Кралево в Монастыр. Баня, изоляционное помещение, дезинфекция по-

мещений и чистка их способствовали сравнительно небольшому числу заболеваний тифом, которых было всего четыре, 2 возвратным и 2 сыпным, все без смертельного исхода. В мае и июне, по приглашению начальника отряда, французский врач-специалист, произвел всем чинам отряда предохранительные прививки, сперва против брюшного тифа, потом против холеры.

Всегда свежая провизия, из которой приготавливалась привычная русская еда из большинства продуктов, приобретенных отрядом в России, поддерживала здоровье всех чинов отряда. Труднее было бороться с малярийными заболеваниями, бывшими в июле, августе и в сентябре, и с ревматическими, которыми переболели довольно много нижних чинов и офицеров, в том числе и начальник отряда, получивший малярию довольно сильной формы. Особенно эти заболевания давали себя знать во время похода из Кралево в Монастырь. Больные чины пользовались амбулаторным лечением при отряде, а более тяжелые были помещаемы под присмотр русских врачей в Окружную тюприйскую больницу, в больницу Петроградского славянского благотворительного общества и в больницы Московской и Петроградской миссий.

Флагманский врач экспедиции, сделавший 9, 14 и 19 июля медицинский и санитарный осмотр частей отряда, стоявших в разных местах, выразил полное одобрение как изготовляемой пище, так и размещению и содержанию отряда, расположенного тогда в 4 местах.

Состояние отряда в духовном отношении и вместе с сим в отношении его энергии составляло заботу начальника, офицеров и техников отряда и временами было довольно тяжелое; с одной стороны, работа вдали от родины в чуждых русской жизни условиях быта Сербии, а с другой стороны, не всегда правдивые известия о борьбе русского государства с врагами и ощущение некоторой заброшенности, — сказывались в неприменном желании скорее покончить с упорной и не всегда видной инженерной работой отряда и вступить в ряды передовых сербских войск или четников, желание, с которым приходилось считаться и которое приходилось часто успокаивать и в себе самом начальнику и офицерам отряда, и в других чинах отряда. Вышеприведенная телеграмма с изъявлением благодарности Морского Министра, прием отряда Королем Сербии и Престолонаследником, посещение отряда Начальником инженеров Верховного Командования, изъявление ими своего удо-

вольствия работою отряда, доброе отношение к отряду русского посольства в Сербии и, наконец, отличие деятельности отряда высокими Сербскими орденами давали начальнику и офицерам отряда ту почву, которая успокаивала и ободряла чинов отряда в их работе. Некоторым разнообразием, успокаивающим людей отряда, служило также празднование дней тезоименитства, Рождества, Нового года, Пасхи, посещение ближайшей церкви, в которой удалось устроить церковное пение чинами отряда, и возможно частые при этом обзоры военных действий, делавшиеся начальником отряда при обращении его к отряду, а также подробные ознакомления с этими действиями по карте его помощника инженера штабс-капитана Богомольца и ротного командира старшего техника морской строительной части штабс-капитана по Адмиралтейству Шустова.

Состав отряда с начала организации его несколько изменился, особенно офицерский состав, из первоначального числа которого до сентября остались лишь трое — начальник отряда, заведующий материальной и канцелярской частью, а потом и денежной, старший техник морской строительной части Волчанецкий и врач отряда — призванный из запаса врач Конаржевский. Кроме них, в сентябре месяце в отряде были 2 помощника начальника отряда, по инженерной части военный инженер штабс-капитан Богомолец и по строевой и хозяйственной кап. 2-го ранга Леванда, и. о. ротного командира и в то же время работающий по инженерному делу старший техник морской строительной части штабс-капитан по Адмиралтейству Шустов, на офицерской инженерной должности младший техник морской строительной части Иваненко и призванный по военно-судовой повинности один помощник капитана Русско-Дунайского пароходства. Нижних чинов, командированных из южных портов и несколько посланных из Балтийского экипажа, было в сентябре 173, при трех кондукторах, из коих один — Боржаков, бывший с самого начала, был один из самых достойных работников в отряде, и 2 других, присланных лишь в начале сентября для занятий должностей полуротных командиров. Кроме того, в сентябре было вольнонаемных и призванных по военно-судовой повинности 7 человек и прикомандированных к отряду как переводчики два серба "обавезника чиновничьего реда"¹ — люди

¹ Призывник с образовательным цензом.

вполне интеллигентные, воспитанники один русской Московской консерватории, другой Петроградской Академии художеств и один серб рядовой.

Инженер-полковник Добров.
РГАВМФ, ф. 609., оп. 1, д. 401, л. 1–13.

**3. Служебная записка и.д. генерал-квартирмейстера
генерал-майора М. Н. Леонтьева — начальнику отдела
военных сообщений главного управления Генерального
штаба об организации военной контрабанды,
9 апреля 1915 г.**

Главное управление Генерального штаба.
Отдел генерал-квартирмейстера.
Част I Об. Квартирм.
Делопроизводство 6-е.
№7529

**Срочно
Секретно**

И.д. Начальника Отдела Военных Сообщений Главного Управления Генерального Штаба.

Вследствие сношения от 9-го марта сего года № 206, имею честь сообщить Вашему Превосходительству сведения по вопросу о перевозке грузов через Рени.

Во главе организации поставлен бывший генеральный консул в Константинополе Д. Ст. Сов. Шебунин, на которого возложено руководство перевозкой наших военных грузов от Салоник через Грецию и Сербию до ст. Прахово на Дунае. Помощниками г. Шебунина состоят бывший секретарь того же консульства г. Дубягский и подполник Новиков.

Г-н Шебунин находится в постоянной телеграфной связи с нашими военными агентами во Франции, Англии и Италии.

Перевозка грузов по Дунаю от Прахово до Рени производится попечением экспедиции особого назначения, начальником которой состоит флигель-адъютант капитан I-го ранга Веселкин.

В настоящее время порядок передачи грузов на экспедицию установлен г. Шебуниным по соглашению с флигель-адъютантом

Веселкиным путем командирования из Рени подполковника Новикова.

Что касается приемки грузов прибывающих в Рени, и направления их внутрь России, то это возложено на особую комиссию, находящуюся в Рени и состоящую под председательством военного инженера полковника Кригер-Войновского.

9 апреля 1915 г.

Петроград.

Погнасал и.г. Генерал-Квартирмейстера,

Генерал-майор Леонтьев.

РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3056, л. 19–19об.

4. Краткий обзор деятельности Экспедиции особого назначения, начиная с первого похода 1 октября 1914 г. по 20 апреля 1915 г.

Боевая деятельность.

Отряд старшего лейтенанта Волковицкого.

Отряд старшего лейтенанта Волковицкого, находящегося в Сербии в составе: 1) старшего лейтенанта Волковицкого, 2) лейтенанта Григоренко, 3) лейтенанта Якушева, 4) мичмана Черемисинова и 5) подпоручика сербской службы Карача — при 45 нижних чинах флота, имеет назначение устанавливать, по соглашению с Верховным Командованием Сербской действующей армии, минное заграждение в пределах от Железных ворот и выше по Дунаю и р. Саве вдоль Сербского побережья. Там же в нескольких местах установлены минные станции, оборудованные для стрельбы минами Уайтхеда. Цель отряда — парализовать свободу передвижения в этой части Дуная судов австро-венгерского флота и недопущение их к прорыву на нижний плес Дуная через Железные Ворота. Первая половина задачи блестяще выполнена отрядом: минное заграждение, умело поставленное со шлюпок, иногда с большим риском и под неприятельским огнем, уже в значительной степени ослабило речной флот. На минных заграждениях взорвались 2 австрийских монитора, „Темеш“ и „Самош“, и бронированный вооруженный пароход „Белград“, стремившийся

прорваться через Железные Ворота, чтобы доставить в Болгарию минный груз для Турции.

Нельзя не отдать дани должного уважения доблестной деятельности перечисленных г.г. офицеров, вверенных им нижних чинов, храбро, умело, с полным знанием дела и боевой остановки стоящих на страже чести и славы Русского оружия.

При сем представляю план обслуживаемого отрядом театра, — с достаточною ясностью изображающий места заграждения и мин. (Приложение 1)¹.

Отряд старшего лейтенанта Семенова.

Отряд старшего лейтенанта Семенова, офицера испытанной доблести еще в течение минувшей Японской войны, состоит из: штабс-капитана Земкевича, мичмана барона Унгерна-Штернберга, прапорщиков Елишкевича и Ставрова, — с двумя моторными катерами „Кинжал“ и „Сабля“ под командою лейтенанта Иванова 12-го², мичмана Шахова и парохода „Тирасполь“ и баржи — казармы для 30 нижних чинов.

Отряд этот имеет назначением постановку минных заграждений, бонов с сетями у границы австрийского побережья у Железных ворот на Дунае. Этому же отряду поручена охрана названных заграждений и уничтожение плавающих мин как неприятельских, так и срывающихся с минрепов мин нашего заграждения; для этой цели пароход „Тирасполь“ вооружен двумя 47-мм и двумя 37-мм пятиствольными пушками Гочкиса и одним пулеметом, приспособленным для обстрела аэропланов. Кроме того, установлены наискосок от пограничного селения Верчиова две береговые батареи с двумя 75-мм пушками Канэ и двумя прожекторами.

Присланные на днях 30 донных гальванических мин сухопутного ведомства еще не установлены; работы по их установке идут теперь на местах, мною указанных.

Кроме шаровых мин морского ведомства, капитаном 2-го ранга Ильиным установлено заграждение австрийского речного типа на плавающих бревнах.

¹ Приложение 1 не публикуется.

² Чтобы различать однофамильцев, в административных органах Российской империи к фамилии прибавляли номер (согласно очередности поступления на службу).

По окончательном оборудовании заграждений у Железных Ворот, мною будет представлен детальный план его. (Приложение 2)¹.

Самая деятельная работа во вверенной мне Экспедиции несомненно падает на долю этого отряда. Неприятель на днях установил у Верчиова весьма сильный прожектор и два дальнобойных 10-дюймовых орудия, дальности которых хватает почти до Кладова, где базируется отряд старшего лейтенанта Семенова. На днях осколок одного из 10-дюймовых неприятельских снарядов упал вблизи нашей батареи, которую австрийским артиллеристам, к счастью, еще нащупать не удалось. (Приложение 4)².

Неприятельские аэропланы, базировавшиеся около Оршовы, в количестве 17 штук ежедневно в течение целого месяца летали вдоль сербского побережья и, опускаясь для отдыха на болгарскую территорию у Лом-Паланки, возвращались обратно и ежедневно метали бомбы в суда нашего отряда. К счастью, попаданий ни разу не было, — бомбы ближе 40 метров не падали, лишь один осколок, представляемый при сем, попал на верхнюю палубу „Тирасполя“. Для того же, чтобы не дать неприятельским авиаторам возможности легкой пристрелки, мною было предписано старшему лейтенанту Семенову как можно чаще менять места стоянки. (Приложение 3)³.

Ежедневные отражения атак неприятельского воздушного флота выработало в личном составе отряда поразительное хладнокровие и после приспособления пулемета к стрельбе под большим углом возвышения два неприятельских аэроплана, подбитые пулеметным огнем, сделав несколько неуверенных ныряний, вернулись обратно в Австрию, где, по непроверенным агентурным сведениям, не долетев до парка, спустились в горах, поломав себе крылья. Во всяком случае, после этого полеты значительно сократились и последнее время их совершенно не наблюдается.

По агентурным сведениям, часть этих аэропланов, по спуске на землю у Лом-Поланки, были погружены в вагоны и отправлены в Турцию.

Против наших минных заграждений неприятель принимает различные меры: спускает по течению пустые шаланды, к сча-

¹ Приложение 2 не публикуется.

² Приложение 4 не публикуется.

³ Приложение 3 не публикуется.

стью, мелко сидящие, бревна с крючками и т. п. На днях были сорваны две наших мины, и по характеру разрыва минрепа можно с достаточной достоверностью заключить, что минреп перерезан. На днях к сербскому берегу у Брза-Поланка прибило мертвое тело неприятельского пловца в костюме водолаза с прибором на спине для сжатого воздуха, что давало ему возможность работать автономно и долго.

На днях при осмотре прапорщиком Ставровым нашего бонового заграждения у сербского берега им были усмотрены две жестянки с тротилом, привязанные к бону, с запалом и выведенным на сербский берег бикфордовым шнуром. Об этом обстоятельстве производится дознание сербскими властями. Жестянку с тротилом представляю. (Приложение 5)¹.

Не подлежит сомнению, что места и характер нашего заграждения отчасти известны неприятелю, но одно лишь сознание неприятелем наличия заграждения и бдительности его охранения сыграли уже свою роль, вследствие чего главная цель, возложенная на вверенную мне Экспедицию, — помощь Сербии, доставка туда продовольствия и обратно боевого материала из Франции для нашей армии, — могла, с Божией помощью, быть осуществленной в полной мере.

Боевой отряд, разведочный отряд, караван и береговая разведка.

Конечно, каждый поход каравана в Сербию охраняется всеми доступными мерами военной предосторожности, каковыми является работа разведочного отряда. Впереди каравана, на расстоянии 3–4 миль, следуют два парохода, снабженные тралями Шульца и, кроме того, кошками, обследуют весь Дунай, тралят в устьях, на перекатах и местах, опасных по донесениям береговой агентуры, проходят кошками все дно реки на фарватере. О каждом сомнительном явлении немедленно предупреждается караван. Все плавучие предметы, как то: ящики, жестянки и т. п., — расстреливаются и уничтожаются. Ночные походы в местах сомнительных происходят лишь в светлые лунные ночи.

За разведывательным отрядом, немного впереди каравана, следует боевой отряд, состоящий из 2 пароходов „Граф Игнатъев“ и „Румыния“, вооруженных тремя 75-мм пушками Канэ, четырьмя

¹ Приложение 5 не публикуется.

47-мм одноствольными пушками Гочкиса, двумя пулеметами и одним прожектором.

Все эти меры боевой предосторожности, вдобавок к ставшему известным всему австро-венгерскому коммерческому флоту моему обещанию принимать самые решительные и категорические меры к уничтожению всякой, хотя бы кажущейся мне, попытки враждебного маневра, возымели довольно ощутительные последствия: из всего огромного речного австро-венгерского пароходства только два парохода решаются теперь плавать по Дунаю или, вернее сказать, поперек Дуная, поддерживая пассажирское движение между портами Руцзуком на правом болгарском берегу и Ромоданом /Журжево/ на левом, противоположном, румынском.

Все остальные австро-венгерские пароходы и баржи неподвижно стоят в затонах у Чефт Адалара и в Маченском рукаве в бесплодном ожидании более благоприятных времен.

Это обстоятельство учитывается мною, как большой успех, обеспечивающий нам в данное время владение рекой и дающий нашему русскому побережью Дуная возможность мирного преуспеяния.

Чем чаще будут совершаться походы наших судов в указанном боевом порядке, тем менее вероятия изменения создавшейся обстановки.

Транспортная деятельность экспедиции.

Представляемая при сем картограмма в дополнение к подробной описи грузов, доставленных Экспедицией в Сербию, наглядно характеризует исполненную ею работу с 1 Октября по сей день. (Приложение 6 и 7)¹.

Походы назначались по мере накопления грузов или по, спешному для боевых целей Сербии, качеству его. Весьма ценным придатком к транспортному флоту Экспедиции явились купленные мною с разрешения Морского министра пять новых стальных барж, крупного для Дуная водоизмещения. Но если бы барж было еще больше, то не залеживались бы грузы в Рени, еще недостаточно оборудованном как порт для столь необычного для Рени транзита. Пока грузы выгружаются в Прахове, второй комплект барж нагружался бы в Рени, и буксирные пароходы, вернувшись за ними, поспевали бы доставить их в Прахово ко времени окон-

¹ Приложения 6 и 7 не публикуются.

чания разгрузки предыдущего каравана. Это бы вдвое ускорило работу. Все грузы, приходящие в Рени по железной дороге для отправки в Сербию, приходят по железнодорожным предложениям Управления военных сообщений, и на накладных указывается лишь адрес Экспедиции. Грузы эти, будь то зерновые продукты или боевые материалы, не имеют накладных с точным перечислением содержания укупоренных мест, а идут под общими наименованиями, не дающими мне точного представления о перевозимом, так, например, снаряды, или пушки, или патроны следуют под общим наименованием „артиллерийский груз“.

Груз этот немедленно по прибытии в Рени, погружается на баржи, буде таковые к этому времени имеются в наличии, и все накладные проводятся по книгам Ренисского агентства, где им ведется полная и тщательная регистрация. Но в чем, именно, заключаются эти грузы, приходящие под общим наименованием, в точности определить не удастся — вот почему я лишен возможности ответить на секретное предписание от 10-го Апреля сего года за № 5093/1217.

Об ожидающемся к прибытию грузе я почти никогда не получаю извещения, и он поступает обыкновенно неожиданно. По этому поводу я обратился к начальнику Военных сообщений Одесского военного округа с просьбой приказать извещать меня приблизительно о количестве и времени прибытия в Рени направляемого в Сербию груза, который просил присылать в Рени в количестве не более 60 вагонов в сутки. Это количество находится в соответствии с имеемой в настоящее время в моем распоряжении валовой силой, включая в нее Двадцатую рабочую железнодорожную роту, присланную для этой цели, по моей просьбе, распоряжением начальника Военных сообщений Одесского военного округа.

Административная деятельность экспедиции.

По представлениям и ходатайствам Экспедиции со времени ее учреждения осуществлено следующее:

- 1) Учреждена должность и.д. Главного начальствующего города Рени с выделением как города, так и близлежащего Придунайского и Припрутского района в отдельную административную единицу. На должность эту назначен флота генерал-майор Майер с оставлением в составе вверенной мне Экспедиции по занимаемой им

должности старшего моего помощника и начальника ренисской базы Экспедиции.

2) Учреждена должность коменданта железнодорожной станции Рени.

3) Командирована для работ по нагрузке и разгрузке 20-ая железнодорожная рота, которая помещается в специально для того мною приспособленной барже.

4) Прислана команда 476-ой пешей Херсонской дружины в числе 150 нижних чинов для хозяйственных работ и охраны грузов и портовых сооружений.

5) Ренисская почтово-телеграфная контора повышена в следующий высший разряд.

6) Увеличено с Нового года содержание служащим Русского Дунайского Пароходства.

7) Сооружены запасные пути и две грузовых платформы, и продолжен железнодорожный путь на две версты¹ до места постройки пристаней и грузовых подъемников.

8) Строятся новые пристани, новые подъездные пути, нагрузочные приспособления, строятся новые мастерские на месте временных затопленных — и все это иждивением и средствами Министерства торговли.

9) Сооружена усердием добрых людей отрядная походная церковь на берегу в здании Агентства и назначен распоряжением отца Протопресвитера Георгия Ивановича Шавельского² иеромонах для исполнения священнослужительских обязанностей в Экспедиции. Благодаря этому весь личный состав Экспедиции, как плавающего, так и берегового состава, имел возможность отговеть.

10) Назначена в Рени от сухопутного ведомства приемная комиссия под председательством инженер-полковника Войновского-Кригера для приема и отправления прибывающих грузов из Салоник.

¹ Верста — 1 066,8 м.

² Шавельский Георгий Иванович (1871–1951) — С 1911 г. протопресвитер военного и морского духовенства. Священнослужитель Православной Российской Церкви, впоследствии Русской православной церкви Заграницей.

11) Учрежден врачебный карантинно-обсервационный пункт, столь необходимый в Рени, как единственным месте заграничного транзита.

12) С большим трудом удалось добиться действительных распоряжений о воспрещении выселения из пределов Империи через Рени подданных неприятельских государств.

Доставка грузов, следующих в Россию через Салоники.

В распоряжение помощника действительного статского советника Шебунина подполковника Новикова командированы мною в Сербию два боцмана и пять хорошо грамотных нижних чинов, из числа охотников флота, для регистрации, сопровождения и наблюдения за перегрузкой в Зайчаре и Парачине следующих из Салоник грузов. Теперь это дело налажено, и никаких недоразумений по поводу этих грузов больше не происходит.

Список доставленных грузов из Салоник при сем представляется. (Приложение 8)¹. Не могу не отдать должной дани признательности инженер-полковнику Войновскому-Кригеру, который при своих больших технических знаниях и искреннем желании содействовать единодушно в общей работе приносит вверенному мне делу неоценимую пользу.

То же скажу и про его помощника капитана артиллерии Лашкова.

Недоставление 200 тонн медной руды из Ламполанки.

На следующий же день по получении телеграммы Вашего Превосходительства мною была послана из Прахово баржа на буксире парохода „Аграфена“ при офицере.

Болгарские портовые власти не допустили сообщения с берегом под предлогом необходимости 21 дневного карантина для судов, идущих из Сербии, при чем Агент нашего пароходства сообщил, что никаких грузов не поступало. Тогда я послал баржу на буксире парохода „Аграфена“ в Лом-Поланку уже из Рени и одновременно командировал старшего лейтенанта Бонди в Софию для переговоров личных с посланником и нашим военным агентом. Старший лейтенант Бонди донес мне, что немедленно по закупке руды нашим посланником из единственных медных рудников в Болгарии, но принадлежащих русскому подданному Кн. Маврокордато, министром финансов Болгарии был издан де-

¹ Приложение 8 не публикуется.

крет, запрещающий вывоз медной руды, а Савинский убежден, что так как никакой другой руды в наличии нет и быть не может, то декрет этот направлен исключительно против нас. Не довольствуясь изданием этого декрета, болгарское правительство чрез подставное лицо наложило еще на эту руду запрещение в порядке гражданского судопроизводства, как бы в обеспечение прав гражданского истца. — Иск этот дутый и фиктивный.

Думается мне, что все это произошло от недостатка ловкости или чего либо другого, более серьезного, у агента нашего посланника в Болгарии, quasi-русского подданного, еврея Дунавца, который еще зимой так неудачно оперировал от имени Савинского с бараньими шкурами, заказанными Военным ведомством, направив их чрез австрийскую транспортную контору в австрийские агентства в Рушуке и Журжеве, и задержал нашу баржу и буксирный пароход на один месяц.

Вся телеграфная переписка с Вашим Превосходительством и с миссией в Софии велась шифром и в глубочайшей тайне, сама же операция производилась чрез неприятельских подданных, как, вероятно, и в данном случае — так как то лицо, которое о сем знать должно было — именно наш агент в Лом-Поланке г. Гуржи совершенно осведомлен не был. Между тем г. Гуржи человек испытанной верности и ловкости. Присланная в Лом-Поланку руда, сказывается, свалена во дворе какого-то болгарина.

При таких условиях трудно работать: два буксирных парохода и две баржи непроизводительно пропутешествовали в Лом-Поланку, потратив уголь и время в ущерб прямому делу.

Деятельность отряда инженера-полковника Доброва.

Деятельность этого отряда до сих пор заключается в подготовительных работах по постройке понтонного моста на случай необходимости его наведения для переправы сербов через Дунай.

Пока что наведен малый, на 19 понтонах мост через реку Мораву в г. Чуприя на главной артерии гужевой доставки материалов и припасов в действующую армию в Шумадии. Этот мост был наведен, как для практики, так и для замены развалившегося старого моста.

При наличии имеемой в распоряжении полковника Доброва рабочей силы в 65 нижних чинов лота возможность наведения моста через Дунай в боевой обстановке весьма мало вероятна, по-

чему всеми силами поддерживаю ходатайство инженера-полковника Доброва о присылке испрашиваемого им дополнительного количества нижних чинов.

Действительно, навести мост в 170 пролетов длиной 3–4 сажени каждый, дело далеко не столь простое, тем более в боевой обстановке и, может быть, под огнем неприятеля, где главным условием успешного наведения является быстрота работы.

Конечно, без существенной помощи сербов, такого моста никогда не навести, но приняв во внимание полнейшую непригодность сербов к работе на воде и, в частности, к работе с нашими, происходящей, главным образом, от тугости фонетической приспособляемости сербского простолюдина к русской речи, необходимо иметь опытных указателей из числа русских матросов, доказавших неоднократно свою пригодность на все руки.

Инженер-полковник Добров и его помощники поражаются универсальными способностями наших матросов, с которыми им, сухопутным по воспитанию и службе офицерам, впервые пришлось столкнуться на общей работе лицом к лицу.

Еще раз настаиваю на своих неоднократных и усердных просьбах о необходимости купить баржи. После войны они останутся на пользу Русского Пароходства на Дунае, а теперь можно было бы удвоить перевозоспособность Экспедиции. Относительно же того, что кн. Трубецкой берет на себя доставку грузов в Черногорию, — мне только легче и беззаботнее.

Но я не знаю, какие у него были для этой цели средства и люди, кроме „такта и опытности в сношениях с местными властями“ (секретная телегр. Посланника в Сербии от 6/19 Апреля 1915 г.)

Ясно, что как Шебунину, так и Кн. Трубецкому, мне же придется помогать людьми и работой.

*Флигель-агьютант капитан 1-го ранга
Веселкин.*

РГАВМФ, ф. 418, оп. 1 д. 3445, лл. 158–164.

5. Рапорт В. А. Григоренко о действиях русского морского отряда Экспедиции особого назначения в Белграде, сентябрь 1915 г.

Рапорт об отступлении отряда из Белграда.

Доношу Вашему Высокоблагородию, что 21 сего сентября около 11 часов утра над Белградом и ближайшими позициями появился неприятельский аэроплан типа "Таубе" и, несмотря на открывшийся жестокий огонь наших, английских, французских и сербских батарей, выпустивших по нему до 500 снарядов, продолжал спокойно летать над городом и позициями до 2½ часов дня. Произведя подробную разведку, аэроплан удалился. Вечером того же дня я с лейтенантом Гриценко отправился в крепость для осмотра и окончательного оборудования погребов и установленной нами накануне батареи из 2-х 75-мм орудий. Установка последних производилась в продолжение трех ночей с 18 по 21 сентября.

Во время установки орудий, несмотря на производимый нами шум, все же ясно и отчетливо мы слышали на австрийском берегу шум: от производства земляных работ, движения большого количества тяжелых телег или орудий, команды на немецком языке. Из крепости мы отправились на Дунайский Кей, где у нас находилась торпедная батарея из трех аппаратов с минами Уайтхеда. От дежурных минеров узнали, что и тут слышен такой же шум с противоположного берега Дуная, прислушавшись, мы различили движение большого количества людей. Об этом много было передано по телефону в штаб начальника обороны Белграда. Всю ночь с 22-го на 23-е на австрийской стороне были слышны взрывы большой силы, производимые через почти равные промежутки времени. Находившийся на минной станции прапорщик запасного электротехнического батальона Добромыслов доложил мне, что неприятель производит подрывные работы у Земуна и по линии железной дороги, рассмотреть же, какие работы, из-за темноты не представлялось возможным. Произведено было более 25 взрывов.

Около 2 часов ночи неприятель обстрелял крепостной прожектор из тяжелого 9-дюймового орудия; три снаряда упали: один около прожектора, разбив зеркало, другой в 15 шагах от одной 75-мм пушки, а последний в 10 шагах от другой 75-мм пушки. Из прислуги никто не пострадал.

После известия о предполагаемом наступлении болгар на Сербию все тяжелые сербские орудия, которых и так было наперечет, были увезены. Остались только две русских 6-дюймовые пушки, присланные из Очаковской крепости при 10 унтер-офицерах Кронштадтской крепости, под командой Сербской армии майора Драгиши Ивковича¹, окончившего в России артиллерийскую Академию, и подпоручика Милько Павличевича, а также английских батарей 6-дюймовых орудий полевых и двух французских 6-дюймовых орудий под командой французского майора Пико, остальные орудия, защищавшие Белградский район, были легкие полевые орудия².

В этот день от начальника обороны Белграда я получил уведомление, что лейтенант Гриценко назначается начальником трех сербских моторных катеров, вооруженных 37-мм пятиствольными пушками Готчкиса, прибывшими 15 сентября из России, в помощь лейтенанту Гриценко назначен адъютант майор сербской армии инженер-капитан 2-го класса Боривой Корач. Задачей катеров было помешать ожидаемой ночью переправе неприятельских войск через реку Саву и Дунай.

Не прерывавшийся целый день артиллерийский огонь неприятеля к вечеру стал стихать и перешел в обыкновенную перестрелку. При стрельбе по острову Ада Циганлия неприятель употреблял снаряды с душливыми газами, что видел я сам, а после подтвердилось при встрече с отравившимися ими.

Около 9 вечера прибыл адъютант генерала Живковича, начальника обороны Белграда с предупреждением, что в эту ночь катерам придется действовать. Около 2 часов утра 23 сентября неприятель открыл ураганный огонь, под прикрытием которого начал во многих местах переправу на сербскую сторону. Бывшие у Дунайского Кея на посту у минной батареи минеры, несмотря на то, что неприятель буквально засыпал весь берег снарядами, и что один из минеров был легко ранен осколками снаряда, а один серб-минер, находившийся у меня в отряде и дежуривший у мин был убит, продолжали оставаться на посту и отошли только тогда, ког-

¹ Майор Драгиша Ивкович до Первой мировой войны учился в России. См.: Москва — Србија, Београд — Русија: документа и материјали. Том 3. Друштвено-политичке и културне везе 1878–1917. Београд, 2012, с. 666.

² *Мирчић М.* "Странци у одбрани Београда", Агонија Београда, 533–541.

да узнали, что неприятель перешел вторую линию окопов, причем перед уходом мины были выпущены по течению. Сербские моторные катера, а равно и наш "Кореец", подвозившие с наступлением сумерек амуницию на остров Ада Циганлия не смогли помешать переправе неприятеля, так как к этому времени были разбиты и потоплены огнем неприятеля.

Около 3 утра прапорщик Добромыслов сообщил по телефону, что одна минная станция разбита снарядом и горит, а остальные две усиленно бомбардируются. Я приказал держаться, сколько возможно будет, и в случае переправы неприятеля в этом месте взорвать мины. После этого телефонная линия, исправляемая с начала бомбардировки телеграфистами запасного электротехнического батальона, оказалась перебитой во многих местах и сообщения перестали поступать.

С рассветом огонь, число выстрелов которого доходило свыше сотни в одну минуту, начал стихать. Выяснилось, что наступление неприятеля удалось отбить всюду, кроме Дунайского Кея, куда неприятелю удалось перейти в большом количестве и хорошо окопаться. Около 9 утра огонь возобновился с прежней силой, причем неприятельские батареи систематично обстреливали не только батареи, позиции и город, но и все ведущие к Белграду дороги. Выяснилось, что неприятель располагает орудиями 14-дюймового калибра¹. Ввиду того, что телефонные сети были перебиты, мне, лейтенанту Гриценко и особенно часто капитану 2-го класса Корачу пришлось для поддержки связи под ураганным огнем посещать батареи в крепости и посты, где находилась команда. Около 2 часов дня неприятелю удалось подбить нашу батарею 6-дюймовых орудий, неприятельские мониторы, заметив, что батарея больше не отвечает, приблизились к крепости и, открыв огонь, привели в полную негодность и сбили с установок оба орудия. Подпоручик Милько Павичевич был тяжело ранен в грудь, живот, ногу и руки. Фельдшер отряда Александр Козинцев на автомобиле отвез раненого офицера в американскую больницу, которая все

¹ "Большая Берта" (нем. Dicke Bertha) — тяжелая гаубица, которую накануне Первой мировой войны начал производить германский оружейный концерн Крупна. Неразорвавшийся снаряд калибра 42 см, упавший на белградскую крепость во время бомбардировки октября 1915 г, хранится в экспозиции Военного музея в Белграде.

время, несмотря на поднятые над ней флаги Североамериканских Соединенных Штатов и Красного Креста, подвергалась бомбардированию неприятеля. 75-мм батарея, совершенно открытая, начала успешную стрельбу по мониторам, заставив один монитор, поврежденный огнем, уйти за Земун с помощью моторных катеров и другой, тоже подбитый нашими 75-мм орудиями, выбросился на австрийский берег. Расстреляв все снаряды, прислуга орудий вынула замки, сняла прицелы и отошла за прикрытия¹.

Мониторы и береговые батареи продолжали обстреливать батарею, и к вечеру оба орудия оказались тоже разбитыми. Минные станции на реке Саве весь день обстреливались снарядами большого калибра. Результатом обстрела был пожар двух станций. Кроме того, неприятель установил на противоположном берегу реки пулемет, который, заметив малейшее движение на станции, открывал огонь.

Несмотря на эти тяжелые условия, а также на отсутствие пищи, подвезти на станцию которую было невозможно, прапорщик Добромислов продолжал держаться. К вечеру неприятель открыл огонь из всех батарей настолько сильный, что нельзя было различить отдельные выстрелы. Огонь продолжался всю ночь, и под его прикрытием неприятель начал переправляться на шпонках и на этот раз занял несколько запасных позиций. Утром 24 сентября я и начальники других иностранных отрядов были вызваны в штаб обороны Белграда, где мы получили приказание отступать из Белграда, так как решено было временно его очистить для уменьшения линии обороны. Так как в моем распоряжении были очень незначительные перевозные средства, то лишь благодаря любезности английского адмирала Трубриджа, предоставившего в мое распоряжение свой грузовой автомобиль, удалось вывезти самые важные грузы.

Остальные грузы удалось вывезти только вечером, когда батареи, оборонявшие Белград, уже были принуждены к молчанию, а потому, пользуясь затишьем, можно было послать груз по дороге на Торлак, которая с наступлением сумерек перестала обстрели-

¹ О тяжёлых повреждениях мониторов «Enns» и «Temes», на которых в тот день погибло 6 и было ранено 9 моряков, пишет и австрийский автор. См.: *Вулф О.Р.* Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918. С-Петербург, 2004. С. 32–33.

ваться. На дороге лежали разбитые телеги, убитые люди и лошади. Около 8 вечера вверенный мне отряд прибыл на Торлак. 25 сентября я отправился в Белград, осмотрел оставленную канцелярию и убедившись, что все или сожжено, или взято с собой, отправился на "Топовскую шупу", где хранились мины заграждения и Уайтхеда, которые, за неимением перевозочных средств, приказано было зарыть в землю. Приказание было исполнено, хотя местность кругом "Шупы" все время обстреливалась орудийным огнем. Одновременно с этими закапывались и мины Уайтхеда, отремонтированные на сахарной фабрике Вшетечека. Когда все имущество вверенного мне отряда было частью вывезено, частью закопано в землю, я получил приказание отступить в Чуприю. Получив приказание лично заехать в Верховное Командование, я поручил довести отряд в Чуприю лейтенанту Гриценко, а сам отправился на автомобиле в Крагуевац, оттуда в Чуприю. Отряд отправлен был мною на Ресник, согласно приказанию начальника обороны Белграда, пешком, а в Реснике должен был погрузиться в вагоны.

Так как вся линия была занята проходившими воинскими поездами, то на первой же станции Рипань пришлось простоять около суток. Во время стоянки поезд был атакован аэропланом, который бросил бомбу, разорвавшуюся около вагона, осколками бомбы был убит один и ранены 18 человек сербов. На станции Рача к отряду присоединились артиллеристы Белградской крепости, получившие приказание отступать лишь тогда, когда крепость была окружена уже неприятелем. Благодаря только случайности и счастьем, которое всюду сопровождало отряд и русских вообще, удалось уйти из крепости и избежать гибели или плена. Около 10 часов утра 27 сентября вверенный мне отряд прибыл в Чуприю. Считаю долгом доложить, что все офицеры и нижние чины вверенного мне отряда за все время бомбардировки своими действиями способствовали выполнению возложенного на отряд поручений и заданий и вполне заслуживают благодарности и награды.

Старший лейтенант Григоренко.
РГАВМФ, ф. 418, оп. 1 д. 3445, лл. 39–42.

6. Донесение капитана 2-го ранга Б. П. Ильина¹ о действиях морских отрядов Экспедиции особого назначения с момента начала бомбардировки г. Белграда, сентябрь–ноябрь 1915 г.

Секретно

Начальнику Морского Генерального штаба

Первым предвестником активных действий со стороны неприятеля послужило приказание Верховного Сербского Командования 18-го сентября снять все 8 минных аппаратов на реке Саве выше г. Шабац и ожидать дальнейших приказаний об их установке. В это же самое время на одной из уцелевших стен старой Белградской крепости у нас начались работы по установке двух 75-мм орудий. На установку этих орудий я получил разрешение от начальника Экспедиции, и на них возлагалась задача отгонять стрелковые цепи неприятеля от берега; эти стрелковые цепи постоянно обстреливали из окопов наших людей во время смены мин и вообще, когда по каким-либо обстоятельствами им приходилось приближаться к берегу. Выбрав место для орудий и проследив за ходом работ в течение первой ночи, я на следующий день уехал в г. Шабац, чтобы осмотреть мины и выбрать новое место для минных батарей и минного заграждения. Вот почему я отсутствовал при отступлении отряда из Белграда, а потому представляю при сем Вашему Превосходительству донесение старшего лейтенанта Григоренко, оставшегося до последней минуты в городе Белграде².

Приехав в Шабац, я застал нашу минную батарею в момент ее прибытия в этот город; люди и волы прошли в течение суток 40 километров по тяжелой дороге, вследствие чего крайне утомились и требовали отдыха, каковой я и разрешил на один день. На эти батареи возлагалась задача не допустить австрийским мониторам спуститься вниз по реке Саве до г. Обреновца, где ожидалась переправа австрийских войск. Работа по установке аппаратов могла вестись только ночью, благодаря чему к моменту прохода монито-

¹ Ильин Борис Павлович (1880–1936) — офицер русского флота. Капитан 1-го ранга с 1913 г. Участник Гражданской войны в Сибири. Эмигрировал в Югославию и жил в городе Нова Пазова.

² Вышеприведенный документ.

ров и через два дня мы успели поставить только четыре минных аппарата. К сожалению, стрельба из этих аппаратов не увенчалась успехом, что отнюдь нельзя было поставить в вину личному составу. Причиной этому послужило то обстоятельство, что два австрийских монитора, пройдя прицельную линию, которая составляла с линией стрельбы угол около 40° , тотчас же повернули за остров и встали на якорь. Две мины поэтому не попали в цель, одна взорвалась на пути, а последняя не вышла из аппарата; как выяснилось потом, наделка на вертикальном пере заклинилась в Т-образной дорожке аппарата. Аппаратам-решеткам я вообще не доверял, и этот случай подтвердил мои предположения о ненадежности этого рода приспособлений. В Кладовском отряде, в котором, по некоторым стечениям обстоятельств, я провел почти все время в бытность свою в Экспедиции, все решетки были мною заменены трубчатыми аппаратами на понтонах. Минное заграждение той же команды, под командой прапорщика Сычева, удалось поставить лишь на следующий день, после прохода этих мониторов, т. е. 26 сентября, задержка произошла по вине сербских начальников, направивших понтоны окружным путем и опоздавших поэтому на несколько часов. После прохода мониторов я тотчас же направил оставшиеся два исправных минных аппарата к городу Обреновац и установил их у деревни Скела, где за островом того же имени укрывались оба монитора и обстреливали анфиладным огнем сербские окопы. Решено уже было перенести аппараты на остров, ибо мониторы не выказывали желания выходить из-за него, как было приказано отступить на Чуприю. Позиция этой батареи была очень удобна, хотя и находилась в районе ружейного и орудийного обстрела неприятеля, переправлявшегося уже на наш берег. Таким образом, действия Шабачкого отделения (15 человек) не увенчались успехом, хотя со стороны личного состава были проявлены героические усилия и несомненная самоотверженность. Ни голод, ни отсутствие крова, ни свист пуль и снарядов не могли ни на минуту приостановить работы. Я видел эту работу наших матросов, и мне приятно донести от этого Вашего Превосходительству. Еще до отхода этого отряда меня вызвало в Крагуевац Верховное Сербское Командование, где я получил приказание минировать и взорвать Железные ворота. Операция эта давно еще мною представлялась на утверждение, но разрешена

не была. Теперь же, когда железная дорога от Неготина до Зайчар был уже занята болгарскими войсками, доставка взрывчатых веществ, да и сам переезд был снаряжен с большими трудностями и промедлением; автомобили могли следовать по этому пути только ночью, ибо днем вся дорога обстреливалась. Тогда же, в Крагуевце я узнал, что весь Краинский сербский отряд, состоявший из 4-х полков пехоты при 22 орудиях, покинул свои позиции у Железных ворот и перешел к болгарской границе, оборона же Кладовского района была поручена Русскому отряду, состоявшему под командой старшего лейтенанта Семенова. Принимая во внимание то обстоятельство, что наш Белградский минный отряд, прибывавший в то время по частям в Чуприю, потерял всякое боевое значение, я решил перевести его в Кладово для подкрепления отряда старшего лейтенанта Семенова.

Обстановка же вещей в течение следующих 3-х дней изменилась как раз наоборот, а именно: проезжая на автомобилях через крепость Зайчар я получил уже приказание от Верховного Командования перевести все орудия из Кладово в Зайчары. Из этого приказа следовало понять, что оборона железной дороги уже не ставилась в задачу нашему Кладовскому отряду и центр сосредоточивания всех сил назначался между Зайчарами и Ягодиной. Ягодина — это природная, очень сильная позиция, далее которой сербы отступить не намеревались. И действительно, по приезде в Кладово, я застал нашу первую батарею из двух 75-мм орудий под командою лейтенанта Якушева, уже погруженную на автомобили и собирающуюся в путь. Не теряя надежды успеть заложить мины под Железные ворота, мы тотчас же приступили к работе. Австрийцы в то время устанавливали 9-дюймовые орудия против наших батарей и, по сведениям наших агентов, подвозили войска и собирали понтоны. Мы уже снимали наши орудия, а потому всем было ясно, что дни наши сочтены, и что даже маломальского сопротивления мы оказать будем не в состоянии. При таком нервно-напряженном наступлении духа мы в течение трех ночей вели подкоп канала. Работа мало спорилась, грунт оказался неблагоприятным, и туннель был доведен к 11 октября лишь наполовину, когда неприятель начал переправляться через Дунай. К этому моменту почти все наши батареи были погружены уже на телеги и приближались к городу Кладово. За полным от-

сутствием волов и телег и вследствие крайне гористого местоположения противоаэроплановой батареи, состоявшей из четырех орудий, ее пришлось уничтожить; самая же ближайшая к неприятелю батарея, два 75-мм настильных орудия, была еще накануне положительно скрыта неприятельскими снарядами. Наступление неприятеля удалось все же задержать на целый день, благодаря чему все жители города Кладово успели переправиться на румынский берег. Все имущество и вооружение отряда было погружено на баржи. Неприятелю могли достаться со временем только донные мины, взрывать которые я не приказал, ибо взрывы их уничтожили бы и все остальные семнадцать штук, которые были только что накануне поставлены.

Получив в тот же день приказание Верховного Командования отходить на Чуприю, отряд спустился по Дунаю до Прахово, куда и прибыл в ту же ночь. Ко времени его прихода в Прахово мне удалось достать пять грузовых автомобилей и двадцать пар волов, на которые мы погрузили орудия и прочее. В тот же день, еще утром, при моем свидании со старшим лейтенантом Драшусовым, комендантом пристани в Турн-Северине, я узнал от него, что начальник Экспедиции, ныне контр-адмирал Веселкин, высказал желание, чтобы русские отряды, находившиеся в Сербии, отступали бы вместе с сербской армией и присоединились бы к ней для совместных действий. На основании этого, а также и последней его телеграммы, в которой подтверждалась наша полная подчиненность Верховному Сербскому Командованию, я отдал приказание старшему лейтенанту Семенову высадиться десантом и следовать немедленно со всем отрядом по направлению к Зайчарам. И вот началась спешная выгрузка провизии и всех оставшихся у нас орудий и пулеметов. Через час первые два автомобиля с одним 75-мм орудием и запасом снарядов были нагружены, а также заканчивала снаряжение и пулеметная полурота под командой лейтенанта Иванова 12-го, составившаяся из двух горных 75-мм орудий, снаряженных с моторных катеров "Сабля" и "Кинжал", и трех пулеметов. Всего могло идти в десант немного более двухсот человек при шести офицерах. Видя такие быстрые сборы, можно было быть в полной уверенности, что через 3–4 часа отряд в полном снаряжении выступит в поход. Поэтому я на первом же автомобиле отправился вперед с донесением и на рекогносцировку. Пунктом

сбора нам был указан Салаш и начальник Краинского отряда полковник Димитриевич, находившийся теперь со своей бригадой на линии Неготин-Зайчары, еще вечером был со мною в телефонной связи, а потому знал о времени высадки нашего десанта. Прибыв утром в село Салаш, я застал там небольшие части Краинского отряда, и вся дорога от Неготина была еще совершенно свободна для передвижения войск. Отправив орудия в Зайчары я остался сам в Салаше, с минуты на минуту ожидая приближения нашего десанта. По обстоятельствам, оставшимися для меня до сего времени неизвестными, из всего отряда выступил в глубь страны лишь лейтенант Иванов с 22 нижними чинами, имея при себе две горных пушки и 3 пулемета. Желая разузнать причины невыступления отряда старшего лейтенанта Семенова, я отправился в обратный путь на автомобиле; по дороге узнал, что Неготин уже занят болгарскими войсками, и что сербы отступают. И, действительно, в скором времени показались обоз и пехота. Не оставалось никакого сомнения, что наш Кладовский отряд оказался отрезанным — и ничего не оставалось делать как следовать на соединение с Белградским отрядом.

По прибытии в Чуприю, я узнал, что сербские войска северного фронта все время отступают, перестрелка уже ясно была слышна в Чуприи, а потому я отдал распоряжение собраться отряду в поход и немедленно выступить в Крагуевац, куда перебралось уже и Сербское Верховное Командование. Вести свой отряд в линию боя не имело никакого смысла, ибо, по отзывам раненых сербских офицеров, немецкие войска их теснили только одной артиллерией с дальних дистанций; не было ни одного раненного ружейной пулей. В тот же день, т. е. 13 октября, наша 75-мм батарея, отправленная первой из Кладово, возвращалась с Ягодинских позиций, не будучи даже там установленной. Инженерный отряд капитана 2-го ранга Леванды уже был готов к выступлению и следованию, по предписанию Верховного Командования, в Кралево. Мы соединились и тронулись пешком в Крушевац. В Крушеваце я получил словесное приказание от Верховного Командования следовать с отрядом в Битоль, а 21-го октября и письменное предписание, копию коего при сем представляю. До этого последнего дня Верховное Командование не теряло надежды получить от России помощь и надеялось вернуть в скором времени потерянную тер-

риторию. Но после поражения Дунавской дивизии и потери всей его амуниции положение вещей настолько сильно изменилось в худшую сторону, что о переходе в наступление никто и не мыслил. Одно время весьма осведомленные личности при Верховном Командовании поговаривали даже о капитуляции армии. Между тем, болгары уже 20 октября перерезали путь у Урошевца, и единственный выход из Сербии оставался через Призрен и Албанию. Еще несколько дней ранее по этому пути выступил французский отряд, бывший с нами в Белграде, а за ним и английский. Все иностранные миссии Красного Креста также покидали Сербию. Наш отряд отходил последним, передвигаясь из Кралево и Рашки на Митровицу, одновременно с Верховным Командованием. Отсутствие продовольствия и помещений ставило всех в крайне тяжелые условия жизни: промедление каждого дня отзывалось, прежде всего, на ежедневной выдаче хлеба. Надо было идти, чтобы захватить хлеб на складах, иначе можно было рисковать — не получить хлеба вовсе. Весь переход от Кралево до Битоля был сделан в 18 дней и равнялся 480 километрам.

На одной трети пути — в Аумкуле — пришлось бросить весь воловий обоз и взять с собой лишь самое ограниченное число вьючного скота. Все вещи офицеры бросили или раздали наиболее нуждающимся нижним чинам. По пути пришлось оставить двух больных нижних чинов запасного электротехнического батальона, рядовых Леонида Тихоновского и Иосифа Мулярчика. 5 ноября, совершив последний суточный переход в 78 километров, пришли в Битоль, откуда в тот же день, благодаря любезному содействию английского консула Грейга, получили заказной поезд и переехали за границу. Через день прибыл в Салоники и другой наш эшелон под командой капитана 2-го ранга Леванды, и того же 7 ноября все вместе отбыли, по приказанию командующего соединенным флотом в Марселе, на пароходе "Дитвеа".

Донося обо всем вышеизложенном Вашему Превосходительству, позволяю себе коснуться еще одного важного обстоятельства, побудившего меня во что бы то ни стало покинуть Сербию.

Как известно, Россия не разрешила Сербии напасть на Болгарию, когда последняя мобилизовывалась, и тем заставила сербскую армию принять бой одновременно на два фронта и, на-

конец обещала ей помощь с той или другой стороны, но помощь эта так и не подоспела. Естественно, что сербское правительство и народ не могли отнестись к этим фактам равнодушно, и озлобление на нашу политику перенеслось постепенно и на нацию, представителем коей были все наперечет. И мне дважды пришлось в Верховном Командовании выслушать и ропот, и упреки от лица высших сфер, стоявших во главе управления страной. С началом военных неудач изменились круто и взаимоотношения между офицерами и нижними чинами, а в последние дни перешли в открытую неприязнь. При таких условиях оставаться в иностранной армии было нельзя — надо было уходить.

Капитан 2-го ранга Ильин.
РГАВМФ, ф. 418, оп. 1 д, 3445, лл. 54–59.

7. Объяснительная записка капитана 2-го ранга Леванды о деятельности в Сербии инженерного отряда Экспедиции особого назначения, сентябрь–ноябрь 1915 г.

Петроград, 12 декабря 1915 г.

8 сентября. За отъездом в отпуск полковника Доброва, вступил во временное командование Инженерным отрядом Экспедиции особого назначения.

Личный состав: 2 обер-офицера, 2 техника, 1 врач, 3 старших береговых боцмана, около 170 нижних чинов и 6 вольнонаемных.

Материальная часть: Материал для наводки 1000 метров моста и 3 моторных катера.

Боевые средства: 1 75-мм орудие на судовой установке, 2 пулемета Максима на лафетных установках, 220 винтовок и запас снарядов и ружейных патронов.

Распределение материалов: В Чуприи — ½ мостового материала и все наличное имущество отряда.

В Обреновце: — ½ мостового материала, 3 моторных катера.

Деятельность личного состава и его распределение.

80 % — на работах в селе Громады по постройке железнодорожного моста на новой линии Ниш-Княжевац.

15 % — Для обслуживания базы отряд в Чуприи и наведенного на реке Мораве моста.

5 % — Для обслуживания в Обреновце 3-х катеров и мостового материала на реке Колубаре.

9 сентября. Получил приказание Верховного Командования, ввиду эвакуации Обреновца, перевезти катера и мостовой материал из Обреновца в Чуприю и приступить к починке испорченных колоков.

12 сентября. Команда, находившаяся на работах в с. Громаде, закончив постройку железнодорожного моста, прибыла в Чуприю.

19 сентября. Отправил в распоряжение капитана 2-го ранга Ильина, 75-мм орудие, снаряды и 3 комендоров для усиления батарей в Белграде.

23 сентября. Закончена перевозка катеров и мостового материала из Обреновца в Чуприю.

По донесению штурмана дальнего плавания Шевченко, руководившего отправлением катеров и колоков из Обреновца, последняя погрузка таковых на станции в Обреновце была произведена под сильным огнем противника из тяжелых орудий.

27 сентября. Прибыл в Чуприю из эвакуированного Белграда минный отряд под командою старшего лейтенанта Григоренко.

30 сентября. Прибывший в Чуприю капитан 2-го ранга Ильин выехал в Кладово для производства подрывных работ на Дунае.

1 октября. Навел 2-ой мост на реке Мораве в Чуприи.

4 октября. Получил приказание Верховного командования все имущество и отряд отправить поездом в Кралево, мостовой материал оставить на месте в Чуприи, для наблюдения за мостам и их исправностью оставить в Чуприи одного обер-офицера, одного кондуктора и 50 нижних чинов, уничтожение мостов возлагается на сербскую минную команду, для усиления же наблюдения за мостами к остающимся чинам инженерного отряда придается сербская команда с офицером.

8 октября. Отряд и все имущество перевезено в Кралево. Для наблюдения за исправным состоянием мостов оставлен в Чуприи русско-сербский отряд под командой штабс-капитана Богомольца.

10 октября. Распоряжением Верховного командования общее командование русско-сербским отрядом в Чуприи передано сербскому майору.

12 октября. Верховное командование перешло в Крушевац.

13 октября. По настоянию военных агентов России, Франции и Англии, Верховное командование приказало отрядам указанных держав в их полном составе отойти в тыл страны на линию Нови-Пазар — Митровица. Инженерному и минному отряду собраться в Кралеве, сдать все имущество местным властям, и, получив от местных властей обоз, приготовиться к уходу в Нови-Пазар или Митровицу.

15 октября. Инженерный и минный отряды собрались в Кралево. По донесению прибывшего штабс-капитана Богомольца, оба моста на реке Мораве с 13 числа обслуживались исключительно сербскими понтонерами.

По частным сведениям от беженцев из Чуприи, оба моста, ввиду сильного разлива Моравы 14 числа, сорваны и унесены течением.

17 октября. По распоряжению нашего посла Князя Трубецкого, находившегося с сербским правительством в Кралево, чинами Инженерного отряда уничтожен архив посольства.

18 октября. Местные власти в Кралево отказались от снабжения отрядов обозами, почему таковые были приобретены покупкой, о чем послано донесение Верховному командованию.

Все имущество Инженерного отряда и катера, по приказанию Верховного командования, переданы под расписку местным властям.

Со всех 3-х катеров сняты карбюраторы, клапана и прочее, и, по моему приказанию, снятые части зарыты.

Того же числа Минный отряд под командой капитана 2-го ранга Ильина, вернувшегося еще ранее из Кладово, выступил на Нови-Пазар.

19 октября. Получил приказание Верховного командования выступить на Нови-Пазар, где и ожидать дальнейших приказаний.

21 октября. Отряд прибыл в Рашку, где того же числа состоялось новое совещание агентов союзных держав, на котором присутствовали капитан 2-го ранга Ильин и я.

Совещание установило, что Сербская армия, хотя и не уничтожена противником, но лишилась почти всех боевых и продовольственных запасов, каковые не были своевременно вывезены из Моравской долины, почему отрядам союзных держав следу-

ет немедленно уходить через Митровицу на Битоль для следования в Солунь, куда уже и выступил из Митровицы Белградский Французский отряд.

22 октября. Получил приказание Верховного командования следовать в Россию. В этом последнем приказании Верховного командования Инженерному отряду указываются пункты пути Митровицы, Призрень, Битоль и Солунь, отдается распоряжение всем местным властям на пути следования отряда оказывать возможное содействие во всех нуждах и объявляется благодарность русскому правительству за помощь, оказанную Инженерными отрядами сербам.

Такое же пламенное приказание получил для своего отряда и капитан 2-го ранга Ильина.

Того же числа начальник инженеров полковник Иованович, передавая мне последнее приказание Верховного командования, сообщил, что оба моста Инженерного отряда в Чуприи действительно были сорваны и унесены наводнением 14 октября.

23 октября. Согласно полученному приказанию, отряд выступил на Митровицу.

24 октября. Оба отряда пришли в Митровицу, где, согласно указанию Верховного командования, сдал оба пулемета.

25 октября. Представленным местными властями поездом оба отряда перевезены к ст. Еридовичи, у которой шел бой сербских войск с наступавшими на Еридовичи болгарами.

В тот же день по выгрузке из вагонов, отряды самостоятельно выступили на Призрень.

26 октября. Отряд пришел в Призрень.

27 октября. Дневка в Призрене.

28 октября. Отряд выступил на Лум-Кулу — селение, находящееся в Албании, куда отряд пришел в тот же день.

29 октября. Передал Сербским местным военным властям в Лум-Куле весь колесный обоз, взамен которого получил вьючный и выступил на Дебар.

30-31 октября. На пути в Албании пункты ночевки — селения Бицан, Васьяб, Пишконся; этот переход представлял самую тяжелую часть пути.

1 ноября. Отряд пришел в Дебар.

2 ноября. Дневка в Дебаре. Пришедший почти одновременно в Дебар Минный отряд выступил на Стругу.

3 ноября. Выступил на Стругу, куда и пришел к вечеру того же дня, сделав 52 км. Минный отряд уже ушел далее на Битоль, и встреча отрядов произошла 7 ноября уже в Солуни.

4 ноября. Отряд пришел в Охриду.

5 ноября. Отряд пришел в Ресан.

6 ноября. Отряд пришел в Битоль.

Ввиду предстоящей эвакуации Битоля, русский консул уже находился в Солуни, и для отправления отряда поездом через Грецию в Солунь пришлось обратиться к английскому консулу г. Грейгу, который выхлопотал специальный поезд, дав возможность в тот же вечер выехать на Солунь.

7 ноября. Отряд прибыл в Солунь, прямо с вокзала был направлен капитаном 2-го ранга Ильиным на французский транспорт, который в тот же день отправился в Марсель; на втором транспорте был отправлен в Марсель Белградский Французский отряд.

14 ноября. Оба отряда высадились в Марселе.

Из первоначального состава отряда только 5 тяжело больных нижних чинов оставлены в разных госпиталях Сербии, с тем, что по выздоровлении они останутся при госпиталях в качестве санитаров.

Капитан 2-го ранга Леванга.
РГАВМФ, ф. 418, оп. 1 д. 3462, лл. 88–90.

8. Рапорт подполковника Новикова —
генерал-квартирмейстеру Генерального штаба
об организации военной контрабанды,
18 января 1916 г.

Генералу Квартирмейстеру
Генерального Штаба.

Секретно

№2¹

Согласно приказанию Вашему, докладываю:

В начале февраля 1915-го г. Комиссия наша, командированная на Балканский полуостров, через Рени по Дунаю прибыла в Сербию в порт Прахово. Мы сочли необходимым проехать по всему пути будущего движения наших грузов, чтобы ознакомиться с местными условиями, равно и с людьми, с которыми придется иметь дело. Привожу замечания наши.

— *Порт Прахово* при осмотре оказался совершенно необорудованным, удобство его заключалось лишь в том, что железнодорожный путь был подведен к берегу реки и шел вдоль нее саженей 300, причем вода доходила до рельс. Между берегом и баржами, к которым подходили пароходы для выгрузки, устраивались временные, на козлах мостки, весьма непрочные. Разгрузка пароходов была сосредоточена в одном месте, причем вместе выгружались грузы, пришедшие из России и из Румынии, и на том же месте шла нагрузка военных грузов, следовавших в Румынию. Оказалось, что через Сербию уже шли румынские военные грузы. Сербия обещала Румынии пропускать по 8 вагонов в день и движение их впоследствии сильно нам мешало. За разгрузкой не было присмотра, и все было свалено в кучу. Валялись рельсы, мешки с мукой, ящики с патронами, причем много ящиков было разбито, и патроны были рассыпаны и валялись в грязи. Впечатление было самое печальное; должен отметить, что уже в мае месяце в Прахово была устроена постоянная, для наших грузов отдельная, пристань, соединенная с баржами крепкими мостками; вдоль путей было построено 10 пакгаузов для груза, казарма и кухня для военноплен-

¹ Рапорт № 1 не имеет отношения к теме исследования.

ных, работавших на пристани. Флигель-адъютантом Веселкиным назначен был офицер, ведающий разгрузкой и нагрузкой караванов. До нашего приезда заведовал всем этим агент Русского дунайского общества. Оборудование Прахово надо отнести к деятельности нашей комиссии, что и засвидетельствовано официальным письмом флигель-адъютанта Веселкина к нашему посланнику князю Г. Н. Трубецкому. Все, что требовалось для Прахово мною передавалось в Сербскую Верховную Команду начальнику военных сообщений и тотчас исполнялось; возможность такового сношения устроена была Нашим военным агентом — полковником Артамоновым.

Линия Прахово — Зайчар имела очень мало подвижного состава, паровозы были старые, их было всего 7, состав поезда из-за слабосильности паровозов не мог превышать 20-ти вагонов; правильного движения поездов не было. Присылка впоследствии из России 2 паровозов и 30-ти вагонов из Галиции оказала громадную пользу.

Станция Зайчар, от которой до ст. Парачин шла узкая колея имела очень удобное расположение путей; колеи узкая и нормальная близко подходили друг к другу и перегрузка из вагонов одной колеи в вагоны другой колеи была удобна.

Линия Зайчар-Парачин имела узкую колею и весьма малый подвижной состав Паровозов было всего 6 и они были в плохом виде. В мае месяце прибыло на эту линию 14 новых паровозов и 45 новых товарных вагонов из Америки, и получилась возможность отправлять по 7 пар поездов, из них — одна пара пассажирская; состав товарного поезда 10–12 вагонов. Дорога имела множество тоннелей, закруглений, подъемов, и следование грузов по этой линии было самым тяжелым для наших грузов. Только на некоторые платформы можно было погрузить наши аэропланы и автомобили и, чтобы не задерживать грузы, необходимо было самому вести учет вагонов и платформ.

Станция Парачин не была столь удобна по расположению путей, как ст. Зайчар, и потому для перегрузки грузов из вагонов одной колеи в вагоны другой колеи пришлось поставить краны.

Линия Парачин — Ниш — Гевгели — Салоники была нормальной колеи, и можно только отметить на ней слабое развитие станций. Между Гевгели и Нишем работало 35 паровозов; в сутки при-

бывало из Гевгели в Ниш около 160 вагонов, состав товарного поезда — 30 вагонов.

Салоники — отлично оборудованный порт, но он не был нами осмотрен ввиду секретности нашей миссии, и всеми делами получения грузов с пароходов, выгрузкой их и нагрузкой в вагоны ведало общество "Сербская Задруга". Сербскими железными дорогами от Ниша к югу ведало управление дороги, находившееся в Нише, причем от военного ведомства на участке Ниш — Салоники было три военных делегата: в Нише, Гевгели — пограничной станции с Грецией и в Салониках. От Ниша к северу железные дороги находились всецело в ведении военного ведомства. Центром тяжести всей перевозки наших грузов по Сербии был Ниш, где меня оставил д. с. с. Шебунин, который сам отправился в Салоники. На сербских железных дорогах сразу обнаружилась полная беспхозяйственность в обороте вагонов, и видно было, что, не увеличивая даже подвижной состав, можно увеличить провозоспособность дорог.

Деятельность нашей комиссии была направлена

1). *На перевозку грузов через Сербию в Россию.* В этом деле порядок был следующий: д. с. с. Шебунин, по получении извещения о приходе к нему груза, уведомлял меня о количестве платформ и вагонов, потребных для данной перевозки, и требуемое количество высылалось из Сербии в Салоники; греки своих вагонов не давали. По отправлении грузов из Салоник д. с. с. Шебунин мне телеграфировал, сообщая №№ вагонов; о прохождении этих вагонов через Гевгели я получал телеграммы от делегата этой станции; через делегатов же я получал от д. с. с. Шебунина накладные на эти грузы. По прибытии вагонов в Ниш они сортировались по степени важности и при нашем конвоире отправлялись в Прахово, где сдавались Экспедиции Особого назначения. На первых же днях перевозки обнаружилась неподготовленность к большой работе делегата в Салониках и комендантов в Прахово и Парачине. Эти лица были, по моей просьбе, заменены другими. Самым ответственным лицом в нашей перевозке был делегат на ст. Ниш капитан Неделькович, он душой был предан нашему делу и, состоя помощником начальника военных сообщений, много нам помогал. На станциях Парачин и Зайчар у нас находилось по одному бывшему нештатному служащему в консульстве Константинополя и,

кроме того, для сопровождения грузов в личное мое распоряжение флигель-адъютант Веселкин командировал 5 матросов, из них один находился на ст. Прахово как сдатчик наших грузов Особой экспедиции. Д. с. с. Шебунин дал мне полную свободу действий в Сербии. Наш военный агент устроил командирование ко мне из Верховной команды переводчика и с устройством у меня в квартире телефона наша работа могла идти самостоятельно без помощи чинов посольства, к каковой без переводчика и без телефона приходилось ранее прибегать. В Сербии повсюду были телефоны, и я мог все время следить за движением грузов. Насколько быстро проходили грузы, Вы знаете из донесений д. с. с. Шебунина.

2). *Наблюдение за своевременным приемом Сербией снаряжения и провианта, присылаемого Россией.* Эта работа, естественно, легла на нашу комиссию. Вагонов было мало, и если бы не следить за оборотом вагонов, то наши грузы могли бы лежать по станциям. Кроме того, отправление караванов из Сербии в Россию, нагрузка их нашими грузами всецело была связана с разгрузкой их. Все время требовалось следить за этим делом, за нарядом сербами людей для работы в Прахово, и нередко Верховная команда, кроме пленных, назначала в Прахово воинские команды. Когда порт Прахово не смог выполнить усиленной работы по разгрузке провианта для Сербии, а наш посланник получил распоряжение воздействовать на сербов, чтобы караваны не задерживались, т. к. для наступления сербов необходимо было везти в Сербию определенное количество провианта — то разработка этого вопроса была поручена мне князем Трубецким; обследованы были магазины табачной монополии в портах Кусяк и Радуевац, расположенных почти рядом с Прахово. Кусяк был соединен железнодорожным путем с линией Прахово — Зайчар, и разгрузка провианта стала производиться сразу в трех пунктах, наша же погрузка осталась в Прахово.

3). *Снабжение Черногории провиантом.* Голод в Черногории заставил усилить ввоз для нее муки и кукурузы. Боязнь забить линию Парачин — Зайчар заставила прибегнуть к провозу провианта через Болгарию, разгружая баржи в Рушцуке. Сначала, согласно указанию д. с. с. Шебунина, т. к. перевозка наших военных грузов была секретная, а тут бы пришлось иметь дело с болгарскими агентами, я не принимал участия в этом деле, но после того, как участок Пирот — Цариброд был дважды забит, дело это было поручено

чено мне. Перевозка была весьма сложна ввиду несогласия между Болгарией и Сербией. Оба государства не хотели давать свои вагоны друг другу из боязни, что вагоны не будут возвращены. Дело все-таки наладилось, что свидетельствует прилагаемое при этом письмо лейтенанта Бонди, ведавшего перевозкой этого груза через Болгарию.

4). *Оказание помощи бежавшим из плена и лицам, командированным в Россию из союзных армий.*

Наши военные агенты во Франции и Италии всех указанных лиц направляли в Салоники к д. с. с. Шебунину, который по отправлении их из Салоник извещал меня и на моей обязанности было устроить им помещение, довольствие и отправить их в Прахово. Флигель-адъютант Веселкин отдал распоряжение, чтобы караваны, по моему заявлению, задерживались в Прахово, и это давало мне возможность регулировать эту перевозку. Кроме того, все бежавшие из австрийского плена в Сербию направлялись полковником Артамоновым для дальнейшего отправления ко мне.

5). *Дело благотворительности.*

Когда наша комиссия прибыла в Сербию, то там свирепствовал сыпной тиф, умирали на улицах, докторов и больниц было мало, в особенности тяжело эта эпидемия отразилась на Нише. До войны в этом городе было 30 тысяч жителей; в феврале же 1915-го г. их было более 120 тысяч. Было много беженцев и пленных. Франция, Англия и Россия пришли на помощь этому народному бедствию, угрожающему армии, и наш посланник взял на себя заботу о г. Нише — этом очаге заразы. Отношение нашего посланника князя Трубецкого к делу нашей перевозки было удивительное; он принимал все близко к сердцу, готов был во всем помочь, и когда ему понадобилось мое содействие в деле оказания помощи Сербии и Черногории, то я, с согласия д. с. с. Шебунина, с большой готовностью принял на себя организацию всех учреждений Красного Креста и наблюдение за хозяйственной частью. Князем и княгиней Трубецкими были устроены в Нише один хирургический госпиталь, два заразных (оба впоследствии были переформированы в хирургические), "Детский приют" на 250 человек, детский санаторий в горах близ Ниша, громадный склад белья; сам гор. Ниш был разбит на 4 участка, в каждом из них был особый санитарный врач и столовая-кухня. Выдавалось ежедневно 2500 пор-

ций, такие же столовые на 2000 человек были устроены в Белграде. В Черногорию были посланы 2 отряда, один — хирургический и один — эпидемический. Д. с. с. Шебунин все, что требовалось для госпиталей, покупал в Салониках и высылал.

Деятельность моя кн. Трубецким охарактеризована в его депеше в М-ство иностранных дел, посланной в начале октября 1915-го г. Эта депеша должна быть Вам передана министерством, согласно о том просьбе посланника. Кроме всего означенного, я имел во время своей командировки специальное поручение нашего посланника: 1-го ноября должна была быть открыта ж.д. линия Ниш — Княжевац, что давало прямой беспересадочный путь Салоники — Прахово, и что дало бы нам возможность провозить ежедневно до 100 вагонов. Правительство Сербии обратилось с просьбой выдачи для окончательного оборудования этой линии 7,5 млн. франков. Наш посланник командировал меня для осмотра этой линии и, по докладу моему, деньги были разрешены к выдаче. Сооружение было поистине великолепное Работало 14 тыс. пленных день и ночь. Дорога представляла сплошные тоннели и мосты, один тоннель через гору Громаду был почти 1,5 версты длиною. Путь строился с расчетом скорости поездов 90 километров в час. Длина всего пути 67 километров, и мне при осмотре пришлось его пройти пешком и на ручных вагонетках.

18 января 1916 г.

г. Петроград.

*Подполковник Новиков,
состоявший в особом командировании
на Балканском полуострове.*

Комендант ж. д. участка ст. Воронеж.

РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3056, л. 104–109об.

9. Рапорт подполковника Новикова —
генерал-квартирмейстеру Генерального штаба
об организации военной контрабанды, 21 января 1916 г.

Генералу Квартирмейстеру
Генерального Штаба.

Секретно

№3

В конце сентября 1915-го года, т. к. сообщение с Дунаем было прервано, д. с. с. Шебунин разрешил мне уехать в отпуск в Россию. Я не мог оставить нашего посланника в Сербии князя Трубецкого без своей помощи в делах организации Красного Креста. Ввиду наступивших военных событий госпитали развертывались, и возможна была также их эвакуация, все это было возложено посланником на меня. Деятельность нашей комиссии, по сообщению д. с. с. Шебунина, не прекращалась, а лишь временно прерывалась, и оставлять Сербию в дни надвигающейся на нее грозы мне поистине не хотелось. За 8 месяцев своего пребывания в Сербии я столько хорошего видел от всех сербов, с которыми приходилось сталкиваться по службе, что уезжать в такие дни было мне и тяжело, и неприятно. Я занялся подготовлением госпиталей к эвакуации, около 30-ти вагонов разного госпитального имущества было вывезено на станцию; сделан был расчет медицинскому персоналу госпиталей, в которых кипела работа. Наступление австро-германцев принимало угрожающий характер. Разведку французские аэропланы уже не могли производить, т. к. германские превосходили их в силе. Над Нишем стали пролетать болгарские и германские аэропланы, причем последние бросали бомбы, а болгары разбрасывали прокламации, что они идут освобождать Македонию. Белград защищался отчаянно, дрались на улицах, сербы засыпали врага ручными бомбами, но германская артиллерия смела артиллерию сербов, батареи — французскую, английскую и русскую. Белград был взят, но когда германцы остановились в наступлении для наведения мостов через Дунай, то сербы сочли это слабостью и стали надеяться прогнать немцев за Дунай. С выступлением Болгарии все надежды рухнули. Правительство Сербии решило оставить Ниш, куда должна была переехать Верховная Команда,

но было в нерешительности, куда переехать и куда перевести дипломатический корпус. Сообразно с этим решением, должен был и я эвакуировать для развертывания в другом месте госпиталя. Принятое благоразумное решение переехать в Битоли — не исполнялось. Сербьы, видимо, хотели притянуть к себе союзников из Салоник; Ниш стал ждать французские войска, разукрасился флагами, каждый день сообщалось, что завтра придет помощь от союзников. Сербьы решили обороняться в старой Сербии. В нашем посольстве все вещи были уложены, но каждый день из сербского министерства иностранных дел приходили разные решения. Все на что-то надеялись. В первых числах октября Скопле был взят болгарам и дипломатический корпус был эвакуирован из Ниша, причем посланники нейтральных держав и вторые секретари были отправлены в Чачак, а посланники Согласия — в Кралево. Оба эти города лежат на узкой колее: Крушевац, Трстеник, Кралево, Чачак, Ужице. В Нише из чинов русского посольства остались консул Емильянов, как казначей, и я, как заместитель уполномоченного Красного Креста. Сербское правительство, которое должно было выехать в Кралево, осталось в Нише, и мы с консулом должны были служить связью между нашим посланником и правительством Сербии. 7-го октября переехало в Кралево и правительство, и я, отправив большую часть медицинского персонала и вагоны с грузом в Трстеник, назначенный для эвакуации русских госпиталей, сам остался дожидаться последней минуты; полеты вражеских аэропланов участились, из Ниша уезжали жители и чувствовалось, что участь его близка. Одни и те же сербские части то проходили через Ниш на болгарский фронт, то опять проходили на север; прибывший из Салоник кружным путем мой переводчик Митричевич рассказал, что албанцы на линии Скопле — Митровица стреляли в поезда и убили несколько жандармов. 8-го октября я получил депешу о назначении меня в распоряжение военного агента в Сербии; переговорив с военным агентом по телефону, я получил от него приказание докончить подготовку эвакуации госпиталей и явиться не в Крагуевац, а 10-го октября в Крушевац. Спешно приобретаю лошадь, я 10-го октября вечером прибыл в распоряжение генерал-майора Артамонова. В Крушеваце можно уже было отметить, какой характер принимает отступление сербской армии. Идя в своем отступлении не по естественному пути Белград — Ниш — Гевгели,

а в направлении Албания — Черногория, она перевезла все свои запасы на узкоколейную жел.дор. Крушевац — Ужица, дорогу, которой уже угрожали австрийские войска с фланга, со стороны Ужицы. Путь отступления было два: Крушевац — Куршумля — Приштина и Кралево — Рашка — Митровица. На Кочаникском перевале было очень мало войска, а Верховная команда не хотела исполнять советы военных агентов, нашего и французского, которые настаивали на необходимости посылки войска к Кочаникскому перевалу. Помощник начальника штаба полковник Живко Павлович соглашался с мнением военных агентов, воевода же Путник был против и был убежден, что французские войска должны взять Скопле; все же к Кочаникскому перевалу была послана Моравская дивизия, которая успела подойти, спасла положение, дала возможность сербской армии отойти Митровица — Призрен. По настоянию военных агентов была послана на Кочаникский перевал еще и 2-ая Дунайская дивизия, но от Прокупле возвращена назад, затем опять послана, но цели уже не могла достичь, т. к. была отрезана.

В Крушеваце царил уже беспорядок, из Белграда — Крагуеваца — Ниша прибывали поезда с воинским имуществом, вагонов узкоколейной дороги не хватало, и все неперегруженное оставалось или в вагонах, или ... (неразборчиво), или сваливалось близ станции; площадь около станции была завалена повозками, орудиями; охраны не было.

Вообще Сербия была перегружена разным воинским снаряжением, сербы не привыкли к такому богатству; по выражению одного из помощников военного министра, ведающего санитарной частью, за все существование Сербии у нее не было столько воинского материала, сколько было в одном 1915 году. Сербия не берегла снаряжения; аэропланы и автомобили, получившие малейшую поломку, не чинились, а бросались и брались новые. Вагоны с имуществом все прибывали и прибывали; свободные места поездов были заняты беженцами, которые, к тому же, толпами прибывали по дорогам. Крушевац был переполнен. Лил дождь, это одно утешало сербов, которые надеялись, что дождь задержит наступление немцев. 12-го и 13-го октября стали приходить отряды госпиталей из Ниша; размещение их в Трестенике и развертывание их там стало невозможным, и отряды направлялись в Кралево, куда также проследовали отряды моряков из Белграда —

Кладово — Чуприи. Настроение в Верховной Команде было подавленное, слышалось даже слово: "капитуляция". Действительно, нажим врагов с трех сторон, полное отсутствие плана обороны и отступления, неимение хороших путей для отступления и, я полагаю, сознание своей ошибки, которая повлекла за собой потери связи с французами и англичанами, забота о питании армии — недостаток в котором уже чувствовался и, наконец, небывалый для сербских войск сильный враг — все это заставило штаб сербской Верховной Команды растеряться. Настроение было таково, что французский военный агент полковник Фурнье заявил, что в случае чего, он улетит на аэроплане. Вообще у сербов переход от слов "мы все сможем" к полному упадку духа очень быстр, и так же быстро наступало повышение настроения. 13-го окт. было принято решение отступить за линию ж.д. Ужица — Крушевац. Это решение отдавало в руки врага все военное имущество, вывести которое было некуда и которое сербы почему-то не уничтожали, и после этого решения уже не было надежды удержать наступление противника. Дух войск и народонаселения еще поддерживался слухами, что русские высадились в Варне, что русские идут по Болгарии; об этом только и говорили, и об этом нас, русских, спрашивали знакомые и незнакомые. Была твердая уверенность, что "Мать-Россия" не оставит. Зато впоследствии как тяжело было получать вопросы: "А где же русские, отчего они нас не спасли?" Но все же любовь к России и надежда на нее до последней минуты не пропала у сербов, и в своем последнем, печальном положении они скорее окрепли духом и уверенностью, что освободят свое отечество, если Россия их не оставит. 14-го октября, по просьбе посланника, я был командирован генерал-майором Артамоновым в Кралево в распоряжение посланника князя Трубецкого для эвакуации госпиталей и моряков.

Я не сочувствовал уходу морских команд из Сербии в такую минуту, когда каждый вооруженный воин был на счету, и последнее поручение было для меня неприятное. Военным агентом было решено, что я буду иметь негласное наблюдение и заботу за двумя самостоятельными отрядами моряков, уходящими из Сербии под командою капитанов 2-го ранга Ильина и Леванда. Сербы смотрели недоброжелательно на этот уход русских, и принимать в нем участие было крайне тягостно. В Кралево прибыла и часть дипло-

матического корпуса из Чачака, взятие которого австрийцами ждали каждую минуту. Верховная Команда должна была переехать в Рашку на пути из Кралево в Митровицу, а дипломатический корпус в Митровицу. В Кралево был большой недостаток в перевозочных средствах. Наши 30 вагонов медицинского имущества, которые мне удалось вывезти из Крушевац, остались на станции и только для вывоза провианта с трудом купили быков. Этот провиант впоследствии сильно помог. Сербы своего имущества не уничтожали, и потому уничтожить наши запасы нам нельзя было. Кралево, как и Крушевац, было переполнено беженцами; проходили обозы в направлении Митровица, войска, парки. Я добыл три грузовых автомобиля, на которых отправил личный персонал госпиталей, сам отправился в последнем автомобиле и 19-го октября прибыл в Митровицу одновременно с нашим посланником, моряки шли пешком порядком и прибыли в Митровицу 20-го октября. Путь от Кралево до Митровицы исправлялся военнопленными, но был от Рашки до Митровицы очень плох. На моих глазах 3 автомобиля слетели в пропасть, разъехаться на пути можно было только в некоторых местах. Лил дождь, автомобили застревали в грязи, в день делали 15–20 километров, но по настроению местных жителей и военных, положение не казалось потерянным; этому способствовала полная неосведомленность о происходившем, нам на пути встречались раненые, эвакуированные из Митровицы в Кралево, с нами же шли раненые, эвакуированные из Кралево в Митровицу. Долина реки Ибар удивительно красива, и тем более горестно было сознание, что через несколько дней все это будет во власти немцев. Подъезжая к Митровице, мы увидели многочисленных новобранцев, собранных здесь со всей Сербии, обучающихся на Косовом поле. Новобранцы поражали своей выправкой, своей молодцеватостью, старанием; на учение шли с песнями и, казалось, что страна, имеющая таких солдат, не может уступить, не может погибнуть. В Митровице находилась небольшая команда черногорцев, стояли лошади, присланные вместе с повозками из России для Черногории; лошади перевозили получаемый по ж.д. в Митровицу провиант для Черногории. Этих лошадей и повозки я видел при погрузке в Прахово и в Нише, и от них остались очень жалкие остатки. Лошади были покалечены, а повозки при малейшей поломке сваливались в кучу, т.ч. из них образовалась во дворе

казармы целая гора. Тут же стояли орудия, присланные Россией для Черногории и почему-то не отправленные в Черногорию, хотя прибыли в Митровицу около месяца. В Митровице все были уверены, что г. Скопле не сегодня-завтра будет взят французами. От местного военного начальства узнал, что командовавший войсками в Скопле генерал (фамилию его не помню) отстранен, т. к. из Скопле ничего не было вывезено. Болгары захватили врасплох. На защиту Кочаникского перевала было оставлено несколько человек жандармов; теперь же защита Кочаникского перевала в руках генерала Петра Бойовича, который не отступит до потери последнего солдата. 22-го, 23-го, 24-го октября картина стала меняться. Настроение быстро стало падать. В хлебе стал чувствоваться недостаток; в городе находились, кроме наших моряков и французские, прибывшие с французских батарей в Белграде. Французы танцевали перед казармами, и это раздражало сербов, которые не могли понять, почему французы не продвигаются, почему они не идут на соединение с армией Бойовича, почему они не берут Скопле; сербы говорили, что на Косовом поле, как сотни лет тому назад, погибнет Сербия. 21-го октября я подал рапорт военному агенту с просьбой мне приказания дальнейших действий. Рапорт мой отвез в Рашку князь Трубецкой, который 22-го октября вернулся, и на словах через посланника ген.майор Артамонов мне передал, что Верховная Команда выезжает в Митровицу, где я к ней присоединюсь. 24-го окт. Князь Трубецкой телеграфировал ген. м. Артамонову, прося вторично командировать меня в его распоряжение для устройства переезда его и посланников согласия через Албанию.

Путь переезда был намечен: Призрен — Люм-Кула, Дибра, Охрида — Битоли. Наступление врагов получило такой характер, что надежд для сербской армии задержаться уже не было. 25-го окт. рано утром я выехал по направлению к Скопле поездом, в который погрузил свою лошадь. На Призрен дороги следовали со станции Феризовичи, лежащей в 10 километрах от позиции, занятой болгарам; можно было проехать и другим путем со станции Липляны — 12-ти километров не доезжая до Феризовичи. Я поехал на Феризовичи; благодаря любезности начальника штаба, полковника Кушаковича, окончившего нашу академию Генерального штаба, я имел возможность побывать с ним на Сербских позициях.

Полковник Кушакович сказал, что он рад, что я увижу, как дерутся сербы один против десятерых, чтобы я потом мог сказать в России, "что сербы дерутся до последнего, но не продают своей матери".

На станции в скромном вагоне я пообедал со штабом и в Призрен двинулся верхом, причем с пол-дороги меня, ввиду нападений албанцев на проезжающих, сопровождали жандармы. В Призрен приехал поздно ночью, остановился в здании нашего упраздненного консульства и с утра занялся покупкой лошадей, седел, самар (несколько вьюков). Насколько было мало перевозочных средств, привожу следующий случай: 26-го окт. ген. Бойевич приказал коменданту места Феризовичи приготовить лошадей для дипломатического корпуса и на ответ, что "лошадей нет", приказал, "чтобы были"; комендант пришел домой и... застрелился. 27-го октября приехали 2 секретаря нашего посольства и привезли мне письмо князя Трубецкого, при этом прилагаемое, с просьбой ехать вперед и извещать его о состоянии пути. Секретари телеграфировали из Феризовичи князю, что путь опасен, но князь ответил телеграммой в Призрене, чтобы они ехали вместе со мною. 28-го октября я выслал часть купленных лошадей в Люм-Кулу, а 29-го окт. на автомобиле выехал туда с секретарями всех миссий. В Люич-Куле, по заверению всех представителей чинов дипломатического корпуса Милана Джорджиевича, Павловича и Шакониза, прикомандированных к нам, были приготовлены для всех нас лошади, но в Люм-Куле лошадей не оказалось; под проливным дождем секретари остались там в ожидании присылки лошадей, и только мы, русские, благодаря собственным лошадям тронулись дальше и прибыли в Бицаны вечером. В Бицанах находился небольшой отряд сербских жандармов, стояли обгоревшие турецкие казармы, и в маленькой албанской деревушке с трудом нашли себе помещение. На следующее утро один из моих спутников, секретарей русского посольства, ввиду трудности пути отказался следовать дальше и предпочел вернуться в Призрен. От Бицаны до Васяты — следующего этапного пункта — была очень плохой дорога. С выступления из Бицан, как и впоследствии вплоть до Струги, мы все время обгоняли австрийских пленных, которых отправляли в Дурацо. На ночь эти пленные размещались под открытым небом, разводили в горах костры и, не получая пищи, разнимали павших лошадей, жарили эту конину и производили впечатление голодных, загнан-

ных зверей; многие из них умирали по пути. Из Васяты следующий переход был до Пископеи с очень плохой дорогой, большими подъемами и спусками, горными потоками, узенькой тропой вместо дороги; вьюки приходилось снимать, т. к. они задевали за стены. Добывать что-либо для пропитания было нельзя, албанцы не продавали. Сербы поддерживали все же порядок, телефонное сообщение отрядами жандармов, которые отлично поставлены в Сербии. Последний конный переход был от Пископеи до Дибры с дорогой, по которой уже могли следовать двухколесные арбы. На пути встречались караваны осликов с мукой для сербской армии и думалось, что это — капля в море. На осликах же везли и патроны. В Дибры стоял штаб отряда войск новых областей, защищающих путь Скопле — Тетово — Гостивар. Все войска были выдвинуты на позиции; в городе из-за смешанного народонаселения была какая-то боязнь друг друга, настроение штаба и, главным образом, командующего отрядом было озлобленное. Командующий отрядом накануне вернулся от Эссада-Паши, и можно было его понять, что Эссад — единственный верный союзник Сербии. Путь от Дибры через Стругу — Охриду — Битоли был совершенно спокоен, отступление не чувствовалось, не видно было войска, встречалось много караванов муки и только под Битоли стали попадаться сербские беженцы из Битоли и под самым Битоли команды пленных болгар. Битоли защищал герой — полковник Васич, который принял нас с большим радушием, и так тепло и восторженно говорил о русских. О себе он сказал, что на греческую территорию он не отступит. Когда он узнал, что за нами должны придти моряки, то обрадовался "этому батальону солдат". Тем более мне неприятно было ему сказать, что матросы должны следовать в Салоники. От себя я добавил, что матросы имеют специальное поручение и только потому не останутся. Консул из Битоли эвакуировался накануне в Салоники. Мы не могли сдать бумаги, которые везли, а потому отправились на следующий день в Салоники и вместе с консулом вернулись в Битоли, откуда, по эвакуации моряков и отряда госпиталей и по получении приказания от князя Трубецкого дожидаться в Салониках, переехали туда и были взятием Битоли болгарскими отрезаны от нашего посольства и сербской армии. Телеграфное сообщение было прервано и ни от посланника, ни от военного агента я ответа не мог получить. Через два дня после нас

в Салоники прибыл сербский военный министр с чинами министерства, который занялся приведением в порядок сербского военного имущества, находящегося в Салониках и Гевгели, а также сведением в батальон сербских солдат, начинавших прибывать через Грецию; по улицам Салоник ходили смешанные патрули из зуавов и сербских жандармов, останавливали сербских бойцов и отводили их в назначенные места. Сербские беженцы буквально голодали. Сербские деньги не принимались. У местного сербского консульства стояла толпа беженцев, и консул не мог удовлетворить их нужд. В помощь выступило наше посольство в Афинах, которое перевело нашему консулу в Салониках деньги. Во дворе нашей русской больницы были раскинута палатки, и там беженцы, до отправления их во Францию, находили и кров, и пищу. Всех годных для работы мужчин брали за плату в лагерь, и они там прокладывали дороги, мостили их, копали землянки. По словам сербского военного министра, все армии сербские целы и существуют в отдельности, но что всего осталось не более 150-ти тыс. и очень мало артиллерии. В Салоники прибыло и находилось в пути около 10-ти тыс. сербских бойцов. На границе греки у них отбирали оружие, и только наши моряки пришли с оружием под видом рабочих Путиловского завода.

Местный наш консул представил меня генералу Сарайлю и начальнику греческого гарнизона генералу Маскополо, что дало мне возможность бывать и в лагерях, и на позициях. Войска союзников прибывали и выгружались в большом количестве и с многочисленной артиллерией. По сообщению французского штаба французов было 50, а англичан 120 тысяч. Я ходил на высадку и выгрузку и бывал в соседстве с консулом Австрийским и Турецким. Об этом, в Париже, я докладывал генералу Жилинскому еще до арестования этих консулов. Салоники представляли из себя сплошной лагерь; войска союзников были перемешаны с греческими войсками; все пустопорожние места занимались и раскидывались на них палатки; по улицам трудно было двигаться из-за грузовых автомобилей. Вскоре, впрочем, из 3-х греческих дивизий одна ушла на запад, а другая на восток, и в самом городе осталась третья, которая должна была уйти. Настроение греческих войск, когда они при уходе из Салоник днями тянулись через город, одни части навстречу другим, было, по-видимому, тяжелое. Некоторые командиры полков

подали в отставку, объясняя ее тем, что они не смогут сдержать свои части в повиновении, если болгары вступят на греческую территорию; другие командиры прямо заявили, что они будут защищать свою страну от нападения врагов — болгар. В Кавале на этой почве были беспорядки в войсках. Греческие войска прекрасно снаряжены, имеют прекрасный горный обоз; офицеры с военной выправкой, но дух у греческих солдат и вид их, исключая крестьян, неважный.

У союзников не было согласия; по словам начальника штаба ген. Сарайля, англичане не желают слушаться, не исполняют даже обещанного; так, они даже не вышли из палаток, а накануне заявили, что то-то и то-то они сделают. В английском штабе говорили, что нельзя слушаться такого отставленного генерала, да еще масона, как ген. Сарайль. У союзников надо отметить полную непригодность обоза для горной войны. Когда была двинута из Салоник для прикрытия отступления французская конная бригада, то она принуждена была оставить весь свой обоз, даже вьючный, т. к. вьюки были чересчур широки; хотели купить местные вьюки, но они оказались малы для лошадей, которые также и велики, и тяжелы для горной войны. Выбранная позиция перед г. Салоники в 12–15 километрах вполне защищает город, отлично укреплена, с огромным количеством артиллерии, многочисленными проводочными заграждениями, колья для которых привезли с нашего Афона. Вся местность для стрельбы с военных судов разбита на секторы. Вообще все устроено так, что Салоники взять очень и очень трудно.

21 января 1916 г.

г. Петроград.

*Подполковник Новиков,
состоявший в особом командировании
на Балканском полуострове.*

Комендант ж.д. участка ст. Воронеж.
РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3056, лл. 110–120.

10. Письмо доктора С. К. Софотерова по поводу деятельности русских медицинских служб в Сербии во время Балканских войн и Первой мировой войны, 26 декабря 1925 г.

доктор медицины Сергей Квинтилианович Софотеров¹,
приват-доцент
26 декабря 1925 г.
Сараево, Александрова 83.

Уважаемый коллега,²

С большим волнением прочитал Ваше письмо с просьбой о присылке Вам фактического материала о работе отрядов Р[усского] Кр[асного] Кр[еста] в Сербии за прошлые войны. За 12 с лишним лет моей работы в Сербии это в первый раз высказывается интерес к работе отрядов Красного Креста. До сего времени эту работу или совершенно замалчивали и демонстративно игнорировали, см[отри], напр[имер], обзор деятельности иностранных отрядов в Сербии, написанный Стефановичем в Сер[бском] архиве, или же вся деятельность русских отрядов Кр[асного] Кр[еста] оценивалась точкой зрения Санит[етского] п[од]полковника д-ра мед[ицины] В. Станоевича³, см[отри] его "Историја Српског Војног Санитета" (1925 г., Београд, стр. 82. до 86. особенно 89 и 90). Для каждого доверчивого читателя вся деятельность русских отрядов сводилась: 1) к созданию хауса в государственной помощи и 2) среди прибывших наших миссий было много медицинских мужских и женских

¹ Софотеров Сергей Квинтилианович (1879 — после 1945) — хирург, сотрудник миссии Российского Красного креста в Сербии во время Балканских и Первой мировой войн. До 1926 г. в армии королевства СХС (начальник отделения хирургии II армейской области в Сараево).

² Впервые опубликовано в сербском переводе в Приложении. См.: *Станојевић В.*, Историја српског војног санитета. Наше ратно санитетско искуство / *М. Јовановић, М. Перишић*, приређивачи, аутори предговора, биографија аутора, библиографије, приређивачи докумената). Београд, 1992. С. 874–882.

³ Владимир Станоевич (1886–1978) — выпускник Военно-медицинской академии в Петербурге, участник Балканских войн. В 1916–1917 гг. — полковой врач в Югославской добровольческой дивизии в России, откуда прибыл в Солунь с 1-м Добровольческим полком. Дослужился до звания бригадного генерала и главы Военно-санитарного управления.

авантюристов-неумех, и даже и обычных проституток! Для внимательного читателя произведения п[от]пук[овника] Станоевича совершенно понятно, что после такого характеризования деятельности русских отрядов Кр[асного] Кр[еста], кои были в Сербии за Турецкую I войну, автор нигде ни словом не говорит про деятельность этих отрядов за последнюю Турецкую и Общеввропейскую войны!¹

Как представитель Российского] общ[ества] Кр[асного] Кр[еста] для Сербии и Греции с 1912 г. до 1920 г., как хирург, работавший в Русском Кр[асном] Кр[есте] с 1902 г., я, разумеется, протестовал и буду и в дальнейшем протестовать против подобного "писания"! Пока наша Родина больна, разумеется, мой протест останется чисто платоническим, ибо что ж мы теперь?! Но смею думать, что я доживу до того времени, когда мой протест будет и более реален и совсем не платоничен. Думаю, что Вы, многоуважаемый коллега, как наш воспитанник, меня поймете. Я среди многих других коллег формировал и вывозил отряды в Сербию и работал здесь по строго проводимым правилам нашего Общ[ества] Кр[асного] Кр[еста]. Эти правила существовали и в старину. И теперь за дефекты, если таковые и были (а где их нет), в отрядах 60–70-х гг., автор с большой развязностью не только позорит деятельность отрядов того времени, но своим молчанием о деятельности последующих отрядов уже дает понять, почему он так поступает!

Вот почему Ваше письмо я читал с большим волнением, и тем охотнее посылаю Вам требуемые Вами сведения о деятельности наших отрядов в Сербии с 1912 г. Мною готовится к печати обзор работы отрядов Кр[асного] Кр[еста] на Балканах с самого старого времени. Из работы последнего периода я Вам должен послать несколько дополнительных данных.

Данные о работе отрядов за 1912–[19]13 гг. я свел в отдельной таблице по рубрикам, которые Вас интересуют. К сожалению, имен шефов нескольких отрядов у меня нет. Может быть, г. Штрандтман или генерал Артамонов Вам дополнят мой пробел. За этот период войны на Балканы от Российского] Кр[асного] Кр[еста] послано было 11 санитарных отрядов на 850 кроватей, всего 28 врачей, 11 экономов, 2 фармацевта, 86 сестер мил[осердия] и 160 санитаров.

¹ Имеются в виду Балканская и Первая мировая войны.

Общий расход этой экспедиции — 728 307 руб. Весь больничный инвентарь был отрядами оставлен в Сербии. Каждый отряд был сформирован на средства Кр[асного] Кр[еста] и пожертвования от обществ и лиц, что видно из самих названий отрядов¹.

О деятельности русских отрядов за Общеввропейскую войну я должен дать Вам несколько дополнительных разъяснений. С объявлением войны я был командирован Министерством] иностр[анных] дел как хирург в распоряжение Серб[ского] Верх[овного] Командования, а наш Кр[асный] Крест придал мне звание делегата Российского] о[бщества] Кр[асного] Кр[еста] в Сербии. В Нише с моим приездом постепенно сформировался русский отряд, который работал в 1-й и 5-й рез[ервных] больницах на средства, привезенные госпожой Гартвиц². Она же, по моей просьбе, доставила мне сестер и организовала доставку белья, материала и медикаментов из России как пожертвования и как посылку от О[бщества] Кр[асного] Кр[еста]. Позднее прибыл Московский госпиталь, госпиталь Славянского благотворительно о[бществ]а (Д[окто]р Сычев)³ и Александринский госп[италь].

¹ Во время I Балканской войны в Сербию были посланы госпиталь Иверской общины сестер милосердия, лазареты Московской Александринской и Киевской Мариинской общин. Основу отрядов, отправленных московским и петербургским городскими общественными управлениями, составили, соответственно, сёстры милосердия московской Старо-Екатерининской больницы и Тверской Серебряной общины. Были и частные отряды: на средства вдовы сахарозаводчика Е.М. Терещенко был отправлен лазарет Кауфманской общины; на средства Мраморного дворца — лазарет княгини Елены Петровны (были прикомандированы сёстры Елизаветинской общины); Таврический комитет по организации помощи балканским славянам и грекам снарядил небольшой Таврический отряд. Во время II Балканской войны в Сербии действовали госпиталь РОКК общины святой Евгении, лазарет княгини Елены Петровны и эпидемиологический отряд княгини С.А. Долгорукой.

² Гартвиц (Карцева) Александра Павловна (1863–1944) — супруга посла России в Сербии Николая Генриховича Гартвига (1909–1914). Активно участвовала в организации русской помощи сербским госпиталям в годы Балканских войн и в начале Первой мировой войны.

³ Сычёв Николай Иванович (1878–1954) — хирург в составе российской медицинской миссии при сербской армии в 1914–1918. До 1941 г. работал в военной медицине югославской армии, дослужившись до начальника отделения Военной больницы г. Белграда.

К концу 1914 г. кн[язь] Трубецкой¹ сосредоточил в своих руках все пожертвования, кои собирались в России для Сербии и Черногории с учреждением "Комитета помощи сербам и черногорцам при русской миссии в Сербии". В этом Комитете председателем был епископ Нишский Доситей², княгиня и князь Трубецкие, секретарь миссии Штрандтман, Пелехин³, хозяйственной частью ведал подполк[овник] Новиков, медицинской частью пр[иват]-доц[ент] Софотеров.

Почти одновременно с образованием этого Комитета, чрез который из России чрез Дунайскую речную флотилию под управлением адмирала Веселкина стали поступать санитарные материалы, белье, медикаменты не только вагонами, а целыми пароходами (я получил в октябре 1915 г. вторую партию медицинского материала в количестве 15 вагонов), в Нише образовался Международный санитарный отдел, и стали прибывать иностранные санитарные организации, русский госпиталь на 400 заразных больных под управлением пр[иват]-доц[ента] Н. Спасского⁴, отряд русских врачей, затем отряды французский, английский и американский.

¹ Посланник князь и княгиня Трубецкие не только помогали организации российских пожертвований, но и на собственные средства (100 тыс. руб.) организовали санитарную миссию в Сербию. Она прибыла в феврале 1915 г., состояла из 25 человек и 7 вагонов санитарного материала.

² Митрополит Досифей (Васич) (1878–1945) — питомец фонда митрополита Михаила, закончил Киевскую духовную академию в 1904 г. После этого изучал теологию в Германии, Франции и Швейцарии. С 1913 г. — епископ Нишский. В 1915–1918 гг. интернирован в Болгарии. Тепло относился к русским эмигрантам в межвоенный период. В 1932 г. избран митрополитом Загребским. В годы Второй мировой войны был замучен хорватскими усташами. Канонизирован Сербской православной церковью за мученические страдания и исповедание Православной веры как св. исповедник. День памяти — 13 января (31 декабря).

³ Пелехин Борис Павлович (1883–1943) — советник российской миссии в Сербии. Первый секретарь посольства в Черногории. В 1915 г. был Российским поверенным в делах при эвакуировании на о. Корфу сербского правительства. В первые годы эмиграции был помощником Делегата по защите интересов русских беженцев.

⁴ Спасский Николай Сергеевич (1867 — не ранее 1948) — приват-доцент Томского университета, старший врач Эпидемиологического отряда Александровской общины Российского Красного Креста, прибывшего в Сербию весной 1915 г. Отряд принял решение не оставлять больных и раненых после отступления сербских войск в октябре 1915 г. В январе 1916 г.

Работа всех этих отрядов на территории всего Королевства руководилась вышеупомянутым Международным санитарным отделом. Председателем его был его королевское высочество престолонаследник Александр, вице-председателем Сэр Педжет (Англия)¹, а членами: д[окто]р мед[ицины] полк[овник] Хунтер (Англия)², д[окто]р мед[ицины] Стронг (Америка)³, д[окто]р мед[ицины] полк[овник] Жюбер (Франция)⁴, д[окто]р мед[ицины] пр[иват]-доц[ент] С. Софотеров (Россия). От сербского правительства входили: начальник Санитета Министерства военного д[окто]р мед[ицины] полк[овник] Каранович⁵, начальник Санитета Министерства внутр[енних] дел д[окто]р мед[ицины] Николич⁶, инспектор военных госпиталей д[окто]р мед[ицины] Зондермаер⁷. Приглашались, кроме того, на заседания многие члены скупщины,

персонал госпиталя был интернирован в Болгарии, где находился в крайне тяжёлых условиях, пока не был обменен на болгарский санитарный отряд Славянского общества. До 1920 г. проработал в Томском университете. В 1921 г. основал кафедру физиологии в Иркутском университете и возглавлял её до 1933 г. С 1933 г. по 1938 г. — заведующий кафедрой физиологии Башкирского медицинского института. С 1938 по 1948 г. — заведующий кафедрой нормальной физиологии Крымского медицинского института.

¹ Педжет Ральф Спенсер (1864–1940) — посол Британии в Сербии в 1910–1913 гг.

² Хантер Уильям (1861–1937) — начальник инфекционного отделения в больнице Св. Панкраса в Лондоне. Глава британской военно-санитарной миссии в Сербии в марте–июне 1915 г., состоявшей из 25 военных врачей.

³ Стронг Ричард Персон (1872–1948) — директор института тропических болезней в Гарварде. В 1915 г. — глава медицинской миссии американского Красного Креста в Сербии.

⁴ Др. Жюбер (Joubert) — начальник французской военной миссии в Сербии.

⁵ Каранович Сима (1866–1928) — сербский военный врач, начал службу в 1895 г. С 1913 г. и до смерти — начальник санитарной службы Военного министерства королевства Сербии/СХС.

⁶ Николич Джока (1863–1940) — сербский врач и политик. Занимал различные посты от министра экономики до консула в Солуни. В 1904–1912 гг. — начальник медицинской службы муниципалитета Белграда.

⁷ Сондермаер Роман (1861–1923) — австриец по происхождению, на сербской военной службе с 1899 г. Основал первое хирургическое отделение в белградской военной больнице. Директор этой больницы, а в 1906–1909, 1919–1913 гг. — начальник санитарной службы Верховного командования сербской армии

чтобы координировать работы чисто медицинско-санитарного характера с работами законодательными, производимыми членами купчины, избранными с этой целью.

Вся Сербия была разделена на 14 секторов, и каждый из них был поручен отдельной организации из приехавших иностранных отрядов, число членов которых достигало 500 человек. Север Сербии обслуживали французские и английские отряды, юг - американские. Все большие центры передовой линии и тыла были поручены специальным отрядам: в Белграде работали американцы и французы, в Кралево, в Крагуевце — англичане, в Нише — русские, в Скопле — англичане. Международная комиссия получила право издавать обязательные для всех правила и санитарные постановления. Случай — вероятно, единственный в истории!

Как только Ниш с его окрестностями (приблизительно 60 километров радиус) поступил в санитарное ведение русского Комитета, то для лучшей организации санитарной работы к участию в ней были привлечены не только представители правительственной власти, но и сам город, как и отдельные граждане. Было создано бюро "Руско-Српска градска лекарска помоћ", в которое, кроме вышеупомянутых членов Комитета, входили: референт дивизии д[окто]р мед[ицины] Трипкович¹, городской голова, префект полиции и 5 санитарных врачей (врачи присланы из России из пленных славян: [Тодор] Живанович, Милич, Грабовачки, Йованович)². Из России же прибыли специалисты по дезинфекции: два фельдшера, фармацевт и 8 санитаров.

Так[им] обр[азом], в начале 1915 г. Комитет располагал очень большой санитарной и материально обеспеченной организацией, как для лечения и оперирования раненых (русский отряд с хирургом С. Софотеровым, работавшим в 1-м и 5-м рез[ервных] госпиталях, хирургический госпиталь Московский, работавший в здании новой гимназии), так и для амбулаторного и госпитального лечения заразных больных. С этой целью имелись городская амбулатория

¹ Трипкович Г. Жарко (1874–1946) — сербский военный врач, на службе с 1904 г., в 1925 г. получил звание бригадного генерала.

² Группа пленных австро-венгерских офицеров-военврачей, югославянского происхождения, изъявивших желание продолжить службу в сербской армии. Отпущены из России в феврале 1915 г. по настоятельной просьбе Н. Пашича, пытавшегося решить проблему нехватки медицинского персонала в Сербии, страдавшей от повальных эпидемий тифа.

и открытый Комитетом заразный госпиталь на 100 кроватей близ ст[анции] жел[езной] дороги Ниш в деревянных бараках. Позднее с приездом клинически оборудованного заразного госпиталя на 400 кроватей от Александринской общины № 3 дало в распоряжение Комитета новую силу по борьбе с сыпнотифозной эпидемией. Наконец, Комитет открыл в разных районах города Ниша 4 кухни для раздачи населению горячих обедов, а при монастыре Св. Петка приют для детей.

Для материальной помощи населению средства стекались из России со всех сторон, посылали решительно все, что что мог: одежду, белье, даже детские игрушки, книги, врачебные инструменты, — стекались в Комитет в огромном количестве. Был устроен специальный склад, вмещавший к концу года более 50 вагонов разного имущества. Особенно богато был обставлен медико-санитарный отдел, и русская центральная аптека широко раздавала населению все медикаменты, которые врачи прописывали.

На долю санитарной организации Ниша, во главе которой я имел честь быть почти год, выпала почетная роль быть первым инициатором по проведению в сербскую жизнь чисто русского принципа санитарной организации, именно принципа медицинской помощи населению земско-участкового.

Дело так хорошо привилось, так отвечало местным потребностям и самому складу народной жизни, что приходится только жалеть, почему этот принцип совершенно игнорируется в настоящее время.

В городе с 4 участками врачебной помощи врач не только лечил и дезинфицировал, но и выдавал карточки на бесплатный обед и ужин всем нуждающимся. Как только в базарный день устанавливалась та или другая болезнь у приехавших в город крестьян, специально разъездной врач отправлялся в село и на месте боролся с источником заразы, оставляя после себя или фельдшера, или сестру. Вокруг Ниша было таким образом объезжено нашими врачами 125 сел по радиусу до 80 километров. О деятельности врачей, приезжавших в села с медикаментами и всем необходимым для ухода за больными, слух расходился далеко по селам, и нам не нужно было разыскивать прячущихся больных, как то имело место в соседних районах. Наш метод скоро был даже принят американцами, а англичане скопировали наш способ выдачи бесплатных обедов.

По мере нужды, Комитет из наличных врачебных и санитарных сил составлял свои отряды и посылал их на борьбу с эпидемией. Так был послан большой и очень богато оборудованный отряд в Чайнину, в Дечаны. Питание бедного населения началось по нашему плану даже в Белграде (выдано 131 тыс. обедов). Скопление огромного числа беженцев в Нише, и особенно детей, ставило на очередь массу новых нужд, и Комитет намечал план еще более интенсивной и еще более охватывающей все потребности населения зимней кампании. Решался вопрос о том, как разместить приехавших беженцев, как накормить и одеть тысячи детей. По составленному мною плану я должен был получить из России около 5 тыс. киргизских кибиток из кошмы для размещения беженцев. Первый транспорт одежды и кибиток, около 12 вагонов, пришел в Сербию, когда пришлось бежать из Ниша. Новые события нарушили нашу работу и заставили бежать из Сербии!

Не могу не отметить роль и значение Солунского госпиталя. Пред войной он был обставлен всем необходимым для медицинско-санитарной работы в течение 6 месяцев. При командировке меня в Ниш я, с разрешения Министерства иностр[анных] дел, взял с собою два вагона медицинско-санитарного материала, которые и послужили первой базой для работ в 1-й рез[ервной] больнице в Нише. По телеграфному распоряжению того же министерства, меня из Рима после Албанского отступления снова послали в Салоники и приказали открыть Солунский госпиталь для приема раненых и больных сербов на средства, отпущенные для этой цели из личных средств Государя. На его же средства открыта была и специальная кровать для неимущих славян. Так[им] обр[азом], Солунский госпиталь начал помощь при открытии войны, он же и закончил эту помощь, принимая сербских раненых и больных с 17 января 1916 г.

Если я Вам скажу, что среди высших санитарских чинов, бывших у власти в Солуни, были такие, что первые кричали и требовали реквизировать от меня русский госпиталь, когда наша Родина распалась под большевиками, то Вы, вероятно, мне не поверите, повторяю, когда я скажу, что это был сербский санитарский полковник!

Вероятно, за то, что я стихийно отстаивал русское и национальное дело, мне порученное, я после 18 лет работы в Сербии, приняв подданство, так и не мог получить резервного санитарского чина

выше от капитана! Вот почему, уважаемый коллега, я и стремлюсь ликвидировать свои дела здесь и приготовляюсь к переселению в более ценящую и работу, и людей страну¹.

Если бы Вам потребовались другие данные и дополнительные сведения о русских отрядах, то, пожалуйста, пишите. В посланных сведениях я не поместил солунский период, который произошел вне пределов Сербии.

Примите уверение в совершенном уважении,
готовый к помощи
г-р С. Софотеров.

Музеј науке и технике, Одељење Музеј
Српског лекарског друштва,
Инв. бр Т. 180:134.

II. Сербский добровольческий корпус в России во время Первой мировой войны

I. Донесение полковника П. А. Базарова о формировании воинских частей из сербских военнопленных, 3 февраля 1916 г.

Ставка²

Во время пребывания в Одессе мною получены от представителя сербской армии полковника Лонткевича³ нижеследующие сведения относительно воинских частей, формируемых ныне из сербских военнопленных.

¹ Несмотря на всю эмоциональность этого письма С.К. Софотеров остался в Сербии. Позднее стал профессором, заведующим кафедрой хирургии медицинского факультета Белградского университета, врачом социального страхования в Земуне и эмигрантской Поликлинике Российского Красного креста. Написал свыше 100 научных трудов на русском, сербском, немецком и французском языках. Награждён орденами Белого орла и Святого Саввы, знаком Албанского похода, Крестом милосердия.

² Надпись: доложено Его Величеству.

³ Бранислав Л. Лонткевич — полковник, представитель сербской армии при Императорской Ставке и военный атташе Сербии в России в годы Первой мировой войны.

Пока намечено формирование одной дивизии 4-х полкового состава, по 3 батальона в полку. Дивизия формируется в Одессе и ближайших ее окрестностях.

Прибытие в Одессу сербских добровольцев уже началось и по мере их накопления будут формироваться роты, батальоны и полки.

На основании имеющихся уже списков, до сих пор зачислено на формирование сербских полков около 1.700 нижних чинов и до 70 офицеров.

Для замещения должностей командиров полков, батальонов и рот выписаны офицеры из Сербии. Прибытие их ожидается в конце февраля месяца.

Для офицеров и вольноопределяющихся будет установлен особый курс, в течение которого они будут изучать и повторять необходимые уставные требования, а также знакомиться с указаниями, полученными на основании опыта войны.

К началу марта месяца предполагается закончить формирование дивизии, если не будет задержки в доставке добровольцев из отдаленных местностей России.

Со стороны штаба округа и городского управления Одессы формированию и размещению сербских частей оказывается полное содействие.

30-го января полковник Лонткевич отправился на несколько дней в Петроград для выяснения некоторых вопросов в военном министерстве.

*Генерального штаба полковник Базаров¹.
РГВИА. Ф. 2003 оп. 1., д. 1167. Л. 20–20 (об).*

¹ Базаров Павел Александрович (1871–1948) — полковник, в 1915–1917 гг. штаб-офицер для делопроизводства и поручений Управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем (т. е. военной разведывательной службы).

2. Приказ командира сводного корпуса генерала Живковича по Сербскому добровольческому корпусу, 21 сентября 1916 г.

г. Одесса

Приказ по Сербскому добровольческому корпусу в России № 17

Я считаю необыкновенно счастливым, что Его Величество Король, наш Возлюбленный Государь, удостоил меня великой чести доверить мне командование Добровольческим корпусом, в который входят сыны всех частей нашего трехименного Сербско-Хорватско-Словенского народа и наших славянских братьев Чехов и Словаков.

Мою радость увеличивает то, что, видя Вас, добровольно соединенных на священной для всех нас земле великой и могущественной защитницы всех истинных славян — Матушки России, я вижу одновременно, что осуществляются наши общие идеи — освобождение и объединение нашего Югославянского народа и освобождение братьев — чехов и словаков от австро-мадярского ярма.

Сны наших славных предков ныне осуществляются. Сербию, Хорватию, Словению, Боснию и Герцеговину и прочие страны Славянского юга давным-давно заселил один и то же славянский народ.

В ряде столетий враги славянства старались разъединить и разорвать нас на части, дабы таким образом использовать наши народные силы для своих коварных целей.

Сознавая своё единство происхождения, свято помня свое историческое прошедшее и ведя одну и ту же вековую борьбу против общих врагов, мы теперь, в дни великой борьбы народов за существование и право, все ясно увидели, что спасение нас, Югославян, в нашем единении.

Я вижу, что этой идеей и твёрдой верой в её скорое осуществление проникнуты ваши молодые патриотические сердца и, как ваш командир, с радостью констатирую, что вы все боролись с той же самоотверженностью, храбростью, с какой боролись ваши братья из Сербии, что блестяще показывает героическая борьба ваших товарищей из первой дивизии.

Юнаки! Знайте, что в нашей совместной борьбе против наших ненавистных врагов дело идет не об освобождении и существовании Сербии, а об освобождении и объединении всех сербов, хорватов и словенцев в одно единое и нераздельное государственное

целое — Югославию и о создании свободных ее сестер — Чехии и Словакии.

Сербия своей героической борьбой показала всему миру, что она не желает жить одна без совместной жизни со своими сестрами, без совместной жизни с милой Хорватией и Славонией, с дивной Словенией, с гордыми Боснией и Герцеговиной, со скалистой Далмацией, с славным Сремом, с цветистым Банатом и с ровной Бачкой, а с нашим поступлением под знамя и вступлением в борьбу для создания единой Югославии, вы показали, что священный завет наших великих народных учителей, — что брат мил, какого бы вероисповедания ни был, — осуществлен на полях брани.

Юнаки! В эти дни борьбы народов, когда решается судьба отдельных наций, на наш югославянский народ ложится священная обязанность поддержать в борьбе за свободу и наших дорогих братьев Чехов и Словаков, ибо они пошли бороться плечом к плечу с нами за нашу свободу и единение.

Юнаки! Я приветствую всех вас и вместе с вами восклицаю: Да здравствует Великий Защитник Славянства, наш Всеславянский Белый царь, Государь могущественной и сильной России Николай II.

Да здравствует наш возвышенный Государь, король Петр Первый.

Да здравствует Верховный командир Югославянской армии, Наследник Югославянского престола Александр.

Сей приказ сообщить офицерам и нижним чинам на фронте. При этом нижним чинам разъяснить значение и смысл приказа.

Командир корпуса, почетный адъютант
Его Королевского величества, *генерал М. Живкович*¹.

Верно: *майор Мичич*².

РГВИА. Ф. 2003 оп. 1., д. 1167. Л. 24–25³.

¹ Михаил Живкович (1856–1930) — сербский генерал и военный министр (1908–1909), командир обороны Белграда в 1914–1915 гг., командующий частями сербских добровольцев с июня 1916 г.

² Майор Мичич, помощник представителя сербской армии при штабе Верховного главнокомандующего, переслал перевод этого приказа генерал-адъютанту Алексееву, начальнику штаба Верховного главнокомандующего.

³ Опубликовано: Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. Београд, 1977. С.85–86.

3. Рапорт начальника Одесского военного округа генерала от инфантерии М. И. Эбелова главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генералу от кавалерии А. А. Брусилову, 25 октября 1916 г.

г. Одесса

Вследствие телеграммы НАШТАЮЗ¹ за № 25932 о требовании НАШТАВЕРХ² приступить к скорейшему пополнению 1-й сербской дивизии, считаю долгом представить Вашему Высокопревосходительству о положении вопроса, как относительно пополнения рядов 1-й сербской дивизии, понесшей огромные потери во время Добруджанских боев, так и относительно формирования 2-й сербской дивизии.

6 сентября минувшего года № 1922 ГЕНКВАРЮЗ³ сообщил о воспоследовавшем Высочайшем повелении принять энергичные и быстрые меры по формированию 2-й Сербской дивизии, почему я приказал немедленно начать вербовку добровольцев из югославян: сербов, словенцев, хорватов и босняков.

Такая вербовка при формировании 1-й сербской дивизии производилась путём командирования в пункты сосредоточения военнопленных славянских национальностей сербских офицеров, которые, изыскивая среди югославян элементы, наиболее доброжелательно настроенные к идее югославянской государственности, в течение шестимесячного периода, с января по июль, успели выбрать лучший для вербовки материал, составивший 1-ю сербскую дивизию. Это обстоятельство, в связи с неудачным ходом дел в Добрудже, где 1-я Сербская дивизия потеряла, по имеющимся в Штабе сербского корпуса сведениям, 80 % состава, повело к значительному ослаблению притока добровольцев. Кроме того, будучи хорошо обустроены на полевых работах у сельских хозяев, которые, дорожа рабочей силой не могли охотно пойти на лишение рабочих рук в страдную для хозяйства пору сбора урожая, военно-

¹ Сокращённое название должности начальника штаба Юго-Западного фронта в русской армии времён Первой мировой войны.

² Сокращённое название должности начальника штаба Верховного главнокомандующего в русской армии времён Первой мировой войны.

³ Сокращённое название должности начальника Управления генералквартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта в русской армии времён Первой мировой войны.

пленные из югославян отказывались, за редкими исключениями, менять свое обеспеченное положение на тяготы военного похода.

Учтя сложившуюся обстановку, я приказал выяснить по районам уездных воинских начальников, кто из военнопленных славян принадлежит к четырем поименованным категориям: сербов, словенцев, хорватов и босняков, — и всех, принадлежавших к этим национальностям, командировать в Одессу, в Штаб 2-й Сербской дивизии. Здесь, среди добровольцев, уже согласившихся встать под сербское знамя, под влиянием патриотически настроенных коренных сербских офицеров, нужно было ожидать лучшего результата вербовки. Хотя мера эта военным министром и НАШАВЕРХОМ была признана нежелательной, как сопряженная с известным давлением на добрую волю военнопленных, почему и пришлось от нее ныне отказаться, тем не менее за время до воследования распоряжения НАШТАВЕРХ удалось собрать контингент добровольцев югославян, почти укомплектовывающий 2-ю сербскую дивизию.

Однако добровольцы эти представляют из себя далеко не тот материал, которым располагала в свое время 1-я дивизия. Тяжелые потери 1-й дивизии, рассказы о них раненых и толки в обществе не могли не повлиять на массу в отрицательном смысле. И чтобы достичь благоприятных результатов, нужна продолжительная, настойчивая подготовка вступивших в сербские ряды добровольцев, тщательная проверка каждого из них в смысле их устойчивости, устранение элементов ненадежных и сплочение остальных в боевые, определенным образом настроенные единицы.

Только после этой работы нижние чины — добровольцы — будут приведены к присяге Сербскому королю, и явится уверенность в их верности славянскому делу.

При таких условиях, и не ожидая прибытия в ближайшее время сколько-нибудь значительных партий добровольцев, пополнение 1-й сербской дивизии явится делом крайне трудным и, во всяком случае, требующим большего времени.

В интересах как формирования 2-й дивизии, так и пополнения 1-й, полагаю, было бы крайне желательным отвести 1-ю дивизию в тыл, в Одесский район и поставить ее в прямое подчинение командира сербского корпуса генерала Живковича. Под опытным руководством его, работа, как по проверке материала, так и по боевой подготовке и сплочению его в боевые единицы, пошла бы более успешно. Он мог бы, в зависимости от состава и наличного кадра

основных чинов, легче регулировать распределение людей по частям, уравнивая в них наличность людей.

Можно, полагаю, рассчитывать, что в руках таких энергичных боевых начальников, как начальник 1-й дивизии полковник Хаджич, приведение сербского корпуса в боевую готовность, могло бы быть достигнуто уже в начале будущего года.

Этот корпус, ввиду огромных потерь сербов на Салоникском фронте, явится, вероятно, последним ресурсом Сербии, которым страна может располагать, отстаивая свое существование, и формирование этого корпуса представляется делом, не только вызываемым военными соображениями, но и глубоко государственным.

По приведенным соображениям, я, представляя ходатайство командира Сербского корпуса за №№ 180 и 190, испрашиваю у Вашего Высокопревосходительства, не признаете ли Вы целесообразным отозвать 1-ю Сербскую дивизию в тыл, с подчинением ее командиру Сербского добровольческого корпуса для укомплектования под его непосредственным руководством и по его распоряжению, доведя состав, как этой дивизии, так и вновь формируемой в меру возможности, хотя бы и не до установленного штата.

Генерал от инфантерии Эбелов¹.
РГВИА. Ф. 2003 оп. 1., д. 1167.Л. 83–87.

4. Секретная записка Сербской королевской миссии о перспективах послевоенного развития Сербии, 15 декабря 1916 г.

Петроград.

Силы маленького сербского народа почти исчерпаны в пятилетней неравной борьбе. Поэтому затяжной характер мировой войны угрожает существованию сербского племени. В данный момент сербский народ находится в следующем положении.

¹ Михаил Исаевич Эбелов (1855–1919) — генерал от инфантерии Русской императорской армии, военный губернатор Забайкальской области, главный начальник Одесского военного округа и военный губернатор Одессы в течение всей Первой мировой войны.

Сербская армия на Солунском фронте представляет незначительную силу приблизительно 60 тыс. штыков. Своим участием в военных действиях она ежедневно тает. До конца войны остаток нашей армии совершенно исчезнет или будет низведен до такого минимума, который будет недостаточен для простого сохранения порядка в стране.

Сербия не может рассчитывать на пополнение своих военных сил не только теперь, когда она занята врагами, но и после очищения её неприятелями, если не будут приняты для этого специальные меры.

Болгария действует в занятой ею части Сербии на правах суверенного государства. Из оставшихся молодых людей она делает набор новобранцев для своей армии. Всех же мужчин, годных для физического труда, болгарское правительство привлекает на военные работы на тех же основаниях.

Австро-Венгрия, проводя план истребления сербов в Сербии, как и в других сербских землях, интернирует из Сербии вглубь Венгрии все мужское население в возрасте от 15 до 60 лет.

При отступлении из Сербии, Болгария и Австро-Венгрия сделают все, что смогут сделать, чтобы окончательно разорить страну и лишить её мужского населения.

Из мирного населения Сербии много погибло в прошлогоднем движении народных масс за армией через Албанию и Черногорию. Голод, эпидемические болезни опустошали, опустошают и будут опустошать до конца войны сербское племя.

Нужда в пищевых продуктах в Германии и в Австро-Венгрии способствует австро-венгерскому плану истребления сербского народа: из Сербии вывозят последние съестные припасы крестьян. Тех из мужчин, которые не годны для физического труда, особенно народную интеллигенцию — городскую и сельскую, вывозят из Сербии и интернируют в специальных лагерях в Венгрии; недавно, например, через Будапешт провезли 200 сербских священников в какой-то концентрационный для интернированных сербов пункт.

Из писем этих людей нам достаточно известно, в каких ужасных условиях они живут: без теплых жилых помещений, без постели, без одежды и обуви, а главное, — без достаточного пропитания.

Известно, что в то время как на передовых позициях австро-венгерские солдаты получают хорошую пищу, в тылу действующей армии их солдаты голодают. Уже по одному этому, даже при желании, никто не может заботиться о пропитании интернированных и военнопленных сербов.

Положение сербского населения Черногории еще хуже. В самые урожайные годы собранного хлеба в стране едва хватало на полгода. Во время войны, до занятия Черногории австрийской армией, о пропитании черногорской армии и черногорского населения заботилось главным образом сербское правительство. Еще в августе 1915 года килограмм кукурузной муки стоил в Черногории 3 франка.

Из официальных заявлений австрийского правительства знаем, что органы оккупационной власти делят между населением муку. В горной стране, без железнодорожных и шоссейных дорог, при закрытии адриатических портов, австрийские власти не могли бы, если бы и хотели, спасти население от голода со всеми его неизбежными эпидемическими заболеваниями.

Из Черногории выслано вглубь Австрии и Венгрии поголовно всё мужское население, которое живет и умирает в тех же условиях, в каких живут и умирают интернированные военнопленные сербы из Сербии.

Ни интернированные, ни военнопленные сербы из Сербии и Черногории не могут рассчитывать на материальную поддержку ни своих правительств, ни своих семей. Это люди, приговорённые к смерти.

Интернированные и военнопленные сербы из двух сербских королевств лишены и той незначительной защиты, которой пользуются военнопленные русские, французы, англичане и бельгийцы при посредстве организаций Красного Креста.

Сербское население из Боснии и Герцеговины, Хорватии и Славонии, Баната и Бачки, Срема и Далмации успело в течение войны окончательно скомпрометировать себя в глазах правительства двуединой монархии. Его поголовно обвиняют в государственной измене.

И это не без основания. При первой встрече австрийских сербских полков с сербской или русской армией, сербы сдавались. Везде и во всём, где только могли, австро-венгерские сербы

оказывали сербско-черногорской армии услугу. Военнопленные в Сербии вступали в ряды сербской армии, а из военнопленных в России образован сербский добровольческий корпус.

Уже два года австрийские и венгерские власти ведут расправу с "народом-изменником". Действуют расстрелы, виселицы, тюрьмы, конфискации имущества, штрафы, но главных средств для истребления сербов три:

Отсылка всего взрослого мужского населения будто на военные работы, а на самом деле, с целью уничтожения его голодом, холодом и чрезмерной работой.

Переселение целых общин в глубь страны и заселение на их место немцев или мадьяр.

Удаление всего имеющего национальное самосознание элемента в те же концентрационные лагеря, в которых живут сербы из Сербии и Черногории

Австрия и Венгрия старались найти до последнего времени в юго-славянских землях опору в католической части нашего народа, в хорватах и словенцах. Передовая хорватская и словенская интеллигенция давно поставила начало нашего национального и государственного единения выше религиозных различий.

Эта передовая католическая интеллигенция также беспощадно преследуется в Австро-Венгрии. Преследования католической хорватской и словенской интеллигенции и расправа с православным сербским населением действуют на направление умов католических народных масс в желательном смысле для австро-венгерского правительства.

Полный разгром Сербии и всего сербского народа возымел действие и на передовую католическую интеллигенцию: вера в освободительную роль православной Сербии начинает колебаться.

Сербия кончила свою роль в мировой борьбе, кончила её честно и благородно. Сербия и все сербские земли теперь придётся освобождать не сербской армии, а армиям союзников. Но дело в том, что союзники не могут исполнить чисто национальной роли Сербии во всех сербско-хорватских и словенских краях.

Когда враги, преследуемые нашими союзниками, будут покидать сербские земли, сербское правительство встретится со следующими местными затруднениями:

1) с вооруженным партизанским сопротивлением фанатиков-магометан в Боснии и Герцеговине;

2) с албанскими разбойничьими шайками в пограничных с Албанией местах и

3) с возможным сопротивлением в известных краях католического населения во имя соседних католических государств.

Из всех соседних с ней государств Сербия и теперь, и по восстановлении её, будет самым слабым государством в военном смысле. Слабее она будет:

а) Италии, с её недостаточно скрываемой враждой по отношению к Сербии и с её стремлением занять положение Австрии на Адриатике, и вообще на славянском юге;

б) слабее будет Венгрии с Австрией или без неё, с еще более враждебным настроением по отношению к Сербии;

в) слабее Румынии, с ее претензиями на сербскую часть Баната;

г) слабее Греции, с ее претензиями отодвинуть сербскую границу от Эгейского моря на север вверх по Вардару;

д) слабее Албании, которой будет помогать и покровительствовать Италия, если только Италия окончательно не займёт её;

е) слабее, быть может, чем Болгария.

Сейчас, после заключения мира, каждое из этих государств сможет безнаказанно атаковать Сербию, не опасаясь новых международных осложнений.

Судьба Сербии, следовательно, не обеспечена и в случае полного разгрома центральных держав.

Главной причиной мировой войны послужило то, что сказано в Высочайшем Манифесте Государя Императора: ополчение "против России и всего славянства обеих могущественных немецких держав".

Ополчение же славянского мира против центральных держав и других неприятелей славян является необходимым для самосохранения.

Создание единого югославянского государства с православной Сербией во главе, есть существенный шаг вперед к сплочению славянского мира под главенством России. Сербия, как мы увидели, израсходовав все свои силы, не может исполнить без помощи России своей югославянской роли. Если Россия поддержит

Сербию до конца её пути создания единого юго-славянского государства, то тем самым она осуществит значительную часть своей общеславянской программы.

Для осуществления югославянской программы Сербии, нужно воссоздать саму Сербию и, насколько возможно, укрепить её в течение войны, до заключения мира. Сама Сербия своими силами и средствами не может этого достичь. Для достижения этой цели, помимо общей материальной и дипломатической поддержки союзников, для Сербии необходимо специальное покровительство России.

Для воссоздания Сербии еще во время войны существуют три источника живой силы:

Во-первых, остаток сербской армии, который сражается на сербском фронте.

Во-вторых, военнопленные югославы в России и в Италии.

В-третьих, тот остаток мужского населения, который прячется в горах Сербии, Черногории, Боснии, Герцеговины и других областях.

Для Сербии нравственно возможно требовать от союзников изъятия последнего остатка сербской армии из военных операций на союзных фронтах. Для России же это осуществимо: во-первых, нельзя лишить одного из союзников и последнего солдата для общего дела. Во-вторых, если англичане и французы нашли возможным и справедливым сберечь остаток бельгийской армии, то Россия вправе также настаивать на сохранении остатка сербской армии.

Пленных южных славян сербо-хорватов и словенцев в России около 100 тыс. Из них пока образованы две добровольческие дивизии. До конца войны могут быть образованы еще две. Всего около 60 тыс. добровольцев.

Остаток военнопленных, по преимуществу католиков, не желающих пока поступить добровольцами, тоже до конца войны составит не менее 60 тыс. человек. С изменением положения на полях военных действий и с укреплением международного положения Сербии, и они могут быть использованы для национальных задач. Для этого стоит только изолировать их из общей массы австрийских военнопленных и сконцентрировать исключительно в одной из центральных губерний, дабы они имели общение с ко-

ренным русским населением и, в свободном контакте с добровольцами, получили ясное и точное представление о будущем югославянском государстве.

Австро-Венгрия, испытав ненадёжность югославянских полков на русском фронте, перебросила их на итальянский фронт. Италия своими переговорами с Германией до своего выступления открыла свои карты по отношению к южным славянам, и они охотно дерутся против итальянцев. Итальянский фронт, к сожалению, получил характер итальянско-славянской борьбы.

На основании высочайшего акта, по которому всем военнопленным австрийско-подданным итальянцам в России разрешено отправиться в Италию, нетрудно России потребовать, чтобы Италия разрешила на тех же основаниях южным славянам отправиться в Сербию. Из них, до конца войны также можно собрать несколько десятков тысяч добровольцев.

Наконец, в горах Сербии после отступления армии осталось около 10 тыс. сербских солдат, которые не сдались.

В общем, если бы Россия взяла на себя заботу помочь правительству, правительству без народа и армии, осуществить соби́рание остатков живой народной силы, то можно было бы в течение войны создать хотя бы незначительную сербскую военную силу, а именно:

Остаток сербской армии на солунском фронте около 60 тыс.

Из военнопленных в России 60 тыс.

Из военнопленных в Италии 40 тыс.

Из недавшихся сербских солдат 10 тыс.

Всего: около 170 тыс.

Такая армия могла бы внушить соседним государствам должное уважение к решениям будущего мирного конгресса относительно будущей Сербии — Югославии. При посредстве нейтральных государств вполне возможно организовать помощь голодающему и умирающему голодной смертью сербскому населению в Сербии и Черногории и в концентрационных лагерях в Венгрии и Австрии. Расходы, конечно, должны быть отнесены на счёт Сербии. Русский Красный Крест может одинаково распространить свои заботы на сербских военнопленных в Австро-Венгрии, также как и на русских военнопленных.

Спасти сербское население в австро-венгерских владениях от истребления опятьтаки может только Россия. Её решительный

протест, быть может, возымел бы свое воздействие. Во всяком случае, если бы Россия заявила, что она будет поступать с венграми и немцами так, как они поступают со славянами, то это заставило бы австрийское и венгерское правительство призадуматься о своих поступках и действиях против югославянского народа.

Лишенное всего того, что составляет государство и государственную жизнь, сербское правительство бессильно что-нибудь сделать. В положении, в котором оно находится, немудрено растеряться и потерять способность к интенсивной ориентировке: оно само во всех своих начинаниях нуждается в помощи со стороны. Другими словами: везде и во всем нужна помощь России, помощь решительная, помощь, которая должна одновременно спасать и создавать.

Русский народ, несомненно имеет симпатии и сострадание по отношению к Сербии и всему сербскому народу. В Лице Государя Императора сербский народ подлинно имеет своего любящего и сострадательного Отца-Покровителя. Императорское правительство охотно идет навстречу всем нуждам сербского правительства. Однако сербскому народу необходимо большее, ему необходимо:

Чтобы Императорское Правительство спасло его от истребления.

Чтобы Россия еще во время войны помогла ему воссоздать своё государство и свою армию.

И чтобы Россия решительно поддержала Сербию в осуществлении её национально-политической программы на славянском юге.

Этого нельзя достичь простым дружеским отношением к Сербии и сербскому народу. Нужно, чтобы сербское дело, во всей своей полноте, вошло как составная часть военно-политической программы Императорского правительства.

Тем самым будет восстановлено значение Сербии в глазах южных славян, как и в глазах соседних с нею неславянских государств. Такая постановка югославянского дела, несомненно, будет содействовать и осуществлению общеславянской программы.

5. Секретная записка Сербской королевской миссии о необходимости привлечь югославян для пополнения сербской армии, 18 декабря 1916 г.

Петроград.

Сербское правительство, желая ускорить дело привлечения военнопленных южных славян в России — сербо-хорватов и словенцев в Сербский Добровольческий отряд, приказало мне просить Императорское правительство о следующем.

Необходимо изолировать военнопленных югославян из общей массы австрийских военнопленных и сконцентрировать их в одной из центральных русских губерний, дабы они могли обшиться [общаться] с коренным русским населением. Таким местом мог бы быть московский военный округ, где они получили бы ясное представление о России и русском народе, как и обо всём том, что касается славянства вообще и, в частности, того, что касается судьбы их родных стран и будущего югославянского государства.

Не считая тех, которые уже поступили в наш отряд, военнопленных югославян еще в России около 70 тыс. и в том числе около 20 тыс. православных сербов. На основании опыта, полученного при образовании двух наших добровольческих дивизий, сомнения никакого нет, что большинство из них охотно поступит в наши добровольцы.

Недавний неприятный инцидент в Одессе был случайным недоразумением, вызванный усиленным привлечением добровольцев без достаточной нравственной подготовки. Эта ошибка была скоро залечена и скоро поправлена, так что дух второй дивизии не отличается от патриотического подъема первой дивизии.

При удовлетворении просьбы Королевского правительства о концентрации югославян в центральную Россию, хорошо продуманная организация из бывших военнопленных, ныне наших добровольцев-офицеров с высшим академическим образованием, приступит немедленно к должному нравственному воздействию, как на тех, которое пожелают поступить в наш отряд, так и на тех, которые до поры до времени этого не пожелают.

Для практического осуществления нужно следующее:

Определить Московский или какой-нибудь другой военный округ для концентрации всех военнопленных югославян.

Приказать, чтобы все военнопленные югославы из России были туда направлены.

Определить в выбранном округе сборные пункты, куда они будут направлены.

Разрешить сербским офицерам-добровольцам и другим южным славянам свободное общение с ними в сборных пунктах для осведомления их и нужного на них нравственного воздействия.

Назначить места с клубными помещениями для тех, которые пожелают поближе познакомиться с задачами Отряда под руководством и надзором сербских офицеров-добровольцев до окончательного поступления в добровольческий отряд или окончательного отказа (Подобный опыт недавно сделан в Одессе и дал отличные результаты).

Ввиду необходимости привлечь югославян для пополнения сербской армии, Королевская миссия надеется, что Императорское правительство не откажет в удовлетворении просьбы Королевского Правительства.

РГВИА. Ф. 2003 оп. 1., д. 1167. Л. 28—28 (об).

6. Письмо Л. Тумы и К. Геруца на имя министра иностранных дел Б. В. Штюрмера о столкновениях в корпусе, 31 октября 1916 г.

Встревоженные и удрученные, мы прибегаем к Вашему Превосходительству с просьбой предпринять самые энергичные меры, дабы положить предел преступлениям, совершаемым ныне в Одессе, против человеческих прав, против славянской идеи, против самой России.

Ввиду того, что множество военнопленных сербов, хорватов и словинцев¹ в 1914 и 1915 гг. заявили о своем горячем желании поступить в ряды борцов против общего врага, можно сказать, что инициатива создания особого югославянского отряда вышла из

¹ Ист. словенцев.

самих пленных. Из них в 1916 году сформировался, вместо предполагавшегося "южнославянского", в Одессе "сербский" отряд, который, как известно, в первых боях в Добрудже, в сентябре с.г. выказал большую отвагу.

Увы, поведение сербских офицеров, на которых было возложено командование отрядом, было с самого начала неудовлетворительно. Это вскоре стало известно в лагерях между пленными, и дальнейший приток добровольцев почти прекратился. Тогда Сербская команда, усиленная вновь прибывшими партиями офицеров с о. Корфу, стала пленных, присылаемых для опроса в Одессу, записывать в отряд уже не по добровольному соглашению, а насильственно. Это внесло в организацию сербского отряда полный разгром и деморализацию, и до нас дошли душу раздирающие известия. Вновь прибывшие офицеры стали над добровольцами издеваться, начались всякие притеснения, хозяйственная часть отряда тоже пришла в упадок, люди живут впроголодь, положенное жалование часто не выдается и последнее скудное имущество добровольцев, принесенное из плена, или явно, или тайно отбирается. Обращение сербских офицеров с добровольцами становится с каждым днём хуже: независимо от сквернословия и ругательств их беспощадно бьют и калечат. Десятки добровольцев-словенцев получили тяжелые повреждения от ударов прикладом винтовки или штыка, некоторые от побоев скончались, есть и в упор застреленные.

Все это неслыханное поведение со стороны сербских офицеров привело, наконец, часть добровольцев к открытому неповиновению, и 23 сего октября, на площади перед вокзалом две роты взбунтовались. В тот же день, в другой роте насильно записанных в добровольцы южных славян, некоторые, в виде протеста против террора, стали кричать "Ура!" Францу Иосифу и "Долой короля Петра!". Конвою было приказано взять их на штыки, и в результате 13 мертвых и множество тяжело и легко раненых.

На грубость и дикое, совершенно ненормальное поведение сербских офицеров над добровольцами, были и раньше постоянные жалобы. Мы и наши московские друзья всячески успокаивали добровольцев, а на сербов старались подействовать письменно и устно, особенно во время перенесения Черняевского знамени в Одессу. Генерал Живкович и консул Цемович возмущались и обе-

щали прекратить террор, но вместо улучшения вышло то, что на русской земле одни братья славяне калечат и убивают других.

Хуже всего, что бывшие пленные славяне, а ныне добровольцы, падают в полное отчаяние, проклинают не только немцев, но и сербов, и русских, в которых они верили, на которых молились, в пользу которых они приносят себя в жертву. Это ведь полное крушение славянской идеи. Подобные события невозможно будет скрыть, и ими сумеют блестяще воспользоваться наши враги, как за границей, так и в пределах России, где до сих пор еще не отделены пленные славяне, верные славянской идее, от терроризирующих псевдославян, унтер-офицеров из немцев, мадьяр и евреев, притворяющихся перед русским властями славянами.

Для предупреждения дальнейшего исторического несчастья, просим Ваше Превосходительство позаботиться и исходатайствовать, чтобы:

1) Отправка пленных южных славян-сербов, хорватов и словинцев в Одессу была немедленно телеграфно по всем Военным округам временно приостановлена.

2) Чтобы немедленно была назначена комиссия из русских офицеров для обследования находящихся в Одессе южных славян и выяснения, кто действительно доброволец и кого держат насильственно.

3) Чтобы не было препятствий пленным южным славянам, желающим сформироваться, по образцу чешско-словацкой дружины, в особую "южнославянскую" дружину как часть русской армии.

*Л. Тума, К. Геруц*¹.

Перевод с хорватского. Копия.

РГВИА. Ф. 200., оп.2, г. 330. Л.6–7.

¹ Словенец Лев Фердинанд Тума (1883–1961) и хорват Крунислав Херуц (1859–1928?) были сторонниками югославизма, последовательными противниками сербской национальной программы. Пользовались определённым весом среди российской либерально-демократической интеллигенции. Ввели активную пропагандистскую и агентурную деятельность против Сербского корпуса с позиции югославянского федерализма. Сербские дипломатические представители подозревали их в сотрудничестве с австрийской разведкой, однако запрос, поступивший 10 января 1917 г., остался без ответа. РГВИА. Ф. 2000. Оп.16. Д. 2156. Л. 9.

7. Письмо министра иностранных дел Б. В. Штюрмера начальнику штаба Ставки Верховного главнокомандующего генералу от инфантерии М. В. Алексееву о столкновениях в корпусе, 3 ноября 1916 г.

Доверительно

Милостивый Государь Михаил Васильевич,

Около года тому назад, вследствие ходатайства высшего сербского командования, наши военные власти разрешили сербам приступить к образованию в Одессе особой дружины под командой сербских офицеров из военнопленных славян австро-венгерских подданных, преимущественно из сербо-хорватов и словинцев. При этом, по-видимому, имелось в виду, что набор этот будет производиться среди означенных военнопленных без всякого принуждения, а исключительно с добровольного согласия изъявивших желание записаться в эту дружину.

В настоящее время из поступивших ко мне жалоб и заявлений со стороны некоторых из упомянутых хорватов и словинцев видно, что сербские офицеры продолжают производить набор, но уже прибегают для этого к принудительным мерам, вызывающим протесты со стороны насильно вербуемых. Это обстоятельство имело своим последствием в самое последнее время ряд прискорбных столкновений в Одессе уже на почве политической между разнородными славянскими элементами сербской дружины и привело к применению суровых карательных мер.

Прилагая при сем выписки из присланных на моё имя жалоб и заявлений по этому вопросу от заинтересованных лиц, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в зависящих распоряжениях о расследовании упоминаемых в них случаев. Со своей стороны, считаю долгом прибавить, что производство среди военнопленных славян принудительного набора представляется крайне нежелательным по политическим соображениям; между прочим, оно уже вызвало протесты Австро-Венгерского правительства по поводу принуждения нами австро-венгерских подданных вступать в нашу армию, сражающуюся против их отечества, и может повести в дальнейшем к нежелательным для нас последствиям.

В ожидании отзыва Вашего по этому делу прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Подпись *Штюрмер*¹.

РГВИА. Ф. 2003., оп. 2., г. 330. Л.4–4(об).

8. Рапорт генерал-лейтенанта С. Д. Чистякова главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генерала от кавалерии А. А. Брусилова, 9 января 1917 г.

Произведенным расследованием по содержанию письма министра иностранных дел от 3/16 ноября с.г. за № 861/П/0 на имя н-ка штаба Верховного Главнокомандующего, и всех приложений к этому письму, выяснено:

1) Ходатайство о разрешении приступить к формированию 2-й сербской добровольческой дивизии возбуждено было самим начальством Одесского военного округа 15 июня 1916 года (телеграм. ген. Эбелова Наштаюз № 2060), вследствие донесения полковника Хаджича об ожидаемом избытке добровольцев и о желательности приступить к формированию V-го и VI-го полков (Донес. 12 июня 1916 г. № 204).

Тогда же было повторно ходатайство округа от 27 апреля и о разрешении сформировать 12-ти ротный запасной батальон для 1-ой дивизии, который фактически с 18-го июня уже и начал свою деятельность под командою капитана Майстровича (Донес. полк. Хаджича 14 июня № 219).

За выступлением 1-ой сербской дивизии в район Рени — Болград, все распоряжения по дальнейшим формированиям возложены были на н-ка 1-ой дивизии полк. Кушакевича (Донес. полк. Хаджича 16 июля № 750), которому был подчинен и капитан Майстрович.

Мысль о сформировании второй дивизии и об образовании целого сербского корпуса энергично проводилась высшим серб-

¹ Борис Владимирович Штюрмер (1848–1917) — российский государственный деятель, в 1916 г. был Председателем Совета министров Российской Империи, одновременно был министром внутренних дел, а затем министром иностранных дел.

ским командованием, и 30 июля был уже назначен командиром корпуса генерал Живкович, а н-ком корпусн. штаба тот же полк. Кушакевич. Ген. Живкович в Одессу прибыл только 7-го сентября (показ. ген. Живковича).

Первоначально одна из бригад 2-й дивизии предполагалась чешскою, так что и для сербского командования, и для начальства одесского военного округа, чрезвычайно близко принявшего к сердцу (особенно н-к окр. штаба, генер. лейтен. Маркс) сербское дело, сначала предстоял вопрос об укомплектовании только 2-х полков.

Способ комплектования до половины сентября оставался совершенно таким же, как и при формировании 1-й дивизии, т. е. исключительно добровольцами, присылаемыми в Одессу из плена только после заявления ими желания поступить с сербский отряд, о чем получались сведения от агентов (офицеров и гражданских лиц сербско-хорватской национальности), посылавшихся для соответствующей патриотической работы среди пленных в различные пункты; такие же патриотические беседы и разъяснения производились и в Одессе.

До половины августа, по донесению полк. Кушакевича (19 авг. № 48), "работа по собиранию добровольцев шла очень хорошо: ежедневно прибывали в среднем 90–100 чел. в Одессу, и можно было ожидать полного успеха в деле формирования 2-й сербской дивизии для борьбы против общего врага", но, конечно, для этого надо было продолжительное время: такой медленный приток добровольцев не мог обеспечить вполне надежным образом даже только одно своевременное пополнение потерь 1-ой дивизии после первого же сколько-нибудь серьезного дела.

С августа стали происходить задержки вследствие временных запрещений снимать военнопленных то с сельскохозяйственных, то с промышленных предприятий; хозяева, особо ценя рабочие руки в разгар уборки хлебов, неизбежно задерживали, отговаривали военнопленных, увеличивали плату и т. п.

Таким образом, к 31 августа в запасном батальоне, и для пополнения возможных потерь 1-ой дивизии, и для формирования V-го и VI-го полков имелось всего 2.706 человек, еще не вполне испытанных, хотя и приведенных наспех к присяге сербскому королю.

Между тем с 20-го августа 1-я сербская дивизия уже приняла участие в добруджинских боях и понесла огромные потери.

Явилась настоятельная надобность в немедленной отправке пополнений (тел. ген. Зайончковского 7-го, 11-го, 13-го, 24-го сентября №№ 5522, 1259, 1278, 374).

Отправленных 1-го сентября из запасного батальона 2 тыс. человек из числа вышеупомянутых 2.706 человек было недостаточно; требовалась немедленная отправка еще 4 тыс. человек, а затем это число было увеличено до 6.500 человек, не считая еще 2 маршевых рот на каждый полк (тел. ген. Монкевица от 3-го октября № 567).

Ген. Клембовский еще от 1 сент. за № 11075 телеграфировал ген. Эбелову, что "при таких условиях едва ли желательно приступить к формированию 2-й дивизии". То же самое телеграфировал и ген. Зайончковский (11 сент. № 1259).

Но начальство Одесского округа настаивало (тел. ген. Эбелова Наштаверх. 18 сент. № 08180) на продолжении формирования 2-й дивизии, ссылаясь, с одной стороны, на невозможность все равно послать необученных людей на пополнение 1-ой дивизии, а с другой стороны, — на необходимость исполнить уже последовавшее Высочайшее повеление военному министру "принять энергичные и быстрые меры по формированию второй сербской дивизии из пленных сербов, включив в ее состав чешский полк, формируемый в Киеве", о чем 6-го сент. была получена телеграмма от генерал-майора № 1922, каковая, по существу, являлась только ответом на июньское ходатайство самого же одесского округа ввиду избытка добровольцев, далеко, впрочем, недостаточного при сложившейся впоследствии обстановке.

Однако, штаб сербского корпуса 9-го сент. вновь донес, что число пленных славян вполне обеспечивает формирование второй дивизии, но для этого необходимо: а) собрать всех юго-славян, сербов, хорватов, словинцев, босняков в одном или нескольких пунктах по округам, под наблюдением сербских офицеров, "которые в состоянии будут, имея в руках списки, по фамилиям определять национальность военнопленных, находящихся на работах, казенных или частных"; б) всех юго-славян из рабочих батальонов и дружин всех фронтов прямо отправить в Одессу; в) точно так же отправлять из Дарницкого лагеря в Одессу и всех вновь захваченных юго-славян, не задерживая их на пути в Киев (№ 122).

В сущности, эти меры, направленные против укрывательства юго-славян самими хозяевами экономий и предприятий от призы-

ва в сербский отряд, явились первым проявлением мысли сербского командования о возможности основать отправку военнопленных в Одессу, руководствуясь только юго-славянскую национальностью, согласно определению сербских офицеров, а не заранее заявленным добровольным желанием поступить в сербский корпус, в расчете только на пробуждение этого желания при соответствующем нахождении вновь прибывших юго-славян в запасном батальоне вместе с уже присягнувшими добровольцами.

Мысль эта, находившая себе как бы подтверждение в относительной легкости, с какой юго-славяне склонялись к поступлению в первую сербскую дивизию, благодаря горячей проповеди конс. Цемовича, докт. Коломбатовича, докт. Поточняка¹ и других политических сербо-хорватских деятелей, равно как и командированных на места офицеров из бывших военнопленных, встретила большую поддержку и со стороны н-ка штаба одесского военного округа ген. лейт. Маркса, как наиболее облегчающая выход из создавшегося положения и могущая в наикратчайший срок образовать "запас людей для пополнения сербской армии, лишенной в будущем возможности получать из Сербии какие-либо подкрепления в людском составе", что, собственно, (а не боевое употребление на русском фронте в составе дивизии или корпуса) и являлось первоначально целью сформирования сербского отряда из военнопленных сербско-хорватской национальности (тел. ген. Беляева 16 янв. 1916 г. № 1640).

Тем не менее, в телеграмме ген. Эбелова в Главн. Управл. Генер. Штаба за № 07998 с просьбой о распоряжении по всем округам относительно безотлагательного сбора к ближайшим управлениям всех юго-славян со всех работ по-прежнему еще указывалось о командировании в эти пункты сербских офицеров "для опроса желающих вступить в ряды сербской дивизии".

Таким образом, принцип отправки в Одессу только желающих военнопленных юго-славян оставался еще в силе 15 сент. В этом смысле Главн. Управлением Ген. Шт. и сделаны были соответствующие распоряжения по всем округам.

¹ Франко Поточняк, (1862–1932) — хорватский политик и публицист, редактор националистического «правашского» журнала «Хрватска домовина» (1896 — 1897). В годы Первой мировой войны стал членом Югославянского комитета, участвовал в написании Корфской декларации 1917 г.

Но штаб сербского корпуса, предполагая, вероятно, что проецированная им мера отправки в Одессу всех юго-славян только в силу их югославянского происхождения, получила полное, а не частичное одобрение, разослал немедленно за подписью н-ка корп. штаба полк. Белича, телеграммы в 64 пункта Одесского и других округов о том, чтобы "срочно направить [в] Одессу распоряжение н-ка штаба округа всех юго-славян, сняв их с работ полевых и других".

24 сентября №№ 3628-41 штаб одесского округа отменил это распоряжение, предписав в Одессу отправить только желающих после опроса их сербскими офицерами при управл. Воинских начальников, а опрос рудниковых рабочих произвести на месте работ.

Между тем, за № 90, 25 сент. Штаб сербского корпуса донес, что в данную минуту уже 14 офицеров в командировке, а 27-го сент. посылаются еще 14; больше не имеется уже офицеров для командировок, а потому дальнейшее сосредоточение юго-славян на сборных пунктах надо отменить.

В то же время ген. Кондзеровский от 28 сент. № 2166, телеграфировал, что Наштаверх относится весьма несочувственно к формированию смешанной чешско-сербской дивизии, а потому "считает необходимым сформировать вместо сербско-чешской, вторую сербскую дивизию", к скорейшему формированию которой ген. Кондзеровский просил "принять энергичные меры".

Таким образом, потребное число добровольцев увеличивалось вдвое, а в действительности к этому времени общее число поступивших из запасного батальона в V и VI полки 2-й сербской дивизии составляло всего 185 офицеров и 2.900 ниж. чин., и в запасн. б-не оставалось еще 1.851 чел. (в том числе, 324 больных и командировочных), т. е. наполовину недоставало и для одной бригады.

Вот в этом положении и были 29 сент. посланы Штабом одесского округа в пределах округа циркулярные телеграммы №№ 3712-19 со следующим приказанием: "Ввиду изменившейся обстановки, при выполнении задачи, возложенной на командированных сербских офицеров, они должны путем опроса выяснить национальность собранных военнопленных, отобрать физически вполне пригодных к службе в войсках сербов, хорватов, словинцев и босняков и составить на них подробные списки, с отметкою, где

каждый из них находится на работах. Всех отобранных таким образом военнопленных, независимо от их желания или нежелания, надлежит немедленно отправить под конвоем в Одессу, где будет произведен из них окончательный отбор добровольцев".

Телеграммой от 1 окт. № 4345/468 ген. Эбелов сообщил о новом порядке комплектования 2-й сербской дивизии, желательном вообще везде и уже принятом в Одесском воен. округе, — именно о "наборе" юго-славян, в главн. Упр. Генер. Штаба, подробно указывая причины, вызывающие такой порядок, а также и ожидаемые от этого благоприятные результаты, а именно: "Порядок, применяющийся для набора добровольцев при сформировании первой сербской дивизии и состоявший в командировании офицеров сербской службы на места для опроса военнопленных и обращения на службу в сербских войсках исключительно выразивших на это категорическое желание, является неприменимым для укомплектования нижними чинами полков формируемой в настоящее время, по Высочайшему повелению, второй дивизии, т. к., согласно статистическим данным, указанный способ давал не более 100 добровольцев ежедневно, и, следовательно, для формирования дивизии и запасного батальона потребовалось бы больше полугода. Между тем, Наштаверх. предписано принятие самых энергичных мер сформированию дивизии [в] кратчайший срок. Указанный способ признан неприменимым в пределах округа и потому, что [в] округе военнопленные имеются исключительно на сельскохозяйственных и всякого рода других работах, где они, ввиду недостатка рабочих рук, находятся сравнительно [в] очень хороших условиях, и оттуда выражают желание отправиться на боевой фронт лишь [в] исключительных случаях. Поэтому для получения возможности привести в исполнение Высочайшее повеление, а также создать крайне необходимые кадры пополнений для находящейся на фронте первой дивизии, я приказал при наборе военнопленных юго-славян применить следующий порядок: военнопленные югославыне губерний округа за исключением Таврической, в период времени 30-го сент. — 6-го окт. были собраны в определенные дни на сборные пункты уездн. воинск. начальников, куда были командированы офицеры сербской службы, получившие указание точно выяснить путем опроса национальность собранных военнопленных и отобрать физически вполне

пригодных к службе в войсках, сербов, хорватов словинцев и босняков. Все отобранные таким путем военнопленные отправлялись в Одессу в распоряжение н-ка второй сербской дивизии в казармы сербских войск, где оставались [в] течение нескольких дней, и где происходил окончательный отбор добровольцев. Пребывание в условиях военной жизни среди соответственно настроенных лиц одной религии (?) и языка, также беседы на военные и политические темы, как показал опыт (?) и согласно удостоверению высших чинов сербской службы, приводит к самым благотворным результатам, и лишь немногие (?) военнопленные после пребывания [в] казармах выражают желание возвратиться на работы... На 30 сентября был назначен набор военнопленных по Кишиневскому, Орловскому, Балтскому и Александрийскому уездам, и по всем этим уездам отобрано офицерами сербской службы для отправления в Одессу 1.237 югославян, что составляет около 300 человек на уезд. Все же остальные собранные [на] сборные пункты указанных уездов военнопленные немедленно возвращены [на] прежние работы. Произведенный указанным путем набор закончится 6-го сентября".

Однако все эти доводы начальства одесского воен. округа не были признаны ответственными.

5 окт. за № 41758 ген. Аверьянов телеграфировал ген. Эбелову, что военный министр не признал возможным применить этот порядок в остальных округах, а 9-го окт. за № 12133 и ген. Алексеев просил распоряжения ген. Эбелова "об отмене обязательного набора юго-славян [в] одесском округе", указав, что "в основу формирования сербских частей положен сбор только желающих, но никак не насильственный набор пленных, ибо таковые в лучшем случае будут бесполезны, в худшем — опасны для нашей армии".

В ответной телеграмме ген. Алексееву от 10 окт. № 4522/787, ген. Эбелов, повторяя те же соображения, которые приведены им в телеграмме ген. Аверьянову, добавил: "Изложенный способ, дающий около 80 % добровольцев из числа военнопленных югославян, доставляемых в Одессу, довел в течение 10 дней состав второй дивизии до 9 тыс. чел. и предоставил возможность рассчитывать, что через короткий промежуток времени дивизия будет окончательно укомплектована. Набранные указанным способом добровольцы, после распределения по полкам, оставляются в не-

прерывном наблюдении, проверяются в отношении политических убеждений особыми комиссиями, соответствующим образом воспитываются и перед принятием присяги вновь подвергаются окончательной проверке. Означенные меры создадут, без сомнения, (?) тот же кадр людей, какой дала в бою 1-я сербская дивизия".

Пока происходил вышеуказанный обмен телеграммами, "набор" юго-славян в одесском округе фактически был почти закончен, и через сербский запасной батальон проходили все привезенные юго-славяне, в весьма значительном количестве, особенно хорваты и словинцы, вовсе не желавшие быть добровольцами.

Нельзя не отметить, что и из других округов и фронтов, вследствие неясности в распоряжениях, присылались даже до 12 ноября ещё, партии юго-славян, категорически отказывавшиеся от поступления в сербский корпус и заявлявшие, что они никогда не выражали одного желания (Тел. Гл. Уп. ГШУ за подписью полк. Дедова 12 ноября № 4436).

Таким образом, первым проявлением известного давления на добровольность поступления юго-славян в сербский отряд надо считать распоряжение штаба одесского военного округа от 29 сентября 1916 г. об отправке в Одессу всех юго-славян, независимо от их желания или нежелания служить в сербских войсках, с тем, чтобы опрос производился уже в сербских казармах.

Начальник штаба Одесск. воен. округа, генер. лейт. Маркс, принимавший самое энергичное и близкое участие в формировании сербских частей и всемерно старавшийся об увеличении числа их до корпуса, исходил при проектировании вышеуказанной меры только из горячего сочувствия тяжелому положению Сербии, лишенной людских ресурсов для пополнения своей армии, и придерживался того взгляда, что в настоящей суровой борьбе, с многими сотнями тысяч погибших бойцов, не приходится излишне щепетильно относиться к условностям всеми нарушаемым международными обычаям и останавливаться над мерами понуждения слабых духом юго-славян открыто встать или на нашу сторону, или уже считаться у нас в плену такими же открытыми врагами, как немцы и мадьяры, не пользуясь больше никакими поблажками.

Полезность этой меры основывалась на преувеличенном представлении относительно легкой склоняемости юго-славян к желанию служить под сербским командованием, что в отноше-

нии большинства хорватов и словинцев, при разнице в религии, при существовании розни интересов еще в мирное время, при известной популярности среди них имп. Франца Иосифа и при не любви к нашим союзникам — итальянцам, стремящимся захватить Горицу и Триест, культурные центры Словении (показ. подп. Пекле), являлось ошибочным, хотя сербское командование, в лице сербских офицеров, стоявших непосредственно у дела сбора и приема добровольцев, и считало эту рознь легко преодолимой, не всегда, по видимому, в полном размере ориентируя ген. Маркса в происходящих трениях.

Сама по себе вышеуказанная мера принуждения не могла бы вызвать всех последующих нежелательных явлений, если бы в сербских казармах, по самым особенностям настроения добровольцев, уже твердо принявших новую присягу, и естественной особой нетерпимости их к уклоняющимся от таковой, не отнеслись к зачислению прибывших по "набору" югославян с известной страстностью, прямолинейностью и настойчивостью в смысле задержания колеблющихся и даже вовсе не желающих. Это усложнилось еще заметно к тому времени развившейся враждебной нам агитацией (пок. полк. Кушакевича, кап. Майстровича, полк. Еремеева, расследов. г.м. Котюжинского) и неблагоприятным ходом дел в Добрудже и в Румынии, вызвавшим у военнопленных сомнения в возможности победоносного для нас исхода войны, при чем настойчивое возвращение в пострадавшую 1-ую дивизию только что выздоравливавших раненых (по предложению ген. Эбелова от 18 сент. № 08180, — вместо отправки укомплектований из запасного б-на, где достаточно подготовленных людей вовсе не было) подало повод агитаторам объяснять эту меру желанием русского правительства "возвратить инвалидов на позиции и там их застрелить, чтобы дольше не мучились (расследов. по беспорядк. в 3-м б-не 7-го полка 8-го и 9-го ноября).

Конечно, сбор добровольцев только для формирования 12 рот запасного б-на потребовало бы меньшего напряжения, чем для сформирования новой, второй дивизии, и с этой точки зрения, причины настойчивого ходатайства одесского округа о продолжении формирования этой дивизии не представляются достаточно ясными, если в этом нет предвзятого стремления создания именно "корпуса".

Вообще, ожидавшееся начальством одесского военного округа относительно безболезненное проведение проектированного "набора" югославян нельзя считать в конечном результате осуществившимся.

Но все-таки, как видно из ведомостей, приложенных к объяснению ген. Живковича, действительно из 14.690¹ югославян, присланных в период с 1-го окт. по 20-е ноября 1916 г., главным образом, по "набору" для опроса в сербском запасном батальоне только 4.850 чел., т.е. 32 % (2.768² чел. — немедленно, 1.621 чел. — после некоторого испытания, 461 чел. — бегством) отказались от поступления, а 68 % приведенных югославян действительно поступили на службу в сербский корпус, т. е. результат в количественном отношении надо признать отличным, принимая во внимание, что из Одесск. окр. всех, а из прочих округов — значительное число отправляли в Одессу, не спрашивая о желании.

В нравственном же отношении такой быстрый набор добровольцев, похожий на мобилизацию дивизии, и в связи с полным разгромом 1-й дивизии в Добрудже, очень вредно отразился на находившихся уже во 2-й дивизии "настоящих добровольцах" (см. объяснит. зап. ген. Живковича), общее число которых достигало в это время, как выше сказано, 5.750 чел.

Следует отметить, что и в числе принятых 68 % оставлены были, в довольно большой пропорции, колеблющиеся и даже прямо враждебные нижние чины, главным образом из хорватов и словинцев, удерживаемые только страхом наказаний и при первой возможности убежавшие к одесск. воинс. н-ку или просто скрывшиеся при содействии евреев, колонистов, болгар и т. п., и настроение в полках 2-й дивизии даже в начале декабря признавалось таким, что, по заявлению ген. Живковича и полк. Кушакевича, личный мой опрос желающих и нежелающих, при существующей враждебной агитации и при известной подавленности под влиянием наших неудач на румынском фронте, представлялся неудобовыполнимым без очевидного вреда для дела существования сербских добровольческих частей.

¹ В том числе 8960 чел. из Одесск. воен. округа, т. е. 57 % всех прибывших (примечание С. Д. Чистякова).

² В том числе 2088 чел. из Одесск. воен. округа, т.е. 73 % всех немедленно отказавшихся (примечание С. Д. Чистякова).

Дело же и без того является чрезвычайно трудным по самому существу добровольческих организаций, да еще из только что дравшихся против нас же людей, наших пленных. А между тем, как показал опыт боевой работы 1-ой сербск. дивизии, дело это может дать, при устранении понемногу уже преодолеваемых трений и при энергичном прекращении враждебной агитации, "хорошие войска", но "под условием воспитания личного состава в течение продолжительного времени" и употребления их только при удачном ходе операции на сербской земле (Снош. ген. Живковича н-ку од. окр. шт. 24 ноября 1916 г. № 328 и его же объяснит. зап. 1 декабр. № 380).

II) Что касается упоминаемых в письме министра иностранных дел "принудительных мер", "прискорбных столкновений" и "суровых карательных мер", а равно самих фактов нанесения более или менее тяжелых побоев, поранений, ругательств и краж, поименно указанных в приложенных к вышеупомянутому письму заявлениях (как выяснено расследованием — принадлежащих подпор. 3-го полка 1-ой Сербск. дивизии Гашпару Пекле), то таковые явления действительно имели место по отношению к людям из тех 32 % юго-славян, которые, будучи доставлены в Одессу, отказывались от поступления в сербский добровольческий корпус в более или менее резкой форме, с большим или меньшим влиянием на остальных прибывших одновременно с ними юго-славян.

Обстановка, при которой происходили эти столкновения, такова. Партии юго-славян, выгружаемые на ст. Одесса — Товарная, прибывали уже в состоянии большего или меньшего внутреннего разлада, в зависимости: а) от нахождения в среде их того или другого количества унтер-офицеров и даже рядовых австрофилов, особенно хорватов и словинцев, б) от выгоды и удобств бывшего положения их в плену, в) от личной храбрости и большей или меньшей боязни попасть снова в бой, г) от религиозных убеждений относительно перемены присяги, особенно у католиков, и, наконец, д) от того, где, в каких условиях находятся семьи пленных и их родственники в Австрии.

Был случай категорического отказа 60 плен. хорватов даже от первоначальной погрузки в вагоны на ст. Балта для отправки в Одессу, с заявлением, что они предпочитают быть убитыми немед-

ленно, чем идти к сербам, которых знать не желают (Донес. Балтс. у. в. н-ка 5 окт. № 156).

Все прибывшие в Одессу партии встречались на станции офицером-добровольцем сербского корпуса, который и направлял их вместе с прибывшим русским конвоем в сербские казармы.

Некоторые большие партии (600–700 чел.), дойдя до ворот казарм запасного батальона (Канатный завод на Б. Арнаутской ул.), сразу же отказывались туда войти, за исключением одиночных, действительно убежденных добровольцев. Так, из 600 чел. Кишинев. и Оргеевского уезда 579 вовсе не вошли; подобный случай был с партией из 1.165 чел. Тираспольск. и Екатеринославск. уездов, где отказались 623 чел. (донес. кап. Майстровича от 5-го и 7-го окт. №№ 6 и 14). Такие партии немедленно, с тем же русским конвоем отсылались для обратной отправки в плен через Одесск у.в. н-ка, и по отношению к ним особых понуждений не установлено¹.

Большинство партий входило в казармы. Каждая партия немедленно разбивалась на группы; людям давали хлеб, сало, чай, иногда горячую пищу, а затем к-р и офицеры запасного б-на (12 ротн. и 24 взводн. к-ров, все добровольцы из пленных; только к-р б-на — капитан сербск. генер. штаба, воспитанник нашего кадетского корпуса, училища и нашей воен. академии — Майстрович), а также кадровые унтер-офицеры и рядовые (все добровольцы из пленных) вели беседы с вновь прибывшими относительно записи их в сербский корпус (Показ. кап. Майстровича, полк. Кушакевича, ген. Живковича), причем спрашивали фамилии, места рождения, национальность, вероисповедание.

Нередки были случаи, когда пришедшая партия (даже с примесью хорватов и словинцев) сразу соглашалась поступить в сербскую службу; бывали колебания, обусловленные боязнью заявить свое согласие в присутствии находившихся в партии унтер-офицера — ярого австрофила и врага сербов; были колебания, обусловленные желанием иметь время для обдумывания своего окончательного решения; были нередки случаи упорного отказа, особенно хорватов и словинцев, даже только назвать свои фамилии

¹ Был случай привода одной такой партии, отказавшейся у здания Окружного штаба, для личного опроса ген. лейт. Марксом и чинами штаба по его поручению (примечание С. Д. Чистякова).

из боязни быть немедленно записанными в корпус; были случаи, когда чистокровные сербы, хорваты, словинцы упорно называли себя немцами, мадьярами, итальянцами, несмотря на то, что их же знакомые и даже родственники состояли уже добровольцами; были, наконец, случаи прибытия партий хорватов и словинцев с портретами имп. Франца Иосифа и лентами австрийских цветов на шапках, сопровождавших свои крайне резкие отказы оскорблениями по адресу присягнувших сербскому королю добровольцев, не исключая и офицеров.

Особенно резко проявлялось нерасположение хорватов и словинцев, заявлявших, что они вовсе не "сербы", а "католики", и до того, к чему стремятся сербы, им дела нет (пок. полк. Еремеева; опросн. листы двух рядов. словинцев, показ. подпор. Пекле).

Наиболее многочисленны были отказы из опасений за оставленную в Австрии семью, которая может из-за них пострадать; из нежелания драться против своих же родственников, братьев, оставшихся еще в рядах австрийской армии; из боязни потерять в бою руку или ногу, "так как они не видят, чтобы о таких здесь старались"; наконец, — из желания еще отдохнуть ввиду их недавнего захвата (пок. кап. Майстровича) в плен.

Все это создавало чрезвычайно напряженную обстановку, особенно если принять во внимание огромное количество проходивших через запасной батальон юго-славян. Было бы совершенно неправдоподобным ожидать, чтобы при югославянской горячности в такой обстановке не было бы брани, ссор, ударов, драк и даже поранений.

Присягнувшие добровольцы попрекали отказавшихся изменою славянству, трусостью, желанием возвратиться к "русским бабам" и зарабатывать деньги, пока добровольцы будут жертвовать жизнью за создание свободной Юго-Славии, рискуя при неудаче быть повешенными австро-венграми и т. п. Офицерам не раз приходилось вмешиваться, чтобы предупредить кровавую расправу (пок. кап. Майстровича), но весьма возможно, что и некоторые офицеры-добровольцы, раздраженные иногда тяжелыми и оскорбительными упреками со стороны упорствовавших, не могли удержаться от физического воздействия (пок. полк. Кушакевича, подпор. Пекле, пок. опрошен. словинцев).

Все это усложнялось еще крайне негигиеничным видом помещения на Канатном заводе, грязью и темнотой, хотя в целях улучшения и делались настойчивые сношения с Одесск. городск. Управлением (пок. п. Кушакевича, подп. Пекле).

Не желавших поступить добровольцами тотчас отделяли в особое помещение, под караул, а затем отправляли к одесск. воинскому н-ку для возвращения в плен, но не всегда немедленно. С колеблющимися вели беседы в течение более или менее продолжительного времени (до 4-х недель) особо умелые и патриотично настроенные офицеры-добровольцы соответствующей национальности из "воспитательной команды", специально для этой цели образованной, и затем выделяли из них наиболее упорных, а остальных отправляли в полки.

Вот в эти промежутки пребывания в запасн. б-не (очень короткие, 1–3 дня, для категорически отказавшихся и более продолжительные для колеблющихся), главным образом, по ночам (пок. полк. Еремеева, подп. Пекле, доклады к. разведыв. отдел. Шт. од. воен. окр., полк. Кушакевича, ген. Живковича, кап. Майстровича), в отсутствии офицеров, в неосвещенных достаточно помещениях и происходили побои, иногда весьма сильные и даже поранения особо упорных хорватов и словинцев, наиболее враждебно настроенных против сербов, ввиду разницы религии и политических убеждений. Делали это солдаты же добровольцы.

Бывали случаи, что сами караульные били и отбирали деньги и вещи у арестованных (пок. кап. Майстровича и подп. Пекле).

Со стороны высшего сербского командования, в лице ген. Живковича, и со стороны кап. Майстровича и офицеров запасн. б-на, принимались меры к предотвращению и прекращению этих ссор и драк; отнятые деньги возвращались; на виновных налагались наказания. Кап. Майстрович даже заменен был в должности к-ра запасн. б-на подп. Живковичем (пок. подпр. Пекле).

Конечно, все эти инциденты являлись нежелательными, и было бы лучше их избежать, но казалось бы не вполне последовательным думать, чтобы и сербское командование, и даже одесское окружное начальство, задавшись целью формирования добровольческого корпуса из военнопленных австрийцев, могло больше заботиться об интересах тех из них, которые туда не желают поступать (хотя бы и по весьма почтенной, с отвлеченной точки

зрения, причине — верности раз принятой присяге), чем о людях, совершенно открыто вставших на нашу сторону, с готовностью жертвовать своей жизнью за юго-славянское дело. Этим, по видимому, определялось и определяется их отношение к мерам прекращения указанных выше избиений одних военнопленных другими.

С чисто практической точки зрения, самым вредным было то, что многие хорваты и словинцы были задержаны в запасном б-не только страхом этих наказаний, побоев и даже отправлены в полки, увеличивая там число беглых, недовольных, открыто враждебных и вызывая дальнейшие столкновения.

Что касается 24 хорватов и словинцев, поименованных в письме подпор. Пекле, которое послужило материалом для письма югославянских публицистов Л. Тумы и К. Геруца к министру иностр. дел, то несомненной возможности нанесения этим людям побоев, ударов прикладом винтовки, их ареста не отрицает никто из опрошенных мною лиц сербского командования и сам н-к шт. одесск. окр. То же самое подтверждается и показанием одесск. в. н-ка, полк. Еремеева, у которого беглых из запасн. б-на и полков 2-й дивизии к 8 декабря перебывало до 917 чел. Такие же данные содержатся в докладе контрразведыв. отд. одесск. окр. Штаба 3 дек. № 124976 и в показании ген. м. Демкина.

Из числа упомянутых 24 военнопленных только 7 чел., по спискам запасн. б-на, значатся отправленными в полки, но находятся ли они и теперь в полках, — штаб сербск. корп. до 5-го декабря еще не имел сведений.

Оставленные 17 чел. вовсе не значатся в списках запасн. б-на, как категорически отказавшиеся поступить в сербский корпус, а потому возвращены вскоре в плен.

Побои, очевидно, вызваны были их отказом идти вместе с добровольцами против общего врага.

Приведенный в том же письме факт убийства 13-го октября в запасн. б-не одного словинца (по дополн. показ. Пекле — Кароля Потребуша) не подтвердился.

Действительно, ввиду позднего окончания опроса прибывших в этот день партий, небольшая группа отказавшихся вместо немедленной отправки к одесск. вонск. н-ку, оставлена была на ночь в казарме под охраною часовых. Около 12 ночи дежурн. офицер вызвал по телефону к-ра запасн. б-на кап. Майстровича и доложил, что добровольцы сильно избили одного из охраняемых, обругав-

шего в споре сербского короля. Кап. Майстрович немедленно лично прибыл в казарму и приказал отнести избитого в батальонный околодок под надзор фельдшера; повреждений при осмотре не заметил (пок. полк. Кушакевича и кап. Майстровича). Около 9 час. утра русский воен. врач Смульский (поляк) осмотрел этого словинца, бывшего в полусознательном состоянии, с затрудненным дыханием, с кровоподтеками по всей груди и лицу, и, ввиду опасного положения, приказал стар. санит., сербу Вулешичу, отправить его на извозчике в городскую больницу, для чего сам же дал денег. Штыковых ран у словинца не было (показ вр. Смульского).

Санит. Вулешич доложил об этом кап. Майстровичу, добавив, что вр. Смульский в присутствии нижних чинов возмутился таким "безобразием" и хочет жаловаться "русскому генералу".

Кап. Майстрович отменил это распоряжение и велел отвезти избитого на Пробковый завод в сел. Романовке в казармы V полка и поместить в отдельную комнату, куда кап. Майстрович пригласил мл. вр. серба Струцинского, а затем докт. Фрея. Для охраны был поставлен часовой (пок. кап. Майстровича)

Вр. Смульский, узнав от одного из младш. санитаров об отмене кап. Майстровичем его распоряжения относительно отправки в больницу, заявил об этом корпусному врачу, сербу Жераичу, который сказал: "Стоит ли о всякой солдатской драке докладывать". (пок. вр. Смульского).

Избитый словинец Кароль Потребуш через несколько дней поправился и числился короткое время в 1-м б-не V полка, а затем около 1-го ноября как ненадежный отослан одесск. в. н-ку для отправки в плен (пок. полк. Кушакевича).

По этому делу, ввиду дошедших через консула Цемовича заявлений подпор. Пекле, производилось, по приказанию ген. Живковича, расследование особой комиссией, установившей вышеуказанные подробности, дающие повод думать, что принимались меры к меньшему распространению вне сербской среды слухов о происходящих в запасн. б-не драках.

Указанный в том же письме подпор. Пекле случай отказа 3 рот добровольцев запасн. б-на идти на укомплектование полков 2-й дивизии действительно имел место (показ. н-ка б-й зап. бр. г. м. Демкина, одесск. у. в. н-ка. п. Еремеева, н-ка шт. серб. кор. п. Кушакевича и кап. Майстровича) при следующей обстановке:

3 роты, сформированные при запасном б-не, отправлены были утром 23 октября в полном вооружении и снаряжении, под командою офицеров 2-й сербск. дивизии на укомплектование полков, стоящих в окрестностях Одессы, но, дойдя до главного вокзала на Куликовом поле, остановились и отказались идти дальше, заявив, что они желают возвратиться в плен.

На уговоры офицеров около 150 чел. вышли из толпы и построившись, под командою сербского офицера, с песнями, двинулись по назначению (пок. полк. Кушакевича); остальные 543 человека продолжали стоять, поснимав частью вещевые мешки. Для прекращения этого беспорядка и обезоруживания людей н-ком окружн. шт. около 12 часов дня командирован был н-к 6-й запасн. бриг. ген. м. Демков, который и застал вышеуказанное положение.

По команде "смирно", шум немедленно прекратился. Вызванные унтер-офицеры заявили, "что их заставляют воевать за сербов, что они не сербы, а хорваты, и за сербов воевать не желают". На вопрос, зачем же они записывались в сербскую дивизию, — получился ответ: "Нас заставляли, били, издевались над нами, а потому мы и записались, чтобы избежать побоев". (пок. ген. м. Демкова). При этом некоторые расстегивались и показывали действительно синяки и царапины. По их заявлению, били их "остальные военнопленные". В сербские казармы хорваты отказались возвратиться: "Там нас опять будут бить". Были слышны крики: "Дайте нам русских офицеров; пусть нами командуют русские офицеры, все, что от нас потребуют русские офицеры, мы будем делать". Картина получалась тяжелая, если хоть на минуту забыть, что это все-таки был отказ славян от своего же славянского дела, за которое такие же бывшие пленные готовы были идти в бой.

Ген. Демков приказал русскому шт. кап. Контичу, знающему по-сербски, отвести хорватов в казарму одесск. у. в. н-ка, что и было исполнено в полнейшем порядке, по сербским командам.

Что касается 4–5 сербских офицеров (в том числе н-к шт. дивизии и кап. Майстрович), то они, по показанию г. м. Демкова, подошли к хорватам при его разговоре, советовали выделить зачинщиков, "а остальные пойдут, как бараны", но ген. Демков приказал им удалиться, заметив, что их распоряжения нехорошо действуют на людей.

При управлении воинск. н-ка хорваты в полном порядке сдали все снаряжение, вооружение и обмундирование, а на следующий день отправлены были в плен в Екатеринослав.

13 челов. из них тогда же пожелали вновь возвратиться в сербскую дивизию.

Этот эпизод весьма ярко доказывает, что использование хорватов для укомплектования сербского корпуса должно было бы производиться с большей осторожностью и с меньшей страстностью ввиду несравненно большей их розни с сербами, чем это, по видимому, представляется сербскому командованию, особенно более молодым чинам его.

Конечно, на такой массовый отказ могла иметь влияние и враждебная нам агитация, для каковой цели Одесса представляет особенно благодарную почву по составу своего населения (евреи, немцы-колонисты, болгары), на что указывает и одесск. у. в. н-к, и к-р Сербск. корпуса, и другие сербские офицеры, и сам н-к штаба Округа.

С назначением к-ром запасн. б-на подп. Живковича вместо кап. Майстровича положение в этом б-не, по заявлению главного жалобщика подп. Пекле, улучшилось, хотя, быть может, главным образом потому, что вместо тысячи человек ежедневно стали прибывать только десятки и даже единицы (так с 20-го по 27 ноября прибыли в течение недели всего 143 чел.). Но улучшить самое помещение, несмотря на самые энергичные меры, еще к началу декабря не удалось.

Новое заявление того же подпор. Пекле о бывшем 30-го ноября случае отказа 145¹ хорватов, находившихся в "воспитательной команде", от поступления в сербский корпус, причем 4 хорвата принесли лично Живковичу жалобу на нанесение им ударов (60–125 "бато"), подтверждается показанием полк. Кушакевича (от 9 дек. № 400), хотя и не в столь демонстративной форме.

В "воспитательную команду" 4-го ноября 1916 г. поступили 1.200 чел. колеблющихся и дезертиров из частей 1-й и 2-й дивизий на месячный срок. К концу этого срока из указанного числа остались только 165 хорватов, категорически отказавшихся поступать добровольцами, а остальные записались в сербскую службу и были отправлены в полки 1-й и 2-й дивизий. 1-го декабря

¹ Вероятно опечатка. Везде фигурировала цифра 165.

ген. Живкович лично опрашивал этих отказавшихся, причем 4 хорвата действительно заявили, что их били за нежелание быть добровольцами. По заявлению же ближайших начальников, они были наказаны за кражу вещей у товарищей. Все 165 чел. возвращены ген. Живковичем одесск. в. н-ку для отправки в плен.

Вообще же кульминационным пунктом тренировок в запасном б-не надо считать 23 октября (случай с отказом 3 рот).

III) Тот же день играет такую же роль и в полках 2-й дивизии, как видно из нижеследующего: полки 2-й сербск. дивизии были расквартированы частью в Одессе, частью в ближайших окрестностях, а в последнее время, — даже все по деревням (Мариинское, Ксениевское, Дальник, Гниляково), с населением в значительной части немецким католическим, еврейским и болгарским. Люди стояли по хатам, и надзор за ними был весьма труден.

Между тем, как выше указано, факты отправки из запасн. б-на в полки людей, еще не крепких в своем добровольчестве, а иногда и прямо враждебных сербскому делу, надо считать установленными (предп. ген. Эбелова к-ру сербск. корп. 15 ноябр. № 09235 и письмо его же ген. Живковичу 14 ноябр. № 09326).

При таких условиях, всякого рода тренировки, драки, насилия, аресты, побегі, неповиновение, получили большое развитие, и даже с кровавыми развязками, особенно вследствие напряженности настроения после тяжелых потерь 1-й дивизии в Добрудже и появления раненых и дезертиров ее в районе 2-й дивизии (объяснит. зап. ген. Живковича).

В результате такого положения, уже к первым числам октября начались одиночные, а затем и массовые побегі из 2-й сербской дивизии. Бежавшие являлись на сборн. пункт одесск. у. в. н-ка¹ с жалобами, что сербы их бьют, и просили вернуть их на те работы, с которых они сняты (пок. полк. Еремеева).

Не придавая этим заявлениям полного доверия, полк. Еремеев препровождал самовольно отлучившихся обратно в штаб сербск. дивизии или в сербск. запасн. б-н, донося о более значительных партиях на распоряжение окружн. штаба. Партии были различной численности, а 13 окт. из с. Мариинское пришли сразу 270 чел., которые, по распоряжению окружн. штаба, были на следующий день под конвоем казаков отосланы обратно (показ. полк. Еремеева).

¹ Одесское управление воинского начальника.

Такое принудительное возвращение, не принося, по-видимому, существенной пользы для восстановления нормального порядка, служило только поводом к новым побоям и арестам в усиленном виде.

20-го окт. 4-я рота 2-го б-на VII полка отказалась строиться для занятий, кричала о своей верности дому Габсбургов и проч. Прибывший к-р б-на, майор Николич, угрожая револьвером, заставил роту построиться; но когда было приказано выделить из числа словинцев наиболее "непокорного" Иосифа Трошта, то последний, несмотря на повторные приказания — сначала младш. офиц. подпор. Ситенского, а затем и самого б-ного командира майора Николича, отказался выйти из рядов, говоря: "Не хочу, лучше убейте".

После шестикратного повторения приказания майор Николич выстрелил из револьвера и смертельно ранил Трошта (расп. м. Николича и донес. ст. вр. нов. одесск. гор. больницы 4 дек. 1916 г. № 16), о чем указано в письме Пекле.

Донос о произошедшем, м. Николич говорит: "Этот мой поступок — результат общей дисгармонии массы, здесь собранной... Действуя примирительно, в б-не имею следующий результат: из 1-ой роты свыше 170 убежавших, из 2-й роты 130, из 3-й роты около 50, в 4-й роте общую "непослушность" и анархию... Всякую ночь солдаты убегают; каждый день говорим так, что у нас языки распухают, и офицеры стали няньками; недостает только, чтобы солдаты били моих невооруженных офицеров. Я это прекратил, и в будущем постараюсь силой поддержать авторитет сербск. армии на высоте, которой она достигла на славой увенчанных полях сражений".

В то же время были волнения и в VIII полку, откуда также пришлось удалить обратно в плен 40 чел. "бунтовщиков", "ругавших короля Петра" (донес. шт. сербс. корп. 20-го окт. № 109 и кап. Майстровича 18-го и 23 окт. за №№ 34 и 45).

Кровавой развязкой закончились 23 окт. волнения и в 4-й роте 1-го батал. 5-го полка, указанные в письме подпор. Пекле.

Волнения эти, как и предыдущие, находились в несомненной связи с рассказами о русских неудачах в Добрудже.

"После разгрома 1-й дивизии все те раненые добровольцы, у которых был такой прелестный дух, не только не выражали желания идти на фронт, но открыто говорили, что они поступили до-

бровольцами, желая бороться на границах своего отечества, а не умирать своими костями Добруджу".

"Все-таки все выздоравливающие посылались в свои части, согласно существовавшему приказанию. Они посылались командирами, при старших, но команды не доходили до мест назначения, а большинство в пути убегали из команды и возвращались в Одессу. К ним присоединялись и дезертиры 1-й дивизии и все вместе, прибыв в Одессу, вносили деморализацию во 2-ю дивизию" (показ. ген. Живковича).

Так это произошло в 4-й роте V полка, куда днем 22 окт. явились 3 беглых нижних чина 1-й дивизии и стали рассказывать "об ужасах боев и колоссальнейших потерях дивизии в Добрудже" (рап. следств. ком.). Среди большинства людей 4-й роты (главн. образом хорватов и словинцев) начались разговоры о том, что, если должны погибнуть во что бы то ни стало, то лучше погибнуть здесь, в Одессе.

На следующее утро рота не ответила на приветствие своего батальон. к-ра, подп. Милашевича (серб из королевства), а после его ухода отказалась есть "сербский" обед. Когда дежурный офицер подп. Турика (хорват из военплен.) спросил, почему люди не ответили батальон. к-ру, то они заявили, что "это сербское приветствие, а мы австрийские солдаты; мы присягали Францу Иосифу". Затем раздались крики: "Да здравствует Австрия!", "Долой короля Петра!" Подп. Турика, желая схватить зачинщиков, хотел вывести роту из казармы, но приказания его не были исполнены.

Тогда названным офицером вызваны были вооруженная команда из соседней 1-ой и 2-ой рот для охраны оружия и ареста зачинщиков. В результате произошла ожесточенная схватка, причем убиты были 2 хорвата и 1 серб, тяжело ранены 2 хорвата, легко ранены 4 хорвата и 1 серб; задавлены во время давки на лестнице 9 хорв. и 1 словинец, а всего 20 челов (донес. следств. комиссии).

В ночь с 8-го на 9-е ноября из разных рот 3-го б-на VII полка сделали попытку убежать 1 фельдф., 4 унт. оф., 17 ефрейт., 196 рядовых, но были задержаны казаками и остальными добровольцами и возвращены в батальон, после чего унт. офицеров и ефрейторов посадили под арест; тогда остальные заявили, что желают остаться добровольцами (рап. н-ка 2-ой див. № 120).

10 ноября патруль 1-ой роты VII-го полка в Мариинском нашел убитым около своей квартиры капитана Штольфа. По данным

дознания, произведенного офицером развед. отдел. шт. одесск. воен. окр., пр. Каменским, можно заключить, что он убит по ошибке, вместо к-ра 1-ой роты кап. Танасковича (серб из королевства), весьма требовательного и строгого (дон. пр. Каменского и показ. подпр. Пекле).

Попутно, на основании показаний чинов уезд. полиции, а также подъяесаула Крюкова (н-ка казач. команды в Мариинском) выяснилось, что "в случае задержания самовольно уходящих, их обыкновенно в полку подвергают побоям и продолжительному содержанию под стражей, вследствие чего часть нижних чинов недовольна существующим в полку режимом и способна к эксцессам" (дозн. пр. Каменского).

Одиночные кровавые драки, по-видимому, продолжались и после 10-го ноября, ибо в перечне происшествий по одесскому гарнизону по ведомству окружн. военно-санитарн. управл. от 4 декабря 1916 г. значится доброволец 2-й сербск. дивизии Иосиф Покорный, получивший 13 ноября смертельную штыковую рану в грудь в "междоусобной ссоре".

Продолжались и побегии, хотя уже только по 1–3 человека (показ. полк. Еремеева и опросы словинцев).

Убийство кап. Штольфа и данные дознания пр. Каменского вызвали уже решительное вмешательство главн. на-ка одес. воен. округа, ген. Эбелова, который 14-го ноября за № 09326 обратился к ген. Живковичу с письмом, где указывал, что "некоторые из добровольцев, поступивших в VII полк и отказавшиеся затем от службы в сербск. Добровольческ. корпусе, были подвергнуты побоям", и предлагал ген. Живковичу "лично проверить основательность этих сведений и принять решительные меры, чтобы в дальнейшем наказания, не отвечающие требованиям сербского устава, не применялись".

15-го ноября за № 09238 ген. Эбелов дал уже прямо предписание ген. Живковичу следующего содержания: "Мне известно, что при наборе добровольцев в 2-ую сербск. дивизию и при пополнении 1-ой, в числе таковых были приняты военнопленные югославянских национальностей, склоненных к поступлению добровольцами путем уговоров или увещаний. Некоторые из этих добровольцев, как стало затем мне известным, поступив в казармы сербских войск, выказали колебание в отношении дальнейшей

службы под сербскими знаменами. Я лично, а затем и через н-ка окр. штаба предложил Вам очистить подведомственные Вам части от такого элемента. Однако, произошедший в с. Мариинском на днях случай убийства офицера, хотя и не выяснивший пока обстоятельств преступления, но, по донесению командированного мною офицера, не исключающий возможности совершения этого преступления добровольцами VII полка, побуждает меня обратить Ваше внимание на необходимость принятия безотлагательных мер к устранению из полков 2-й дивизии тех из добровольцев, на благонадежность которых положиться нельзя. Подписываю Вам распоряжение в этом направлении; сдав всех несоответствующих службе в сербском корпусе одесск. уезд. в. н-ку, с доведением до сведения окружного штаба. Вместе с тем предлагаю вам отобрать из остальных добровольцев подписку в добровольности вступления их в ряды сербской армии".

От 15-го ноября за № 309 ген. Живкович донес ген. Эбелову о личном осмотре VII полка, причем "в 2 подвалах-арестах 1-ой роты 3-го б-на нашел 24 человек, посаженных туда, потому что своевольно покинули роту и пошли в Одессу к уездн. воинск. н-ку; достигнутые казаками и возвращенные в роту были встречены солдатами той же роты, которые били их палками, называя трусами; их не били ни офицеры, ни казаки, а только солдаты, заставляя не отказываться, а оставаться добровольцами, чего они не хотели, давши уже присягу на верность своему отечеству; кроме того, некоторые солдаты взяли у них все деньги, сажая их под арест".

Эти арестованные были отосланы к воинск. н-ку; деньги возвращены; на к-ра 1-ой роты и взводн. офицеров наложены взыскания, но на принятие какой-либо общей меры для немедленного удаления из полков всех людей, против их воли удерживаемых, ген. Живкович не решился, если не считать указанного выше факта отсылки еще 165 хорватов из "воспитательной команды".

Такая мера, как личный опрос всех нижних чинов с целью немедленного выделения нежелающих, представлялась и представляется по-видимому, для сербского командования крайне невыгодной, ибо, при сложившейся обстановке, после опроса, мог бы почти наполовину сократиться списочный состав дивизии; между тем, мысль о создании во что бы то ни стало возможно большего "запаса людей" для сербской армии, лишенной иных источников комплектования, сохраняла свою жгучесть.

По данным штаба сербского корпуса, к 5 декабря числилось во 2-й дивизии налицо добровольцев: сербов 6.281, хорватов 3.144, словинцев 1.446, словаков 31, чехов 162 (пок. полк. Кушакевича).

В действительности же, по показанию подпор. Пекле, даже в обеих дивизиях, настоящих, а не подневольных добровольцев-словинцев можно насчитать всего около 400 чел. Вполне правдоподобно, что действительных добровольцев и из 3.144 хорватов оказалось бы не более $1/3$ (т.е. всего около 1.000 чел).

Поэтому ген. Живкович настаивал, главным образом, на мерах воспитательного характера, как то:

А) Удаление 2-й дивизии из окрестностей Одессы, с ее немецкой, еврейской и болгарской агитацией, внутрь Херсонской или Екатеринославской губерний.

Б) Усиление работы "воспитательной команды".

В) Улучшение расквартирования и продовольствия в полках.

Г) Образование школы прапорщиков, где все (190 чел.) интеллигентные добровольцы (с образованием не ниже 4 классов гимназии), не получившие в Австрии звания запасного офицера, как ненадежные, подготовлялись бы в славянском духе для пополнения офицерского состава корпуса.

Д) Устранение вредного влияния некоторых хорватских и словинских политических организаций в России, преследующих цели обособления хорватов и словинцев от сербов.

Е) Использование сербских частей только на сербской территории, при общем благоприятном ходе операций.

Освобождение же рядов корпуса от подневольных добровольцев ген. Живкович предполагал произвести постепенно, рассчитывая, что в настоящее время вероятность новых крупных беспорядков уже понемногу ослабляется (объясн. ген. Живковича).

Однако, принимая во внимание все вышеизложенные факты столкновений, несомненную враждебность большинства хорватов и словинцев сербскому делу, преувеличенную надежду сербского командования на возможность быстро сгладить эту враждебность мерами сурового воздействия на колеблющихся со стороны их же товарищей-добровольцев, нельзя отрицать настоятельной необходимости произвести обязательное удаление всех нежелательных в возможно непродолжительный срок; под каким-либо благовидным предлогом и под контролем (обязательно малозаметных, но

совершенно беспристрастных и энергичных) кого-либо из русских генералов, с возвращением этих нежелающих в плен, в разряд не пользующихся уже больше никакими льготами по своему славянскому происхождению, как сознательно отказавшихся от активной борьбы за славянство, несмотря на предоставленную им для этого полную возможность.

IV) По вопросу о наличности сторонней враждебной агитации с целью воспрепятствовать формированию сербского добровольческого корпуса из бывших военнопленных австрийцев, данные, имеющиеся в показаниях полк. Кушакевича и кап. Майстровича и в донесениях сербских следствен. Комиссий и проч., указывают, главным образом, только на сманивание отдельных добровольцев евреями; более ярких следов крупной шпионской работы не обнаружено еще.

Как на политическую организацию, поддерживающую в России обособленность хорватов и словинцев от сербов, ген. Живкович указывает на существующее в Москве „Русско-хорватское общество памяти Крижанича“, но фактических данных о его вредной деятельности не приводит (объясн. зап. ген. Живковича).

Точно так же в показании полк. Кушакевича и в словесн. заявлении ген. Живковича заподозривается политическая роль словинца Л. Тумы и хорвата К. Геруца, написавших письмо министру иностранных дел, но опять-таки фактов не указывается.

Возможно и намеренное поступление, и нахождение в сербском корпусе притворно-усердных добровольцев исключительно с целью тайной враждебной нам агитации. В 1-ой дивизии такой случай, в начале ее формирования, был даже обнаружен (пор. Марион, пор. Кастори).

Лицом, сообщавшим в Петроград о насилиях над словинцами и хорватами, не желающими быть добровольцами, является подпор. 3-го полка 1-ой сербск. дивизии, Гашпар Пекле, в чем он и сознался (показ подп. Пекле).

Подп. Пекле писал письма в Петроград редактору „Юго-Славии“ словинцу Л. Туме, а также словинке Марии Цизерль, сотруднице „Словенского Юга“ и некоторым раненым офицерам-словинцам 1-ой дивизии, находившимся в лазаретах вне Одессы.

Подп. Пекле — наш военнопленный австриец; родом из Любляны; окончил юридическ. факультет в Праге; поступил из

плена в Сербский добровольчес. отряд еще 26 февр. 1916 года, но в строю не служил и в боях 1-ой сербской дивизии в Добрудже не участвовал, ибо еще 16 апреля был освобожден к-ром 3-го полка майором Павловичем от занятий в полку и командирован в распоряжение сербского консула в Одессе М.П. Цемовича, при чем н-к 1-ой сербск. дивизии, полк. Хаджич, по заявлению подп. Пекле, разрешил ему не носить сербской военной формы, а ходить в штатском, и выдал ему особое удостоверение, мне лично действительно предъявленное, в том, что Гашпар Пекле есть подпоручик Сербского Добровольческого отряда.

Какие обязанности исполнял подп. Пекле при сербском консуле, установить было точно нельзя, ввиду отъезда Цемовича в Петроград; известно только, что Пекле был сотрудником издаваемой в Одессе газеты "Словенский Юг" на сербском, хорватском и словинском наречиях, которая подлежала цензуре корпусного штаба и распространялась в лагерях военнопленных для пропаганды юго-славянской государственности.

По заявлению подп. Пекле (показ. его п. 3), он в конце марта 1916 г., с разрешения консула Цемовича и майора Пейовича, первого начальника сербского отряда, был избран офицерами-словинцами 1-ой дивизии на их собрании в гостинице "Бристоль" — "представителем словинцев в сербском отряде", причем ему представлено было: а) редактировать словинскую часть "Словенского Юга", б) вступать в сношения со всеми словинцами в России, пленными и не пленными, с целью привлечения их в формируемый в Одессе "юго-славянский добровольческий отряд", в) пользоваться неограниченной доверенностью в деле представительства по всем национальным словинским вопросам. Таким представителем словинских интересов подп. Пекле, по его словам, признавался и офицерами-словинцами 2-й дивизии.

По-видимому, эти заявления соответствуют действительности. В пункте 4-м своего показания подп. Пекле заявляет, что его роль или назначение были известны, кроме консула Цемовича, и к-ру сербского корпуса, ген. Живковичу, что надо считать заслуживающим доверия.

При первоначальном личном моем опросе 24 ноября ген. Живковича и полк. Кушакевича (н-ка штаба) особенное положение и деятельность подп. Пекле, а равно факт подачи им жалобы

и личная явка его 19 окт. к ген. Живковичу, — названными лицами мне не были вовсе указаны, и только после 4-го декабря, когда я уже сам дошел до источника, откуда получались сведения о насилиях над хорватами и словинцами, мною были получены от полк. Кушакевича (пункт IX его показания) подтверждающие сведения относительно роли Пекле и даже заявление о том, что "было бы нужно Пекле удалить как вредного общеславянству", а затем к-р корпуса даже лично явился к н-ку штаба одесск. округа, ген. лейт. Марксу, с просьбой поскорее удалить Пекле, но как будто бы по собственному почину ген. лейт. Маркса, не по инициативе сербского командования, во избежание недовольства сербами со стороны офицеров-словинцев.

Никаких агентурных наблюдений до 10 декабря не имелось для выяснения действительных причин сообщения подпоручиком Пекле различным лицам о насилиях над хорватами и словинцами и вообще о беспорядках в сербском добровольческом корпусе, было ли это частное желание Пекле только принести пользу юго-славянскому делу или же хорошо замаскированное противодействие формированию "сербского" корпуса из военнопленных в интересах наших врагов, или, наконец, оскорбленное самолюбие гражданского деятеля, писателя, публициста, которому не понравилась естественная второстепенность его положения в военных распорядках формирования, имевшая, как видно чуть выше изложенного, несомненные слабые стороны.

В показаниях подп. Пекле и в его письмах к Л. Тума, послуживших материалом для обращения последнего к министру иностранных дел, нельзя, однако, не видеть, несколько усиленной нелюбви к "господам с Корфу", т. е. к коренным сербским королевским офицерам, занимающим преобладающее командное положение, что, с русской точки зрения, является неизбежным и вполне правильным, и к самому названию корпуса "сербским", а не "юго-славянским".

Во всяком случае, надо считать вполне вероятным, что недовольство насилиями, допускаемыми по отношению к словинцам и хорватам, отказывающимся от добровольного поступления в сербский корпус, существует не только у подп. Пекле, но и у некоторых других словинских и хорватских офицеров, которые, только что отказавшись от своей прежней присяги, еще не могут, при разнице в религии, при старых мирных счётах с сербами, вполне

твердо усвоить прямолинейную суровость взгляда коренных православных сербов, а в особенности, уже присягнувших сербскому королю бывших австрийских солдат из православных сербов, что всякий хорват и словинец, отказывающийся в настоящее время от поступления в сербский добровольческий корпус, есть или трус, или изменник славянству и, как таковой, не заслуживает никакого воздержания в мерах побуждения и принуждения.

Кроме заявления подп. Пекле, совершенно точно установлен факт такого же заявления н-ку штаба 2-й дивизии, полк. Ячменевичу со стороны отлично аттестуемого сербским начальством поруч. санитарн. роты Зальбергера (слов. показ. полк. Ячменевица). В показаниях подп. Пекле (п.п. 8, 10, 14, 17) приводятся также фамилии подп. Принчича, подп. Накута, подп. Лапаинета, подп. Банича, сообщавших подп. Пекле факты насилий.

Свои сношения с Л. Тума, лично совершенно не знакомым, подп. Пекле объясняет своим положением "представителя словинских интересов в сербском корпусе" и надеждою, после жалобы к Цемовичу и ген. Живковичу, найти защиту в высших правительственных кругах через Л. Тума.

Что касается общей правдивости фактов, сообщенных в письме подп. Пекле, то это видно из вышеизложенных подробных описаний.

Однако, при охватившем подп. Пекле "глубоком разочаровании" в сербском командовании (см. конец его показания) он, конечно, не мог являться энергичным деятелем на пользу "сербского" добровольческого корпуса, даже при искренней преданности идее особой юго-славянской государственности.

В настоящее время подп. Пекле арестован ген. лейт. Марксом за подачу свой жалобы на беспорядки в сербском корпусе не главному н-ку одесск. воен. округа, а редактору "Юго-Славии", и за самовольную отлучку из Одессы в Мелитополь.

У) По поводу отмеченной в письме Л. Тумы и К. Геруца общей неудовлетворительности сербского командования и указаний в заявлении Пекле неудовлетворительности взаимоотношений между сербскими офицерами из королевства ("господа с Корфу") и офицерами-добровольцами из пленных, должно принять во внимание нижеследующее:

Ген. Живкович — к-р корпуса, как он сам говорит, "простой солдат, а не дипломат", и, по-видимому, предпочел бы остаться

с настоящими сербскими войсками на Корфу, если бы знал заранее всю сложность, "дипломатичность" командования корпусом из бывших военнопленных. Лично не сочувствует насильственному зачислению добровольцев, делает соответствующие распоряжения, но вынужден считаться, по самому существу добровольческих организаций, с необходимостью воздерживаться от особо усиленных репрессивных мер против своих же добровольцев, ставших твердо в сербские ряды, а потому имеющих действительно повод к злобе против своих же земляков, отказывающихся идти вместе против общего врага.

По-видимому, заботясь об образовании "запаса людей" для Сербии, склонен верить, что вражда между хорватами (словинцами) и сербами легче преодолима, чем это есть на самом деле, и несколько преувеличивает значение агитации со стороны в происходящих непорядках.

В корпусном штабе полк. Кушакевич, корп. врач Жераич, полк. Белич и кап. Майстрович — все воспитанники наших военной и медицинской академий, причем последние два — сторонники энергичных мер для осуществления редкого в военной истории примера сформирования во время самой войны целого корпуса из офицеров и нижн. чинов враждебного государства, хотя бы с применением некоторого принуждения. Кап. Майстрович материально хорошо обеспеченный, родившийся и воспитанный в России, является еще и представителем довольно редкого у юго-славян взгляда на эфемерность существования Сербии, Югославии и прочих маленьких славянских государств вне прямого включения их в состав Российской империи. Майстровичем выполнена огромная работа по приему обмундирования, вооружения и снаряжения около 21 тыс. человек, прошедших через запасн. б-н за время его командования (показ. полк. Кушакевича). Возможно, что при огромной работе он не мог довести внутренний порядок и чистоту в запасн. батальоне до лучшего состояния. Характера твердого, не боязливого.

Н-к 2-й дивизии был болен, и его лично не видел.

Всего с Корфу прибыли 72 офицера сербской армии, которые и были назначены на должности бригадных, полковых, батальонных и ротных командиров, а также в штабе корпуса и дивизии (пок. полк. Кушакевича). Несомненно большинство из них — сто-

ронники энергичных мер для доведения сербского корпуса до возможно большей численности и убежденные враги тех юго-славян, которые в дни тяжелой борьбы уклоняются.

Добровольцами из бывших офицеров австрийской службы замещены в дивизии по старшинству только 14 должностей ротных к-ров и все должности взводных к-ров, что объясняется почти полным отсутствием среди добровольцев офицеров в старших чинах (только капитан и 5 поручиков). Старшинство по общей линии, безразлично для коренных сербов и для добровольцев.

Дисциплинарные отношения на службе в сербской армии поддерживаются весьма строго, и это перенесено сербскими офицерами и в добровольческий корпус. По внешности кадровые сербы более грубоваты, чем некоторые офицеры-добровольцы из бывших австрийских запасных прапорщиков (бывших штатских людей).

Все служебные отношения вообще просты, и нет фактов, которые указывали бы, что в самом корпусе офицеров существует заметный разлад. В отношении денежного довольствия добровольцы-офицеры являются менее обеспеченными, чем офицеры сербской армии. Этим, отчасти, объясняется и некоторая запутанность в денежных делах добровольцев и даже факт растраты (показ. подпр. Пекле) солдатских денег подпр. Габиановичем в V полку, находящимся ныне под следствием (пок. полк. Кушакевича). Об устранении этой разницы уже возбуждено ходатайство, чем значительно улучшится положение добровольческих офицеров, испытывавших затруднения, особенно при совместной жизни с коренными сербами, при довольствии в общей столовой и т. п. Это, конечно, до некоторой степени вызывает неприятные чувства.

Как офицеры действительной службы, кадровые сербские офицеры невольно смотрят на состав подчиненных им частей (полков, батальонов, рот) не как на собрание своих политических единомышленников или соумышленников, не как на добровольцев, могущих служить или не служить, а как на военнообязанных, не делая в этом отношении различия для людей, зачисленных против их воли, раз они уже присланы в часть. Поэтому и меры восстановления нарушенного воинского порядка принимаются суровые.

Между тем, даже простое ведение занятий с добровольцами — нижними чинами и утверждения среди них внутреннего порядка,

при резком переходе их от привольной жизни в плену на различных работах к казарменной обстановке, при неизбежном сознании, что положение их по существу такое же "добровольческое", как и младших офицеров, только что заменивших одну присягу, так же, как нижние чины — другую, вызывало уже некоторые трения, некоторые проявления резкого протеста против требовательности офицеров, не допустимые в обыкновенных войсковых частях. Тем более усложнено было положение офицеров присутствием в ротах заведомо нежелательных нижних чинов, удерживаемых только страхом, — и факты открытого столкновения были обычными.

Усмирялись такие явления самым энергичным и быстрым образом, чтобы пример не оказался заразительным для остальной ненадежной массы, и не произошло бы общей вспышки, некоторые признаки которой проявились в одновременности беспорядков 20–25 окт. в различных частях и местах.

Однако, прибегая к таким мерам, приходилось уже поддерживать у настоящих добровольцев еще большую вражду к уклоняющимся, со всеми последствиями этого.

Поэтому отсутствие со стороны коренных сербских офицеров строгих репрессивных мер против всяких обид и насилий убежденных добровольцев над нежелающими, являлось уже естественным результатом создавшегося положения вследствие допущенной основной ошибки — насильственности комплектования.

В самой офицерской среде резкой обособленности сербов, хорватов, словинцев не замечалось, хотя чувство жалости к своим землякам — словинцам и хорватам, даже и не желающим идти на общее дело, заставляло (показ. подпр. Пекле) некоторых словинских и хорватских офицеров, более мягкого характера (подпр. Пекле, подпр. Зальбергер) хлопотать о прекращении насилий и могло вызвать недовольство сербским командованием, недостаточно настойчиво и сурово препятствовавшим этому по особенностям положения своего, которое едва ли допускало, без вреда для дела, особенную защиту интересов людей, открыто заявлявших принадлежность свою к врагам самостоятельной югославянской государственности.

Таким образом, вышеприведенными подробными данными расследования устанавливается:

1. Первым проявлением давления на добровольность поступления в Сербский корпус представляется принудительная отправка в начале октября 1916 г. всех военнопленных югославян из района Одесского в. округа — по распоряжению окружного начальства, а из некоторых других пунктов — по недоразумению, в Одессу для опроса в сербских казармах, каковою мерою, не одобренною свыше, имелось в виду ускорить сформирование 2-й сербской дивизии, на что, по июльскому ходатайству одесского же воен. начальства, основанному на преувеличенных расчетах сербского командования относительно избытка добровольцев, последовало б сент. Высочайшее повеление, а между тем, нормальный приток добровольцев был медленным, особенно при необходимости еще больших укомплектований для 1-ой дивизии в Добрудже.

2. Существеннейшим принуждением является обстановка опроса прибывавших в Одессу юго-славян в сербских казармах, где они, в случае отказа, подвергались, особенно по ночам и в отсутствии офицеров, всякого рода насилиям со стороны уже поступивших в корпус добровольцев, видевших в отказывающихся изменников славянству и будущих доносчиков, что, являясь, по существу, верным, затруднило сербское командование в принятии суровых репрессивных мер для прекращения насилий и одновременно увеличило число фиктивно согласившихся поступать в добровольцы, причем сербское командование в своих расчетах на возможность скорого перевоспитания многочисленных колеблющихся добровольцев в духе действительной преданности особой югославянской государственности недостаточно оценило глубину религиозной и политической розни между хорватами (словинцами)-католиками и сербами-православными, при наличии прочих неблагоприятных условий (неудачи в Добрудже и враждебная агитация).

3. Дальнейшие насильственные меры по удержанию нежелающих добровольцев принимались уже в полках, где на таких вынужденных добровольцев, присланных против их воли из запас. б-на, смотрели уже как на военнообязанных, причем убежавшие были иногда возвращаемы в свои части под караульным конвоем, что, впрочем, нисколько не способствовало успокоению, а еще бо-

лее увеличивало озлобление против упорствовавших хорватов и словинцев.

4. Факты насилий и столкновений при формировании 2-й сербской дивизии, указанные в приложениях к письму министра иностр. дел, в общем подтвердились, кроме убийства Кароля Потребуеша, который был только сильно избит. Установлены несколько новых фактов: уход 270 чел. из с. Мариинского, беспорядки в роте 2-го б-на VII полка со смертельным поранением ряд. Тротша (словинца) выстрелом майора Николича; убийство кап. Штольфа в VII полку; отказ 165 хорватов в воспитательной команде. Все эти столкновения обусловлены прежде всего нахождением в частях насильно удерживаемых хорватов и словинцев, при наличии, кроме того, вредного влияния рассказов о неудачах в Добрудже, об огромных потерях 1-ой дивизии, при употреблении ее для боев не на сербском фронте, на что добровольцы вовсе не шли.

5. Начальство Одесск. воен. округа, исходя из горячего желания оказать всемерную помощь делу усиления сербской армии сформированием частей из бывших военнопленных, т. е. за счет наших же врагов, и считая некоторые насилия при неизбежных обострениях представляющими меньшую опасность, по сравнению с поставленной целью, а равно доверяя предположениям сербского командования о лёгкости обращения колеблющихся хорватов и словинцев в настоящих добровольцев, только 15-го ноября, т. е. после убийства в VII полку кап. Штольфа, не ограничиваясь уже воздействием при помощи советов, бесед, категорически приказало немедленно, после личного опроса к-ра корпуса, удалить из полков насильственно зачисленных добровольцев, но, по видимому, не настояло на неукоснительном осуществлении этой меры, грозившей уменьшить состав 2-й дивизии едва ли не 1/3.

6. Деятельность сербского командования, вообще весьма трудная и сложная по нахождению его во главе частей из только что дравшихся против нас людей, будучи весьма успешной в смысле численного сбора добровольцев, представляется излишне пренебрегающей действительными размерами религиозной и политической розни между сербами и хорватами (словинцами), излишне умалчивающей о происходящих трениях и их действительных причинах и излишне настойчивой в задержании большого числа упорствующих в надежде на воспитательную работу офицерско-

го состава, который, в свою очередь, при безрезультатности даже ее продолжает смотреть на таких насильственных добровольцев, как на военнообязанных, и часто медлит с удалением из рот этого нежелательного элемента, применяя суровые меры воздействия, хотя и необходимые для прекращения уже начавшегося беспорядка, но не устраняющие возникновения нового ввиду допущения основной ошибки — задержки колеблющихся.

7. Выяснившееся особое положение, занимаемое в сербс. корпусе подпоручиком Пекле, факт сообщения им различным лицам о беспорядках при формировании 2-й сербс. дивизии, разочарованность его в сербском командовании, возможность нахождения в офицерской среде и других офицеров, затронутых насилиями над их земляками, подозрения по поводу особой хорватской и словинской агитации, — подлежат выяснению при неременном условии: не основываться только на показаниях одного сербского командования, но искать подтверждение вреда той или другой личности и от менее заинтересованных людей или учреждений.

8. Основными условиями для совершенного упорядочения всей внутренней жизни сербс. корпуса и подготовки его как последнего резерва сербской армии являются: а) удаление из рядов безусловно всех, не желающих быть добровольцами, не опасаясь того, что состав полков ослабится, б) отвод корпуса в русские губернии, с освобождением его от тех учреждений и обозов, которые, при назначении служить только для укомплектования сербской армии, ему не нужны, а русским войсками при новых формированиях могут пригодиться, в) возобновление прежней пропаганды среди пленных в пользу югославянской государственности, при помощи наиболее даровитых сербо-хорватских патриотов, по преимуществу из гражданских лиц, как более пригодных для такой политической работы и г) пополнение впредь корпуса исключительно действительными добровольцами, подготовленными вышеуказанными лицами на местах и с строгим разбором.

ПРИЛОЖЕНИЯ 1. Предписание о производстве расследования с приложением переписки, от 14 ноября 1916 № 11338. 2. Объяснительная записка к-ра сербского добровольческого корпуса от 1 декабря 1916 № 384 с приложениями. 3. Показания н-ка штаба сербск. добров. корпуса полковника Кушакевича с приложениями. 4. Показание сербс. службы капит. Майстровича

с приложениями. 5. Рапорт сербской следственной комиссии о происшествии 23 октября в 4-й роте V полка. 6. Показания подпор. Пекле. 7. Ведомость прибыли добровольцев с 20-е по 27 ноября. 8. Доклад контрразведывательного отделения штаба одесск. воен. окр. от 3-го декабря 1916 г. 9. Рапорт одесск. уездн. воинск. н-ка от 8 декабря 1916 г. № 92642. 10. Рапорт его же от 24 ноября 1916 г. № 2188. 11. Показания н-ка 6-й пех. запасной бригады от 7 дек. 1916. 12. Показания врача Смульского. 13. Уведомление ст. вр. одесск. стар. больницы от 6 декабря № 6406. 14. Уведомление ст. вр. Одесск. новой городск. больницы 4 дек. 1916 года № 16. 15. Выписка из перечня происшествий с 27-го ноября по 4 декабря 1916 г. в частях войск одесск. гарнизона. 17. Показания военнопленных словинцев, бежавших из 2-й сербской дивизии.

Генерал-лейтенант Чистяков¹.
РГВИА. Ф. 2003., оп. 2., д. 330 л. 13–30.

9. Обзор командующего добровольцами генерала М. Живковича обстоятельств формирования Сербского добровольческого корпуса в России, 1 декабря 1916 г.

Одесса.

Еще в 1915 году из военнопленных австрийских солдат сербской национальности собирались добровольцы в России и отправлялись через Рени по Дунаю в Сербию на подкрепление сербской армии, обороняющей в этом году свои границы на берегах рек: Дуная, Савы и Дрины.

Инициатива в этом деле была в руках сербского посланника и сербского военного агента (представителя) в Ставке.

¹ Сергей Дмитриевич Чистяков (1860 – ?) — генерал-лейтенант. Отрешён от должности по несоответствию в апреле 1915 г. с назначением в резерв чинов при штабе Киевского ВО. Уволен от службы с мундиром и пенсией в начале 1916 г. Определён на службу из отставки в сентябре 1916 г. с назначением в резерв чинов при штабе Одесского ВО. В 1918 г. служил в украинской армии. Дальнейшая судьба неизвестна.

Большинство добровольцев было собрано в Сибири в г. Тюмени.

Когда в сентябре 1915 года и Болгария выступила против Сербии, отправление добровольцев из России в Сербию по Дунаю прекратилось, — стало невозможным.

Тяжелая обстановка, в которой находилась Сербия с начала совместного нападения с трех сторон австрийской, германской и болгарской армий, побудила идею из собираемых добровольцев в России формировать добровольческий отряд и отправить его на Салоникский фронт на подкрепление союзных войск, которые там собирались для поддержки и возможного спасения Сербии, чья трехсоттысячная армия находилась в отступлении.

События развивались очень быстро. Превосходство неприятельских сил, атакующих Сербию, поставило сербскую армию в безвыходное положение, в особенности с момента занятия Скопье, через которое проходила единственная коммуникационная линия: Ниш — Скопье — Солун (Салоники).

Сербской армии, отступавшей к Косову полю без коммуникационной линии, осталось выбирать: или повторить косовскую битву 1389 г., после которой Сербия осталась 500 лет под турецким игом, или капитулировать, или отступить через дикие албанские горы к Адриатическому морю.

Главкомандующий сербской армией выбрал последнее решение. По уничтожении всего, что невозможно было перенести через бездорожную Албанию и Черногорию, по переформировании всего обоза на вьючный обоз, армия отступила к берегам Адриатического моря, надеясь там пополниться, переформироваться и двинуться вперед.

Обстоятельства этого не позволили. Пришлось уводить армию из Черногории и Албании. Решено было увести ее в Тунис, куда перевезено около 4 тысяч, затем продолжилось на Корфу, куда перевезено все остальное.

В феврале месяце сербская армия на Корфу насчитывала 140 тыс. человек. Предпринято переформирование армии. Оказалось большое число офицеров в избытке для формирования 6 дивизий. Никому не хотелось оставаться вне строя. Возникла идея использовать избыток офицеров для формирования Добровольческой дивизии в России.

Ходатайством сербского посланника в Петрограде и сербского военного агента в Ставке получено надлежащее разрешение, и выбранные офицеры для формирования I сербской добровольческой дивизии двинулись с Корфу 3 марта через Италию, Францию, Англию, Норвегию и Швецию. В Россию первая группа прибыла 13 апреля.

До прибытия этих офицеров добровольцы собирались в Одессе, где находящимся нескольким сербским офицерам разрешено было формировать сербский добровольческий отряд. Эти офицеры, работающие в Одессе в комиссии по закупке и отправке продовольствия Дунаем в Прахово до выступления Болгарии против Сербии, вместе с сербским консулом в Одессе и другими сербами-патриотами, живущими в Одессе и по всей России, очень серьезно и патриотически взялись за дело. Имея содействие со [...] офицеров, которые закончат подготовку в 2-х недельный срок. Но ввиду необходимости пополнения, было приказано немедленно подготовить 2.200 людей, привести их к присяге и послать на пополнение I дивизии.

На основании этого приказа, временно командующим II дивизией проведена присяга всех добровольцев, находящихся до того дня в запасном батальоне, в числе 2.708 человек, сформированных в 11 рот, между коими 2 роты добровольцев, прибывших накануне дня присяги еще в австрийской форме, только с сербскими головными уборами (шайкачами).

Из всех присягнувших того дня добровольцев выбрано 2 тыс. человек, здоровых и хорошо обмундированных, сформированных в 8 рот с двумя офицерами на каждую роту и под командой 1 штабс-капитана добровольца, 1 сентября поездом отправлены в состав I сербской добровольческой дивизии.

Как позже показалось, те 2 тыс. человек, не вполне подготовленных для боя, усилили дивизию только в численном отношении, но понизили ее блестящий до тех пор дух. В то время (7 сентября) я прибыл в Одессу с несколькими офицерами для формирования Корпуса. Остальные офицеры для формирования управления корпуса и II дивизии по партиям прибывали в Одессу.

Бои в Добрудже стали жестоки. Потери в I дивизии значительно увеличивались. Более 4 тыс. раненых нижних чинов прибыло в Одессу. Штабом 47-го корпуса требовались подкрепления из числа

собираемых добровольцев в Запасном батальоне, где находились только оставшиеся слабосильные и вновь прибывающие добровольцы, у которых дух уже начал падать вследствие значительных потерь I дивизии.

Не имея под руками вполне подготовленных нижних чинов, я мог послать на пополнение I дивизии только 49 офицеров, которых и послал.

Так как в добровольцы, вследствие всего изложенного, поступало незначительное число, то было приказано из поступивших добровольцев начать формирование 1-й бригады II дивизии и обучить их, а на пополнение I дивизии посылать выздоравливающих и легко раненых. 2-ю бригаду II дивизии приказано было сформировать из чешского полка, формируемого уже в Киеве.

Таким образом, началось формирование II дивизии. Позже, вследствие несовпадения интересов югославян и чехов, было приказано II дивизию формировать только из югославян, а чехо-словаков посылать в Киев для формирования чехо-словацкой дружины.

При собирании добровольцев существующим способом, формирование II дивизии потребовало бы значительного времени, а согласно желанию Его Императорского Величества Государа Императора, надобно было чем скорее закончить формирование, поэтому пришлось прибегнуть к другому, более энергичному способу собирания добровольцев.

Совместно со штабом Одесского военного округа, выработан 30 сентября план, по которому все военнопленные югославяне (сербы, хорваты и словинцы), находящиеся на полевых работах на территории Одесского военного округа, должны быть посылаемы уездными воинскими начальниками в Одессу, где в запасном батальоне производился опрос желающих поступить добровольцами. Желающие заносились в списки формируемых рот, а нежелающие возвращались через уездного воинского начальника обратно в плен.

Таким образом, собрано в течение октября полное число для формирования 4 полков II дивизии.

Такой быстрый набор добровольцев, похожий на мобилизацию дивизии, а в связи с, так сказать, полным разгромом I дивизии в Добрудже, очень вредно отразился на добровольцах, уже выразивших желание поступить в ряды II дивизии.

До разгрома I дивизии мною были посещены все лазареты и госпитали в Одессе, в которых были размещены вместе с русскими и сербские раненые добровольцы I дивизии, которые выражали желание возможно скорее выздороветь и пойти сейчас же в Добруджу. После разгрома I дивизии все те раненые добровольцы, у которых был так прелестен дух, не только не выражали желания идти на фронт, а открыто изъявляли, что "они поступили добровольцами с желанием бороться на границах своего отечества, а не сеять кости в Добрудже". Всё-таки все выздоровевшие посылались в свои части, согласно существующему приказанию. Они посылались по группам, под командой, но группы не доходили до мест назначений, а большинство по пути удалялось из команды и возвращалось обратно в Одессу. Эти группы, встречая дезертиров I дивизии, вместе с ними прибывали в Одессу, куда переносили деморализацию во II дивизию.

Этой деморализацией воспользовались всевозможные агенты для агитации против идеи формирования сербских добровольческих войск.

В рядах II дивизии начались брожения и колебания. Добровольцы, у которых идея освобождения и объединения всех югославян, уже вошла в плоть и кровь, сталкивались с колеблющимися и отказывающимися остаться добровольцами в рядах II дивизии.

Начались стычки, междоусобные драки, подстрекаемые разными агентами, достигли кульминации 23 октября в Пробочном заводе в одной роте 1-го батальона 5-го полка. В этой драке лишено жизни 13 человек, убитыми и задавленными.

Для умирения духа нужно было уничтожить причины подобных явлений:

Прекратить дальнейшую отправку выздоровевших в I дивизию, а собирать их в ротах Запасного батальона, где в настоящее время находится 1.508 нижних чинов.

Возможно скорее увести I дивизию глубоко в тыл. Там ее укомплектовать, и упавший дух поднять.

Отстранить всех агентов и агитаторов из непосредственного соприкосновения с добровольцами II дивизии.

Из колеблющихся формировать отдельную, так называемую "воспитательную команду", в которой воспитывать их в национальном духе, раньше чем их ввести в состав полков. Эта команда,

устроенная 4 ноября с.г., имела с первого дня 1200 колеблющихся — сегодня имеет только 165 еще колеблющихся, а все остальные изъявили желание поступить добровольцами и даже дали своеручную расписку в том и распределены по полкам II дивизии.

Улучшить расквартирование и довольствие в полках.

Собрать всех интеллигентных добровольцев, кончивших самое меньшее 4 класса гимназии или реального училища, которые в австрийской армии не могли получить чин запасного офицера, потому что считались там ненадежными, и подготовить их в школе для запасных офицеров Добровольческого корпуса. Их собрано 190 человек. Занятия идут с 15 ноября. Ожидается хороший результат.

Все эти меры, в связи с постоянными моими приказами, ободряющими дух добровольцев, и в связи с личным осмотром всех частей II дивизии, очень хорошо повлияли на успокаивание колеблющегося духа среди добровольцев, как видно из прилагаемого приказа, каковые я отдавал вслед за всяким моим личным осмотром.

Вот вкратце обзор работ по формированию Сербского добровольческого корпуса в России.

Как из изложенного видно, обстоятельства были не особенно благоприятны для этой, очень трудной работы. Но благодаря помощи Главного начальника Одесского военного округа и энергичной работе его начальника штаба, а также и всех надлежащих лиц военного и гражданского ведомств в деле формирования Сербского добровольческого корпуса в Одессе, все препятствия отстраняются, так что можно ожидать хороших результатов, но надо еще времени для выработки морали для формирования Запасных батальонов для обеих дивизий.

В заключение имею честь обратить внимание на [...] ¹ всех надлежащих русских властей, как военных, так и гражданских, — до прибытия офицеров с Корфу собрано около 7 тыс. человек. Когда первая группа офицеров прибыла в Одессу, уже были сформированы 2 полка пехоты (первый полк 17 марта и второй 13 апреля), в которых только командиры полков были действительно сербские офицеры, а все остальные офицеры-добровольцы.

¹ Неразборчиво, вероятно — "то, что при помощи".

По прибытии офицеров с Корфу получено разрешение формировать первую Сербскую добровольческую дивизию. Прибывшие уже офицеры распределены в формируемые полки. Офицеры-добровольцы посылались в лагерь военнопленных для собирания добровольцев.

Таким образом, формирование I сербской добровольческой дивизии продолжилось: 3-й полк сформирован 2 мая; Штаб I дивизии (с перевязочным отрядом с двумя лазаретами, дезинфекционным отрядом и дивизионным обозом 25 мая и 4-й полк 13 июня.

За неимением помещений в Одессе, штаб 2-й бригады с 3-м и 4-м полками помещены в г. Бендеры.

Все солдаты приведены к присяге и занятия шли нормально.

Во время переговоров с Румынией, I сербская добровольческая дивизия была сосредоточена в г. Рени. Штаб дивизии из Одессы уехал в Рени 20 июля. В Одессе остался помощник начальника I дивизии с тремя действительными сербскими офицерами для продолжения собирания добровольцев. В Одессе остался также запасной батальон с одним действительным сербским офицером в качестве командира батальона и всеми остальными офицерами добровольцами.

По прибытии дивизии на фронт в запасном батальоне осталось всего около тысячи людей, из которых около 400 слабосильных. Из людей запасного батальона формировались тогда для I дивизии: саперная рота и легкий артиллерийский парк. Кроме того, для I дивизии формировался в ведении штаба Одесского военного округа сербский пешегорный дивизион 2-х батареинного состава.

Все эти части сформированы и отправлены в составе I дивизии перед ее выступлением из Рени в поход по случаю объявления Румынией войны Австрии и Германии.

Часть штаба I сербской добровольческой дивизии, остававшаяся в Одессе, в чьем ведении находился и запасной полк, продолжала работу по собиранию добровольцев в лагерь военнопленных. Многих добровольцев собрал и поручик г. Комненович, который постоянно работал в большом лагере военнопленных в Дарнице, около Киева. Через этот лагерь массами проходили военнопленные, захватываемые доблестной русской армией юго-западного фронта.

Вследствие быстроты формирования I сербской добровольческой дивизии и имея в виду огромное число военнопленных югославянских национальностей, проходивших через Дарницкий лагерь, что было известно Сербскому военному министру, возникла идея о формировании II сербской добровольческой дивизии и объединении ее с I дивизией в корпус.

30 июля в Одессе получено известие о моем назначении на должность командира корпуса и назначении помощника начальника I дивизии на должность начальника штаба сербского корпуса и временно исполняющего должность начальника II дивизии с приказанием продолжить работу по сбору добровольцев для II дивизии и пополнения I, которая работа ему была вверена уже 20 июля, т. е. дня выбытия I дивизии.

Так как потери в самом начале борьбы I дивизии были значительны, то начальник штаба 47-го корпуса, в чьем составе была I дивизия, потребовал пополнения в размере 10 рот. В это время в запасном батальоне было всего 9 рот, еще недостаточно подготовленных для боя, почему временно исполняющий должность начальника II дивизии просил отсрочить высылку этого пополнения на короткое время, до прибытия будущих уже в пути сербских [...] [обсто]ятельство, которое вне сферы действий всех здешних работников по этому делу — это уже существующие австрийско-германские организации, между которыми пока замечена группа политических организаций, которые мешают быстрому собиранию добровольцев и, будучи против идеи объединения всех югославян, устраивают через своих агентов всевозможные махинации для бунтования и своевольного удаления из команд добровольцев, как это видно из прилагаемого рапорта II сербской дивизии за № 120.

Эти политические организации — ничто иное, как из Австро-Венгрии перенесенная маленькая политическая партия. Хорваты, так называемая там "партия Франка". Фракция этой партии находится в Москве под названием "Русско-Хорватское Общество памяти Крижанича" и в Петрограде, и оттуда, через свих многочисленных агентов, очень вредно влияет, в особенности на еще не вполне усвоивших идею объединения хорватов и словинцев.

Я убежден, что из добровольцев будут хорошие войска, но когда — это зависит от всего вышеизложенного и в настоящее время,

в особенности, от устранения вредного влияния вышеупомянутых политических организаций, на что прошу обратить серьезное внимание.

Приложение: 1) Статистические данные о собирании добровольцев. 2) Приказ № 64. 3) Рапорт начальника II дивизии за № 120.

*Командир корпуса Свиты Его Величества короля Сербского
Генерал Живкович.
РГВИА. Ф. 2003., оп. 2., д. 330. Л. 44–48.*

10. Рапорт № 120 командира II Сербской добровольческой дивизии полковника Дмитриевич командиру Сербского добровольческого корпуса М. Живковичу о враждебной агитации в дивизии, ноябрь 1916 г.

В третьем батальоне 7 пех. полка между 8 и 9 ноября с. г. случилось совместное удаление из команды, сделанное 1 фельдфебелем, 4 младшими унт. офицерами, 17 ефрейторами и 196 рядовыми разных рот этого батальона.

Удаление приготовлено агитацией с этим паролем¹:

Русские власти принимают дезертиров и возвращают их на прежние места, откуда и прибыли;

существует приказ по сербскому корпусу, чтобы инвалидов, которые не имеют семейства в России, возвратить на позицию и там застрелить, чтобы дольше не мучились;

германцы, без сомнения, победят;

Сербия и Румыния побеждены и не будут больше существовать как самостоятельные государства;

Китай объявил войну России и выставил против нее 5 мил. людей;

семейства добровольцев будут уничтожены;

большинство офицеров примкнет к беженцам.

¹ Текст содержит ряд сербизмов. Удаление — дезертирство, парола — лозунг.

Около 10 часов вечера эти люди, хотя заблаговременно было известно об их намерении удалиться и приняты нужные меры, все-таки успели выйти из деревни и направились к Одессе. Казаки, посланные за ними, настигнув их в поле, угрозой оружием, успели вернуть их в деревню, где их засадили под арест. Кроме этих, собиралось уйти еще 2 с половиной взвода, но им не удалось уйти. При этом один из беженцев ранил одного добровольца. Найдено также несколько патронов, неизвестно кому принадлежавших.

Из тех дезертиров, которых казаки воротили, все рядовые изъявили, что они желают оставаться добровольцами, и только потому, что их обманули, они пошли дезертировать. Остальные, т. е. унтер-офицеры и ефрейторы, как упорствующие останутся под арестом, и с ними поступят согласно приказанию за № 312.

Порядок сейчас же восстановлен. Командир полка подчеркивает факт, что зачинщики чаще всего унтер-офицеры и ефрейторы.

Уведомляя об этом командира корпуса, честь имею доложить, что бороться с подобными явлениями очень трудно при существующем расквартировании дивизии, почему казарменный способ получает исключительное значение.

Начальник дивизии, полковник Дмитриевич.
РГВИА. Ф. 2003., оп. 2., д. 330. Л. 56–56 (об).

II. Справка о данных расследования, произведенного генерал-лейтенантом Чистяковым по вопросу о принудительном наборе военнопленных югославын в сербские формирования, 2 февраля 1917 г.

Возникновение вопроса. Вопрос о принудительном наборе пленнх юго-славян в сербские формирования был возбужден подпоручиком 3-го полка I сербской дивизии Гашпаром Пекле (из военнопленных). Означенный Пекле дал материал редактору "Юго-Славии" славинцу Туме, а этот последний обратился с письмом на имя министра иностранных дел, в котором, ссылаясь на ряд эксцессов, возникших на почве принудительной вербовки пленнх, просил об устранении насильственного набора в формируемые сербские дивизии.

Это письмо Л. Тумы вместе с рядом аналогичных заявлений, поступивших в Министерство, послужило основанием для письма министра иностранных дел к генерал-адъютанту Алексееву. В своем письме министр иностранных дел просит о производстве расследования по вопросу о принудительном наборе военнопленных славян в сербские дивизии, указывая на крайнюю нежелательность насильственной вербовки в политическом отношении, приведшей к ряду столкновений в Одессе.

По содержанию письма министра иностранных дел было произведено расследование генерал-лейтенантом Чистяковым, состоящим в распоряжении Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, результаты которого сводятся к следующему:

Сущность вопроса. 15 июня 1916 года генералом Эбеловым, вследствие донесения начальника I сербской дивизии полковника Хаджича об ожидаемом избытке добровольцев, было возбуждено ходатайство о формировании II сербской добровольческой дивизии, которое получило благоприятное разрешение. Эту дивизию, вместе с I, ранее сформированной, решено было свести в Сербский корпус, командиром которого был назначен генерал Живкович.

Расчеты на большой приток добровольцев не оправдались; положение еще ухудшилось с 20-х чисел августа 1916 года, когда I сербская дивизия приняла участие в Добруджинских боях, где понесла большие потери. Срочно понадобились большие пополнения (до 6.500 человек). Но, несмотря на недостаток людских запасов и для первой дивизии, от мысли о формировании I дивизии отказаться не хотелось, почему, в нарушение принципа добровольности, как для пополнения нижних кадров, так и для формирования новой дивизии, в начале октября 1916 года была применена принудительная отправка в Одессу всех военнопленных югославян из района Одесского военного округа — по распоряжению Окружного начальства — и даже из некоторых других пунктов — по недоразумению, основанному на неясности распоряжений (рапорт генерала Чистякова, лист 7). В Одессе все военнопленные югославы сосредотачивались в казармах, отведенных для сербских формирований, разбивались на партии, и с ними велись собеседования относительно поступления в сербские дивизии. Не желавших поступать добровольцами тотчас отделяли в особое

помещение под караул, а затем отправляли одесскому воинскому начальнику для возвращения в плен, но не всегда немедленно. С колеблющимися велись собеседования в течение более или менее продолжительного срока, а затем наиболее упорные из них отправлялись в плен, а остальные в полки.

Система не особенно тщательного выбора добровольцев дала значительный процент (до 68 %) людей, но состав формируемых частей оказался сомнительным по своим качествам, так как оставались в значительной пропорции колеблющиеся и даже прямо враждебные нижние чины, главным образом из хорватов и словинцев, удерживаемые лишь страхом наказания.

Необходимо отметить, что описанная мера набора не была одобрена свыше. Как Начальник штаба Верховного главнокомандующего, так и Военный министр (рапорт генерала Чистякова, лист 6-й, обор.) категорически высказывались отрицательно, но пока шла переписка по вопросу отмены обязательного набора, объявленного распоряжением генерала Эбелова, фактически он был почти закончен (рапорт генерала Чистякова, лист 7-й).

Случайно собранная масса естественно находилась в дисгармонии. Хорваты и словенцы заявляли, что они вовсе не "сербы", а католики, и до того, к чему стремятся сербы, им дела нет. Было бы совершенно неоправданным утверждать, чтобы при югославянской горячности и в такой обстановке не было брани, ссор, драк, ударов и даже поранения и убийств.

Последние явления имели место среди югославян, которые отказывались от поступления в сербский добровольческий корпус в более или менее резкой форме, с большим или меньшим влиянием на остальных прибывших с ними югославян.

Побои проводились самими же солдатами (действительными добровольцами) в отсутствии офицеров, главным образом по ночам. Избивались хорваты и словинцы, наиболее враждебно настроенные против сербов. Бывали случаи, что сами караульные били и отбирали деньги у арестованных (показания капит. Майстровича и подпоручика Пекле).

В приложении к письму Министра иностранных дел приводятся фамилии 24 хорватов и словинцев, избитых тем или иным способом.

Несомненной возможности нанесения этим людям побоев не отрицают как сербское командование, так и начальник шта-

ба Одесского военного округа и Одесский воинский начальник. Такие же данные содержатся и в докладе контрразведывательного отделения штаба Одесского военного округа. Опросить этих лиц генералу Чистякову не удалось. Из числа упомянутых 24 плен-ных только 7 человек, по спискам Сербского запасного батальона, значатся отправленными в полки, но находятся ли они там в данное время, генералу Чистякову сведений получить не удалось. Остальные 17, как категорически отказавшиеся, в списках не значатся и, по-видимому, возвращены в плен.

Указываемый в том же приложении факт убийства одного словинца (по дополнительному показанию Пекле — Кароля Потребуша) не подтвердился. Он был лишь избит, числился короткое время в 1-м батальоне V полка, а затем, как ненадежный, отослан назад Одесскому воинскому начальнику для отправки в плен.

Случай отказа двух рот идти на пополнение полков II дивизии и случай убийства майором VII полка Николичем словинца (по фамилии Тротша) действительно имели место. Первый — 23 октября 1916 года в Одессе на Куликовом поле у главного вокзала, когда отказались идти на пополнение II сербской дивизии сначала три роты; но после уговоров около 150 человек из всей массы пошло по назначению. (Рапорт генерала Чистякова, листы 14 оборот. и 15), а второй — 20 октября в 4-й роте 2 батальона VII полка (лист 17 об.).

Демонстрация, когда принудительно навербованные добровольцы кричали: "Да здравствует Австрия", "Долой Сербию", "Долой короля Петра", — была в 4-й роте V полка. При ликвидации её было убито 3, задавлено 10, всего пострадало 20 человек (лист 19).

Новое заявление подпоручика Пекле о бывшем 30 октября 1916 года случае отказа 165 хорватов, находившихся в воспитательной команде, от поступления в Сербский корпус, причем 4 хорвата принесли лично генералу Живковичу жалобы на нанесение им от 60 до 125 "батог" подтверждается показанием подполковника Кушакевича, хотя и не в такой яркой форме (от 9 декабря № 400). Все 165 хорватов генералом Живковичем возвращены Одесскому воинскому начальнику для отправки в плен.

На почве сурового режима и принудительного задержания военнопленных, расследованием генерала Чистякова установлено и несколько новых случаев насильственных действий, на которые

не содержится указаний в переписке Министерства иностранных дел. Случаи эти закончились 10 ноября 1916 года убийством капитана Сербского добровольческого корпуса Штольфа. По данным дознания, произведенного разведывательным отделением штаба Одесского военного округа можно заключить, что он убит ошибочно вместо командира 1-й роты VII полка капитана Танасковича (серб из Королевства), весьма требовательного и строгого начальника.

Последний факт вызвал решительное вмешательство Главного начальника Одесского округа, который 15 ноября за № 09235 дал предписание генералу Живковичу устранить из полков II сербской дивизии всех добровольцев, на благонадёжность которых положиться нельзя, сдав их Одесскому воинскому начальнику.

Но генерал Живкович ограничился принятием лишь паллиативной меры — опросом содержащихся в этот период времени под арестом 24 нижних чинов — и на принятие какой-либо меры для удаления из полков всех людей, удерживаемых против их желания, не решился, так как такая мера могла бы привести к сокращению состава дивизии почти наполовину, а между тем мысль о создании возможно большего "запаса людей" для сербской армии, лишенной иных источников комплектования, сохраняла свою жгучесть.

Освобождение рядов корпуса от подневольных добровольцев генерал Живкович предполагал произвести постепенно, рассчитывая, что вероятность новых беспорядков ослабляется (объяснения генерала Живковича) и настаивал на мерах воспитательного характера, как то:

Удаление II дивизии из окрестностей Одессы, где предполагалась немецкая, еврейская и болгарская агитации, вглубь Херсонской или Екатеринославской губерний.

Улучшение расквартирования и продовольствия, которые были неудовлетворительны.

Усиление работы "воспитательной команды".

Образование школы прапорщиков, где все интеллигентные добровольцы подготовлялись бы в славянском духе для пополнения офицерского состава корпуса.

Устранение вредного влияния некоторых хорватских и словинских политических организаций в России, преследующих цели обособления хорватов и словинцев от сербов.

Использование сербских частей только на сербской территории при общем благоприятном ходе операций.

Вывод. Факты насилий и столкновений при формировании II сербской дивизии, указанные в приложениях к письму Министра иностранных дел, в общем подтвердились, кроме убийства Кароля Потребуеша, который был только сильно избит. Установлено несколько новых фактов: беспорядки в роте 2-го батальона VII полка со смертельным поранением майором Николичем рядового Тротша, убийство капитана Штольфа в VII полку, отказ служить в сербских формированиях 165 хорватов, бывших в воспитательной команде.

Все эти столкновения обусловлены, прежде всего, нахождением в частях насильно удерживаемых хорватов и словинцев, при наличии крупных потерь I Сибирской [Сербской] дивизии в Добрудже и при употреблении её для боев не на сербском фронте, на что добровольцы не шли.

Первым проявлением давления на добровольность поступления представляется принудительная отправка в начале октября 1916 года всех военнопленных югославян из Одесского военного округа и некоторых других пунктов в г. Одессу для опроса в сербских казармах, какой мерой, не одобренной свыше, имелось в виду ускорить формирование II Сербской дивизии, на что, по июльскому ходатайству генерала Эбелова, основанному на преувеличенных расчетах сербского командования относительно избытка добровольцев, последовало 6 сентября 1916 года Высочайшее повеление, а между тем, нормальный приток добровольцев был медленным, особенно при необходимости больших укомплектований для I дивизии, действовавшей в Добрудже.

Вторым шагом в принуждении была обстановка опроса югославян в сербских казармах с применением уже мер физического воздействия на упорствующих.

Дальнейшие насильственные меры применялись уже в полках, где на вынужденных добровольцев смотрели, как на военно-обязанных.

Основной причиной возникновения описываемых эксцессов, помимо принудительности комплектования, представляется политическая и религиозная рознь элементов, из коих комплектовались сербские формирования. Эти различные элементы иску-

ственным образом связать было нельзя, а попытки в этом направлении вызвали естественные протесты, которые ликвидировались не всегда дозволенными средствами.

Для разрешения возникшей переписки полагал бы, не отсылая материалов произведенного расследования в Министерство иностранных дел, так как в них заключаются некоторые данные, которые представляются нежелательными, во избежание могущих быть нареканий, сообщать в другое ведомство, результат расследования вкратце сообщить министру иностранных дел с указанием причин, объясняющих возникновение некоторых эксцессов, коренящихся в тяжёлом положении сербской армии и в разности политических и религиозных взглядов сборных элементов дружины.

В письме представляется необходимым отметить также, что некоторое давление на волю вербуемых оказано было случайно, по почину местных начальников, и что оно устранено.

Помета — Ставка.

Погполковник Барановский.

РГВИА. Ф. 2003 оп. 1., д. 1167. Л. 68–71(об).

12. Донесение вр. и. д. начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала В. И. Гурко начальнику штаба Ставки Верховного главнокомандующего генералу от инфантерии М. В. Алексееву о вреде насильственной вербовки в корпус, 4 февраля 1917 г.

Ставка

Милостивый государь Михаил Алексеевич,

При формировании во исполнение Высочайшего повеления от 6 сентября 1916 года II сербской добровольческой дивизии в Одессе, было допущено давление на волю вербуемых, в результате коего в кадрах сербской дивизии появилось значительное число лиц, принудительно набранных, преимущественно из хорватов и словинцев. В искусственно собранной массе добровольцев, на почве принуждения и глубокой религиозной и политической розни между сербами, хорватами и словинцами, имел место ряд экс-

цессов, доходивших в нескольких случаях до убийств и массового протеста против насильственной вербовки.

Принуждение австро-венгерских подданных при наборе в сербские формирования вызывало протест Австро-Венгерского правительства и запрос нашего Министерства иностранных дел на основании целого ряда поступивших туда заявлений.

Произведенным генералом для поручений при штабе Главнокомандующего армиями Юго-западного фронта генералом-лейтенантом Чистяковым расследованием установлены случаи:

Побоев хорватов и словинцев, насильно взятых в сербские войска и протестовавших против этого насилия.

Убийстве в общей свалке на почве демонстраций принудительно набранными своей верности Австрии и дому Габсбургов.

Массового отказа идти на пополнение I сербской дивизии, дравшейся в Добрудже.

Бегство назад в плен из "воспитательной команды", и убийства в строю на почве сурового режима офицером Сербского добровольческого корпуса Николичем словинца Тротша и, как акта мести, капитана Штольфа.

Указанные случаи служат вполне определенным показателем бесполезности и вреда насильственной вербовки, почему обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с просьбой, в дополнение к письму генерала Клембовского от 21 января за № 670, преподать соответствующие указания, чтобы командированные, согласно Высочайшего соизволения, в Донскую область группы сербских офицеров отнюдь не вербовали бы юго-славян против их желания.

Для успешности набора пропаганда, конечно, является необходимой, но в основе её должно лежать свободное самоопределение лиц, среди коих она производится.

Примите уверение в моём совершенном уважении и преданности.

Подпись: *Василий Гурко.*
РГВИА. Ф. 2003 оп. 1., д. 1167. Л. 72–73.

13. Донесение командира Сербского добровольческого корпуса в России генерала М. Живковича начальнику штаба Одесского военного округа о формировании корпуса, 7 декабря 1916 г.

Честь имею доложить, что формирование по снабжению и укомплектованию личным и конским составом в следующем положении:

А. I. Управление корпуса по штату № 17.

На № 09281.

а) *Личный состав.* Для всего личного состава, полагаемого по штату № 17, даны, но до сих пор не прибыли: 2 писаря при штабе Управления, 4 писаря в Управление Корпусного интендантства.

б) *Конский состав.* Наряд для всего конского состава дан, и лошади прибывают и сбруя, за исключением 6 комплектов, для одноконных повозок, получены.

II. Приданные Управлению корпуса учреждений с обозн. батал.

а) *Личный состав.* Из классных чинов не прибыли еще: 1) в продовольственный транспорт — 1, 2) в продовольственный магазин — 2, 3) в обозный батальон — 1, команду обозного батальона — 4, команду транспорта — 3 ветеринарных врача. Что касается нижних чинов, видно из прилагаемых ведомостей; 4) для ветеринарного лазарета и дезинфекционного отряда прибыли все чины, кроме 1 фельдшера.

б) *Конский состав.* Наряд дан, и лошади только начали прибывать. Обоз не получен.

III. II Дивизия.

Штаб дивизии.

а) *Личный состав.* Наряд дан на весь личный состав и все, за исключением контролера, прибыли.

б) *Конский состав.* Все лошади и повозки получены.

Пехотные полки.

а) *Личный состав.* Для полков налицо весь личный состав, за исключением тех, которые возвращены в плен из-за ненадежности. Это число было бы легко пополнить из Запасного батальона,

но, так как добавочно приказано сформировать при полках учебную сапёрную команду для сбора оружия и траншейных орудий, то сначала формируются те команды, по окончании чего роты будут дополнены до штата.

Пулемётные команды формируются при артиллерийском управлении Одесского военного округа.

Полковые врачи все назначены, прибыло больше половины, для остальных получено известие, что придут.

б) *Конский состав*. Полки получили 81 повозку, недостает еще 49. Упряжи получено по 29 комплектов, недостает еще 99 комплектов (здесь считаются и полевые кухни, которые получены). Лошади прибыли все.

Санитарные учреждения.

а) *Личный состав*. Прибыли все врачи, за исключением главного врача гигиенического санитарного отряда, формируются учреждения по очереди. Сформирован II див. лазарет, а потом I санитарная рота и дезинфекционный отряд.

б) *Конский состав*. Лошади прибыли, остальное еще не принято, так как еще не сформированы учреждения.

Продовольственный транспорт.

а) *Личный состав*. Налицо.

б) *Конский состав*. Лошади прибыли. Повозок принято 69, недостает 100 повозок и 2 пол. кухни и упряжь для 100 повозок.

Ружейно-пулеметный парк. Формируется при артиллерийском управлении штаба Одесского военного округа.

IV. В запасном батальоне в настоящее время находится:

А) Из I Сербской добровольческой дивизии выздоровевших раненых, которые могут быть посланы на укомплектование I дивизии — 1.080 нижних чинов, в слабосильной команде таковых же 500.

Б) В 12 ротах Запасного батальона числится 2.400 солдат, которые могут быть посланы или для укомплектования I, или для формирования новой II дивизии.

В) Кроме этого, еще 116 солдат, обучаемых в 5-м запасном артиллерийском дивизионе, которые предназначены для формирования артиллерийских частей. Остальное число людей в воспитательной и слабосильной командах, которые не могут быть назначены для укомплектования боевых единиц.

ПРИЛОЖЕНИЕ: 2 ведомости.

Из вышеизложенного видно, в каком состоянии формирование сербского добровольческого корпуса, что касается снабжения и укомплектования личным и конским составом. Но по этим только данным, т. е. по материальной готовности Корпуса нельзя судить о полной готовности Корпуса к отправлению в Действующую Армию.

Подобного примера формирования вооруженных сил в военное время история не дает.

Формирование Сербского добровольческого корпуса производится и развивается в исключительной обстановке, которую необходимо разъяснить.

Обстановка стратегически-тактическая.

Сербский добровольческий корпус формируется следующим образом:

1) Из небольшого числа офицеров и нижних чинов Сербской армии, воспитанных в национальном духе. Они готовы дать жизнь свою в борьбе с врагом, который оккупировал их отечество, создаваемое постоянной борьбой в течение столетия, а потерянного в течение двух месяцев. Почему душа этих офицеров и нижних чинов переполнена ненавистью к врагам и горячим желанием отомстить или погибнуть.

2) Из гораздо большего числа своих одноплеменников: офицеров и нижних чинов австрийской армии, поступивших из русского плена для формирования Сербского добровольческого корпуса. Эти офицеры и нижние чины воспитывались традиционно нашим неприятелем в духе враждебности к своим братьям, живущим вне пределов Австро-Венгрии. Дух офицеров югославянских национальностей нужно ободрить хорошей перспективой нашего будущего государства; дух нижних чинов необходимо переработать раньше, чем повести их в бой.

Они все еще в Австрии жили в постоянном страхе, они не осмеливались покупать сербские журналы, иметь в своем доме сербские книги, а того, кто посмел держать в своем доме портрет сербского короля, обвиняли в государственной измене и арестовывали. Пример всем известный — Загребский процесс и афера Фриндюнга.

3) Из небольшого числа офицеров и нижних чинов братской нам русской армии, готовых во всём помочь своим младшим и пострадавшим братьям-сербам.

Вот элементы личного состава, входящие в основу формирования Сербского добровольческого корпуса.

Осматривая лично полки II Сербской добровольческой дивизии, в которых находятся все вышеуказанные элементы личного состава, я убедился, что из этого элемента возможно будет создать хороших бойцов, но под условием воспитания второй группы личного состава в течение продолжительного времени.

Ободрить душу добровольцев, переполненную страхом попасть в плен своим вчерашним государям и постоянной заботой: что будет с их семьями, если австрийцы узнают об их поступлении в сербскую армию.

Этот страх увеличивается еще больше, вследствие неуспехов I Сербской добровольческой дивизии в Добрудже. Они узнали, что австрийцы пускали с аэропланов объявления, как будто в Австрии известно, кто поступил в сербскую армию; приглашают их сдаваться, иначе их имения и семейства будут уничтожены.

Всем известно, что добровольцы I Сербской добровольческой дивизии в начале боёв в Добрудже боролись героически, все до момента возможности попадания в плен, т. е. до момента отступления. Бывали примеры, что раненые добровольцы застреливались, видя отступление своих товарищей, которые их не подбирали из-за страха самим попасть в плен.

С момента начала отступления в тесном соприкосновении с неприятелем I Сербская добровольческая дивизия сделалась неспособной для борьбы. Дух добровольцев настолько упал, что из героев вдруг сделались трусы. Но такие, впрочем, свойства всех добровольческих организаций. Поэтому очень рискованно вводить добровольческие полки преждевременно в бой, т. е. без предварительной подготовки: рациональной к бою.

Деморализация в рядах I Сербской добровольческой дивизии перенесена невольно в ряды II дивизии, которая находилась в фазисе своего формирования. Начались волнения и брожения между добровольцами, подстрекаемые разными агентами. Слабые духом стали отказываться оставаться и дальше добровольцами, открыто изъявляя страх попадания в плен и заботы про свое семей-

ство. Сильные еще духом добровольцы стали их ругать и называть их трусами. Начались ссоры, которые быстро переходили в рукопашные драки. Офицеры-добровольцы оказывались бессильными предотвратить возможные беспорядки. Офицеров сербской армии не хватает более как один на роту. В результате, как известно, в одной драке, имеющей место 23 октября с.г., лишены жизни 13 человек.

Стало быть, что для создания Сербского Добровольческого Корпуса, готового сложить кости на поле брани, нужна энергическая, методическая и продолжительная работа, иначе корпус будет представлять стадо баранов, которое после первого неудачного сражения внесёт только деморализацию в соседние боевые единицы, что будет очень вредно влиять на целесообразность командования.

Чтобы иметь корпус прочной организации, мною приняты всевозможные меры, не забывая ни одной минуты, что это всё-таки будет Добровольческий корпус, в котором психологический момент всегда будет играть самую важную роль.

До сих пор мною предпринято следующее:

Для комплектования и пополнения убыли в I Сербской добровольческой дивизии, а равно для поднятия упавшего духа в рядах сей дивизии, нужно было её отодвинуть дальше от непосредственного соприкосновения с боевым фронтом.

Это уже осуществляется. Дивизия получила приказание отойти на линию Березовка — Воскресенск. Там же мною будут приняты меры для создания дивизии прочного состава.

Для поднятия духа в рядах II Сербской добровольческой дивизии приказано удалить из рядов добровольцев все вредные элементы — агитаторов, вызывающих колебание духа добровольцев.

Устроена так называемая "воспитательная команда". В этой команде в отдельном помещении находятся все павшие духом добровольцы из I и II дивизий, а равно вновь прибывающие добровольцы. Там они воспитываются выбранными офицерами в национальном духе. Они осведомляются о надобности объединения всех юго-славян, о верности и преданности к единокровной и братской нам великой и сильной России — покровительнице всех славян. Эта команда дает уже хорошие результаты.

В полках держатся лекции воспитательного характера. Этим путем осведомляют добровольцев об идее освобождения и объеди-

нения, о непобедимой силе России и ее союзников и о несомненном окончании войны разгромом Австрии.

Для подготовки запасных офицеров открыта школа, в которую поступают интеллигентные, молодые добровольцы, кончившие, самое меньшее, четыре класса гимназии или реального училища. В этой школе теперь 190 человек (воспитанников). По окончании курса, который будет не менее двух месяцев, эти молодые люди вольются в ряды полков, как апостолы в воспитательном смысле, и как хорошие взводные офицеры.

Все вышеуказанные меры, предпринятые до сих пор очень хорошо повлияли на успокоение духов добровольцев. Но внушить добровольцам желание драться далеко от пределов своего отечества и бить врага там, где бы он ни был, пока невозможно. Работа в этом отношении оказывается пока напрасной, ибо добровольцы открыто изъявляют, что они поступили в ряды Сербского добровольческого корпуса только для освобождения непосредственно своей отчизны.

Эти обстоятельства и настроения в рядах добровольцев нельзя игнорировать.

Кроме того, я ходатайствовал о формировании хотя бы трёх учебных батарей: по 1 полевой, 1 горной и мортирной. Это нахожу необходимым, ибо соответствующая взаимная поддержка в бою разных родов оружия немыслима без ознакомления этих родов ещё до боя.

Офицеров и нижних чинов артиллеристов для формирования этих трёх батарей имею уже налицо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Обстановка стратегическо-тактическая требует методической подготовки частей Сербского добровольческого корпуса в продолжительное время, не менее трех месяцев, если желательно из него извлечь предполагаемую пользу.

II) Обстановка политическо-национальная.

Освобождение как Сербии, так и всех югославянских земель, находящихся под австрийским игом, неосуществимо ни Сербской армией на Салоникском фронте, ни Сербским добровольческим корпусом в России.

Все надежды всех нас, сербов, обращены, в первом ряду, в сторону великой и сильной России, а затем её сильных союзников.

Всё, что возможно сделать маленькой Сербии в борьбе с сильными и многочисленными врагами, по моему скромному убеждению, ею сделано. И если бы не было нападения со стороны коварной Болгарии в бок и в тыл Сербии, Сербская армия сумела бы оборонять свои границы и не допустила бы связи Германии с Турцией.

В этом случае сербское государство не поставляло бы вопрос о жизни и смерти последнего своего солдата для выполнения этой задачи.

Но теперь иной вопрос. Сербская армия на Салоникском фронте насчитывает в настоящее время не больше 35 тыс. штыков. И это все, что осталось от прелестной армии, насчитывающей в прошлом году 300 тыс., оборонявшей линию рек — Дуная, Савы и Дрины и преграждавшей германцам дорогу Белград — Константинополь.

Кульминационная точка напряжения моральных и материальных сил давно уже достигнута. Пополнения убитых в рядах этой армии ожидать неоткуда. Перспектива ужасная. И если наши великие и сильные покровители, а в первом ряду, родная нам Россия не сбережёт несчастных своих братьев младших от дальнейших жертв, солнце свободы осветит пустые поля Сербии и Югославии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Обстановка политическо-национальная требует сбережения сил Сербского добровольческого корпуса до крайних границ возможности. Его нужно пустить в действие не раньше решительного момента, имея постоянно в виду, что это будет единственная вооруженная сила, которая будет необходима для оккупации занятых земель Югославии; для обороны от албанцев и болгарских комитаджийских банд. Этот корпус будет единственная вооруженная сила, единственный кадр для формирования армии будущего государства.

Генерал Живкович.

РГВИА. Ф. 2003 оп. 1., д. 1167. Л. 96–98.

14. Рапорт начальника Одесского военного округа генерала от инфантерии М. И. Эбелова вр. и. д. начальника штаба Верховного главнокомандующего о формировании корпуса, 12 декабря 1916 г.

Доношу Вашему Высокопревосходительству, что со времени получения распоряжения генерал-адъютанта Алексеева в производящиеся в Одесском военном округе сербские формирования поступают лишь добровольцы, изъявившие желание служить в сербских войсках и в качестве таковых высылаемые в округ из других районов.

Суточный приток таких добровольцев за последнее время, в среднем, не превышает 10 человек, что объясняется как ходом событий в Добрудже и Валахии, так и теми огромными потерями, которые понесла в добруджанских боях I Сербская добровольческая дивизия и связанным с этими потерями — упадком духа в рядах сербских добровольцев.

Эти обстоятельства, несомненно, отражаются и на настроении сербских добровольцев, как уже участвовавших, так и вновь поступивших.

Среди них идет колебание, поддерживаемое сторонниками Австрии и преимущественно из среды хорват-католиков, поступивших добровольцами в общей массе.

Такие добровольцы, при обнаружении их, немедленно удаляются, как равно и те, кто окончательно заявил, что не желает служить в сербских рядах. Так, за время с 1 октября по 10 декабря было удалено из рядов добровольцев свыше 2 тысяч человек, и не принято из прибывших около 3 тысяч человек, всего свыше 5 тысяч человек. Эта цифра в дальнейшем может значительно вырасти, в особенности, если в настоящее время произвести проверку желающих служить в сербских и чешских частях. При таком опросе возможно, при нынешних обстоятельствах, ожидать массового ухода добровольцев, и тогда Высочайшая воля о принятии самых энергичных мер к скорейшему формированию II Сербской дивизии останется невыполненной.

Между тем, в настоящее время Сербский корпус в личном своем составе почти доукомплектован, и обе дивизии приступают к боевой подготовке, одновременно с укреплением поколебленного духа добровольцев юго-славян.

По новой дислокации, обе дивизии размещаются по чисто русским деревням в Вознесенском и Александровском районах, вдали от всяких влияний смешанного населения Одессы, и можно надеяться, что через известный период поступившие в них добровольцы, по отобрании соответствующей подписки и по приведении их к присяге Сербскому королю, станут с честью под сербские знамена.

В будущем части эти, составленные главным образом из сербов и затем из разных югославянских национальностей, явятся, быть может, единственным ресурсом в руках сербского правительства при возвращении его на родину, где все мужское население в возрасте военнообязанных истреблено швабо-болгарами.

Последнее обстоятельство, в связи с полной невозможностью ожидать нового сколь-нибудь значительного притока добровольцев сербов, побуждает меня с особой осторожностью относиться к уменьшению наличного состава Сербского добровольческого корпуса, в опасении, что при в случае категорическом подтверждении с Вашей стороны произвести теперь же проверку и выделение всех не желающих служить, мера эта может сразу понизить в огромной степени эту численность, или даже свести корпусный состав на полковой.

Что же касается выделения чехов, желающих служить в чешских частях, то вместе с сим мною по сему предмету отданы соответствующие распоряжения.

В заключение считаю необходимым доложить, что, получив упомянутое выше распоряжение генерал-адъютанта Алексеева, я вместе с тем должен был исчерпать все средства для формирования Сербского корпуса и принять меры к выяснению цели учреждения этого корпуса всем поступающим добровольцам, создав для этого особую воспитательную команду, через которую эти добровольцы — нижние чины проходили, и если мне не удастся сформировать Сербский добровольческий корпус, то моя совесть

будет спокойна, ибо во исполнение Высочайшей воли я исчерпал все возможные средства.

Генерал от инфантерии Эбелов.
РГВИА. Ф. 2003 оп. 1., д. 1167. Л. 85–86.

**15. Рапорт № 1264 начальника Одесского военного округа
генерала от инфантерии М. И. Эбелова
генерал-квартирмейстеру при Верховном
главнокомандующем о формировании корпуса,
14 февраля 1917 г.**

[В] Первой сербской дивизии 12 батальонов, [в] каждом батальоне [в] среднем по 742 нижних чина. Полки первой дивизии сформированы по штату приказа Верховного 1915 года № 292, и каждый полк имеет команды конных разведчиков по штатам приказом Наштаверх. 1915 года № 225 и 286, пулеметные команды 12-ти пулеметного состава по приказу Наштаверх 1915 года № 231 и полицейские команды за недостатком людей в уменьшенном составе. Всего для дивизии не хватает 3.963 строевых и 167 нестроевых нижних чинов, при наличии людей полки будут сформированы по приказу Наштаверх. 1916 года № 716. [Во] Второй сербской дивизии 12 батальонов, в среднем 820 нижних чинов. Вторая дивизия формируется по штату приказа Наштаверх, 1916 года, № 716, и из команд имеется при полках по одной 11-ти пулеметной команде и команде конных разведчиков, остальные команды формируются и за недостатком людей еще не укомплектованы. Всего для дивизии не хватает 3.453 строевых и 330 нестроевых нижних чинов. Обозы и учреждения первой дивизии сформированы, недостаёт 45 нижних чинов и 107 лошадей. Обозы и учреждения второй дивизии: для полкового обоза не хватает 120 повозок, перевязочному отряду 5 повозок, лошадей недостаёт 88, распоряжением Снабрум¹. Взят один лазарет II дивизии для Балтийской морской дивизии, о наряде лошадей для I и II дивизий испрошено разреше-

¹ Управление снабжения Румынского фронта.

ние Дегерум¹, недостающие повозки реквизированы и выдаются. Кроме того, при II Сербской дивизии формируется по штату приказа Наштаверх. 1916 года № 1094 ружейно-пулеметный парк, который, по его сформировании, предполагается включить в первый отдельный парковый артиллерийский дивизион, о чем возбуждено ходатайство перед Штарум². Артиллерия: при первой дивизии имеется 1-й сербский пеше-горный артиллерийский дивизион из двух батарей по 6 орудий, всего 12 горных орудий и два горных артиллерийских парка; на основании приказа Наштаверх № 1664, 1916 года формируется для первой дивизии 2-й отдельный артиллерийский дивизион с одноименным парковым дивизионом и для второй дивизии 3-й отдельный артиллерийский дивизион с одноименным парковым дивизионом; артиллерийские дивизионы подлежали формированию в Саратове, парковые дивизионы в Самаре. Запасной батальон в составе 12 рот, при батальоне состоит команда выздоравливающих, и с 15-го ноября 1916 года открыта школа для подготовки запасных офицеров корпуса. Всего в запасном батальоне и упомянутой команде и школе, за высылкой на Салоникский фронт 1.182 человека, имеется 3.112 нижних чинов. Офицерский состав: из сербской армии прибыло пополнения 72 штаб. и 104 обер-офицеров, всего 1 генерал, 176 офицеров, добровольцев-офицеров из военнопленных в корпусе всего 661 человек. Всего же состоит в I дивизии 470 офицеров, II дивизии 256, в запасном батальоне 82 и корпусном управлении 30. Корпус укомплектовывается офицерами, поступающими добровольцами из военно-пленных, и выпуском из школы для запасных офицеров корпуса, открытой 15 ноября 1916 года. Ныне в этой школе состоит 288 слушателей, по успешному окончанию которой будут произведены в первый офицерский чин запаса, не окончившие успешно возвращаются в строй унтер-офицерами. При пополнении I и II дивизии встречаются затруднения, так как добровольцев теперь прибывает очень мало, по донесению командира сербского корпуса, малый приток добровольцев объясняется приостановкой агитации в этом направлении среди военнопленных югославян и вредного влияния контрагитации в лагерях военнопленных со стороны агентов, неприязненно расположенных к этому делу. В Одессе

¹ Дежурный генерал штаба Румынского фронта.

² Штаб Румынского фронта.

с 1 ноября 1916 года учреждено отделение по сбору добровольцев, по сведениям которого в Донской области есть подходящие элементы из военнопленных, о чем было доведено до сведения сербского военного агента при Ставке Верховного, и вопрос о командировании в Донскую область сербов-офицеров для набора добровольцев в данное время находится на разрешении [в] Петрограде и крайне желательно ускорить разрешение этого вопроса. Первой и второй дивизиям и запасному батальону недоотпущено часть обмундирования, сапог и белья; в данное время в запасах Интенкр¹ этого имущества нет, таковое потребовано через Интенрум², а некоторое количество названного имущества заготавливается средствами округа, задержка вызывается недоставлением материалов по железной дороге. Обстоятельства формирования II дивизии и укомплектование первой были изложены мною в рапорте Наштаверху 12 декабря № 09594, № 0531.

Генерал Эбелов.

РГВИА. Ф. 2003 оп. 1., д. 1167. Л. 79–80.

16. Меморандум командира Добровольческого корпуса генерала М. Живковича об инциденте с группой офицеров хорватов и словенцев, возникшем в Сербском добровольческом корпусе, 23 апреля 1917 г.

Одесса
№ 898

Еще задолго до инцидента во вверенном мне Корпусе была замечена попытка расстроить в Корпусе воинскую дисциплину, а также разбить и единство политическо-национальной идеи в борьбе против Австро-Германского завоевания.

Причины, которые в группе „недовольных“ вызвали такое движение, по своей внешности очень разнообразны. То причиной является „грубое обхождение“ сербских офицеров, приехавших с Корфу, то протестуют против того, почему Добровольческий

¹ Интендантская служба корпуса.

² Интендантская служба штаба Румынского корпуса.

Корпус Сербов, Хорватов и Словенцев не называется официально „Юго-Славянским“, а теперь и та причина, что они после произнесенной речи Господином Министром Мильюковым в Думе, что одна часть югославян (Истрия и Далмация) отойдет к Италии, разочаровались в своем полном освобождении и поэтому не хотят они бороться под знаменем Сербии, которая не в состоянии воспрепятствовать „срамной продаже, сделанной союзниками Италии“.

Из документов произведённого следствия, которые всегда могут быть доставлены Вам на рассмотрение, можно вполне убедиться, что все вышеизложенные причины суть только маски, под которыми скрываются изменнические стремления этих „недовольных“, стремления как можно скорее, в интересах штурмеровской¹ Австро-Германской политики, помешать совместной работе Сербов, Хорватов и Словенцев над своим общим освобождением из-под тиранского австрийского ига.

Результатом должно было быть то, для чего министр Штюмер и образовал тайный денежный фонд, — расформирование Сербского Добровольческого Корпуса и Чешско-Словацкой бригады.

Лучшим доказательством неверности выставляемых мотивов „недовольных“, — якобы инцидент произошел вследствие обстоятельств в самом Корпусе, может послужить и то, что:

1) К инциденту не присоединились Сербы, а из Хорватов и Словенцев присоединились только элементы, принадлежащие в Хорватии к сепаратистскому направлению „франковцев“², кото-

¹ После Февральской революции 1917 г. имя правого монархиста Б.В. Штюмера стало ругательным и вызывало у вождей Временного правительства ненависть. В ходе Февральской революции 28 февраля 1917 г. он был арестован, заключён в Петропавловскую крепость, затем был переведён в больницу тюрьмы "Кресты", где и скончался. Очевидно, что автор Меморандума активно пытался наклеить на Геруца и Туму ярлык "штурмеровцев", чтобы заполнить на свою сторону симпатии нового революционного правительства. В современной историографии связь Штюмера с немецкой разведкой вовсе не считается доказанной, однако события в самом корпусе, вероятно, имели место.

² Франковцы — фракция Хорватской партии права, действовавшая в Хорватии с конца XIX в., которая отличалась выраженной ненавистью к сербам и последовательной ориентацией на Вену. Из этой партии вырос и Анте Павелич — будущий "фюрер" марионеточной Независимой Хорватии, созданной нацистами в годы Второй мировой войны и осуществивший геноцид над сербами Хорватии, Боснии и Герцеговины.

рое всегда стояло на стороне Австро-Венгерского владычества. В Корпусе остались Хорваты и Словенцы, которые не разделяют их убеждений, что служит ярким доказательством наличности совместного сознания и понимания великой важности святейших идей трехименного народа.

2) Сербский Добровольческий Корпус насчитывает до 30 тысяч человек, из которых 25 тысяч Сербов, а едва 5 тысяч принадлежит имени Хорватов и Словенцев.

Взяв общее число офицеров-добровольцев находящихся сейчас в Корпусе, сразу можно увидеть, насколько ничтожна эта попытка, ибо, несмотря на все старания и провокации в Корпусе, в инциденте участвует ничтожное число.

3) Из вышеизложенного видно, что недовольство не вызвано внутренними потребностями, а наоборот, оно вызвано влиянием внешним, которое находится вне сферы влияния Корпуса.

Но чтобы более верно представить всю истину этого вопроса, я беру на себя смелость изложить вкратце историческое развитие и причины, которые предшествовали целому движению.

I. Исторические данные.

Как Вам известно, еще с 1870 года в хорватской интеллигенции и народе существуют два направления, которые в своих политическо-национальных вопросах диаметрально противоположны одно другому. Между собой они составляют два лагеря, находящиеся в кровавой вражде.

ПЕРВОЕ направление, основанное АНТЕ СТАРЧЕВИЧЕМ¹, а позже во главе его ставшего ИОЗЕФА ФРАНКА², боролось за супремацию Хорватского племени над Сербями и Словенцами; эта партия ведет отчаянную борьбу против Сербского имени в Австро-Венгерской монархии, а так же и против свободного Сербского Королевства, на которое Австро-Венгрия всегда смотрела, как на политическо-культурный оплот югославянского освобождения.

Но так как народ Хорватского имени численно гораздо меньше народа имени Сербов, то это направление ставило себя и свои

¹ Анте Старчевич (1823–1896) — хорватский националист, основатель Хорватской партии права.

² Иосип Франк (1844–1911) — хорватский политик, основал со Старчевичем в 1895 г. Чистую партию права, которую называли "франковцами". После Первой мировой войны её лидером стал Анте Павелич, будущий "фюрер" Независимого государства Хорватии.

национальные стремления под защиту Венского правительства, выдвинув в своей программе девиз: Объединение всех южных славян под короной Габсбургов в рамках Австрийской монархии.

Такая программа с таким девизом вполне отвечала интересам Австро-Венгрии, а потому эта партия и нашла поддержку в Венском правительстве.

ВТОРОЕ направление Хорватской интеллигенции, которому прочное основание положил в 1843 году хорватский патриот ЛЮДЕВИТ ГАЙ¹ и Словенец СТАНКО ВРАЗ², и которое в течение многих десятков лет проходило сквозь многие препятствия инквизиторского преследования со стороны Австро-Венгерского правительства и вышеупомянутого направления, — известно теперь под именем: „Самостальной народной партии“ (прежде „Илирской“, а после 1868 года „Югославянской“).

Это второе направление исповедует начало, что Хорваты, Сербы и Словенцы суть дети одного народа, разделенные только именем племени, но чья кровь, разговор и все остальные этнографические данные одни и те же.

Следовательно, это один народ, которому предстоит единство и совместная борьба за политическо-национальное объединение и освобождение, как от тиранского Австро-Венгерского, так и от Турецкого ига.

Это второе направление искало себе опору в свободном Королевстве Сербии, которое, как „Пьемонт“ всего Южного Славянства, и само стремилось к тому, а через него опиралось и на славянскую Русь, которой природная задача встать во главе славянского освобождения и самоопределения.

Я привел исторические факты, которые и сыграли видную роль в коварном замысле группы офицеров — „недовольных“, которые, как представители первого направления, попытались разорить Корпус Сербов, Хорватов и Словенцев.

Но, несмотря на все это, инцидент бы не дошел до такой обостренности, если бы этому не содействовали два помощника, не вышедшие из Корпуса, а пришедшие со стороны.

¹ Людевит Гай (1809–1872) — лидер хорватского политического и культурного движения илиризма, филолог, журналист и писатель.

² Станко Враз (1810–1851) — словенский поэт, писавший по-хорватски, один из лидеров движения илиризма.

Первая причина вытекает из дореволюционного правительства Штюмера и Протопопова¹, а вторая из сделанного шага для удовлетворения воли царя, который желал, чтобы вторая дивизия была сформирована возможно скорее. Вот как это развивалось.

А. Политика Штюмера.

Из документов, найденных в архиве бывшего Министра Штюмера, видно, что он старался всеми средствами заключить сепаратный мир с Австро-Германией. В рамках осуществления этого его плана входило еще и расформирование Сербского Корпуса и Чешско-Словацкой бригады.

Не желая, или точнее, боясь явного мнения и других факторов, он не отказал в гостеприимстве Корпусу и таким образом не уничтожил его, а нашел более удобный способ, а именно, вызвать в самом Корпусе такое положение, — существование которого явилось бы вопросом. Для этого он образовал тайный денежный фонд и собрал тайных агентов для работы в этом деле.

Его правой рукой в этом деле был некий Хорват ГЕРУЦ, который уже долгое время состоит на службе в русской тайной полиции по Югославянским делам, а вероятно, и по другим.

Прошедшее этого мрачного типа штюмеровской тайной полиции, который стал инициатором и центром, кругом которого собирались представители первого Хорватского направления, следующее:

С 1885 года и до сих пор он находится на двойной службе, то в тайной полиции Австрии на Балканах или в Петрограде, то на службе в тайной полиции реакционных русских правительств, о чем имеются доказательства в архиве Штюмера.

В Петроградскую тайную полицию он попал благодаря протекции Австрийского Посла, в сущности, его служба заключалась в том, чтобы следить за движением югославян в Петрограде и об этом доносить Австрийскому Послу. Ту же самую службу, в обратном смысле, он имел нести для русского министерства.

В 1885 году он как хорватский доброволец в Болгарии, участвовал в боях с Сербами.

Этот же ГЕРУЦ в компании с Хорватом ГАРАПИЧЕМ, управляющим кафешантаном „Стрельна“ в Москве, чехо-слова-

¹ Александр Дмитриевич Протопопов (1866 – 1918) — последний министр внутренних дел Российской империи (с 16 сентября 1916 г.).

ком КОНИЧЕКОМ, проживающим в Москве, и инженером словенцем ТУМОМ, проживающим в Петрограде, имена которых, как служащих тайной полиции, находятся в архиве Штюрмера, организовали в Москве русско-хорватское научное общество: „КРИЖАНИЧ“¹.

Это общество должно было под маской ознакомления России с хорватским народом стать центром в России для осуществления Австрийских стремлений, которые и исповедует в своей политическо-национальной программе „франковая“ хорватская партия. В этом-то обществе, по инициативе дореволюционного правительства Штюрмера, работали над тем, чтобы из корпуса привлечь все те элементы, которые поступили в него не для совместной работы на благо нашей общей идеи, но поступивших из других побуждений — либо следить за движением Корпуса и доставлять, куда нужно, либо работать на расстройство Корпуса (смотри оригинальное письмо офицера МАРИОНА, которое находится в архиве Штаба Корпуса, и который из-за этого возвращен в плен), либо с желанием освободиться из русского плена и с хорошим жалованием провести хорошо время в Одессе.

О вышеизложенном в Штабе Корпуса имеются доказательства в виде их письменных рапортов, в которых они излагали причины ухода из Корпуса, указывая на то, что в частном разговоре с нашим Консулом господином Цемовичем² и майором Пейовичем им было обещано, что Корпус не будет вводится не в какие бои, но когда союзники победят, он войдет парадным маршем в Югославянские освобожденные земли. Но это не исполнилось, ибо они были отправлены в Добруджскую экспедицию и, судя по всему, Корпус в скором времени опять пойдет на фронт.

По приказанию Штюрмера, ГЕРУЦ, ТУМА и ГАРАПИЧ немедленно принялись за свою работу и стали разыскивать в Корпусе

¹ Названо по имени Юрия Крижанича (1617–1683) — хорватского священника-миссионера, состоявшего на службе ватиканской конгрегации пропаганды веры и бывшего членом ватиканского иллирского общества Св. Иеронима. Приезжал в Россию, где выступал за унию католической и православной церквей и единство славянских народов под эгидой России. Провёл в ссылке в Тобольске 16 лет, где и написал самые важные свои сочинения.

² Консул Сербии в Одессе Марко Цемович.

таковых типов, каковыми были МАРИОН, БАНИЧ, ШЕВРЛЮГА и друг.

Этому предприятию Штюрмер-Геруца во многом помогло еще одно влияние со стороны, которое, хотя и не имело плохих намерений, но дало им громадную поддержку.

Б. Воля Царя.

В период формирования второй дивизии число ежедневно прибывающих добровольцев не превышало 50–100 человек. При таком притоке добровольцев вторая дивизия едва ли могла сформироваться в течение шести месяцев. Бывший царь выразил желание как можно скорее сформировать вторую дивизию, вследствие чего Штабом Одесского Военного Округа были сняты с работ в Округе все военнопленные Югославы и привезены в Одессу без предварительной записи в добровольцы. Таким образом, в Корпус попало около 3 тысяч хорватов, часть этих, так сказать, принудительных „добровольцев“, сейчас же по приходе выразила свое нежелание входить в состав Сербских войск, а также и бороться против своего царя Франца-Иосифа, которому присягали, но, по ходатайству офицеров-Хорватов, находящихся в Корпусе, было решено этих добровольцев оставить, ибо они уверяли, что в течение двух-трех месяцев эти добровольцы помирятся с идеей Югославии.

До прихода этих „добровольцев“ группа Штюрмер-Геруцовских недовольных не могла в широких размерах предпринять агитации, ибо тогда в Корпусе было всего 318 человек Хорватов. Ошибочно сделанный шаг принудительного рекрутования дал надежду штюрмеровским агентам на их успех, и они с большой энергией ведут агитацию по выработанному Геруцом плану и всеми силами стараются вызвать в Корпусе бунт. Они говорили солдатам, что в Австрии известно все, что здесь делается, и пугали их, что, если они присягнут Сербскому Королю, то их родителей и детей повесят там. Агитация такими средствами имела только частичный успех. Но когда в день присяги этим добровольцам предложили дать присягу Сербскому Королю, то они стали кричать: „Не хотим, у нас есть свой царь! Долой Сербского Короля Петра! Да здравствует Франц-Иосиф!“ Этот случай вызвал возмущение в других, настоящих добровольцах, вследствие чего и произошло между ними столкновение, в котором пало около 13 жертв.

Как видно, недовольство было вызвано только вышеизложенным способом и ни в коем случае каким-то сепаратизмом или, как то недовольные называют, империалистическими стремлениями Сербского Правительства и Сербского состава. Если бы такие стремления действительно были, то разве остальные офицеры Хорваты, которые принадлежат ко второй группе, после всего того остались бы солидарными со своими братьями Сербами и дальше в Корпусе, и разве Югославянский комитет в Лондоне, который составлен из самых видных народных деятелей Хорватов и Словенцев, состоял бы и дальше в полном контакте с Сербским Правительством и Корпусом в Одессе?!

II. Непосредственные факторы.

Еще в первые дни формирования 1-й дивизии в Одессе, еще задолго до приезда первой партии Сербских офицеров с Корфу, Геруц сумел найти между офицерами-добровольцами тех, которые в Австрии принадлежали партии Франка.

Разные акты и оригинальные письма, которые находятся в архиве Штаба сего Корпуса доказывают, что недовольные офицеры, постоянно извещали двойного Австро-Русского тайного агента, а так же и Туму, Гарачича и Геренского о своей работе на расстройстве Корпуса.

Одним из первых агентов Геруца был офицер-Хорват Марион, который после произведенного дознания показал, что он действительно был агент-provokator Югославянской идеи, и был возвращен в плен.

Вот с этой личности и начинается закулисная игра Геруца.

Еще тогда, с самого начала формирования наших частей, одиночные агенты стали выражать недоверие и подозрение к Сербам вместо того, чтобы всеми силами работать на формировании добровольческих частей, как боевых единиц, — в дивизии начались разговоры на политические темы, и тогда еще была замечена чья-то работа на расщепление Хорватов от Сербов. Временной командой, во главе которой стоял наш военный агент в России, полковник Лонктиевич, отдан был тогда приказ, в котором приглашались все офицеры перестать с политическими разговорами и распрями и всецело отдаться работе нашего солдатского дела — освободительной идее.

Главный виновник Марион советовал своим друзьям выразить непослушность этому приказу тем, чтобы они не подписыва-

лись в прочтении этого приказа на нем же. Его совета послушались три офицера Хорвата: Пишнечич, Батан и Драгутин Груич, которые сейчас же и заявили, что они приказ подписывать не будут. В то же время со стороны отдельных групп солдат стали слышаться протесты, что их обманули, обещали им, что они пойдут не в бой, а на полевые работы. В это время в Одессу приехала первая партия Сербских офицеров с дивизионным Штабом, которому и был передан весь архив временного Штаба отряда. Начальник первой дивизии пригласил офицеров Пишнечича, Батана и Груича и предложил им подписать приказ, в чем они отказались, за что были отпущены от службы офицеров и возвращены в плен, а их советник Марион продолжал и дальше оставаться в рядах офицеров, ибо он подписал приказ.

Известие об этом случае Марион послал обществу „Крижанич“ в Москву на адрес Геруца и Гарапича.

Отчисленные офицеры продолжали и дальше вести переписку с оставшимся Марионом и в одном из своих писем к нему протестуют и обвиняют его, что он им советовал так сделать, а сам и дальше осался служить такой идее, против которой они все дают. Марион на это ответил им письмом, которое и сейчас находится в архиве сего Штаба, в котором он им объясняет, почему он поступил в Сербские войска, а именно, что не пришел послужить Сербскому делу, а пришел ради нашей идеи: „Я плюнул на свое лицо и присягнул Королю Петру, но будьте уверены, что я этот меч, который ношу, точу только против них — наших неприятелей“.

После этого письма Марион был возвращен в плен, откуда он и продолжал переписку с Геруцом, о содержании которой Геруц извещал офицеров — своих агентов в Корпусе.

Доказательством того, что связь между Марионом и оставшимися агентами в Корпусе была, может послужить и то, что „недовольные офицеры“ в своих письменных заявлениях помимо реформ требовали возвращения в Корпус того офицера, который „плюет на свое лицо и приносит присягу Королю ПЕТРУ“, но зато „точит свой меч“, чтобы употребить его против Сербов.

Другой тип этих недовольных, это подпоручик Драгутин Пичинич, который 9-го марта 1917 года своему командиру роты на рапорте (№ 97 от 9 — III — 1917 года), когда последний его поучал, как надо учить солдат, сказал: „Одному только хорошему я, как

взводный, могу поучить свой взвод, — это сказать им, чтобы они все сбежали из этого Корпуса", — к этому еще добавил: „Самое главное сказать вам — это то, что я в Сербях вижу таких же неприятелей и так же ненавижу, как и немцев“.

В заявлениях этих двух штюрмеровских агентов выражаются характерные особенности этой группы бессовестных сынов хорватского народа, которые коллективно просили отчисления от Корпуса, если не будет проведена требуемая ими реорганизация. А когда на сделанную Командиром Корпуса представку, Сербское Правительство пошло навстречу и самую суть их требований приняло, лишь бы только не дошло до разорения единства Сербов-Хорватов в Корпусе, они тогда ясно открылись, заявив, что они и после этого остаются при своих решениях выйти из Корпуса. Конечно, они это сделали после того, как обо всем донесли Геруцу, Туме и Геренскому. О таких донесениях свидетельствует письмо поручика Степана Супанец, которое он писал в Петрограде Туме 12 марта сего года, и которое находится в архиве сего Штаба. В этом письме говорится, насколько Сербы „гадкие и испорченные, что если бы они даже и хотели что-нибудь доброе сделать, — не могли бы“. В этом же письме он напоминает Туме о рапортах, которые ему послали предводители „недовольных“ — Цираки и еще трое. Сообщая дальше о событиях в Корпусе, он просит, чтобы через Туму и Геруца похлопотали у Русских властей за него и товарищей.

Иво Жгайнер в своем известии, посланном Туме, сообщает ему, как словенцы против Сербов „...идут дружно, видно, единство идеи и хорошая политическая школа. Они оставили в каждом полку по 1–2 человека, чтобы только не забылось их имя. Всех вместе будет больше 200. Настроение у нас твердое и бодрое, мы всегда верили и теперь верим вашим словам еще больше, чем и до сих пор... С нетерпением ждем Русского вмешательства“.

Только при помощи таких элементов, которые открыто признают, что „ненавидят Сербов, как и Немцев“, которые „точат свой меч против неприятелей Хорватов — Сербов“, которые говорят, что Сербы „противны и испорчены, которые, и если бы хотели, то не могли бы ничего хорошего сделать“, только при помощи таких типов Штюрмер и Геруц могли открыть свою агентуру в Корпусе, которая и втянула одну группу легкомысленных молодых офицеров в свои бессовестные предприятия против общей идеи.

Вот таким элементом пользовалась агентура Штюмерера, который и успел вызвать несогласие в некоторых частях Корпуса, о чем всегда через Геруца извещали Штюмерера.

Еще одно доказательство.

В октябре месяце прошлого года Штюмерер через Геруца получил известие из Одессы о событиях в Корпусе. Это известие было доставлено в действующую армию генералу Брусилову с известными пропусками и с приказанием произвести расследование и о результате донести Штюмереру. В этом же акте было указано, что про формирование 2-й дивизии Сербского Корпуса узнали Австрия и Германия и что они протестуют, а поэтому приостановить посылку Югославян во 2-ю дивизию.

Генерал Брусилов назначил в Одессу генерала Чистякова, чтобы на месте поискать агента Штюмерера, из чего вывожу, что генерал Брусилов с презрением отнесся к стремлению Штюмерера расформировать Корпус.

После недолгого расследования генералу Чистякову удалось найти штюмереровского агента в лице подпоручика Гашпара Пекле, который, по приказанию штаба Одесского округа был арестован, но позже, по чьему-то приказанию, освобожден, и даже было предложено Корпусу принять его обратно в Корпус.

Этот документ с пропусками, которого Штюмерер не смел в целости доставить генералу Брусилову, вероятно, находится в архиве Штаба генерала Брусилова, а оригинал в тайном архиве Штюмерера.

Вот еще один пример, доказывающий насколько энергично работали агенты внешней организации на том, чтобы помешать формированию Корпуса.

Многие эшелоны добровольцев, которые в глубине России записались Сербскими добровольцами и многие месяцы ожидали отправки в Одессу, по приезде в Одессу, от станции до казарм, становились не добровольцами, а даже не хотели заходить в казармы, о чем очень хорошо известно и русским военным властям.

Здесь приведено только несколько примеров, но полагаю, что этого достаточно, чтобы видеть откуда и какими способами старались, чтобы расстроить Сербский Корпус.

III. Причины недовольства

Нет сомнения, что эти агенты вместе со своими товарищами в своей агитации не имели бы такого успеха у остальных, если бы

они как причину бунта выставили эту свою австрофильскую ненависть франковцев к Сербам, а потому они и старались найти более подходящую объективную причину принципиального характера.

Они остановились на том:

Что Сербы идут империалистическим направлением с намерением посербить Хорватов и Словенцев; что Сербы во всех своих поступках неискренни, и до тех пор, пока Корпус не реорганизуется в Югославянском духе и не станет Югославянским, до тех пор между Хорватами и Сербской командой не может быть ничего общего.

Некоторые офицеры ездили в Москву, где в этом смысле, совместно с Геруцом и Тумой, выработали план своей работы.

Таким образом, под покровительством Штюрмера и его агентов, развивалась смута и велась вербовка „недовольных“, пока не собралось известное число их, которые без знания команды, организовали свой кружок с выработанной программой и установленными способами распространения ее между Хорватами и Словенцами. Так как они знали, что в добровольцах — Сербях и Чехах не найдут поддержки, то они оберегались и малейшей попытки вести агитацию между ними на разбросание Корпуса.

Корпусная команда и не подозревала, что дореволюционное правительство Штюрмера тайно помогает этой организации, предприняла все меры, чтобы остановить возрастание числа „недовольных“, и, когда напала на следы внешних влияний всего этого движения, которое происходило из Русско-Хорватского общества „Крижанич“, во главе которого стояли Геруц, Гарапич, Коничек и Тума, она об этом донесла Главному начальнику Московского военного округа Мразовскому¹ и Сербскому посланнику в Петрограде², прося их закрыть общество „Крижанич“, а Геруца и его друзей привлечь к ответственности.

Но как Штюрмер, так и Главный начальник Московского округа по этому делу ничего не предприняли, и это общество

¹ Мразовский И.И. — генерал, командующий войсками Московского военного округа. Был во главе войск гарнизона в начале революции в Москве.

² Посланником был Мирослав Спалайкович. Его просьба о проверке Геруца и Тумы, как агентов австрийской разведки, поступила 10 января 1917 г., но осталась без ответа. РГВИА. Ф. 2000, оп.16. Д. 2156. Л. 9.

оставалось и дальше служить центром, откуда и приходили „недовольным“ инструкции и наставления для дальнейшей их работы.

Так продолжалось все до революции, а когда старый режим пал, тогда штюрмеровский тайный полицейский агент Геруц, оставшийся на улице, поспешил поискать в революционных организациях себе место и свою Австро-Германскую задачу подставил под защиту неориентированным в этом деле революционным комитетам.

Не сообщая, кто он такой, каково его прошедшее, и что он всю эту нелегкую работу предпринял по приказанию Штюрмера, Геруц сумел заинтересовать комитеты в Петрограде, Москве и Одессе в пользу этих „недовольных“ и даже в том, чтобы в Корпусе, который принадлежит союзной Сербии, вводить вмешательство русских властей.

По данному Геруцем сигналу и под его руководством, офицеры „недовольных“ вышли с определенными требованиями, и что только при условии их выполнения возможно укрепить согласие и единство в Корпусе. Зная, что ни команда, ни Сербское правительство не примет такие условия, и этим они докажут Русским империалистические стремления Сербии, они передали в Одессе Командиру Сербского Корпуса, следующие условия:

1. Переменить название Сербского Корпуса на название Юго-Славянский.

2. Уравнять материальную сторону, как офицеров, так и солдат.

3. Сербские „эмблемы“ заменить Юго-Славянскими.

4. Ввести латинское письмо наравне с кирилло-мефодиевским.

5. Немедленно выделить солдат Хорватов и Словенцев от Сербских в отдельные полки, во главе которых будут стоять офицеры только Хорватской и Словенской народности. На веру должно быть обращено особое внимание, и не смешивать католиков с православными.

6. Этот отряд никогда не должен считаться войском Королевства Сербии, но считать его отдельным революционным войском Югославии

7. Это революционное войско не должно никогда и ни под какими условиями быть употребляемо вне границ территории нашего претендования, а тот, который бы попробовал каким бы то ни было способом употребить нас и вне упомянутых границ (как,

например, шли с русскими в Добруджскую экспедицию) должен быть предстать перед народным судом. Эта последняя точка здесь поставлена, вероятно, в намерении, чтобы обеспечить Корпус от выступления до тех пор, пока союзники сами, без участия Корпуса, не победят Австро-Германию и не дойдут до границ Югославянских земель. Другими словами — до тех пор, пока война не окончится.

Содержание этих условий было мною доставлено через нашего Военного Министра нашему Правительству с соответствующим своим мнением.

Дабы оставить дальнейшее развитие всяких прений и дразги в Корпусе, Сербское Правительство, по моему предложению, пошло навстречу всем поставленным условиям за исключением последнего, ибо последнее условие могло бы вызвать у самих русских недоверие к Корпусу, так как принятие последнего условия было бы против идеи, исповедуемой всеми союзниками.

Первое условие принято Сербским Правительством с некоторым изменением, а именно: название Сербский Корпус не заменено названием „Юго-Славянский“, а дано название „Добровольческий Корпус Сербов, Хорватов и Словенцев“.

Это изменение объяснено Председателем Совета Министров г. Пашичем следующими обстоятельствами: так как и Болгары Югославяне, но они, как неприятели Юго-Славянского освобождения, борются против всех нас, то было бы неправильно дать такое название этому Корпусу. Зато Корпусу дано такое название, которое ясно указывает, из которых Юго-Славян он укомплектован.

И вот только после таковых удовлетворений, вся эта игра открылась в настоящей своей краске.

Пораженные таким быстрым и широким выступлением навстречу их условиям со стороны Сербского Правительства, „недовольные“ очутились в безвыходном положении, ибо им теперь предстоит: либо отказаться от дальнейшей агитации на расстройство Корпуса и единства, либо показаться в своей настоящей краске, как нотариальные агенты-провокаторы и верные слуги Австро-Германской идеи Хорватских франковцев и штюрмеровских изменнических замыслов.

И как раз вышло второе, они после получения полной сатисфакции заявили, что они и дальше остаются солидарными со сво-

ими раньше сделанными заявлениями, и как раньше не желали служить в Сербском Корпусе, так и теперь не желают служить и в Корпусе Сербов, Хорватов и Словенцев.

Но того мало. — В то же время, как бы желая подтвердить свой Австро-Германизм, они подговорили 4-ю роту 7-го полка, которая единодушно заявила, что они имеют своего суверена — царя Австрийского, и что они не будут бороться против Австрийского войска, хотя бы им из-за этого пришлось и в плен возвратиться.

Поручик запаса 2-го полка Драгутин Пичинич в своем письменном рапорте выражает свое полное согласие с такой открытой изменой Юго-Славянской идее. Он под своей полной подписью изъявил, что его никто не может заставить служить в войсках, кроме его суверена, так как он Австрийский подданный.

Таким образом, на самом деле утверждено, что не все элементы вошли в Корпус как искренние приверженцы освобождения Сербов, Хорватов и Словенцев, а между ними есть и тайные агенты Австро-Германских замыслов разорения сего Корпуса.

IV. Русские Революционные Комитеты.

Революционные комитеты, недостаточно осведомленные и не проникнувшие в самую суть этого дела, дали себя завести штюрмеровской идеей этих Австро-Германских агентов и даже позволили себе вмешиваться во внутренние споры между командой Корпуса, и, так сказать, одной абсолютно незначительной группой изменников совместного Юго-Славянского освобождения из-под тиранского австрийского ига.

Это вмешательство неосведомленных русских властей становится опасным как для цельности Корпуса, так и той цели, с которой и сформирован Корпус как союзная войсковая часть.

Становится опасным, потому что они раньше, чем вмешаться, не ознакомились с историей и всеми подробностями этого движения. А если бы они это сделали, то своим вмешательством не дали бы возможности этим агентам продолжать агитацию, и под руководством Геруца все больше и больше это дело запутывают.

Они бы тогда видели следующее:

1). Что эта стачка в Корпусе не вызвана внутренним недовольством и желанием реорганизации Корпуса под условиями, указанными „недовольными“ в своем докладе на сборе, проведенном в марте сего года в гор. Березовке, так как эти условия разрешило

и Сербское Правительство, видно из того, что „недовольные“ продолжают и дальше агитировать против единства в Корпусе.

2). Что в этом Корпусе из числа 680 офицеров, Хорватскому и Словенскому имени принадлежит 250 офицеров, из которых имеется едва 80 человек, впавших в Штюрмер-Геруца водоворот стремления разорить Корпус.

3). Что это движение вброшено в Корпус со стороны, ярким доказательством может служить найденный тайный архив Штюрмера и тот образованный им фонд для разорения Сербского Добровольческого Корпуса и Чешско-Словацкой бригады, и

4). Что такое вмешательство Русских властей в чисто внутренних вопросах Корпуса, которые должна решать только команда этого Корпуса как отдельная часть союзного войска, — вносит только большее замешательство, которое нанесет большой и решительный убыток самому Корпусу, а также и идее, за которую союзные войска борются.

Ибо все это дело рук Штюрмера. Это дело запутывают только представители того первого, франковского, направления. И так органы теперешнего Русского Правительства случайным своим вмешательством и сочувствием этим агентам дали возможность Штюрмер-Геруцовым планам в полностью осуществиться.

Считаю, себя вправе, а как представитель союзного войска и своей святейшей обязанностью, обратить Ваше внимание на следующий факт, который, без сомнения, как представители старого, так и представители нового режима в России не могут не принять во внимание:

1). Что Сербия, которая в течение 5-летней войны из своих незначительных сил больше всех дала жертв, честно отвечала во всякое время своим обязанностям и требованиям России и других союзных государств.

2). Что она, ради великой идеи освобождения всего Югославянства от Австро-Венгерского невыносимого ига, жертвовала и самую себя, а поэтому никто из союзников не имеет права сомневаться в её добрых освободительных стремлениях по отношению к её Югославянским братьям. Это тем более, что после освобождения Сербия, если бы даже и хотела употребить какие-нибудь империалистические насилия, не могла бы этого сделать, так как она во всем согласна с союзниками и тоже признала право самоопределения всех наций.

3). Что Королевско-Сербское Правительство, как представитель Юго-Славянского освобождения, с благодарностью принял гостеприимство для своего Корпуса Сербов, Хорватов и Словенцев в родственной ей России, поняло и теперь понимает задачу и положение своего Корпуса в Одессе следующим образом:

Корпус Сербов, Хорватов и Словенцев в смысле его боевого употребления составляет часть одного целого как с Русским, так же и с остальными союзными войсками. В смысле же внутренних распоряжений, командования и жизни его, он представляет самостоятельную часть, чьему единству и дисциплине вмешательство снаружи, без сомнения, нанесёт большой вред.

А потому, если и в будущем будет допущено вмешательство снаружи во внутренние дела вверенного мне Корпуса, то на основании вышеизложенных фактов смело утверждаю, что авторитет Корпусной Команды во многом пострадает.

Доставляя этот меморандум, я, как единственно ответственный перед своим правительством за единство и дисциплину во вверенном мне Корпусе, убежден в том, что Русское Временное Правительство со своей стороны сделает все, чтобы прекратить всякое дальнейшее вмешивание во внутренние дела Корпуса, как самостоятельной войсковой части союзного войска, и что оно в то же время найдет средства и способы отстранить внешние темные силы штормеровских агентов — Геруца, Туме и Гарачича. Эти индивидуумы и теперь с полной энергией работают на том, чтобы против Корпуса укрепить сплетни в революционных комитетах Петрограда, Москвы и Одессы.

*Командир Корпуса,
Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ
Генерал Живкович.
АС, 72, Ф. 2, 631/1917¹.*

¹ Сербский оригинал меморандума хранится в сербском Военном архиве. П.10, К. 3, бр.16/37. Он был опубликован в книге: Југословенски добровољци у Русији 1914–1918 / приредио Никола Поповић. Београд 1977, с. 225–236. Согласно примечанию Н. Поповича, писарем при написании Меморандума был „вольнотопределяющийся военный чиновник и ревизор при штабе корпуса Драгутин Илич (с. 236).

**17. Телеграмма начальника штаба
Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта
А. С. Лукомского — полковнику Б. Лонткиевичу,
представителю сербской армии при штабе Верховного
главнокомандующего, 13 июня 1917 г.**

Генерал-лейтенант Лукомский, свидетельствуя совершенное свое почтение полковнику Лонткиевичу, представителю сербской армии при Штабе Верховного Главнокомандующего, имеет честь сообщить ему нижеследующее:

Верховный главнокомандующий, всестороннее ознакомившись с вопросами боевой подготовки состава, комплектования, и внутреннего быта сербского добровольческого корпуса, приказал безотлагательно принять нижеследующие меры:

Довести 1-ю сербскую дивизию до полного комплекта за счет 2-й дивизии и направить ее на фронт в распоряжение Главнокомандующего армиями Румынского фронта.

Из оставшихся, по укомплектовании 1-й дивизии, личного состава 2-й дивизии и запасного батальона сербского корпуса сформировать сербский запасной полк, для пополнения убыли в отправляемой на фронт дивизии. А если и потребуется, то и на Салонинский фронт.

Генерала Живковича назначить Начальником сформированного на указанных выше основаниях Сербского добровольческого отряда, с предоставлением ему прав командира корпуса.

Попутно, с указанным выше переформированием Сербского добровольческого корпуса предложить командиру корпуса, генералу Живковичу, исключить из состава вверенных ему сербских частей, всех офицеров и солдат, которые признаются элементом нежелательным, а также тех, которые сами выразят желание выйти из состава отряда. Исключенных таким образом офицеров и солдат направить в Дарницу.

Из всех остающихся в Сербском добровольческом отряде (дивизии и запасном полку) офицеров и солдат взять подписку в том, что они обязуются нести службу в отряде, беспрекословно подчиняясь всем требованиям воинских дисциплины и законов, вплоть до окончания войны и расформирования отряда

О вышеизложенном сообщено всем подлежащим начальствующим лицам для безотлагательного приведения в исполнение указанных распоряжений.

Лукомский.

РГВИА. Ф. 2003. оп. 1. д. 686. Л. 164 (об).

18. Статья Л. Тумы из журнала "Југославија", направленная против меморандума генерала М. Живковича, 3 июля 1917 г.

„ПИСЬМО ГЕНЕР.[АЛУ] ЖИВКОВИЧУ.“

(От автора: ответственность за письмо беру всецело на себя.)¹

В начале мая с. г. представился мне случай познакомиться с меморандумом, который Вы разослали, генерал, не только разным государственным, военным и общественным учреждениям и организациям России, но и русской прессе, относительно поголовного побега солдат и офицеров из вверенного Вашей команде, так наз. Сербского Добровольческого Корпуса.

Ознакомившись поверхностно с содержанием Вашего меморандума, я не мог одолеть своего отвращения к этому документу, и лишь через промежуток времени более шести недель я взялся за внимательное прочтение этого акта. Должен сознаться, что хотя в течение моего почти 20-летнего участия в политической жизни мне пришлось наблюдать довольно много самых возмутительных способов борьбы, но столь гнусного и подлого содержания, как Ваш меморандум, я до сих пор еще не встречал.

Мне истинно жаль, генерал, что мне приходится на столбцах газеты связывать Вас с поступком, за который Вы несете непосредственную ответственность, но назвать который его настоящим именем я стесняюсь. Я хочу, по крайней мере, пока немного подождать и дать Вам, таким образом время обдумать еще раз, что Вы натворили, дать Вам возможность самому исправить преступление, которое Вы совершили.

Что пишете Вы в меморандуме?

¹ Это открытое письмо, в форме публичной полемики с генералом Живковичем.

Вы непременно хотите внушить русской общественности, что инцидент в б. сербском корпусе не был вызван внутренними причинами, а влиянием внешним. Для этой цели меморандум не ограничивается лишь одним искажением фактов, вроде того, что к инциденту не присоединились Сербы (хотя всем известно, что среди выступивших из Вашего корпуса находится даже несколько тысяч Сербов), но и конструируете довольно сложный роман о прямом участии самого Штюрмера в развале в корпусе. Но Вы не говорите только об его изменнических замыслах, о том что он лелеял мысль о расформировании корпуса и для этой цели даже "образовал тайный денежный фонд и собрал агентов для работы в этом деле", чтобы таким образом создать впечатление, что развал в корпусе не является прямым последствием образа действий сербских офицеров, прибывших с острова Корфу для высшего командования Корпусом, а только "делом рук Штюрмера и прочих агентов австро-германской политики". Вы и указываете на нескольких лиц, через посредство которых стремился Штюрмер вызвать в корпусе соответствующее положение, и прибавляете, что "ярким доказательством этого служит найденный тайный архив Штюрмера". Вообще насчет этих документов Вы очень щедры, предлагая несколько раз их представление всем желающим.

Пользуясь случаем, категорически требую документального доказательства Ваших обвинений, красной нитью проходящих на многочисленных страницах меморандума. Делаю это не из любопытства, а потому, что Вы приводите мою фамилию между "темными силами штюрмеровских агентов", согласно Вашим словам, "как служащего тайной полиции; доказательства чего находятся в архиве Штюрмера".

Первый в моей жизни были Вы, который осмелился сказать, что я состояла на службе какого-нибудь правительства в мире и при этом еще — как тайный полицейский агент! Решительно не понимаю: безумие ли это или кульминация человеческой подлости? И при этом иметь еще смелость утверждать, что об этом есть документы налицо! Неужели Вы не краснеете?

Меморандум недостоверно приводит даже такие второстепенные мелочи, о которых было весьма нетрудно Вам справиться, как напр. об О[щест]-ве "Крижанич" в Москве, которое не только я не

организовал и во главе которого я никогда не стоял, но вообще членом которого я никогда не был.

Хочу на этом месте изложить в нескольких словах суть всего этого дела, поскольку я к нему причастен, так как хочу помочь Вам вспомнить о происшедшем. Письмо это будет, в свою очередь, послано также Вашему Верховноглавнокомандующему, из чего Вы видите, что я принимаю против Вашего поступка серьезные шаги и буду крайне настойчив в этом деле, потому что, оскорбив меня, Вы в своем меморандуме одновременно бросаете тень и на всех Словенцев, Хорватов и Сербов, вышедших из Корпуса, чтобы тем самым не только политически дискредитировать, но и морально убить всю югославянскую ирреденту в глазах Русских.

Летом 1916 г. впервые дошли до меня слухи о безобразиях, которые творили большинство офицеров с о.[строва] Корфу.

Я с ужасом следил за тем, как эти офицеры неделями уничтожают то, что десятками лет с таким трудом и со столькими жертвами создавала югославянская ирредента. Отъезд в местопребывание Корпуса, Одессу, от имени Югославянского Комитета в Лондоне депутата хорватского сейма д-ра Поточняка дал мне некоторую надежду, что дело наладится. Вы знаете, что в конце концов уехал от Вас и Поточняк, не добившись изменения положения. Добровольцы жаловались официально сербскому консулу в Одессе, они были и у Вас лично, и Вы заявили, что насилия над добровольцами не одобряете, — а что Вы сделали для прекращения безобразий? Если у Вас самого не было сил и желания укротить тех офицеров, о которых идет речь, как могли справиться с ними добровольцы?

В октябре мною было получено из Корпуса несколько писем, полных отчаяния. Добровольцам остался последний исход — апеллировать к России. "Неужели Русские допустят, чтобы под их покровительством сербские офицеры обманывали, оскорбляли, обкрадывали, избивали, морили голодом, терзали, били и убивали солдат и офицеров Корпуса?" Вот что меня спрашивали в письмах, и вот почему они начали усиленно просить меня интервенировать перед Русским Правительством. Тогда я обратился к высшей власти и рассказал там всю правду. Дело русского вмешательства было сложное ввиду того, что корпус пользовался экстерриториальностью, и потому мне посоветовали изложить свою жалобу не

русским военным властям, а в виде письма на имя министра иностранных дел. Письмо это было мною передано через начальника одного из департаментов. Скоро я узнал, что был дан приказ ген. Брусилову, тогда еще главнокомандующему ю.[го]-з.[ападного] фронта, исследовать это дело, и, к сожалению, узнал впоследствии, каким образом было выполнено это поручение ген. Чистяковым не без содействия ген. Маркса, начальника штаба Одесского воен.[ого] округа. Так как меморандум намекает на то, что этому моему письму был дан ход "с известными пропусками", и что "он (Штюрмер) не смел его в целости доставить ген. Брусилову", то могу услужить Вам, генерал, опубликованием этого письма в следующем номере этой газеты. Если это будет новая неприятность для Вас, то это не мое дело, о чем предупреждаю Вас заранее.

Хотя письмо, как будет видно по его опубликованию, было очень тревожного содержания, но все-таки я должен сознаться, что меня тогда немного удивило, как энергично и серьезно русское правительство взялось за это дело. Я перестал удивляться после того, как узнал немного времени спустя — надеюсь это для Вас не секрет, — что почти одновременно предъявило свой протест по этому поводу также американское посольство в Петрограде...

Что дело даже после этого во вверенном Вам корпусе не наладилось, в этом виноваты Вы сами. Видно, это было Вам не по силам, т. к. в Вашей власти было очистить корпус от тех офицеров, которые являлись виновниками всего этого скандала.

Второй шаг был предпринят при новом правительстве, когда военным министром был Гучков. За этот шаг, хотя он был непосредственно сделан не мною, а одним из моих друзей, Русским, я беру ответственность на себя. Революция в России потрясла почву для материального и морального террора офицеров с о.[строва] Корфу. Добровольцы не хотели больше иметь с ними дело и ходатайствовали о переводе в русскую армию. Когда узнал из этой бумаги, которую могу опубликовать, недавно уволенный сербский посланник Спалайкович, что дело обстоит серьезно, тогда только начались уступки, концессии и пр. с Вашей стороны. Но тогда было уже слишком поздно, а возможный компромисс испорчен целым рядом интриг, которые предпринимали и предпринимают даже в последнее время все явные и тайные агенты Вашего посольства в Петрограде, Одессе и в Главной Ставке.

Если хотите узнать мой личный взгляд на все это дело, могу заявить, что я жалел и жалею до сего числа, что югославянское дело в России взяли в свои руки люди, которые получали субсидии и содержания от Вашего Правительства, и вследствие этого всецело зависели от Спалайковича и его сподвижников, которые никогда не имели никакого отношения к югославянской ирреденте и потому не могли оценить и понять этих революционеров, которые подняли флаг югославянского восстания против тиранского австро-венгерского ига не для того, чтобы попасть под иго офицеров-мегаломанов с о.[строва] Корфу. Зато Спалайкович и прочие, которые себе узурпировали право выступать от имени югославянской ирреденты и распоряжаться идеями, территорией, жизнью и имуществом этих революционеров, всем хорошо известны, как ярые подстрекатели из истории сербо-болгарского конфликта. В тайфун действий этих паразитов попали, генерал, и Вы. Больше того, Вы не только бездействовали, но и сознательно пускали в свет неверные сведения и обвинения.

Пятно, которое Вы бросили на других, отскочило на Вас самого и будет лежать на Вас до тех пор, пока Вы не будете в состоянии снять его с себя. Если-же до 1-го августа с. г. Вы не исправите свой поступок, то тогда уже никаких преград больше в борьбе с Вами для меня существовать не будет.

Петроград, 7-го июля 1917.

Л. Тума.

Jugoslavija-Югославия, № 7–8, 3. VII 1917, с. 47–48.

**19. Обращение представителя сербской армии
при штабе Верховного главнокомандующего
полковника Б. Лонткиевича — начальнику штаба
Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту
А. С. Лукомскому, 14 июля 1917 г.**

По сведениям, полученным нашим правительством от уполномоченного Сербского правительства в Киеве, Сербской службы поручика Комненовича, в лагере военнопленных в Дарнице на-

ходитесь большое число бывших добровольцев сербского добровольческого корпуса. Эти бывшие добровольцы под влиянием нескольких диссидентов — бывших офицеров сербского корпуса, стараются всеми средствами затруднить нашим офицерам-делегатам дальнейшую вербовку добровольцев между пленными югославянской национальности, прибывающими в настоящее время с фронта в Дарницкий лагерь.

Упомянутые офицеры-диссиденты, в свою очередь собирают между пленными добровольцев, будто бы для ударных батальонов, между тем их намерение формировать отдельный отряд югославян в противоположность уже существующему в Одессе, на основании соглашения русского с сербским правительством, добровольческому корпусу сербов, кроатов и словенцев.

Россией и остальными союзниками официально признано стремление югославян освободиться и объединиться в одно целое. Приведение этой идеи в исполнение в тесном согласии со всеми союзниками возложено на официально существующий в Лондоне центральный югославянский комитет.

Сербское правительство, в согласии с упомянутым комитетом, в свое время возбудило перед русским правительством вопрос о формировании в России отряда — корпуса из пленных югославянской национальности, что и было осуществлено в Одессе, при содействии русских военных властей и командированных для этого из Сербии сербских офицеров.

В последнее время вербовка добровольцев югославян почти совсем прекратилась, главным образом из-за того, что в лагере военнопленных в дарнице ведут непозволительную агитацию диссиденты — бывшие офицеры и солдаты сербского добровольческого корпуса. В своей агитации они не останавливаются ни перед какими ругательными словами по адресу Сербии, Сербского корпуса и сербских офицеров, как и по адресу самой идеи, которую этот корпус, по соглашению со всеми союзниками и югославянским комитетом преследует.

На днях одна сербская дивизия уходит на фронт, что вызывает значительные в ней потери; сербская армия, действующая на Салоникском фронте нуждается в большом запасе людей для своего пополнения, единственным источником которого являются добровольцы югославяне.

Все это заставляет сербское правительство и сербскую Верховную команду обратиться к русскому правительству с убедительной просьбой создать возможность дальнейшего вербования добровольцев из пленных югославын и облегчить эту деятельность уполномоченным органам сербского правительства.

Для успешной работы необходимо:

Признать только одну организацию югославын, а именно состоящую под руководством официально существующего югославянского комитета, утвержденного всеми союзниками.

Такой организацией югославын в России является ныне существующий в Одесском округе корпус сербов, хорватов и словинцев.

Всякая другая, помимо этой, организация, подобно вышеупомянутой Киевской, созданной офицерами-диссидентами, является незаконной и противу желания официального центрального югославянского комитета.

Необходимо всех диссидентов — бывших добровольцев сербского корпуса удалить из Дарницкого лагеря и лишить их возможности своей злоумышленной и несоответствующей истине агитацией, влиять на вновь прибывающих с фронта пленных югославянской национальности, убеждая их не поступать в сербский корпус в Одессе, откуда впоследствии они будут отправляться в Солунь для пополнения сербской армии.

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 204 — 205.

20. Дежурный генерал при Верховном главнокомандующем генерал-майор Г. И. Кортацци — командующему войсками Киевского военного округа, 22 августа 1917 г.

Вследствие возбужденного несколькими офицерами из числа вышедших из состава Сербско-Кроато-Словенского добровольческого корпуса ходатайства о разрешении им провести набор среди вышедших из того же корпуса солдат для формирования особых ударных частей и рабочих дружин из добровольцев, Верховным главнокомандующим, в виде исключения, было дано согласие на

вызов этими офицерами из числа солдат-диссидентов желающих поступить в ударные отряды и рабочие дружины.

Принимая во внимание, что при вербовке добровольцев в ударный батальон среди сосредоточенных в Дарнице военнопленных юго-славян офицеры-диссиденты позволяли себе прибегать не только к агитации, направленной против Сербо-Кроато-Словенского добровольческого корпуса, но и отзываться враждебно по отношению к союзной нам Сербии и ее армии, а также вести пропаганду, вредную для самой идеи юго-славянского единения, Верховный главнокомандующий приказал военную агитацию, а также дальнейшую вербовку добровольцев в ударный батальон названными офицерами совершенно прекратить, и ходатайство их о развертывании ныне существующего ударного батальона в ударный отряд отклонить; вместе с тем он, однако, не встречает препятствий к поступлению в таковой офицеров и солдат, вышедших из Сербо-Кроато-Словенского добровольческого корпуса и поступивших затем в русские войска.

Ввиду же того, что вербовка офицерами-диссидентами среди бывших добровольцев Сербо-Кроато-Словенского корпуса, а также дополнительный опрос таковых особой комиссией, образованной штабом Киевского военного округа, должны считаться вполне законченными, Верховный главнокомандующий приказал:

а) Безотлагательно отправить на юго-западный фронт вышеуказанный ударный батальон в 500 человек, включив в состав его офицеров-диссидентов, производивших вербовку, а также 18 человек, дополнительно заявивших комиссии Киевского военного округа о своем желании поступить в этот батальон.

б) Выразивших желание поступить в русские войска теперь же направить в части юго-западного фронта.

в) Рабочие дружины и заявивших желание поступать в таковые отправить из Киева и его окрестностей или оставить в районе армий юго-западного фронта, или направить во внутренние округа.

г) Выразивших желание возвратиться на положение военнопленных, а также всех возвратившихся или пойманных из числа бежавших — безотлагательно отправить во внутренние округа, причем лишить их права ношения сербской формы.

д) Принять все меры, чтобы в Киеве, Дарнице и их окрестностях не находилось более ни офицеров, ни солдат из числа бывших добровольцев Сербо-Кроато-Словенского корпуса.

е) Впредь допускать вербовку добровольцев среди военнопленных австрийцев юго-славянских национальностей (сербов, кроатов и словенцев) лишь на следующих основаниях:

Вербовка должна производиться особой комиссией, образованной штабом Киевского военного округа, совместно с представителем сербского правительства, поручиком Комненовичем, причем сначала вербуются желающие поступить в русскую армию, далее желающие быть зачисленными в рабочие дружины и наконец добровольцы для пополнения потерь в ныне существующем ударном батальоне, коему присвоить название "Особый ударный батальон", не называя его "югославянский".

По окончании вербовки и опроса добровольцы соответственных категорий безотлагательно отправляются по назначению, как указано выше в п.п. а, б, и в; все остальные военнопленные немедленно отсылаются во внутренние округа.

Подписали:

генерал-майор Кортацци;

*Начальник организационного отдела, генерального штаба
полковник Моторный.*

Скрепил: *Начальник III отделения организационного отдела,
генералштаба подполковник Грейм.*

РГВИА. Ф. 2003., оп. 2., д. 330. Л. 246–247.

Список сокращений

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
АС — Архив Сербии
АЈ — Архив Югославии
ВА — Военный архив (Сербии)
ВО — Военный округ
ГЕНКВАРІОЗ — Начальник Управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта в русской армии
ДЕГЕРУМ — Дежурный генерал штаба Румынского фронта
ИНТЕНКР — Интендантская служба корпуса
ИНТЕНРУМ — Интендантская служба штаба Румынского корпуса
НАЧВОСО — Начальник военных сообщений
НАШТАВЕРХ — Начальник штаба Верховного главнокомандующего в русской армии
НАШТАЮЗ — Начальник штаба Юго-Западного фронта в русской армии
ОЧСНВ — Организация чехословацкого народного веча в России
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РУМЧЕРОД — Центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта Черноморского флота и Одессы
СНАБРУМ — Управление снабжения Румынского фронта
СХС — Сербы, Хорваты и Словенцы
УПВОСО — Управление военных сообщений
ШТАРУМ — Штаб Румынского фронта

Список источников и литературы

Кроме российских (АВПРИ, РГВИА, РГВА ВМФ) и сербских (АС, АЮ, ВА) архивов были использованы:

Опубликованные источники

1. Četrdeset godina. Zbornik sećanja aktivista jugoslovenskog revolucionarnog radničkog pokreta. I. 1917–1929. Београд, 1960.
2. Dobrovoljci kladivarji Jugoslavije: 1912–1918 (zbrali in uredili Turk Ernest, Jeras Josip, Paulin Rajko), Ljubljana/Maribor 1936.
3. *Horvat J.* Živjeti u Hrvatskoj. Zapisci iz nepovrata 1900–1941. Zagreb, 1984.
4. *Išović K.* Odjeci i uticaji oktobarske revolucije na prilike u radničkom pokretu Bosne i Hercegovine (1917–1921) / Građa, Glasnik arhiva i Društva arhivskih radnika Bosne i Hercegovine 7, 1967. С. 283–570.
5. Југословенски добровољачки корпус у Русији. Београд, 1954.
6. Југословенски добровољци 1914–1918. Зборник докумената. Београд, 1980.
7. Sarajevski atentat, Pisma i saopštenja. Sarajevo, 1965.
8. Učesnici u oktobarskoj revoluciji i odjeci oktobra prema dokumentaciji istorijskog arhiva Pančevo 1917–1967, „Informator“ 7, Pančevo 1967.
9. *Vujošević U.* Pisma Ilije Mikića upućena Lenjinu i Komunističkoj internacionali (1919–1921) // Prilozi za istoriju socijalizma. 5. 1968. S. 539–578.
10. *Антић А.* Белешке. Зајечар, 2010.
11. Аустро-Угарска и Србија 1903–1918 Документи из Бечских архива. Београд, 1973.
12. *Брусилов А.А.* Воспоминания. М., 1963.
13. Велики рат Србије за ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца (ВРС). 13. Београд, 1927.
14. *Вишняков Ј., Тимофеев А., Милорагович Г.* Армија без државства. От сербског к југославанском добровољачком корпусу в Русији во време Первој мировој војни. Сборник докумената. М., 2014.
15. *Вукичевић Л.* Успомен из Октобарске револуције // Зборник Матице српске за друштвене науке 22. С. 129–145.
16. *Грујић Р.* Апологија српског народа у Хрватској и Славонији. Београд, 1989.

17. *Груловић Н.* Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962.
18. *Дедијер В.* Јосип Броз Тито: Прилози за биографију. Београд, 1953.
19. *Драшкић П.* Моји мемоари. Београд, 1990.
20. *Ђурић А. Д.* Ка победи. Ратни дневник. Београд, 1938.
21. *Карађорђевић Петар.* Ратни дневник, 1915–1916. Године. Приред. Д. Живојиновић. Београд, 1984.
22. Константинополь и проливы по секретным документам бывшего министерства иностранных дел. М., 1925.
23. *Кригер-Войновский Э. Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. М., 1999.
24. *Максимовић В.* Споменица прве српске добровољачке дивизије: 1916–1926. Београд, 1926.
25. *Мартиновић М.* Ратне године 1912–1916. Београд, 1996.
26. Международные отношения в эпоху империализма / Документы из архивов царского и Временного правительств / (МОЭИ). Сер. III. 1914–1917. VI, 2. М.; Л., 1935.
27. *Меңзелинцев Н.* Партизаны 1915 года // Военная быль. № 86 (июль). Париж, 1967.
28. *Миланковић Ј. Д.* Успомене из Сибира 1918–1919. и пут океаном у домовину 1920, Београд 1926.
29. *Миловановић К.* Дневник Косте Миловановића Пећанца: од 1916. до 1918. године. Београд, 1998.
30. *Младеновић Б.* Наредбе, извештаји и писма војвода и четовођа Топличког устанка. Лесковац, 1992.
31. М. — Србија, Београд — Русија: документа и материјали. Т. 2, Друштвено-политичке и културне везе 1804–1878. М.; Београд, 2011.
32. М. — Србија. Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т.3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917. М.; Белград, 2012.
33. Палата Русија — Како је постала палата Русија — Како изгледа? — Шта кошта? // Политика. 1908. 9 јануар.
34. Погибија код Чеврнтије. Поновно суђење ђенералу г. Влад. Кондићу, бившем команданту тимочке дивизије // Политика. № 4993. 18 марта 1922.
35. *Потанов Н.М.* Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма. 1902–1915гг. I-II. М.; Подгорица, 2003.
36. *Руг Д.* Вдоль фронта. М.; Л., 1928.

37. Русские о Сербии и сербах. СПб, 2006.
38. Сегодня столица почтит память павших русских воинов // Политика. 24 май 1935 г. №9701.
39. Синяя книга. Сербская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. Пг., 1915.
40. *Скорогумовъ М. Ф.* Шта треба да зна, сваки Словен, а нарочито словенски политичар. Београд, 1939.
41. *Скрынченко Д.В.* Обрывки из моего дневника / Предисловие и подготовка текста: Колмакова В.Б. М., 2012.
42. *Соловьев Ю. А.* Воспоминания дипломата 1893–1922. М., 1959.
43. *Станојевић В.* Историја српског војног санитета. Наше ратно санитарско искуство. Прир. Јовановић М., Перишић М. Београд, 1992.
44. Стенографске белешке Привременог народног представништва Краљевства СХС, I–II, Загреб, 1920.
45. Топлички устанак 1917.: збирка докумената. Београд, 2007.
46. *Трбић В.* Мемоари. Књ 1–2. Београд 1996.
47. *Трубецки Г.Н.* Рат на Балкану 1914–1917. и руска дипломатија. Београд, 1994.
48. *Ђоровић В.* Црна књига. Патње Срба Босне и Херцеговине за време светског рата 1914–1918. Сарајево, 1920.
49. Участие югославянских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1976.
50. *Шкуро А.* Записки белого партизана. Буэнос Айрес, 1961.
51. *Штрандман В.* Балканске успомене. I. 1–2. Београд, 2009.
52. *Штрандман В.* Балканские воспоминания. М.: Книжница, 2014.

Литература

Монографии и тематические сборники

1. *Bjelajac M.* Vojska Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1918–1921. Beograd, 1988. 2. *Bjelajac, M.* Jugoslovensko iskustvo sa multietničkom armijom 1918-1991. Beograd, 1999.
3. *Csonkaréti K., Benczúr L.* Haditengerészek és folyamőrök a Dunán 1870–1945. Zrínyi, 1991.
4. *Čulinović F.* Odjeci Oktobra u jugoslavenskim krajevima. Zagreb, 1957.
5. *Dedijer V.* Sarajevo 1914. Knj. II. Београд, 1978.
6. Die serbische und montenegrinische Armee. Wien, 1913.

7. Donau-Schiffahrts-Museum Regensburg Sonderband: 175 Jahre Erste Donau-Dampfschiffahrts-Gesellschaft 1829–2004. Regensburg, 2004.
8. *Ehrhardt A.* Der Kleinkrieg. Geschichtliche Erfahrungen und künftige Möglichkeiten. Potsdam, 1934.
9. Fisher Fritz Germany's War Aims in the First World War. New York, 1967.
10. Historija naroda Jugoslavije. Zagreb, 1953.
11. Jelavich Barbara History of the Balkans. Cambridge, 1983.
12. *Jelavich Barbara.* A Century of Russian Foreign Policy 1814–1914. Philadelphia: Lippincott, 1964.
13. *Jelavich Barbara.* The Habsburg Empire in European Affairs, 1814–1918. Chicago: McNally, 1969.
14. *Јовановић Л.* После Видовдана 1914. Крв словенства. Споменице десетт.ишњице светског рата 1914–1924. Београд, 1924.
15. *Leon G.B.* Greece and the Great Powers 1914–17. hessaloni ue, 1974.
16. *Leontaritis G.A.* Greece and the First World War: From Neutrality to Intervention, 1917–1918. New York, 1990.
17. *Оčак I.* Krleža — partija. Miroslav Krleža u radničkom i komunističkom pokretu 1917–1941. Zagreb, 1982.
18. *Pawlik G., Christ H., Winkler H.* K.U.K. Donauflottille, 1870–1918. Graz, 1989.
19. *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1978. Beograd, 1980.
20. *Prasky F.* Die Donaumonitoren Österreich–Ungarns. Von 1872 bis zur Gegenwart. Wien-Graz, 2004.
21. *Rothenberg G.E.* The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1998.
22. Seton-Watson R Europe in the melting-pot. London, 1919.
23. Učešće jugoslovenskih radnih ljudi u Oktobarskoj revoluciji i građanskom ratu u SSSR. Beograd, 1979.
24. Агонија Београда у светском рату. Београд, 1931.
25. *Айрапетов О.А.* Участие Российской империи в Первой мировой войне(1914–1917). Т. 1. 1914, Начало. Т. 2. 1915, Апогей. М., 2014.
26. *Айрапетов О.Р.* Генерали, либерали и предузетници: рад за фронт и за револуцију: (1907–1917). Београд, 2005.
27. *Антонијевић Баталака Л.* Историја српског устанка. Књ. I. 1898.
28. *Астафьев И.И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. М., 1972.
29. *Баскин Ю.Я., Рыжиков А.И.* Дунайское судоходство и его правовой режим в XX в. Измаил, 1958.
30. *Батаковић Д.* Нова историја српског народа. Београд, 2000.

31. *Батрићевић Ђ.* Црногорци у руско-јапанском рату. Цетиње, 1996.
32. *Белаяц М.* Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах первой мировой войны. М., 2015.
33. *Богаевский А.П.* Ледяной поход. Воспоминания 1918 г. Нью-Йорк, 1963.
34. В «пороховом погребке Европы» 1878–1914. М., 2003.
35. *Валентинов Н.А.* Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. Ч. 1. М., 1920.
36. Великая забытая война. М., 2009.
37. *Вершигора П.П.* Военное творчество народных масс. М., 1961.
38. *Виноградов В.Н., Карасев А.В., Соколовская О.В.* За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.
39. *Виноградов В.Н.* Двуглавый российский орел на Балканах 1683–1914. М., 2010.
40. *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог первой мировой войны. Л., 1964.
41. *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог Первой мировой войны. Л., 1964;
42. *Вишняков Я.В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., МГИМО. 2016.
43. *Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорагович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сб. док. М., 2014.
44. *Влахов Т.* Отношения между България и Централните сили по време на войната. 1912–1918 г. София, 1957.
45. *Волков В.К.* "Дранг нах остен" и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871–1918. М., 1977.
46. *Вуксановић-Анић Д.* Стварање модерне српске војске. Београд, 1993.
47. *Вулф О.Р.* Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918. Санкт-Петербург, 2004.
48. *Гаврилов С.* Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. 1710–1918. М., 2011.
49. *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић I: Уједињење српских земаља. Београд, 1996.
50. *Головин Ю.Н.* Русские войска во Франции и на Салоникском фронте. Париж, 1933.
51. *Готлиб В.В.* Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М., 1960.

52. Груловић Н. Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962.
53. Данилов Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах (1916–1918 г.г.). Париж, 1933.
54. Дедијер В. Сарајево 1914. Београд, 1966.
55. Дерок Ј. Топлички устанак и оружани отпор у окупираној отаџбини 1916–1918. године. Београд, 1940
56. Димић Љ., Рагојевић М., Србија у Великом рату 1914–1918: Кратка историја. Београд, 2014.
57. До и после Версаля: политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009.
58. Дранов Б.А. Черноморские проливы. Международно-правовой режим. М., 1948.
59. Драшковић Р. Преторијанске тежње у Србији: Апис и "Црна рука". Београд, 2006.
60. Дробов М.А. Малая война: партизанство и диверсии. М., 1931.
61. Ђорђевић Д. Излазак Србије на Јадранско море и Конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956.
62. Ђорђевић Д. Царински рат Аустро-Угарске и Србије 1906–1911. Београд, 1962.
63. Екмечић М. Планови за герилски рат године 1914 / Радови из историје Босне и Херцеговине XIX века. Београд, 1997.
64. Екмечић М. Ратни циљеви Србије: 1914–1918. Београд, 1992.
65. Екмечић М. Стварање Југославије 1790–1918. Т. 2. Београд, 1989.
66. Живановић М. Пуковник Апис. Солунски процес хиљаду деветсто седамнаесте. Београд, 1955.
67. Живојиновић Д.Р. Невольни ратници, велике силе и Солунски фронт 1914–1918. Београд, 2008.
68. За балканским фронтами Первой мировой войны. М., 2002.
69. Звонарев К.К. Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. (Репринт издания 1929 г.). Киев, 2005.
70. Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России 1917–1921. М.: Мысль, 1977.
71. Зундхаузен Х. Историја Србије од 19. до 20. века. Београд, 2008.
72. Искенедеров П.А. Сербо-албанское разграничение и общественно-политическая ситуация в Сербии 1913–1914 гг. /Человек на Балканах.

- Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.) СПб., 2009.
73. Историја Југославије. Београд, 1972.
74. История Югославии. М., 1963.
75. *Јовановић М.* Криза историје — српска историографија и друштвени изазови краја 20. и почетка 21. века. Београд, 2009.
76. *Јовановић М.* Срби и Руси, 12–21. век: историја односа. Београд, 2012.
77. Југословенски добровољачки корпус у Русији: прилог историји добровољачког покрета (1914–1918). Београд, 1954.
78. *Каратыгин П.* Партизанство: начальный опыт тактического исследования. Харьков, 1924.
79. *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.
80. *Квачков В.В.* Теория и практика специальных действий. М., 2004.
81. *Киняпина Н. С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994.
82. *Клембовский В.Н.* Партизанские действия. Исследование. Издание, дополненное данными о партизанских действиях на русском фронте в войну 1914–1917 гг. Петроград, 1919.
83. *Клембовский В.Н.* Партизанские действия. С.-Петербург, 1894.
84. *Корсун Н.Г.* Балканский фронт мировой войны 1914–1918 гг. М., 1939.
85. Лексикон Првог светског рата у Србији. Београд, 2015.
86. *Лобачева Ю.* Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. М.; СПб., 2014.
87. *Лопушина М., Лопушина Д., Хотел М.* — првих 100 година. Београд, 2008.
88. *Лунева Ю.В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907–1914). М., 2010.
89. *Љушић Р.* Кнежевина Србија: (1830–1839). Београд, 1986.
90. *Маккензи Д.* Апис. Гениальный конспиратор. М., 2005.
91. Малая война (самостоятельный вид войны, ведомой слабою стороной против сильного противника). Извлечение из тактики Балка. Издается как практическое руководство для командного состава. М., 1919.
92. *Микић Ђ.* Аустроугарска ратна политика у Босни и Херцеговини 1914–1918. Бања Лука, 2011.

93. *Милићевић М.* Пруга ка Јадрану: кратка историја железничке кампање Србије за продор на Јадранско море. Београд (Приштина — Лепосавић), 2007.
94. *Милорадовић Г.* Карантин за идеје. Логори за изолацију „сумњивих елемената“ у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 2004.
95. *Милорадовић Г.* Карантин идей. Лагеря для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М., 2010.
96. *Митровић А.* Продор на Балкан. Србија у плановима Аустро-Угарске и Немачке 1908–1918. Београд, 1981.
97. *Митровић А.* Србија у првом светском рату. Београд, 1984.
98. *Митровић А.* Устаничке борбе у Србији 1916–1918. Београд, 1987.
99. *Мицић М.* Српско добровољачко питање у Великом рату (1914–1918), Ново Милошеви, Београд 2014.
100. *Негућ М. Ђ.* Српска војска и солунска офанзива. Београд, 1932.
101. *Негоч А.* Балкански ратови 1912–1913.: рад српског војног санитета. Београд, 2012.
102. *Николић К.* Большевизација Комунистичке партије Југославије 1919–1929. Историјске последице. Београд, 1994.
103. *Нити Ф.* Большевизам, фашизам и демократија. Београд, 1927.
104. *Опачић П.* Солунска офанзива 1918. Београд, 1980.
105. *Опачић П.* Србија и Солунски фронт. Београд, 1984.
106. *Очак И.* Југословени у Октобру. Београд 1967.
107. *Павловић Ж.Г.* Битка на Јадру августа 1914. Београд, 1924.
108. *Павловић М., Младеновић Б.* Коста Миловановић — Пећанац. Београд, 2003.
109. *Павловић С.* Србија. Историја иза имена. Београд, 2004.
110. *Паламарчук С.В.* Забытая земля: историческая область Бессарабия. Одесса, 2008.
111. *Панов Т.* Партизански набеги. Софија, 1911.
112. *Пејић П.* Четнички покрет у краљевини Србији 1903–1918. Крагујевац, 2007.
113. Первая мировая война. Пролог XX века. М.: Наука, 1998.
114. *Перовић М.* Топлички устанак 1917. Београд, 1971.
115. *Петровић И.* Српски добровољци 1912–1918. Бројке и судбина. Нови Сад, 2001.
116. *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав, 1916 г. М., 1993.

117. *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.
118. *Писарев Ю.А.* Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990.
119. *Поповић Ђ.* Лига народа. Њен постанак, уређење и рад. Београд, 1931.
120. *Поповић Н.Б.* Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. Београд, 1977.
121. *Поповић Н.Б.* Односи Србије и Русије у Првом светском рату (1914–1918). Београд, 1977.
122. *Поповић Н.Б.* Србија и царска Русија. Београд, 1994;
123. *Поповић Н.Б.* Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. Београд, 1977.
124. *Поповић Н.Б.* Срби у грађанском рату у Русији 1918–1921. Београд, 2005.
125. Практика малой войны в оккупированной Сербии. Об. Рыбаков по данным ген. Керхнаве и кап. Маули. М.: ВА РККА им М.В. Фрунзе, 1936.
126. *Ракочевић Н.* Црна Гора у Првом свјетском рату: 1914–1918. Титоград, 1969.
127. *Распоповић Р.* Црна Гора и Русија: огледи и есеји. Београд – Подгорица, 2005.
128. *Ристовић М.* Црни Петар и балкански разбојници. Балкан и Србија у немачким сатиричним часописима (1903–1918). Београд, 2011.
129. *Ронге М.* Война и индустрия шпионства. М., 2000.
130. *Ронге М.* Разведка и контрразведка. М., 1939.
131. Россия на Сербском фронте Первой мировой войны. Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914–1918 гг. / Сост. Тимофеев А.Ю., Кремич Д. М., 2014.
132. *Селесковић, М.* Србија у немачком јавном мњењу 1914–1916. Београд, 1996.
133. *Семиз Д.И.* Австрийские сербо-хорваты и Сербия. М., 1916.
134. *Сергеев Е.Ю.* "Иная земля, иное небо...". Запад и военная элита России (1900–1914 гг.) М., 2001.
135. *Сергеев Е.Ю., Улуњан Ар.А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. М., 2003.
136. *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010.

137. Српски војни санитет у Балканским ратовима. Прир. Поповић Б., Тодоровић В. Београд, 2012.
138. *Станић Ђ., Килибарга З., Марчек Ј.* Обука српске војске (1804–1918). Београд, 2007.
139. *Станковић Ђ.* Изазов нове историје. 2. Београд, 1994.
140. *Станковић Ђ.* Никола Пашић, савезници и стварање Југославије. Зајечар, 1995.
141. *Станоевић С.* Убијство аустројског престолонаследника Фердинанда. Прилози о питању о почетку светског рата. Београд, 1923.
142. *Стојановић Д.* Србија и демократија. Београд, 2003.
143. *Стојанов П.* Македонија во времето на балканските и првата светска војна (1912–1918). Скопје, 1969.
144. *Стојанчевић В.* Србија и српски народ за време рата и окупације 1914–1918 године. Лесковац, 1988.
145. *Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда, 1878–1912. Санкт-Петербург, 2007.
146. Топлички устанак 1917 // Ниш: Одбор за прославу десетогодишњице устанка. 1927
147. *Трипковић Ђ.* Српска ратна драма 1915–1916. Београд, 2001.
148. *Трифунковић Б.* Живот под окупацијом: чачански округ 1915–1918. Чачак, 2010.
149. *Ђоровић В.* Историја Југославије. Београд, 1933.
150. *Ђоровић В.* Историја Срба. Ниш, 1999.
151. *Хорошилова О.А.* Всадники особого назначения. М., 2013.
152. *Храбак Б., Јанковић Д.* Србија 1918. Политика и напори Србије у ратној 1918. години. Београд, 1968.
153. *Џвијић Ј.* Излазак Србије на Адрију. Београд, 1913.
154. *Чиркович С.* История сербов М., 2009.
155. *Шевцова Г.И.* Россия и Сербия: Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). М., 2010.
156. *Шевцова Г.И.* Руска добротворна помоћ Србији у ратовима 1912–1917. Београд, 2010.
157. *Јаси О.* Распад Габсбургской монархии. М., 2011.

Статьи в научной периодике и в сборниках трудов

1. *Antić Ć.* Crisis and Armament: Economic Relations between Great Britain and Serbia / Balcanica. 2006. XXXVI.

2. *Bjelajac M.* Novi (stari) zapleti oko uzroka prvog svetskog rata pred obeležavanje 100. Godišnjice // okovi istorije. № 1. Beograd, 2013.
3. *Dutton D.* The Deposition of King Constantine of Greece, June 1917: An Episode in Anglo-French Diplomacy // Canadian Journal of History. 1977. 12(4).
4. *Hrabak B.* Delatnost članova udruženja "Ujedinjenje ili smrt" u Rusiji 1915–1918 godine // Istorija 20. veka zbornik radova. № 7. 1965.
5. *Hrabak B.* Dolazak organizovanih povratnika iz Sovjetske Rusije u Jugoslaviju 1918–1919. godine // Zbornik istorijskog instituta Slavonije. 4. 1966. S. 239–281.
6. *Ivetić V.* Struktura brojnog stanja srpske vojske na Solunskom frontu 1916–1918. godine // Vojnoistorijski glasnik. № 3. 1998. C. 122–130.
7. *Lainović A.* Nikola Pašić o dobrovoljačkom korpusu u Rusiji 1917 // Historijski zbornik XVIII, 1965. S. 215–218.
8. *Manusević A.* Učešće internacionalista u borbi za sovjetsku vlast u Rusiji 1917–1920 // Prilozi za istoriju socijalizma. 5. 1968. S. 319–346.
9. *Milenković T.* Stav jugoslovenske vlade prema povratnicima iz Sovjetske Rusije // Vojnoistorijski glasnik 2, 1968. S. 205–214.
10. *Sauer-Nordendorf E.* Die Strafuni: Das vergessene Grenzjäger-Streifkorps Österreich-Ungarns in Bosnien und der Herzegowina // Pallasch. № 3. 1998.
11. *Todorović D.* Stav Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca prema mirovnom ugovoru sa Turskom u Sevru 1920. godine // Istorija XX veka. Zbornik Radova. XI. 1970. C. 231–270.
12. *Айранетов О.Р.* На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II / Последняя война императорской России. М., 2002.
13. *Айранетов О.Р.* Русија између Србије и Бугарске у Првом светском рату // Годишњак за друштвену историју. 2003. X. № 1–3.
14. *Андрић А.* Дејство речних флотила на Дунаву, Сави, Тамишу и Тиси // Ратник. №XLI. Београд, 1925.
15. *Бонгарев Н.В.* Югосфера: новый вектор евроинтеграции или политическая фикция? // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 1 (10).
16. *Валентинов Н.А.* Русские войска во Франции и Македонии (По документам Ставки Верховного главнокомандующего) / Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. Вып. IV. М., 1920.

17. Вишняков Я.В. Боснийский кризис 1908–1909 гг. и славянский вопрос // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1.
18. Вучетић Б. Српска револуционарна организација у Османском царству на почетку XX века // Историјски часопис. № 1. 2006. С. 359–374.
19. Дукельский В. Добровольный Народный Флот (исторический экскурс) // Московский журнал. 2006. №8.
20. Ђокић Н., Раговановић Р. Борбе на Сави и Дунаву 1914–1915 // Весник војног музеја. №36. Београд, август 2009.
21. Емец В.А. Позиция России и ее союзников по вопросу о помощи Сербии осенью 1915 г. // Исторические записки. №75, М., 1965.
22. Илић Н.П. Борбена искуства 1917. и њихово прилагођавање у устанку 1941.године // Лесковачки зборник. № 28. 1988.
23. Йованович М. "Умереть за Родину". Первая мировая война, или столкновение "обычного человека с тотальной войной" / Последняя война императорской России. М., 2002.
24. Йованович М. Ленинским курсом: Как русские защищали Белград от австрийских мониторов на Дунае (1914–1915) // Родина. 2010. №11.
25. Каширин В.Б. Несостоявшаяся экспедиция русских вооруженных сил на Балканы осенью 1915 года // Новая и новейшая история. №6. М., 2004.
26. Каширин В. Дунайская одиссея лейтенанта Григоренко // Родина. 2010. №11.
27. Каширин В.Б. Неотвращенная катастрофа союзника: Борьба на Балканском фронте в 1914–1915 гг. в суждениях русского военного агента при сербской Верховной Команде // Русский сборник. Выпуск III. 2006.
28. Кецојевић Д. "Рушење" мостова на Вардару — једна дипломатска превара 1914 // Вардарски зборник. №5. 2006.
29. Лобачева Ю.В. Сербия, Югославянский комитет и сербо-хорватословенская эмиграция в Америке в 1914–1916 гг. // Славяноведение. 2007. № 4.
30. Милошевић Б. Прогони Срба у Босни и Херцеговини послије атентата у Сарајеву // Историјске свеске. Бр. 3/2014. С. 26–32.
31. Митровић А. Сучељење са средњоевропским империјализмом / Историја српског народа. Т. VI. Кн. 2. Београд, 1983.
32. Младеновић Б. Топлички устанак — спонтана народна буна и организовани покрет отпора // Лесковачки зборник. № 28. 1988.

33. *Младеновић Б.* Топлички устанак 1917. године — (не) истраженост теме и могућност даљег истраживања // Баштина. 20/2. Приштина, 2006.
34. *Нарочницкиј А.А.* Велике државе и Србија у 1914 г. // Нова и новејша историја. №4. М., 1976.
35. *Обрадовић И.* Српска штампа о погромима Срба 1914 // Историјске свеске. Бр. 3/2014. С. 1–25.
36. *Опачић П.* Политика геноцида Аустроугарске против Срба у Првом светском рату // Војно-историјски гласник. №1–2. 1994.
37. *Очак И.* Из историје учасћа Југослава у борби за победу советске власти у Русији // „Октябарска револуција и зарубежне славајанске народи“ (уредник А.Ј. Манусевич), М. 1957. С. 271–327.
38. *Пејчић П.* Пуковник Александар Срб // Добровољачки гласник. № 24. 2004.
39. *Писарев Ј.А.* Војно сарадничтво Русије са Србијом и Црногорском у 1915 г. // Историјске записки. №106. М., 1981.
40. *Писарев Ј.А.* Руске војске на Салоникском фронту у 1916–1918 гг. // Историјске записки. Т.79. М., 1966.
41. *Писарев Ј.А.* Германско-аустријске планове на Балкану у време Прве светске ратне // Нова и новејша историја. 1973. № 2.
42. *Поповић Н.* Југословенска централна комунистичка организација у Русији (1918–1921) // Прилози за историју социјализма 5, 1969. С. 237–318.
43. *Поповић Ч.* Четничка школа у Прокупљу // Нова Европа, 10–11. Књ. IX. 1927.
44. Руске војске у Македонији // Часовој. 1970. № 527.
45. *Станић Ђ.* Дужни смо сачинити поименични списак српских ратних добровољаца 1912–1918 // Добровољачки гласник. №24. 2004. С. 5.
46. *Тимофеев А.Ю.* Планове одбране и «активних дејстава» Црвене војске на Балкану (1944–1945 гг.) // Балкани у европским политичким пројектима XIX–XXI вв. М., 2014.
47. *Тимофејева А.* Партија грађанског рата: припреме кадрова Коминтерне за извођење партизанског рата и револуције // Војно-историјски гласник. №2. 2009.
48. *Тимофејева А.* Српска герила у Балканским ратовима: културне, друштвене и политичке традиције четничког рата у Србији // Балкански ратови 1912/1913: нова виђења и тумачења. Београд, 2013.

49. *Трифонов Ю.Н.* Добровольчатка флотила; *Волков А.Н.* Добровольный флот России. Морская коллекция // Моделист-конструктор. 2007. № 6 (96).

50. *Шемякин А.А.* Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений // До и после Версаля: политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009.

51. *Шемякин А.А.* Югославянские народы и государства в начале XX в. Сербия. Первая мировая война. Рождение Югославии / Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011.

Научное издание

А. Ю. Тимофеев, Я. В. Вишняков, Г. Милорадович

Битва двуглавых орлов

**Очерки по истории русско-сербских отношений
в годы Первой мировой войны**

Ответственный за выпуск *О. А. Стрижак*

Редактор *С. Э. Цветков*

Корректор *Е. Ю. Лапина*

Художественное оформление *О. А. Фаренковой*

Компьютерная вёрстка *О. А. Фаренковой*

Сдано в набор 02.04.2016. Подписано в печать 14.04.2016.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная 80 г/м². Гарнитура "Baltica".

Цифровая печать. Уч.-изд. л. 26,38. Физ. печ. л. 28,5.

Тираж 500 экз. Заказ № 01/2016.

Оригинал-макет подготовлен федеральным государственным
научным бюджетным учреждением

"Российский институт стратегических исследований".

Отпечатано в типографии РИСИ.

125413, г. Москва, ул. Флотская, д. 15Б.